

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

КАЗАНСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

220-летие КФУ

Том 166

Книга 2

2024

Ученые записки Казанского университета.

Серия Гуманитарные науки

рецензируемый научный журнал

2024

Т. 166,

кн. 2

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ОСНОВАНЫ В 1834 ГОДУ

Редакционный совет

- Д.А. Таюрский* (председатель редакционного совета, главный редактор) – первый проректор – проректор по научной деятельности, д-р физ.-мат. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
- А.И. Алиев* – д-р юрид. наук, проф., Бакинский государственный университет, г. Баку, Азербайджанская Республика
- Й. Баберовски* – д-р наук, проф., Берлинский университет имени Гумбольдта, г. Берлин, Германия
- Б.А. Байтанаев* – д-р ист. наук, проф., Институт археологии имени А.Х. Маргулана Комитета науки МОН, г. Алматы, Республика Казахстан
- Б.М. Гонгало* – д-р юрид. наук, проф., Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург, Россия
- Л.П. Громова* – д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия
- А. Квятковская* – д-р психол. наук, Институт психологии, Польская академия наук, г. Варшава, Польша
- Х. Миклас* – д-р наук, проф., Венский университет, г. Вена, Австрия
- В.М. Мокиенко* – д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия; Университет им. Эрнста Морица Арндта, г. Грайфсвальд, Германия
- М.М. Мюллер* – д-р наук, проф., Лейпцигский университет, г. Лейпциг, Германия
- Л.П. Репина* – д-р ист. наук, чл.-корр. РАН, Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Россия
- Л. Росси* – проф. по рус. лит., Миланский государственный университет, г. Милан, Италия
- А.Г. Ситдиков* – д-р наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
- И.А. Тарханов* – д-р юрид. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
- Д.В. Ушаков* – д-р психол. наук, акад. РАН, Институт психологии РАН, г. Москва, Россия
- Т.Я. Хабриева* – д-р юрид. наук, акад. РАН, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия
- А.Н. Чумаков* – д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия
- М.Д. Щелкунов* – д-р филос. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Редакционная коллегия

- Е.А. Горобец* (зам. гл. редактора) – канд. филол. наук, доц., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
- Л.Р. Ахмерова* (секретарь) – канд. филол. наук, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
- Е.М. Абайдельдинов* – д-р юрид. наук, проф., Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева, г. Астана, Республика Казахстан
- Н.Ф. Аледфиренко* – д-р филол. наук, проф., Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия
- Б.С. Алишев* – д-р психол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
- С.А. Балащенко* – д-р юрид. наук, проф., Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь
- Д.Х. Валеев* – д-р юрид. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
- Г.А. Волков* – д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия
- Г.Х. Гилязетдинова* – д-р филол. наук, проф., Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия
- С.Ю. Головина* – д-р юрид. наук, проф., Уральская государственная юридическая академия, г. Екатеринбург, Россия
- О.Ф. Жолобов* – д-р филол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

А.М. Лушников – д-р юрид. наук, проф., Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, г. Ярославль, Россия
Н.Л. Лютлов – д-р юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, г. Москва, Россия
Д.Е. Мартынов – д-р ист. наук, доц., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
О.М. Мельникова – д-р ист. наук, доц., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Россия
Г.П. Мясков – д-р ист. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
И.А. Невская – д-р филол. наук, Институт филологии СО РАН, г. Новосибирск, Россия
Е.М. Николаева – д-р филос. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
В. Норман – д-р наук, проф., Университет Потсдама, г. Потсдам, Германия
Ф.Ш. Нуриева – д-р филол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
А.Н. Паикуров – д-р филол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
А.О. Прохоров – д-р психол. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
А.Н. Рарог – д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, г. Москва, Россия
Й. Ситко – д-р наук, проф., Прешовский университет в Прешове, г. Прешов, Словакия
М.В. Талан – д-р юрид. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия
Ю Хаймей – д-р права, Нанкинский педагогический университет, Институт правовой модернизации Китая, г. Нанкин, Китай
Й. Эккена – д-р юрид. наук, проф., Университет имени Юстуса Либига, г. Гиссен, Германия
Р. Ястиембски – д-р права, проф., Варшавский университет, г. Варшава, Польша

Научный редактор *Г.П. Мясков* – д-р ист. наук, проф., Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Редактор *Л.Р. Ахмерова*
Редактор английского текста *А.О. Кармазина*

Учредитель и издатель: ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-41876 от 27 августа 2010 г.

Журнал реферируется/индексируется в DOAJ, ROAD, EBSCO, eLIBRARY.RU, Google Scholar,
ERIH PLUS, CEEOL, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, КиберЛенинка.
Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Подписной индекс 19421. Цена свободная

Адрес издателя и редакции «Ученые записки Казанского университета»: 420008, Республика Татарстан, г. Казань,
ул. Кремлевская, д. 18
Телефон: (843) 233-73-01; e-mail: uz.ku@kpfu.ru; сайт: <http://kpfu.ru/uz-rus/gum>

Дата выхода в свет 28.06.2024.
Формат 70x 108/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 20,38. Уч.-изд. л. 18,15.
Тираж 300 экз. Заказ 96/6.

Отпечатано в типографии Издательства
Казанского университета
420008, Республика Татарстан, Казань,
ул. проф. Нужина, д. 1/37

Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta.

2024

Seriya Gumanitarnye Nauki

Vol. 166,

(Proceedings of Kazan University. Humanities Sciences Series)

no. 2

Peer-Reviewed Scientific Journal

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA FOUNDED IN 1834

Editorial Council

- D.A. Tayurskii* (Chairman of the Editorial Council, Editor-in-Chief) – First Vice-Rector – Vice-Rector for Scientific Activities, Doctor of Physics and Mathematics, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
A.I. Aliev – Doctor of Law, Professor, Baku State University, Baku, Republic of Azerbaijan
J. Baberowski – Doctor of History, Professor, Humboldt University of Berlin, Berlin, Germany
B.A. Baitanaev – Doctor of History, Professor, A.Kh. Margulan Institute of Archeology, Almaty, Republic of Kazakhstan
B.M. Gongalo – Doctor of Law, Professor, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia
L.P. Gromova – Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
A. Kwiatkowska – Doctor of Psychology, Institute of Psychology of Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland
H. Miklas – Doctor of Philology, Professor, University of Vienna, Vienna, Austria
V.M. Mokienko – Doctor of Philology, Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; University of Greifswald, Greifswald, Germany
M.M. Muller – Professor of Psychology, University of Leipzig, Leipzig, Germany
L.P. Repina – Doctor of History, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Institute of Universal History, Moscow, Russia
L. Rossi – Professor of Russian Literature, University of Milan, Milan, Italy
A.G. Sitdikov – Doctor of History, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
I.A. Tarkhanov – Doctor of Law, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
D.V. Ushakov – Doctor of Psychology, Member of Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology, Moscow, Russia
T.Ya. Khabrieva – Doctor of Law, Member of Russian Academy of Sciences, The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
A.N. Chumakov – Doctor of Philosophy, Professor, Moscow State University, Moscow, Russia
M.D. Schelkunov – Doctor of Philosophy, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Editorial Board of Humanities Sciences

- E.A. Gorobets* (Deputy Editor-in-Chief) – PhD in Philology, Associate Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
L.R. Akhmerova (Secretary) – PhD in Philology, Kazan Federal University, Kazan, Russia
E.M. Abaidel'dinov – Doctor of Law, Professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Republic of Kazakhstan
N.F. Alefirenko – Doctor of Philology, Professor, Belgorod State University, Belgorod, Russia
B.S. Alishev – Doctor of Psychology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
S.A. Balashenko — Doctor of Law, Professor, Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus
D.Kh. Valeev – Doctor of Law, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
G.A. Volkov – Doctor of Law, Professor, Moscow State University, Moscow, Russia
G.Kh. Gilazetdinova – Doctor of Philology, Associate Professor, Institute of Language, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russia
S.Yu. Golovina – Doctor of Law, Professor, Ural State Law Academy, Yekaterinburg, Russia
O.F. Zholobov – Doctor of Philology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
A.M. Lushnikov – Doctor of Law, Professor, P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia
N.L. Lyutov – Doctor of Law, Associate Professor, O.E. Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia
D.E. Martynov – Doctor of History, Associate Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
O.M. Mel'nikova – Doctor of History, Associate Professor, Udmurt State University, Izhevsk, Russia

G.P. Myagkov – Doctor of History, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
I.A. Nevskaya – Doctor of Philology, Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia
E.M. Nikolaeva – Doctor of Philosophy, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
W. Norman – Doctor of Science, Professor, University of Potsdam, Potsdam, Germany
F.Sh. Nurieva – Doctor of Philology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
A.N. Pashkurov – Doctor of Philology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
A.O. Prokhorov – Doctor of Psychology, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
A.N. Rarog – Doctor of Law, Professor, O.E. Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia
J. Sipko – Doctor of Science, Professor, University of Presov, Presov, Slovakia
M.V. Talan – Doctor of Law, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia
Yu Haimei – Doctor of Law, Nanjing Normal University, Institute for Chinese Legal Modernization Studies, Nanjing, China
J. Ekkenga – Doctor of Law, Professor, Justus Liebig University Giessen, Giessen, Germany
R. Yastshembski – Doctor of Law, Professor, University of Warsaw, Warsaw, Poland

Science Editor: *G.P. Myagkov* – Doctor of History, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Editors: *L.R. Akhmerova*
English Editor: *A.O. Karmazina*

Founder and Publisher: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
“Kazan (Volga Region) Federal University”.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technologies and Mass Media

Registration certificate PI No. FS77-41876 dated August 27, 2010.

The journal is abstracted and/or indexed in DOAJ, ROAD, EBSCO, eLIBRARY.RU, Google Scholar,
ERIH PLUS, CEEOL, Cyberleninka, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat.

The journal is included in the list of Russian peer-reviewed scientific journals publishing the main results
of dissertations for the Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees.

Subscription index: 19421. Free price

Contacts: Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta, ul. Kremlevskaya 18, Kazan, Republic of Tatarstan, 420008 Russia
Phone: (843) 233-73-01; e-mail: uz.ku@kpfu.ru; сайт: <http://kpfu.ru/uz-eng/hum>

Date of publication: June 28, 2024.
Page size: 70*108/16. Offset printing. Conventional
printing sheet: 20,38. Publisher's signature: 18,15.
Circulation: 300 copies. Order: 96/6.

Printed in KFU Publishing House
ul. Prof. Nuzhina 1/37, Kazan, Republic of Tatarstan,
420008 Russia

СОДЕРЖАНИЕ

К 220-летию Казанского университета

- Кукса А.Н.* Профессор М.Я. Киттары и техническое образование в Российской империи 7
- Валеев Р.М., Валеева Р.З., Иналджик Г., Миниханов Ф.Г., Рахимова Я.Р.* «Вас я знаю как маститого ученого и большого знатока восточных народностей, защитника их интересов в научной области...». Ученые и просветители Г. Рахим и Г. Саади (неопубликованные письма академику В.В. Бартольд 1927–1929 годов) 21
- Таймасов Л.А.* Профессор П.В. Денисов – воспитанник Казанского университета 37

История Древнего мира и Средних веков

- Онищенко Е.С.* *Хазаранат* в империи Ахеменидов: тысяченачальник или докладчик? 48
- Печатнова Л.Г.* Посмертное почитание царя Леонида в Спарте 64
- Шмелева Л.М.* Прием послов в римском Сенате в период республики по данным Тита Ливия 76
- Бикеева Н.Ю.* Социальные функции еды и пищевых ритуалов в эпоху Меровингов (по сочинениям Венанция Фортуната, посвященным святой Радегунде) 87

Отечественная история

- Лукоянов К.В., Усманова Д.М.* Эволюция понятия «бродяжничество» в российском законодательстве (вторая половина XVII – первая половина XIX века) 100
- Шнейдер К.И., Вережкина И.Н.* Политические практики позднеимперской России: С.Ю. Витте и золотовалютная реформа 114
- Долакова М.И.* Проблема питейной реформы по материалам публикаций в «Экономическом журнале» во второй половине XIX века 126
- Ахметов Д.И.* Проблемы возрождения и становления средств массовой информации краешен в современный период 138
- Сальникова А.А., Афанасьева Т.В.* Юбилейный образ 1000-летнего города на страницах газеты «Вечерняя Казань» (конец 90-х годов XX века – первая половина 2000-х годов) 147
- Козлов В.Е.* Культурный институт в XXI веке: потребность, традиция, конструкт (по материалам исследования русского населения Республики Татарстан) 162
- Мачукаева Л.Ш.* Формирование общероссийской гражданской идентичности студентов в процессе преподавания истории Северного Кавказа 173

Историография и методология истории

- Кутузова А.А.* Английская революция XVII века в интерпретации представителей двух поколений «русской исторической школы» 184
- Мионов В.В.* Три этапа в эволюции концепции международного общества: история Английской школы международных отношений или история научных сообществ? 198
- Кисленко А.О.* «Культурный поворот» в американской историографии истории окружающей среды в 80-е годы XX – начале XXI века: причины и последствия 208
- Хохлов А.А., Пинкин А.А.* Мироззрение и идеология в прицеле «команданте Аапо» 223

CONTENTS

Celebrating the 220th Anniversary of Kazan University

- Kuksa A.N.* Professor M.Ya. Kittary and Technical Education in the Russian Empire 7
- Valeev R.M., Valeeva R.Z., Inalcik G., Minikhanov F.G., Rakhimova Ya.R.* “I Know You as a Venerable Scholar and a Great Connoisseur of Oriental Nationalities, a Defender of Their Interests in the Academic Field...”. Scholars and Educators G. Rakhim and G. Saadi (Unpublished Letters to Academician V.V. Bartold (1927–1929))..... 21
- Taimasov L.A.* Professor P.V. Denisov – A Distinguished Alumnus of Kazan University 37

History of the Ancient World and Middle Ages

- Onischenko E.S.* Hazarapatish in the Achaemenid Empire: A Commander or Usher? 48
- Pechatnova L.G.* Posthumous Veneration of King Leonidas in Sparta 64
- Shmeleva L.M.* Reception of Ambassadors in the Roman Senate during the Period of the Republic as Documented by Titus Livius 76
- Bikeeva N.Yu.* Social Functions of Food and Food Rituals during the Merovingian Period (from Venantius Fortunatus’s Writings about St. Radegund) 87

History of Russia

- Lukoyanov K.V., Usmanova D.M.* Evolution of the Concept of Vagrancy in Russian Legislation (from the Second Half of the 17th to the First Half of the 19th Centuries) 100
- Shneyder K.I., Verevkina I.N.* Political Practices of Late Imperial Russia: S. Yu. Witte and His Financial Reform 114
- Dolakova M.I.* The Alcohol Reform as Described in “*Ekonomicheskii Zhurnal*” during the Second Half of the 19th Century 126
- Akhmetov D.I.* Problems with Reviving and Developing the Kryashen Media in Modern Times 138
- Salnikova A.A., Afanasieva T.V.* Celebratory Image of the 1000-Year-Old City in the Newspaper “*Vechernyaya Kazan’*” From the Late 1990s to the First Half of the 2000s) 147
- Kozlov V.E.* Cultural Institution in the 21st Century: The Need, Tradition, and Construct (A Study on the Russian Population in the Republic of Tatarstan) 162
- Machukayeva L.Sh.* Fostering the All-Russian Civic Identity among Students While Teaching the History of the North Caucasus 173

Historiography and Methodology of History

- Kutuzova A.A.* The English Revolution of the 17th Century as Interpreted by the Representatives of Two Generations of the “Russian Historical School” 184
- Mironov V.V.* Three Stages in the Evolution of the Concept of International Society: The History of the English School of International Relations or the History of Academic Communities? 198
- Kislenko A.O.* The “Cultural Turn” in American Historiography of Environmental History from the 1980s to the Early 2000s: Causes and Consequences 208
- Khokhlov A.A., Pinkin A.A.* Worldview and Ideology through the Eyes of “Comandante Akopo” 223

К 220-ЛЕТИЮ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 378.662(476)

doi: 10.26907/2541-7738.2024.2.7-20

ПРОФЕССОР М.Я. КИТТАРЫ И ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

А.Н. Кукса

Белорусский национальный технический университет, г. Минск, 220013, Беларусь

Аннотация

В истории Казанского университета, который всегда уделял большое внимание своим выпускникам и профессорам, достойное место занял известнейший популяризатор технического образования, заведующий кафедрой технологии (1850–1857) Модест Яковлевич Киттары. Он был одним из тех немногих, кто воспринял и реализовал идею государства о том, что университеты должны стать центрами научной, воспитательной, образовательной и культурной жизни губернии, региона и страны. Профессор М.Я. Киттары занимал активную гражданскую и общественную позицию, популяризируя техническое образование как среди промышленников, так и среди обывателей с целью повышения их уровня культуры, грамотности и благосостояния. Под его влиянием оживилась деятельность Казанского экономического общества, были открыты новые заводы и фабрики, а также внедрены технические и технологические новшества. Учеными Казанского университета уже всесторонне исследована многогранная личность М.Я. Киттары, однако автору настоящей статьи благодаря введению материалов «Журнала Министерства народного просвещения» удалось более детально изучить его вклад в развитие технического образования. Проведен анализ изменений, происходивших в системе образования Российской империи и подробно освещенных в «Журнале Министерства народного просвещения», а также рассмотрена та роль, которую сыграл профессор Императорского Казанского университета М.Я. Киттары в модернизации системы высшей технической школы.

Ключевые слова: М.Я. Киттары, Казанский университет, техническое образование, реальные гимназии, кафедра технологии

В ходе реформы системы образования 1802 г. в период правления Александра I в России не только появилось одно из первых в Европе Министерств народного просвещения, но и приобрела принципиально новое звучание идея университетов, которым была предопределена роль административных и научных центров учебных округов. Казанский университет, основанный в 1804 г., стал административным и научным центром учебного округа, объединив Вятскую, Казанскую, Самарскую, Саратовскую, Симбирскую и Астраханскую губернии. Таким образом, 220 лет тому назад в Российской империи был образован первый научный центр русского Востока.

Многие традиции высшей школы России были заложены именно в Казанском университете. По решению Совета университета лучшие профессора были привле-

чены к написанию истории вуза, которая мыслилась не просто как летописание, а как интегральная часть многогранной общественно-политической и экономической жизни страны. Об этом свидетельствует документ, сохранившийся в Национальном историческом архиве Республики Беларусь. Планируя грандиозное празднование 100-летия Императорского Казанского университета 5 ноября 1904 г., правление университета заблаговременно развернуло активную подготовку для составления его истории «за первые сто лет его просветительской деятельности на русском Востоке и биографического словаря его профессоров и преподавателей»¹ (I, л. 11). В связи с этим в марте 1898 г. в Минскую губернскую управу поступило официальное обращение ректора университета К.В. Ворошилова, в котором сообщалось о том, что решением Совета от 27 мая 1897 г. работа по составлению истории университета была возложена на профессоров Николая Павловича Загоскина и Федора Герасимовича Мищенко. Совет университета просил откликнуться выпускников, которые могли бы предоставить «как личные воспоминания, так и могущие оказаться в их распоряжении письменные материалы или обработанные статьи, пригодные для истории Университета вообще и для биографий отдельных его деятелей (мемуары, дневники, письма и т. п.)» (I, л. 11). Итогом работы профессоров Н.П. Загоскина и Ф.Г. Мищенко стало издание в 1904 г. биографического справочника, а в 1902–1906 гг. – многотомной истории университета за первые сто лет.

Интерес к белорусским губерниям был проявлен неспроста. В списке преподавателей Императорского Казанского университета, по подсчетам С.Ф. Шимкувича, удалось выявить фамилии 32 «уроженцев белорусского региона» [1, с. 330]. В разные годы там также обучалось большое количество студентов и работали «десятки уроженцев западного края, приобретшие славу как себе, так и университету (О.М. Ковалевский, Э.В. Адамюк, Д.И. Дубяго, И.М. Догель, К.В. Харлампович и др.)» [2, с. 37]. Во второй половине XIX в. Казанский университет вырос в авторитетный вуз, известный далеко за пределами Российской империи. Свой вклад в его рост и укрепление его позиций продолжали плодотворно вносить уроженцы белорусского края Н.О. Ковалевский, Л.Г. Лукашевич, В.Д. Спасович и др. [3, с. 22]. Филолог О.М. Ковалевский четверть века возглавлял журнал «Ученые записки Императорского Казанского университета», а в 50-е годы XIX в. был ректором Казанского университета.

Появление белорусов в Казани было связано со ссылкой туда жителей Царства Польского и Западного края Российской империи за участие в тайных обществах и восстаниях. Одним из выпускников Казанского университета, родившимся в семье ссыльного польского дворянина, стал профессор М.Я. Киттары (1824–1880), жизненный путь которого был тесно связан не только с университетом, но и с основными вехами социально-экономического и политического развития русского государства. В это время в Европе происходила промышленная революция, изменившая и взгляды прогрессивно мыслящей интеллигенции. В экономике установились индустриальные производственные отношения, поощрялись техническая и интеллектуальная рационализация, изобретения и их внедрение в производство, «что ярко показывали предпосылки оформления классического модерна» [2, с. 39].

¹ Здесь и далее при цитировании орфография и пунктуация даны в соответствии с нормами современного русского языка.

В изучение творческого и научного пути М.Я. Киттары огромный вклад внесли ученые Казанского университета, отдавая дань уважения его роли в популяризации технического образования. Во многих статьях его называют первым технологом России, его имя упоминается в энциклопедиях (II, с. 235; III). Одним из первых к освещению биографии М.Я. Киттары обратился профессор Ю.С. Мусабеков [4]. Первой диссертацией, в которой не только были раскрыты вопросы подготовки технических кадров в Казанском университете, но и определены роль и значимость профессора М.Я. Киттары в организации учебного процесса по подготовке специалистов и распространению технических знаний в регионе, стала работа Г.Р. Рысаевой [5]. К личности М.Я. Киттары как выпускника Казанского университета, известного ученого, редактора журнала и публициста обращались Г.Н. Вульфсон и Ф.Ф. Нуреева [6, 7]. Так, в статье Ф.Ф. Нуреевой освещены впечатления М.Я. Киттары от Всемирной выставки в Лондоне (1851), полученные в ходе бесед как с «купцами и умельцами, так и иностранными промышленниками» [8, с. 12].

Новые аспекты личности М.Я. Киттары открываются в исследованиях А.А. Уткина [9] и А.Ш. Бик-Булатова [10–12]. Последний в своей монографии указывает, что «Записки Императорского Казанского экономического общества» под руководством М.Я. Киттары стали «одним из лучших российских технологических журналов» и «лучшим журналом такого рода в провинции» [10, с. 155]. В диссертации А.Ш. Бик-Булатов подчеркивает значение этого факта, указывая на широту географического охвата казанской публицистики, включавшего «и Оренбург, и Астрахань, и центральноазиатские регионы тогдашней России, а также и Санкт-Петербург и даже Стамбул» [11, с. 11]. В 1804–1815 гг. в Казани издавался «Технологический журнал», ставший первым русским научным журналом «в области технологий и прикладных наук» [12, с. 110].

В диссертации и научных статьях И.А. Сурниной [13–14] уделено значительное внимание роли М.Я. Киттары как популяризатора технического знания в российской журналистике. По данным И.А. Сурниной, современники довольно высоко оценивали его сподвижничество на ниве просвещения «целого Поволжского края» [13, с. 71]. Благодаря проектам профессора М.Я. Киттары в Казани открылись такие крупные предприятия, как «стеариновый завод братьев Крестовниковых и кожевенный завод Алафузовых» [14, с. 61].

Появление ученых, подобных М.Я. Киттары, стало возможным благодаря усилиям, которые были предприняты государством в области развития университетов и построения системы технического образования. В 30-х годах XIX в. в Казанском университете была открыта одна из первых в Российской империи кафедра технологий, ставшая центром сосредоточения технических научных сил. Подобные изменения стали возможны с приходом к власти Николая I, который и сам получил инженерное образование. В 1835 г. был введен новый университетский устав, в соответствии с которым в программе обучения расширилось присутствие технического знания. Наиболее прогрессивно мыслящие ученые видели в этом залог успеха и процветания России.

Но сословное общество Российской империи к таким изменениям было еще не готово. В связи с этим большая часть профессоров выступила против открытия в университетах технических кафедр. Тот же Н.И. Пирогов, мнение которого не единожды приводилось редакцией «Журнала Министерства народного

просвещения» (далее – ЖМНП) как наиболее авторитетное, ратуя за продвижение реального образования, высказывался категорически против его развития в стенах университетов, предлагая открывать специализированные технические, коммерческие и сельскохозяйственные институты (IV, л. 25).

Одним из последовательных защитников и популяризаторов технического образования, ради чего и была основана кафедра технологий в Московском университете, являлся профессор Казанского университета М.Я. Киттары. Начиная с 1851 г. он читал бесплатные публичные лекции по технологиям, которые не только пользовались успехом у слушателей, но и находили применение на практике. Благодаря успешной деятельности ученых в области технических наук происходило расширение круга читаемых дисциплин в университете. В ноябре 1855 г. в разряд камеральных наук Императорского Казанского университета было введено преподавание зоологии и минералогии, с тем условием, однако, чтобы эти предметы, «как пояснительные, отнесены были при испытании не к главным, а к дополнительным» (V).

9 июня 1857 г. на торжественном собрании Императорского Казанского университета М.Я. Киттары произнес речь «Очерк современного положения и нужд русской мануфактурной промышленности» (VI), впоследствии изданную отдельной книгой. В своем выступлении докладчик продемонстрировал глубокое понимание истории развития общества и закономерностей его эволюции. Давая характеристику эпохи Средневековья, он выделил стремление к изучению прошлого, получившее название Возрождения. Для периода XVI–XVIII вв. отметил тенденцию внутреннего переосмысления христианства, получившего название Реформации. Задаваясь вопросом о том, в чем специфика XIX в., ученый давал ответ, что это век технического и промышленного прогресса, изменившего человека, его культуру, мировоззрение и образование.

Профессор М.Я. Киттары одним из первых – и главное, ко времени, в духе планируемых реформ – развил идеи технической модернизации России, повышения уровня жизни и благосостояния всех сословий посредством расширения благотворного влияния промышленности на рабочих. Акцент М.Я. Киттары на важной роли, которую должно было сыграть в этом процессе расширение системы образования путем открытия технических отделений, ремесленных училищ и гимназий, не остался незамеченным в Министерстве народного просвещения. На речь ученого, произнесенную в 1857 г. в Императорском Казанском университете, в ЖМНП было напечатано два больших по объему отзыва.

Первый отзыв появился практически сразу после выступления М.Я. Киттары. У редакторов ЖМНП большой интерес вызвала трактовка им причин недостаточного развития реального образования как результата слабой мобильности трудовых ресурсов. По мнению профессора, Россия в середине XIX в. продолжала только наполовину использовать потенциал рабочих рук. В силу аграрного уклада большинство крестьян долгую русскую зиму бездействовало, что способствовало развитию вредных привычек и препятствовало повышению уровня благосостояния, культуры и образованности. Сравнивая уровень жизни в Российской империи с итогами промышленной революции в Европе, М.Я. Киттары указывал, что, «чем более будет заводов и фабрик, тем скорее разовьется народное благосостояние» (VII, с. 220). Это мнение он высказал в преддверии обсуждения проектов отмены крепостного права. Сам он выступал за предоставление

крестьянам небольших наделов земли, что должно было способствовать более активному оттоку рабочей силы в промышленность.

М.Я. Киттары отмечал, что для успешной конкуренции с европейской промышленностью требуются «честность и знание дела». Однако он сетовал, что редко какой мастер на предприятии получал образование в технологическом институте или Московском ремесленном учебном заведении: люди, от которых зависело будущее русских фабрик и заводов, «наши мастера, по большинству, люди другого образования – самоучки» (VII, с. 223). В основном, это были бывшие крестьяне, которые, переходя с завода на завод, получали опыт и становились мастерами, управляющими и распорядителями.

Второй очерк, посвященный речи М.Я. Киттары, которую редакция ЖМНП назвала «любопытной и поучительной», появился в 1859 г., когда Россия несколько оправилась от поражения в Крымской войне (1853–1856) и начала активные поиски путей выхода из затянувшегося кризиса. Автор речи подверг критике сырьевую модель экономики, которая способствовала формированию изначально невыгодного товарообмена. Российская империя дешево отдавала иностранцам «тяжелый плод труда крестьян», дорого покупая европейскую продукцию, «приплачивая крупную цифру звонкой монеты за их произведения» (VIII, с. 260). Описанное положение скрытой колониальной экспансии относительно Российской империи еще более ухудшилось из-за усилившейся на мировом хлебном рынке конкуренцией со стороны Америки, Турции и придунайских княжеств. Этому возможно было противостоять только при условии всеобщего привлечения населения к квалифицированному труду, требующему специального образования. В этом М.Я. Киттары видел роль и предназначение Министерства народного просвещения в судьбе русского государства. В этом заключалась и перспектива развития русской промышленности, так как прогресс зависел от степени вовлечения в эту область научного знания квалифицированных рабочих.

Для иллюстрации благотворного влияния промышленности на человека приводили примеры из речи М.Я. Киттары: «Сравните крестьянина, хлебопашца просто, с крестьянином-ремесленником, – какая разница не только в обстановке житейской, но и в отношении моральном!» (VIII, с. 262). Редакция ЖМНП в унисон с М.Я. Киттары подчеркивала, что «на всякий недуг, говорят, есть и лекарство... Это средство – ученье, и народный дух сам его просит» (VIII, с. 264). Высказанное же ученым требование по открытию «разнохарактерных школ» соответственно «с нуждами местностей» обширного пространства России легло в основу всей дальнейшей деятельности Министерства народного просвещения. Лучшим средством для решения проблем цехового и семейного обучения профессиональным навыкам он называл ремесленные школы, с развитием которых устранятся и «те неблагоприятные черты» (VIII, с. 265), которые были присущи ремесленникам.

М.Я. Киттары в своей речи призывает владельцев предприятий отправлять своих детей учиться на камеральные курсы в университетах или приглашать для управления камералистов. При этом он отмечает, что камеральные разряды действуют при Петербургском, Дерптском, Казанском, Харьковском университетах и при Ришельевском лицее в Одессе. Подобных отделений не было только в нескольких университетах, ученый особо сожалел об отсутствии такового в Московском университете, так как он, «по значению Москвы в отечественной

промышленности, был бы нужнее и полезнее, чем во всяком другом университете». Камеральные отделения при упомянутых университетах существовали уже не менее 10 лет, подготовив значительное количество молодых людей, «в среде которых, судя по Казанскому университету, было много лиц даровитых, вполне подготовленных для нужд заводско-фабричного дела» (VIII, с. 274). Наличие только технологического института в Петербурге и ремесленного училища в Москве М.Я. Киттары признавал недостаточным для Российской империи, но при этом указывал на то, что и сами владельцы фабрик и заводов могли бы выделить средства на открытие новых технических вузов. На этом пути требовалось объединение усилий, но в России отсутствовало общество по поддержке промышленности. В пример ученый приводил Англию, учредившую в 1754 г. общество по поддержке земледелия, художеств и мануфактур; Францию, поддержавшую в 1802 г. общество поощрения промышленности; Пруссию, учредившую в 1821 г. общество мануфактурной промышленности; Бельгию и другие страны, тогда как в России в 20-х годах XIX в. только шло обсуждение идеи создания подобного общества, но оно так и не было создано. В 1856 г. в Москве был составлен и передан на рассмотрение правительства проект Российского общества поощрения мануфактур.

В ходе проведения школьной реформы педагоги обращали внимание как на сложности бюрократического порядка при открытии учебных заведений, так и на нежелание самого населения тратить свои сбережения на образование. Особенно сложным было отношение к учебе у крестьян, которые категорически отказывались отпускать своих детей учиться в разгар полевых работ. В своей речи М.Я. Киттары еще указывал на низкий уровень культуры и знаний, а также понимания происходящих событий у крестьян, называвших себя «людьми темными», и на более высокий – у ремесленников, которые были смыслеными и схватывали на лету суть проблемы и вопроса. Еще более высокий уровень культуры и знаний отмечался у фабрично-заводского населения. Среди рабочих было слабее влияние вредных привычек, выше – тяга к образованию и знаниям. В то же время отмена крепостного права только частично освободила крестьян от крепостной зависимости, в незначительной мере повлияв на изменение уклада их жизни и быта.

В 1857 г. в Московском университете была создана отдельная кафедра технологии «во главе с профессором Киттары» (IX, с. 8). Открытие технической кафедры в Москве мотивировалось тем, что к этому времени более бурного промышленного роста не переживал ни один из городов Российской империи. В подтверждение этого М.Я. Киттары приводил в пример беседу с одним из предпринимателей, который заявлял, что если некоторое время назад он, не задумываясь, открыл бы предприятие в Москве, то теперь это было рискованно: конкуренция, по данным исследований И.С. Аксакова, возросла настолько, что произошло падение цен на товары. Но выход из этого положения, к большому сожалению М.Я. Киттары, предприниматели находили не во внедрении технических новинок, а в снижении качества товара, что позволяло, сбросив немного цену, увеличить сбыт.

М.Я. Киттары в своей речи рассмотрел все аспекты, влиявшие на развитие русского общества и тормозившие технический и технологический прогресс Российской империи. Являясь искренним патриотом, уповал на ее мощь и силу,

призывал предпринимателей вкладывать в свое будущее и строить дело на века. По этой причине он советовал владельцам предприятий отдавать сыновей не в университеты и в дальнейшем – на государственную службу, а в технические учебные заведения для подготовки собственных кадров, модернизации предприятий и повышения качества производимой продукции. Во многом благодаря такой своей позиции М.Я. Киттары в 1857 г. по инициативе московских купцов и фабрикантов был приглашен в Москву. Его усилиями в 1859 г. была открыта технологическая лаборатория, а в 1867 г. – Промышленный музей. В Москве ученый продолжил чтение публичных лекций, организовал издание газеты «Промышленный листок» и сотрудничал с различными министерствами.

Речь М.Я. Киттары «Очерк современного положения и нужд русской мануфактурной промышленности», которая вышла в свет в 1857 г., дала толчок к осмыслению современных потребностей технического образования. В продолжение данной тематики появилась работа профессора международного права Дерптского университета Августа фон Бульмеринга, который, отмечая первостепенную важность технических наук для современного государства, предлагал начать с повышения их статуса. По его данным, политехнические школы стоят в Европе на одном уровне с университетами, так как «они дают высшее техническое образование» (X, с. 47). В поддержку развития высшей технической школы выступал также Е.Н. Андреев, в последующем один из учредителей и почетный член Императорского русского технического общества. В статье «Обзор преподавания в германских политехнических школах» он писал, что «если промышленность Германии сделала в последнее время значительные успехи, то причину этого должно искать в развитии технического образования» (X, с. 57).

В течение первого полувека своей истории Казанский университет создал солидную научно-методическую и учебно-исследовательскую базу для подготовки высококлассных специалистов. В отчете Министерства народного просвещения за 1859 г. по системе высшей школы за Казанским университетом числились кабинеты: нумизматический, этнографический, физический, минералогический, зоологический, сравнительной анатомии, хирургический, фармакологический, технологический, архитектурный, рисования и живописи; астрономическая и магнитная обсерватории, химическая и фармацевтическая лаборатории, ботанический сад, анатомический театр и аптека (XI, с. 59). В стенах университета появились не только известные в России профессора права, филологии и медицины, но и профессора в области техники и технологий (М.Я. Киттары, А.М. Бутлеров, П.И. Котельников, А.К. Чугунов и др.).

С целью популяризации и распространения технического знания ЖМНП в 1860 г. впервые кроме перечисления лекторов, направлений и прочитанных публичных лекций привел краткую характеристику курсов. В Императорском Казанском университете начиная с 1857 и в течение 60-х годов XIX в. были прочитаны публичные лекции по технической химии А.М. Бутлеровым, по практической механике – П.И. Котельниковым и по технологии – А.К. Чугуновым. Сами лекторы констатировали ежегодное увеличение числа слушателей, что, по мнению А.М. Бутлерова, служило «отрадным доказательством возрастающего в публике сочувствия к науке» (XII, с. 89). Лекции, прочитанные в Императорском Казанском университете, по возможности сопровождалась наглядной демонстрацией технических приемов и операций.

Решительный шаг императора Александра II в направлении смены экономической модели развития русского общества, предпринятый 19 февраля 1861 г. и заключавшийся в отмене крепостного права, которое, по мнению М.Я. Киттары, являлось одним из основных тормозов промышленного прогресса Российской империи, вызвал появление целого ряда публикаций в поддержку необходимости развития и расширения сети технического образования. Образованное общество этот вопрос неимоверно взбудоражил. Одни требовали немедленного уравнивания статусов реального и классического образования, другие возражали, понимая, что данный шаг будет способствовать разрушению сложившейся социальной структуры общества.

Толчком для подобных размышлений послужило высказанное в марте 1860 г. предложение редакции ЖМНП обсудить проект устава училищ. При этом вопрос не был пущен на самотек. Министерство народного просвещения поручило всем учебным округам рассмотреть проекты на педагогических советах гимназий и университетов. Среди педагогов упомянутая идея не вызвала ажиотажа, о чем свидетельствует, например, тот факт, что инспектор народных училищ Могилевской губернии, получив в марте циркуляр, ответ подготовил только к концу июля, оправдываясь хлопотами, связанными с окончанием учебного года.

Более активно и результативно обсуждение устава проходило в университетах, на съездах ученых и общественников. Появился большой массив статей и заметок, так или иначе освещавших отношение авторов к вопросу о развитии технического образования и его перспективах в Российской империи. В июне 1860 г. в журнале «Русское слово» появилась статья профессора Новороссийского университета Р.В. Орбинского, который писал о необходимости разделения гимназий на реальные и классические. В 1861 г. в статье «Мысли и замечания о проекте устава училищ, состоящих в ведомстве Министерства народного просвещения» Н.И. Пирогов высказал предположение о том, что реальные гимназии необходимы для менее обеспеченных учеников, в которых «через изучение общих реальных предметов молодые люди должны были приготавливаться к практической жизни» [15, с. 5]. В поддержку реального образования в 60-х годах XIX в. выступили К.Д. Ушинский, Н.И. Писарев, П.Е. Басистов, М.Я. Неверов, Ф.Г. Толь и целый ряд других ученых и педагогов.

В начале января 1861 г. в Министерство народного просвещения поступило три проекта: проекты уставов университетов и учебных заведений, а также план устройства народных училищ. Учитывая то, что они были составлены разными комиссиями и были мало между собой связаны, педагогическим советам университетов и гимназий было поручено их обсудить. Ученый совет Императорского Казанского университета представил большой доклад, в котором был поднят вопрос об уровне обеспечения труда педагогов и необходимости принятия мер по его улучшению. Несколько позже, 9 февраля 1861 г., членам ученого комитета главного правления училищ профессору Санкт-Петербургского университета И.Б. Штейнману и академику Императорской академии наук Ф.И. Видеману было поручено собрать «полные сведения о заграничных реальных училищах». Кроме этого, они должны были собрать уставы и программы существующих в России «реальных и технических училищ, как-то: институтов горного, технологического, лесного и т. п.» (XIII). Подобные проекты реализовывались и в других странах. В 1861 г. особая комиссия по народному образованию Англии отпра-

вила своих представителей в Германию, Францию, Швейцарию и Голландию. В российской прессе был особо отмечен доклад Дж. Фрейзера, а также то, что в итоге было подготовлено четырехтомное издание, осветившее не только особенности образования в других странах, но и привычки и понятия, бытовавшие у населения Англии.

В записке, подготовленной И.Б. Штейнманом и Ф.И. Видеманом, указывались общие предпосылки появления реальных училищ в Германии и Франции, возникшие в 1792 г., в «эпоху законодательного собрания». Отмечалось наличие борьбы между «гуманистами и реалистами», и приводились мнения о том, что подготовки, полученной в реальной школе, «будет достаточно и для дальнейшего образования молодых людей в университете» (XIV, с. 141). Авторы записки называют революцию 1848 г. ключевым моментом роста популярности технических знаний, после чего многие реальные училища были взяты на обеспечение государства. В 1859 г. в Пруссии «реальные школы получили со стороны правительства законное утверждение» (XIV, с. 142). С 1855 г. выпускники реальных гимназий Франции готовились для практической деятельности на фабриках и заводах или могли поступать для получения специального образования в фармацевтическое училище, политехническую школу или военные, морские и лесные институты. Подобное разделение на гуманитарное и техническое образование произошло и в Бельгии. В заключение своей записки авторы выступают за «открытие реальных гимназий для тех молодых людей, которые намерены посвятить себя высшим техническим искусствам, купеческому званию, административным должностям» (XIV, с. 143).

В ходе школьной реформы новый импульс был придан работе Комиссии по пересмотру положения об ученых степенях. В 1851 г. была создана Комиссия для изучения вопроса об ученых степенях во главе с попечителем Санкт-Петербургского учебного округа М.Н. Мусиным-Пушкиным, который в 1829–1845 гг. был попечителем Казанского учебного округа. Не все предложения, разработанные Комиссией, устроили научную общественность, что привело к доработке проекта, который в 1861 г. был передан на рассмотрение университетов. Имея уже значительный опыт в области преподавания технических наук, свои предложения представил и Совет Казанского университета. Наряду с рядом важных изменений Совет предложил «требовать от магистра технологии, сверх этой науки, познание в практической механике, как главном предмете, и учредить особо степень доктора технологии и особо доктора сельского хозяйства» (XIV, с. 144). Особое мнение высказал и Н.И. Пирогов, который выступил за отмену экзаменов и установление двух научных ступеней: кандидата и доктора наук, отказавшись от степени магистра. В новый проект вошло предложение об упрощении процедуры получения ученой степени на другом факультете. Так, предлагалось установить, что кандидаты юридического факультета «разряда камеральных наук имеют право приобретать степень магистра технологии или сельского хозяйства и лесоводства в физико-математическом факультете, не приобретая предварительно степени кандидата» (XIV, с. 144).

В 1864 г. учебные пути будущих управленцев и промышленников разошлись. Первые должны были пройти классическую гимназию и поступить в университет. Путь будущих промышленных элит лежал через окончание реальных гимназий и поступление в технологические, коммерческие и политехнические

институты. Выпускники классических гимназий могли поступать в университеты. При этом элитарным считалось образование, полученное в классических университетах.

Не оставался в стороне от дискуссий об образовании и профессор М.Я. Киттары, который в «Промышленном листке» особое внимание уделил популяризации специального технического обучения. Анализируя опыт преподавания в Московской практической академии коммерческих наук, профессор указывал на важность развития технического знания (аналитической химии, механики и технологий). В связи с необходимостью удовлетворения потребностей русских мануфактуристов при создании конкурентной продукции М.Я. Киттары писал о желательности проведения практических занятий «в специальных библиотеках, лабораториях, технологических кабинетах» [16]. В «Промышленном листке» приводились данные о воспитанниках практических «промышленно-учебных заведений» [17, с. 45]. По докладу военного министра императору о пользе работы М.Я. Киттары в Комиссии для введения технических усовершенствований последний на день Святой Пасхи 19 апреля 1864 г. был награжден бриллиантовым перстнем.

Проявляя постоянную заботу о развитии технического образования, М.Я. Киттары предпринимал и самостоятельные шаги по ускорению его распространения среди крестьян. В 1877 г. он основал в селе Новое Московского уезда училище для крестьянских детей, где планировалось обучение и практическим знаниям. В 1879 г. М.Я. Киттары переехал в Петербург, куда был назначен председателем Технического комитета при главном интендантском управлении Военного ведомства. Умер ученый в 1880 г.

Итогом школьной реформы стало значительное приближение среднего образования к потребностям экономического и индустриального развития страны. В новых условиях совсем иным было и отношение к уровню квалификации рабочих, от которых уже требовались профессиональные знания. Существовавшие в тот период ремесленные училища не могли в полной мере справляться с новыми вызовами. Развитие буржуазных отношений и процессы индустриализации привели к появлению научных и технических обществ – Русского технического общества, Вольного экономического общества, Московского общества распространения технических знаний. По их инициативе открывались учебные заведения, рассматривались проекты реформирования общего и профессионального образования в России, изучался зарубежный опыт подготовки техников и инженеров, проводились съезды деятелей профессионального и технического образования, издавалась учебная, научная и методическая литература.

Таким образом, в XIX в. произошло значительное повышение интереса государства к развитию и расширению сети реальных училищ и технических институтов, что позволило подготовить большое количество специалистов в области техники и технологий. Упомянутые меры подтолкнули ученых-технологов к разработке целого ряда отечественных проектов в области фабрично-заводской промышленности. Первым профессором-технологом Российской империи стал выпускник Императорского Казанского университета М.Я. Киттары, который не только разработал и внедрил проекты новых предприятий, но и активно пропагандировал необходимость открытия технических учебных заведений. За свою 220-летнюю историю Казанский университет выпустил целую плеяду извест-

нейших ученых. В его стенах появилась первая в России научная школа в области техники и технологий, представленная учеными с мировыми именами (М.Я. Киттары, А.М. Бутлеров, П.И. Котельников, А.К. Чугунов и др.). Благодаря наработанному базису Казанский университет внес значительный вклад в развитие высшей школы России, став мощным научным центром для русского Востока.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- I – НИАБ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 3169. «Население городов России по переписи 28 января 1897 г.», издание Центрального статкомитета МВД, объявление об издании еженедельной газеты «Неделя» с приложением и др. 52 л.
- II – *Брокгауз Ф.А.* Энциклопедический словарь: в 86 т. / Под ред. И.Е. Андреевского. СПб.: Ф.А. Брокгауз, Э.А. Ефрон, 1895. Т. 15 (29). 478 с.
- III – *Бурмистрова Л., Лексина Ю.* Киттары М.Я. // Казанский университет, 1804–2004: Биобиблиогр. слов. / Глав. ред. Г.Н. Вульфсон. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. Т. 1: 1804-1904. С. 237–238.
- IV – НИАБ. Ф. 2507. Оп.1. Ед. хр. 658. Циркуляры по управлению Киевским учебным округом за 1861 г. 89 л.
- V – О введении в разряд камеральных наук Казанского университета зоологии и минералогии // Журн. Мин-ва нар. просвещ. 1855. № 85. С. 11.
- VI – *Киттары М.Я.* Очерк современного положения и нужд русской мануфактурной промышленности: речь, произнесенная в торжественном собрании Императорского Казанского университета ординарным профессором Модестом Киттары, 9 июня 1857 года. М.: в тип. Александра Семена, 1857. 66 с.
- VII – Очерк современного положения и нужд русской мануфактурной промышленности // Журн. Мин-ва нар. просвещ. 1857. № 96. С. 219–229.
- VIII – Очерк современного положения и нужд русской мануфактурной промышленности // Журн. Мин-ва нар. просвещ. 1859. № 102. С. 260–276.
- IX – Об устройстве в Московском университете особой кафедры технологии // Журн. Мин-ва нар. просвещ. 1858. № 97. С. 7–8.
- X – Обзор преподавания в Германских политехнических школах // Журн. Мин-ва нар. просвещ. 1858. № 100. С. 33–64.
- XI – Университет Казанский // Журн. Мин-ва нар. просвещ. 1859. № 103. С. 59–60.
- XII – О преподавании технических наук в 1858–1859 академическом году // Журн. Мин-ва нар. просвещ. 1860. № 106. С. 85–95
- XIII – О собрании сведений о заграничных реальных училищах и о собрании и обсуждении уставов и программ русских реальных и технических училищ // Журн. Мин-ва нар. просвещ. 1863. № 113. С. 23.
- XIV – О заграничных реальных училищах // Журн. Мин-ва нар. просвещ. 1862. № 114. С. 127–144.

Литература

1. *Шимукович С.Ф.* О высшем образовании в белорусских землях в XIX – начале XX века // Высшая школа: проблемы и перспективы: сборник материалов XIV Междунар. науч.-методич. конф., Минск, 29 ноября 2019 г. Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2019. С. 330–331.

2. *Шымуковіч С.Ф.* Удзел інтэлектуальнай эліты Заходняга краю ў станаўленні Казанскага ўніверсітэта ў 1820–1850-я гг. // Беларускі гістарычны часопіс. 2018. №12. С. 35–41.
3. *Шымуковіч С.Ф.* Інтэлектуальная эліта Заходняга краю ў Казанскім універсітэце ў 1860 – 1880-я гг. // Беларускі гістарычны часопіс. 2020. № 4. С. 21–27.
4. *Мусабеков Ю.С.* Модест Яковлевич Киттары // Журн. прикл. химии. 1952. Т. 25, № 11. С. 26–34.
5. *Рысаева Г.Р.* Подготовка инженерно-технических кадров в Казанском университете в XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1987. 15 с.
6. *Вульфсон Г.Н., Нуреева Ф.Ф.* Братья по духу. Питомцы Казанского университета в освободительном движении 1840–1870-х гг. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1989. 195 с.
7. *Вульфсон Г.Н., Нуреева Ф.Ф.* Модест Яковлевич Киттары редактор «Записок Казанского экономического общества» // Учен. зап. Казан. гос. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 1998. Т. 134. С. 138–147.
8. *Нуреева Ф.Ф.* Путешествие пермского купца Д.Д. Смышляева и казанского профессора М.Я. Киттары на лондонскую выставку 1851 года // Смышляевский сборник: исследования и материалы по истории и культуре Перми / Сост. и ред. Т. И. Быстрых. Вып. 5. Пермь, 2013. С. 11–15.
9. *Уткин А.А.* Либеральная интеллигенция Казани на рубеже 50–60-х годов XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2002. 23 с.
10. *Бик-Булатов А.Ш.* Очерки истории казанской журналистики 1758–1918. Вып. 2. Казань: Изд. дом Маковского, 2021. 978 с.
11. *Бик-Булатов А.Ш.* Казанская журналистика периода Российской империи: закономерности и особенности развития: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2023. 50 с.
12. *Бик-Булатов А.Ш.* Казанская журналистика периода Российской империи: закономерности и особенности развития: дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2023. 463 с.
13. *Сурнина И.А.* Краткий очерк жизни М.Я. Киттары // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. Т. 6. № 1. С. 68–76.
14. *Сурнина И.А.* Частные деловые газеты и журналы в период становления капитализма в России (1857–1865): дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2018. 458 с.
15. *Пекарский М.С.* История развития реального образования в Курской губернии в середине XIX – начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2005. 195 с.
16. *Сурнина И.А.* «Промышленный листок» (1858–1859) М.Я. Киттары // Медиаскоп. 2017. Вып. 3. URL: <http://www.mediascope.ru/2360>, свободный.
17. *Сурнина И.А.* Газета «Промышленный листок» М.Я. Киттары (1858–1859). М.: Флинта, 2018. 130 с.

Поступила в редакцию 15.10.2023

Принята к публикации 15.12.2023

Кукса Александр Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры «История»

Белорусский национальный технический университет
Пр. Независимости, д. 65, Минск, 220053, Беларусь
E-mail: akuksa@bntu.by

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.2.7-20

Professor M.Ya. Kittary and Technical Education in the Russian Empire

A.N. Kuksa

Belarusian National Technical University, Minsk, 220013 Republic of Belarus

E-mail: akuksa@bntu.by

Received October 15, 2023; Accepted December 15, 2023

Abstract

Throughout its history, Kazan University has always been proud of its distinguished alumni and esteemed professors. Among them, Modest Yakovlevich Kittary, a professor at Kazan Imperial University and the head of the Department of Technology from 1850 to 1857, stands out as a strong advocate for technical education. He was one of the few who embraced and supported the state's vision for universities as centers of academic, pedagogical, educational, and cultural progress within the province, region, and the entire nation. As a passionate civic and public activist, he championed the importance of technical education for industrialists and the general public, recognizing its potential to elevate the level of culture, literacy, and prosperity. His work prompted the revival of the Kazan Economic Society, the opening of new factories, as well as technical and technological advances. M.Ya. Kittary's life has been the research focus of many Kazan University scholars. Here, his contribution to promoting technical education is analyzed in greater detail based on the materials from the Journal of the Ministry of National Education. Particular attention is paid to the changes in the educational system of the Russian Empire during that period, as documented by the above journal, and the central role of M.Ya. Kittary in the modernization of the higher technical education landscape.

Keywords: M.Ya. Kittary, Kazan University, technical education, science gymnasia, Department of Technology

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Shymukovich S.F. On higher education in the Belarusian lands from the 19th to the early 20th century. In: *Vyss'haya shkola: problemy i perspektivy: sbornik materialov XIV Mezhdunar. nauch.-metodich. konf., Minsk, 29 noyabrya 2019 g.* [Higher School: Problems and Prospects: Proc. XIV Int. Sci.-Methodol. Conf., Minsk, Nov. 29, 2019]. Minsk, Akad. Upr. Pres. Resp. Belarus', 2019, pp. 330–331. (In Russian)
2. Shymukovich S.F. The involvement of the intellectual elite from the Western region in the development of Kazan University during the 1820s–1850s. *Belaruski Gistarychny Chasopis*, 2018, no. 12, pp. 35–41. (In Belarusian)
3. Shymukovich S.F. The intellectual elite of the Western region in Kazan University during the 1860s–1880s. *Belaruski Gistarychny Chasopis*, 2020, no. 4, pp. 21–27. (In Belarusian)
4. Musabekov Yu.S. Modest Yakovlevich Kittary. *Zhurnal Prikladnoi Khimii*, 1952, vol. 25, no. 11, pp. 26–34. (In Russian)
5. Rysaeva G.R. Educating engineering and technical professionals at Kazan University during the 19th and early 20th centuries. *Extended Abstract of Cand. Hist. Diss.* Kazan, 1987. 15 p. (In Russian)
6. Wulfson G.N., Nureeva F.F. *Brat'ya po dukhu. Pitomtsy Kazanskogo universiteta v osvoboditel'nom dvizhenii 1840–1870-kh gg.* [Brothers in Spirit. Kazan University Alumni in the Liberation Movement of the 1840s–1870s]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 1989. 195 p. (In Russian)

7. Wulfson G.N., Nureeva F.F. Modest Yakovlevich Kittary, an editor of “Proceedings of the Kazan Economic Society”. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 1998, vol. 134, pp. 138–147. (In Russian)
8. Nureeva F.F. A trip of Perm merchant D.D. Smyshlyayev and Kazan Professor M.Ya. Kittary to the London Exhibition of 1851. In: Bystrykh T.I. (Ed.) *Smyshlyayevskii sbornik: issledovaniya i materialy po istorii i kul'ture Permi* [Smyshlyayev Bulletin: Studies and Materials on the History and Culture of Perm]. Perm, 2013, no. 5, pp. 11–15. (In Russian)
9. Utkin A.A. The liberal intelligentsia of Kazan between the 1850s–1860s. *Extended Abstract of Cand. Hist. Diss.* Kazan, 2002. 23 p. (In Russian)
10. Bik-Bulatov A.Sh. *Ocherki istorii kazanskoi zhurnalistiki 1758–1918* [Essays on the History of Journalism in Kazan during 1758–1918]. Vol. 2. Kazan, Izd. Dom Makovskogo, 2021. 978 p. (In Russian)
11. Bik-Bulatov A.Sh. Journalism in Kazan under the Russian Empire: Trends and features of development. *Extended Abstract of Doct. Philol. Diss.* Voronezh, 2023. 50 p. (In Russian)
12. Bik-Bulatov A.Sh. Journalism in Kazan under the Russian Empire: Trends and features of development. *Doct. Philol. Diss.* Kazan, 2023. 463 p. (In Russian)
13. Surnina I.A. A short biography of M.Ya. Kittary. *Voprosy Teorii i Praktiki Zhurnalistiki*, 2017, vol. 6, no. 1, pp. 68–76. (In Russian)
14. Surnina I.A. Private business newspapers and magazines during the emergence of capitalism in Russia (1857–1865). *Doct. Philol. Diss.* Moscow, 2018. 458 p. (In Russian)
15. Pekarskii M.S. The history of science education in the Kursk Governorate from the mid-19th to the early 20th century. *Cand. Hist. Diss.* Kursk, 2005. 195 p. (In Russian)
16. Surnina I.A. M.Ya. Kittary’s “Industrial Leaflet” (858–1859). *Mediascope*, 2017, no. 3. URL: <http://www.mediascope.ru/2360>. (In Russian)
17. Surnina I.A. *Gazeta “Promyshlennyi listok” M.Ya. Kittary (1858–1859)* [M.Ya. Kittary’s Newspaper “Industrial Leaflet” (858–1859)]. Moscow, Flinta, 2018. 130 p. (In Russian)

Для цитирования: Кукса А.Н. Профессор М.Я. Киттары и техническое образование в Российской империи // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 2. С. 7–20. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.2.7-20>.

For citation: Kuksa A.N. Professor M.Ya. Kittary and technical education in the Russian Empire. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 2, pp. 7–20. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.2.7-20>. (In Russian)

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(5)(093)

doi: 10.26907/2541-7738.2024.2.21-36

**«ВАС Я ЗНАЮ... КАК МАСТИТОГО УЧЕНОГО
И БОЛЬШОГО ЗНАТОКА ВОСТОЧНЫХ НАРОДНОСТЕЙ,
ЗАЩИТНИКА ИХ ИНТЕРЕСОВ В НАУЧНОЙ ОБЛАСТИ...».
УЧЕННЫЕ И ПРОСВЕТИТЕЛИ Г. РАХИМ И Г. СААДИ**

**(неопубликованные письма академику В.В. Бартольд
1927–1929 годов)**

*Р.М. Валеев¹, Р.З. Валеева², Г. Иналджик³, Ф.Г. Миниханов⁴,
Я.Р. Рахимова¹*

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

²Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязева, г. Казань, 420111, Россия

³Университет Мармара, г. Стамбул, 34722, Турция

⁴Академия наук Республики Татарстан, г. Казань, 420111, Россия

Аннотация

Становление и развитие национальных гуманитарных исследований в Казани в 20-е годы XX в. связаны с деятельностью плеяды самоотверженно преданных науке татарских ученых и просветителей. Среди них выделяются Гали Рахим (Мухаметгали Мухамметшакирович Габдрахимов) (1892–1943) – писатель, поэт, историк литературы и фольклорист – и Габдрахман Сагди (Габдрахман Гайнанович Саади) (1889–1956) – литературовед и ученый-востоковед. Они были яркими представителями татарского ренессанса и оказали значительное влияние на развитие научных исследований в сфере истории, литературы, языкознания, археологии тюркских народов, особенно татар. Разрабатывая проблемы самых разных научных областей, они являлись учеными-энциклопедистами и заложили основы современных научных и педагогических направлений в ряде казанских университетских и научно-просветительских центров в 20-е годы XX в. В статье представлено их неизвестное эпистолярное наследие: одно письмо А. Рахима (1927 г.) и два письма А. Саади (1928 и 1929 гг.) выдающемуся востоковеду и академику В.В. Бартольд, хранящиеся в его личном фонде в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. Эти письма – яркое и значимое свидетельство продолжения научных и личных контактов татарских ученых с ведущими представителями отечественного академического востоковедения конца 20-х годов XX в.

Ключевые слова: Россия, Татарстан, научные центры, наследие татарских ученых, В.В. Бартольд, А. Рахим, Г. Саади

Этапы жизни, судьбы и научное наследие выдающихся татарских ученых и просветителей Гали (Али) Рахима (Мухаметгали Мухамметшакировича Габдрахимова, 1892–1943) (I) и Габдрахмана (Абдрахмана) Сагди (Габдрахмана Гайнановича Саади, 1889–1956) (II, III) достаточно детально и всесторонне освещены в современной энциклопедической и монографической литературе и разнообразных публикациях [1–8].

По этой причине нам представляется, что нет необходимости указывать подробные биографические сведения об этапах и направлениях деятельности авторов писем академику В.В. Бартольду в дореволюционный и ранний советский периоды. Обратимся лишь фрагментарно к некоторым событиям и оценкам, связанным с казанским периодом их творчества и личными письмами А. Рахима¹ и Г. Саади² академику В.В. Бартольду³.

На рубеже XIX–XX вв. и в первые десятилетия XX в. Российская империя, а затем Советская Россия и СССР претерпели значительные общественно-политические, социальные и культурные перемены, которые отразились на судьбах татарских ученых.

В 20-е годы XX в. в Казани А. Рахим и Г. Саади стали активными участниками татарского общественного, научного и культурного возрождения, оставив значимое наследие⁴ по актуальным вопросам истории и культуры татарского народа, истории татарской литературы, языкознания, фольклористики, эпиграфики, исторического краеведения.

В 1927 г. А. Рахим подписал «Письмо 82-х», направленное И.В. Сталину и Татарскому обкому Всесоюзной Коммунистической партии большевиков, о недопустимости форсированного перевода татарского языка на латинскую графику (яналиф). Против подписавших обращение была развернута общественно-политическая кампания в печати и на собраниях. В письмах А. Рахима и Г. Саади академику В.В. Бартольду в полной мере не отразились сложные общественно-политические и культурные события и процессы 20-х годов XX в.

Имена ученых вписаны в летопись гуманитарных исследований в области истории и культуры тюркских народов, особенно татар, их работы занимают важное место в истории развития отечественных академических и краеведческих институтов, университетских центров, а также исследований конца XIX – начала XX в. как в Казани, так и в Татарстане в целом.

В биографии А. Рахима особо выделяется казанский период жизни (с 1917 г. и до его смерти в 1943 г. после репрессий 1931–1934, 1937–1943 гг.⁵), в 1925–1930 гг. в Казани также жил и творил Г. Саади.

¹ Он подписал письмо «А. Рахим».

² В своих письмах ученый подписывался «А. Саад» или «А. Саади».

³ Василий Владимирович Бартольд (1869–1930) – российский и советский историк, востоковед-медиевист (тюрколог, арабист), исламовед, источниковед, один из основателей российской школы востоковедения. Академик Российской академии наук (1913 г.).

⁴ В Центре письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова представлены личные фонды А. Рахима (Документальные материалы татарского ученого, литературоведа Гали Рахима (Габдрахимова Гали). (1922–1932). Номер фонда 18) и Г. Саади (Материалы по биографии, научно-педагогической деятельности и научные труды Г. Саади, материалы к ним. (1910–1956). Номер фонда 98), где сохранились их опубликованные и рукописные материалы. (См.: Габдрахимов Гали Мухамметшакирович // Центр письменного и музыкального наследия – Мирасханэ. URL: <https://miras.info/resources/funds/53-rahim-gali.html>, свободный; Саади Габдрахман Гайнанович // Центр письменного и музыкального наследия – Мирасханэ. URL: <https://miras.info/resources/funds/88-saadi-gabdrahman-gajnanovich.html>, свободный).

⁵ Осужден особой коллегией ОГПУ ТАССР 11 мая 1932 г. по статьям 58-10 (антисоветская агитация и пропаганда), 58-11 (организационная контрреволюционная деятельность), 58-2 (вооруженное восстание), 58-4 (оказание помощи международной буржуазии). Приговор: 5 лет концлагерей. Место отбывания: Белбалтлаг, Беломорканал. Освобожден 22 августа 1934 г. Основания освобождения: ударник труда. Арестован повторно 23 июля 1937 г. Приговор: 2 года тюрьмы. Осужден в 1940 г. Приговор: 8 лет ИТЛ. Освобожден в 1943 г. в связи с предсмертным состоянием. Только 3 октября 2022 г. благодаря активным поискам и усилиям сотрудников Института истории им. Ш. Марджани АН РТ состоялось открытие мемориальной доски на месте захоронения Г. Рахима на Ново-Татарском кладбище Казани. Был реабилитирован 29 сентября 1959 г. См.: Книга Памяти Республики Татарстан. URL: [https://ru.openlist.wiki/Абдрахимов_Гали_Шакирович_\(1892\)](https://ru.openlist.wiki/Абдрахимов_Гали_Шакирович_(1892)).

На момент отправки корреспонденций академику В.В. Бартольду А. Рахима и Г. Саади уже были сложившимися личностями и состоявшимися учеными: обучались в религиозных и светских учебных заведениях России и Османской империи, в период с 1900 по 20-е годы XX в. были опубликованы их оригинальные работы и статьи. Они вели активную преподавательскую, научно-просветительскую и общественную деятельность, связанную с Северо-Восточным археологическим и этнографическим институтом, Восточной академией, Восточным педагогическим институтом, Обществом археологии, истории и этнографии при Казанском университете, Научным обществом татароведения.

Литературная и научная работа А. Рахима в Казани была органично связана с наследием и творчеством его двоюродного брата – известного историка, востоковеда, писателя и архивиста Газиза Губайдуллина (1887–1937)⁶.

Если деятельность А. Рахима в Казани продолжалась с 1917 по 1943 г., то казанский период биографии Г. Саади связан только со второй половиной 20-х годов XX в. Как отмечает Ч.М. Гилязова, «осенью 1925 г. Народный комиссариат просвещения ТАССР, по инициативе Г. Ибрагимова, приглашает Г. Саади в Казань. Подлинный талант Саади как ученого раскрылся именно в казанский период (1925–1930 гг.). С первых дней пребывания до 1930 г. он преподавал татарскую литературу в Татарском Коммунистическом университете, педагогическом техникуме. Среди его учеников были будущие известные литературоведы Гумер Гали, Гумер Тулумбайский (Абдулхак Шагиахметов)» [9, с. 11]. Важной составляющей опубликованного творчества Г. Саади является бесценное литературоведческое наследие на татарском, узбекском, казахском, туркменском языках, объединяющее социокультурное достояние тюркских народов СССР и России.

Следует отметить, что отъезд Г. Саади в 1930 г. из Казани в Среднюю Азию и его дальнейшая деятельность в Самарканде и Ташкенте были во многом обусловлены началом политических репрессий в ТАССР.

В 20-е годы XX в. наследие ученых во многом предопределило формирование ранней советской «новой школы» татарских гуманитарных комплексных поисков и размышлений в области языкознания, литературоведения, истории, фольклористики, археографии и источниковедения. Они и их соратники сыграли важную роль в формировании стратегии и исследовательских направлений национальной татарской гуманитарной научной школы, в основе которой лежал ключевой интерес к животрепещущим вопросам социального, исторического и культурного развития татарского народа.

Научно-исследовательские и просветительские усилия ученых-энтузиастов Г. Рахима и Г. Саади по изучению историко-культурного наследия татарского народа и в целом тюркоязычных народов СССР/России способствовали институ-

⁶ Газиз Губайдуллин был одним из первых историков с высшим образованием среди российских тюрков до революции 1917 г. В 1910–1914 гг. он сначала учился на юридическом, затем окончил историко-филологический факультет Императорского Казанского университета. В 1925 г. получил приглашение в Баку и начал работать в Бакинском государственном университете. В 1927 г. получил звание профессора Самаркандского университета при поддержке известного историка и академика В.В. Бартольда. До 1937 г. Газиз Губайдуллин, работавший в Баку, Казани и Самарканде, сыграл важную роль в подготовке (тюркизации) местных кадров и стал главным учителем первых историков Азербайджана. Помимо чтения лекций в Бакинском, Казанском и Самаркандском университетах, он написал около 160 научных трудов и статей. См.: Türkoğlu İ. UBEDULLİN, Aziz. URL: <https://islamansiklopedisi.org.tr/ubeydullin-aziz>, свободный.

циализации региональных гуманитарных дисциплин и углублению взаимодействия с известными российскими академическими центрами и учеными.

Единственное сохранившееся письмо писателя, языковеда, фольклориста, археографа-источниковеда и доцента А. Рахима В.В. Бартольду (от 24 декабря 1927 г.) связано с его неустанной преподавательской и научно-просветительской деятельностью в Восточном педагогическом институте⁷ и работой на должности секретаря в Научном обществе татароведения в Казани⁸.

Два письма Г. Саади (1928 и 1929 гг.) на имя академика В.В. Бартольда относятся к периоду, когда татарский ученый стал доцентом (в 1926 г.) и был утвержден (в 1929 г.) профессором Казанского восточного педагогического института, возглавлял там кафедру татарского языка и литературы, кабинет литературы.

В письме А. Рахим пишет В.В. Бартольду о направлении статьи «О новом списке татарского исторического сочинения XVII века»⁹ и обращает его внимание на тот факт, что «в некоторых татарских историч[еских] рукописях, особенно в тех местах, где говорится об основании города Болгар и о принятии болгарским ханом ислама...» (IV, л. 1), упоминаются неизвестные ему сочинения, просит уточнить сведения о ряде арабо-мусульманских источников. Далее добавляет: «Рукописей под такими названиями мне не приходилось встречать ни в местных собраниях татарских рукописей, ни в частных библиотеках. Я был бы крайне признателен, если бы Вы нашли возможность дать мне кое-какие указания по поводу этих книг, уделив для ответа на это письмо несколько минут Вашего драгоценного времени» (IV, л. 2).

Доцент Восточного педагогического института Г. Саади, обращаясь к В.В. Бартольду с просьбой о поддержке в получении звания профессора, пишет: «Но тут нужно иметь в виду то, что мое стремление к получению высшей научной квалификации, в сущности, есть не мое личное желание, а это есть порыв к продвижению своих научных сил того народа, который веками не имел доступа и возможности достигнуть высших ступеней научной лестницы и получил к этому возможность только благодаря Советской власти» (V, л. 1).

Публикуемые с комментариями одно письмо А. Рахима и два письма Г. Саади петербургскому востоковеду хранятся в личном фонде академика В.В. Бартольда в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН¹⁰ (IV–VI).

К сожалению, не удалось разыскать письма академика В.В. Бартольда казанским преподавателям и ученым А. Рахиму и Г. Саади.

⁷ 22 августа 1922 г. на заседании президиума коллегии центрального органа управления профессиональным образованием Наркомпроса РСФСР (1920–1930 гг.) было принято решение создать в Казани централизованную высшую педагогическую школу – Восточный педагогический институт (ВПИ). В ходе реформы в ВПИ вошли факультет общественных наук Казанского университета, Казанский педагогический институт, Восточная академия (бывший Северо-Восточный археологический и этнографический институт). В структуре ВПИ было образовано восточное отделение, созданное на основе Восточной академии. На ВО ВПИ работали профессор Н.Н. Фирсов (руководитель), Н.И. Воробьев, Е.И. Чернышев, представители татарской интеллигенции: Г. Саади, Г.С. Губайдуллин, Г.А. Рахим, Г. Шараф, Д. Валиди и др.

⁸ В мае 1923 г. образовано Научное общество татароведения.

⁹ Рахим (Абдрахимов) А. О новом списке татарского исторического сочинения XVII века // Вестн. научного общества татароведения. 1927. № 7. С. 133–148.

¹⁰ Авторы выражают благодарность директору СПбФ АРАН, члену-корреспонденту РАН, профессору И.В. Тункиной и сотрудникам научного центра за предоставленную возможность опубликовать и ввести в научный и общественный оборот данное эпистолярное наследие российского ученого.

Как нам представляется, письма татарских ученых остаются оригинальным историческим свидетельством ценного и плодотворного сотрудничества ученых Казани и Санкт-Петербурга в конце 20-х годов XX в.

Письмо А. Рахима академику В.В. Бартольдугу (IV)¹¹

Казань.
24.XII.1927.

Глубокоуважаемый Василий Владимирович!

Несколько недель тому назад мною были посланы Вам по почте (по адресу Вост[очный] институт) № 7 «Вестника научного о[бщест]ва татароведения», а также отдельный оттиск моей статьи «О нов[ом] списке тат[арского] ист[очника] соч. XVII в.»¹², которые, надеюсь, своевременно получены Вами.

В связи с упомянутой моей статьей осмеливаюсь обратиться к Вам с небольшой просьбой.

В некоторых татарских историч[еских] рукописях, особенно в тех местах, где говорится об основании города Болгар и о принятии болгарским ханом ислама, встречаются ссылки (иногда даже выдержки) на сочинения, озаглавленные:

1³ فرهنگ مثنوی . ۱ . یا فرهنگ نام на персидском языке

2⁴ . تواریخ دوائر

3⁵ . تواریخ شاهیر

(неизвестно, на каком языке)

Ни эти сочинения, ни их авторы мне неизвестны. Рукописей под такими названиями мне не приходилось встречать ни в местных собраниях татарских рукописей, ни в частных библиотеках. Я был бы крайне признателен, если бы Вы нашли возможность дать мне кое-какие указания по поводу этих книг, уделив для ответа на это письмо несколько минут Вашего драгоценного времени.

С глубочайшим почтением к Вам

Али Рахим

Доцент Вост[очного] пед[агогического] института и секретарь о[бщест]ва татароведения.

P.S. Прошу сообщить, какие номера «Вестника» научного о[бщест]ва татароведения (почетным членом которого Вы состоите) у Вас не имеются. Недостающие №№ будут высланы дополнительно. Просьба также сообщить Ваш домашний адрес.

А[ли] Р[ахим].

Мой адрес:

Казань, Левая Набережная Кабана, д. 100, кв. 17.

Али Рахим.

¹¹ В письмах сохранена орфография источников.

¹² Также в 1925–1930 гг. в номерах «Вестника» им были опубликованы следующие исторические, лингвистические, литературоведческие, библиографические статьи: «Каюм Насыров (к 100-летию со дня рождения)» (№ 1-2, С. 5–9), «К вопросу о татарском крестьянском движении 1878 г.» (№ 8, С. 143–152), «Легенды о «Хузьялар Тауы» (№ 8, с. 177–179), «Проект составления толкового татарского словаря 100 лет тому назад» (№ 9-10, С. 88–104), «Материалы для библиографии по крымским и литовским татарам» (№ 9-10, С. 194–200), а также оригинальные заметки и рецензии.

¹³ Farhange-Masnavi – словарь Маснави; Farhange Nom – персидский толковый словарь (или книга, посвященная языку).

¹⁴ Tavarixh-i-dava`ir – история периодов.

¹⁵ Tavarihe-shahir? – История города? Выражение точно не читается.

1
Казань, 24/хII - 1927.

Глубокоуважаемый Василий
Владимирович!

Несколько недель тому назад
мною были посланы Вам по почте
(по адресу Вост. Унет.) № 7 «Вестника
Научного Об-ва Татароведения»,
а также отдельный оттиск
моей статьи «О ков. списке тат.
ист. сог. XVIII в.», которые, надеюсь,
своевременно получены Вами.

В связи с упомянутой моей
статьей осмеливаюсь обратиться
к Вам с небольшой просьбой.

В некоторых татарских историях,
рукописях, особенно в тех местах,
где говорится об основании города
Болгар и о принятии болгарскими
канами ислама, встречаются

105
 есмьки (иногда даже выдержки)
 на сочинения) означавшие :

(1) فرھنگ مشنوی или فر سید نام

(на переиудском языке)

(2) تواریخ دوائرو (неизвестно)

(3) تواریخ شامیه (на каком языке)

Ни эти сочинения, ни их
 авторы мне неизвестны.

Рукописей под такими названиями
 мне не приходилось встречать
 ни в местных собраниях
 татарских рукописей, ни
 в частных библиотеках.

Я был бы крайне признателен,
 если бы Вы нашим возмоществом
 дали мне кое-какие указания
 по поводу этих книг, уделив
 для ответа на это письмо
 несколько минут Вашего

2

драгоценного времени.

С глубочайшим почетом к Вам

Али Рахими

./ Доцент Вост. Пед. Института
и секретарь О-ва Матароведения.

Р.А. Прошу сообщить, какие
номера «Вестника» Научного
О-ва Матароведения (почтовым
номером которого Вы состоите)
у Вас не имеются. Недостающие
н.н. будут высланы дополнительно.
Просьба сообщить также Ваш
домашний адрес.

А. Р.

Мой адрес:

Казань, Левая Набережная
Кабана, д. 100, кв. 17.

Али Рахими.

Два письма А. Саади академику В.В. Бартольду
№ 1. Письмо А. Саади академику В.В. Бартольду от 7 октября 1928 г. (V)

7 октября, 1928 г.

Казань¹⁶

Многоуважаемый академик Бартольд!

Ваше письмо от 14 сентября с/г мною получено, за что искренне Вас благодарю. Письмо Ваше написано в тоне дружеской поддержки, который дал мне новую надежду в осуществлении моего стремления к профессуре.

В этом письме я намерен ответить на некоторые Ваши сомнения в упомянутом письме и уже известные Вам факты намерен дополнить еще новыми фактами о моей деятельности.

Я не думаю, что мои труды за период доцентской деятельности не имеют значения для получения мною профессорского звания. Хотя количественно их немного, но качественно, как со стороны научной ценности и новизны затронутых тем, которые до меня были совершенно не разобраны, так и со стороны исследовательского характера, а самое главное, со стороны марксистского метода трактования вопросов литературы – эти мои труды должны иметь хотя некоторое значение для повышения моей квалификации. Эти труды о литературе, не считая моих педагогических трудов, составляют в общем и целом около 10 печатных листов. Сюда относятся статьи-брошюры под названиями: «Наша литературная критика», «Литература в татарских школах до и после октября», «Литература и методы ее преподавания», «Основные моменты в развитии татарской литературы», «Галимджан Ибрагимов» и т. д. (Список этих статей при сем прилагается). Мне кажется, что эти статьи должны указать те перспективы, которые имеются для моей будущей научной деятельности, с одной стороны, а с другой стороны, по ним можно судить о степени повышения моей научной квалификации за период доцентской деятельности.

Вместе со всем этим только в последнее время мною подготовлен к печати труд под названием «История татарской литературы послеоктябрьской эпохи» размером в 15 печатных листов. Выход этого труда на свет задерживается только потому, что издательство сейчас занято печатанием учебников. Если для дачи мне отзыва этот труд¹⁷ Вам будет необходим, то я могу в рукописном виде для Вас заготовить лишний экземпляр и послать. Из печати он выйдет не раньше января-февраля м[еся]ца.

Последний труд (уже упомянутый) является II-й частью (продолжением) моей «Истории татарской литературы»¹⁸. Тема обоих трудов, совершенно до сих пор не разработанная, новая тема. Первая часть этого труда, которая настоящим препровождается Вам, уже получила ряд весьма положительных отзывов (Г. Ибрагимов¹⁹, молодой татарский критик-марксист Г. Галеев и др. отзывы в татарской и узбекской прессе. Эти отзывы тоже при сем прилагаются). Кроме того, готовится к печати еще один труд в размере 10 печ[атных] листов по методологии и методике татарской литературы.

В настоящее время, возглавляя кафедру татарской литературы при Восточном Педагогическом Институте в Казани, руковожу работой четырех ассистентов-практикантов и в то же время являюсь сотрудником Литературной Энциклопедии²⁰, куда мною уже

¹⁶ Слово подчеркнуто автором письма.

¹⁷ Слово написано над строкой.

¹⁸ Сәгъди Г.Г. Татар әдәбияты тарихы. Казан: Татарстан Дәүләт нәшрияты, 1926. 297 б.

¹⁹ Ибрагимов Г.Г. (1887–1938) – выдающийся татарский писатель и языковед, общественный деятель.

²⁰ «Литературная энциклопедия» издавалась в СССР с 1929 по 1939 г. За указанный период было опубликовано 11 томов: издательством Коммунистического университета (т. 1–5), «Советской энциклопедией» (т. 6–9) и «Художественной литературой» (т. 10–11).

представлен ряд статей о литературах турецких народностей. Кроме того, приглашен для участия в Большой Советской Энциклопедии.

Конечно, если на дело смотреть очень строго, с европейской точки зрения – мое стремление к профессорскому званию может показаться несколько поспешным шагом. Но тут нужно иметь в виду то, что мое стремление к получению высшей научной квалификации, в сущности, есть не мое личное желание, а это есть порыв к продвижению своих научных сил того народа, который веками не имел доступа и возможности достигнуть высших ступеней научной лестницы и получил к этому возможность только благодаря Советской власти. Я не сомневаюсь в том, что Вы это имеете в виду.

С другой стороны, утверждение меня доцентом в 1927 г. было явной недооценкой таких, мне кажется, значительных моих трудов, как уже упомянутая «История татарской литературы» (дооктябрьский период), «Язык и литература в истории человечества», «Теория и практика литературы» на узбекском языке и др. Все отзывы, которые имеются на эти труды, все в один голос утверждают их серьезное и большое значение (отзывы на них при сем прилагаю). В 1927 г. эти труды, вероятно, были просмотрены такими лицами, которые не совсем поняли, а потому недостаточно оценили их.

Вместе с тем меня несколько удивляет и следующее: неужели такие монографические труды, как мои статьи «О Фараби», Газали, Ибн-Мискевей, Исфегани и др., не имеют значения для определения степени моей квалификации? (Эти статьи при сем прилагаются). Об этих статьях имеются отзывы в ученых записках Константинопольского Университета²¹ – «Туркият мэджмугасы»²², том II за 1928 г.

Эти факты явно говорят об имевшей место в 1927 г. недооценке моих трудов, что подтверждают еще и письма некоторых научных работников г. Москвы, полученные мною.

Правду говоря, мы, научные работники из восточных народностей, даже несколько обижены тем, что наши коллеги из научного мира СССР не спешат признать наших трудов, а зачастую даже не хотят признать их. Есть и²³ такие факты, когда получили профессорское звание такие лица из русских, которые совсем не имели солидных печатных трудов.

Вас я знаю, с одной стороны, как маститого ученого и большого знатока восточных народностей, и защитника их интересов в научной области – с другой; а потому думаю, что не откажетесь оказать соответствующую поддержку в удовлетворении весьма законных стремлений к выдвиганию своих научных сил одного из тех народностей, изучению которых Вы посвятили свою жизнь.

Вот это мое глубокое убеждение заставило меня обратиться с просьбой о даче отзыва в первую очередь именно к Вам. Мне было бы очень лестно получить профессуру именно по Вашему отзыву, т.е. отзыву того лица, который своими ценными трудами признан всем Ближним Востоком и учеником которого я имею счастье быть.

Прилагаю при сем список моих трудов и копии отзывов на некоторые из них, а также посылаю некоторые свои труды в дополнение к уже посланным. Т.к. экземпляров посылаемых Вам трудов у меня больше не осталось, поэтому я очень прошу Вас по

²¹ В 1908–1911 гг. Г. Саади учился в Стамбульском университете (İstanbul Darülfünun) (См.: [Demirci M. Abdurrahman Sadi'nin tatar edebiyati tarihi adli kitabinda Alimcan İbrahimov (12.3.1887 – 21.1.1938) // Hatay Mustafa Kemal Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi = Hatay Mustafa Kemal University Journal of Social Sciences Institute. 2022. Cilt 19, Sayı 50. S. 42–68]). История факультета литературы Стамбульского университета в 1900–1923 гг. подробно освещена в докторской диссертации [Selçuk M. İstanbul Darülfünun Edebiyat Fakültesi (1900–1923). İstanbul, 2010. 425 s.].

²² Г. Саади имеет в виду «Тюркологический журнал» (Türkiyat Mecmuası) – известный научный журнал Стамбульского университета. Издается с 1925 г. по настоящее время. В своем письме ученый обращает внимание академика В.В. Бартольда на II том 1928 г. См.: URL: <https://dergipark.org.tr/tr/pub/iuturkiyat>, свободный.

²³ Дописано над строкой.

ознакомлению с ними их мне возвратить; для чего прилагаю марки. (Можете посылать через Г. Алпарова²⁴).

С искренним приветом, преданный Вам: А. Саад. А. Саади. [подпись].

№ 2. Письмо А. Саади академику В.В. Бартольду от 22 января 1929 г. (VI)

Глубокоуважаемый академик Бартольд!

Очень извиняюсь, что мне опять пришлось Вас беспокоить своим письмом. Вопрос о получении мною профессорского звания поднимается в конце февраля месяца с/г. Поэтому, если будет возможность, я убедительно просил бы Вас осчастливить меня высылкой Вашего отзыва на указанный предмет не позже 15-го февраля с/г.

Вместе с этим письмом посылаю Вам данные мне членом Академии Художественных Наук Г. Ибрагимова и отзывы о моих трудах как в тюрко-татарской, так и русской печати.

Также посылаю Вам содержание моего последнего труда в размере приблизительно 20 печатных листов, сданного в печать.

Вместе с тем напоминаю Вам, что в только что выпущенном I томе Литературной Энциклопедии, изданной Ком[мунистической] Академией, имеются мои статьи (напр., «Башкирская литература»)²⁵.

Спешить с этим вопросом меня и ВПИ, в котором я преподаю, заставляют разные причины. Одной из них является уже, вероятно, Вам известный вопрос о пересмотре и перевыборе профессорского и доцентского состава ВУЗов СССР.

Уважающий Вас: доц. А. Саад. [подпись].

22.01.[19]29.

Мой адрес: Казань, ул. Ленина, дом 42, кв. 4.

²⁴ Алпаров Г.Х. (1888–1936) – ученый-тюрколог, профессор (1932 г.). В 1926–1930 гг. учился в Ленинградском восточном институте, окончил аспирантуру. В 1930–1936 гг. преподавал в Восточном педагогическом институте (доцент, профессор). С 1932 г. являлся заведующим кафедрой татарского языка и литературы.

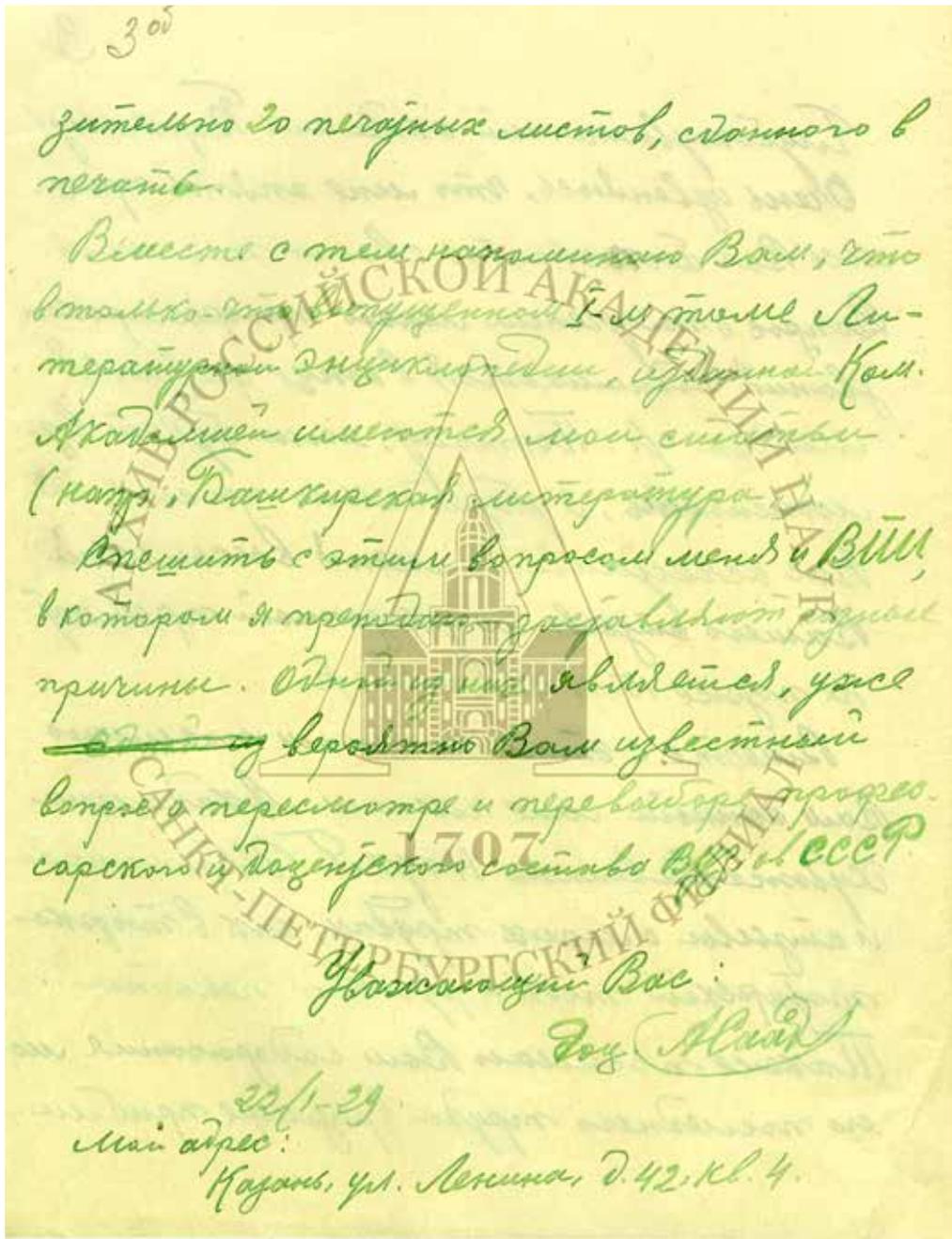
²⁵ «БАШКИРСКАЯ ЛИТЕРАТУРА – одна из тех молодых революционных литератур, которые возникли исключительно благодаря Октябрьской революции, создавшей новые общественно-экономические условия советского строя. Башкиры вследствие тесной общественно-экономической и вообще культурной связи с татарами подпали под влияние татарской лит-ры. Для татар, изгнанных или бежавших из Казанского ханства и Золотой Орды после их падения, башкирские степи являлись удобным убежищем. Поселившиеся здесь татары превосходили в культурном отношении башкир, поэтому оказали влияние на их развитие. Открытие магометанского духовного собрания во главе с мирзами-дворянами из татар [1789] в центре Башкирии благоприятствовало тому, что и башкирское духовенство усвоило религиозно-мистическую татарскую лит-ру» [Саади А. Башкирская литература // Литературная энциклопедия: в 11 т. [М.], 1929–1939. Т. 1. [М.]: Изд-во Ком. Акад., 1930. Стб. 373–376].

3

Глубокоуважаемый академик Бартольд!
Очень извинюсь, что мне опдтъ прии-
млет Васе беспорочной своимъ писемъ.

Вопрос о получении мною профессорскаго
званія поднимается в конце февраля
марта ср. Поэтому, если буди въ
марте, я удовлетельно проси о
Васе огласить мени въсылкой
Вашего отзыва на указанной предиде
не позже 15-го февраля ср.

Вместе с этимъ писемъ посылаю
Вамъ копию мое писемъ Академии
художествъ и наукъ С. Уварова
и отзыва о моемъ трудѣ, какъ въ тюрко-
графской такъ и русской печати.
Также посылаю Вамъ содержание мо-
его послѣдняго труда въ раздѣлѣ приби-

Благодарности. Исследование осуществлено при финансовой поддержке РФФИ и Кабинета Министров Республики Татарстан в рамках научного проекта № 23-28-10046 и в соответствии с Программой стратегического академического лидерства Казанского (Приволжского) федерального университета.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- I – Центр письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. № 18. Оп. 1 Количество единиц хранения: 73. Крайние даты документов: 1922–1932. Документальные материалы татарского ученого, литературоведа Гали Рахима (Габдрахимова Гали).
- II – Центр письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. № 98. Оп. 1. № 4. Краткая автобиография. Машинопись, заверенная подписью сына Г. Саади Ф.Г. Саади. г. Самарканд. На русском языке. 10 л.
- III – Центр письменного и музыкального наследия ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова. № 98. Оп. 1. № 5. Некролог по поводу смерти проф. Г. Саади. Вырезка из газеты «Ленинский путь» № 224. На русском языке. 1 л.
- IV – СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 270: Письмо А. Рахима акад. Бартольд В.В. от 24.12.1927 г. Казань. 2 л.
- IV – СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 217: Письма А. Саади акад. Бартольд В.В. Письмо от 7 октября 1928 г. Казань. 2 л.
- VI – СПбФ АРАН. Ф. 68. Оп. 2. Д. 217: Письма А. Саади акад. Бартольд В.В. Письмо от 22 января 1929 г. 3 л.

Литература

1. *Азизова Г.* Гали Рахим: «...Был перерыв в моей научно-литературной деятельности...» // Гасырлар авазы – Эхо веков. 1998. № 1-2. С. 119–124.
2. *Азизова Г.* Гали Рэхим: тормышы һәм ижаты // Фэнни Татарстан. 2003. № 2. Б. 52–59.
3. Гали Рэхим: тарихи-документаль, әдәби һәм биографик жьентык. Казан: Жьен, 2008. 479 б.
4. *Галиева Э.Г.* Сәгъди – татар мәдәният-тарих мәктәбе галиме: [Г.Сәгъдинең әдәбиятны өйрәнүдәге методологик принциплары. Әдәбиятны культурологик аспектта өйрәнү...] // Milli мәдәниәт (Татар дәүләт гуманитар ин-ты). 2002. № 2. Б. 53–67.
5. *Даутов Р.* Догасыз еллар корбаны: [язучы, шагыйрь, фольклорчы, галим-тикшеренүче, әдәбият тарихчысы, тәнкыйтьче Гали Рэхим] // Мирас. 2002. № 11. Б. 53–56.
6. *Куракова Ч.Н.* Күренекле татар галиме Габдрахман Сәгъдинең тууына 130 ел // Фэнни Татарстан. 2019. № 4. Б. 146–149.
7. Рухи мирас: эзләнүләр һәм табышлар = Духовное наследие: поиски и открытия. Казан: ТЭҺСИ, 2018. 300 б.
8. Татарская энциклопедия: в 6 т. Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2010. Т. 5. 736 с.
9. *Гилазова Ч.М.* Проблемы литературоведения в историко-литературном наследии Г. Саади: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2006. 31 с.

Поступила в редакцию 05.02.2024

Принята к публикации 10.04.2024

Валеев Рамиль Миргасимович, доктор исторических наук, профессор кафедры китаеведения и азиатско-тихоокеанских исследований

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия

E-mail: valeev200655@mail.ru

Валеева Роза Закариевна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков в профессиональной коммуникации, декан факультета лингвистики и межкультурной коммуникации

Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова
ул. Московская, д. 42, г. Казань, 420111, Россия
E-mail: valroz@inbox.ru

Иналджик Гульджан, доктор наук, преподаватель Института тюркологических исследований

Университет Мармара
Кампус Гозтепе, Кадыкёй, г. Стамбул, 34722, Турция
E-mail: gulcan.inalcik@marmara.edu.tr

Миниханов Фидайль Гимранович, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института Татарской энциклопедии и регионоведения

Академия наук Республики Татарстан
ул. Баумана, д. 20, г. Казань, 420111, Россия
E-mail: fidail1956@mail.ru

Рахимова Язгуль Ринатовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры арабистики, исламоведения и афро-азиатских исследований

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: yrrahimova@kpfu.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 2, pp. 21–36

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.2.21-36

**“I Know You as a Venerable Scholar and a Great Connoisseur of Oriental Nationalities,
a Defender of Their Interests in the Academic Field...”
Scholars and Educators G. Rakhim and G. Saadi (Unpublished
Letters to Academician V.V. Bartold (1927–1929))**

R.M. Valeev^{a}, R.Z. Valeeva^{b**}, G. Inalcik^{c***}, F.G. Minikhanov^{d****}, Ya.R. Rakhimova^{a*****}*

^aKazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

^bKazan Innovative University named after V.G. Timiryasov, Kazan, 420111 Russia

^cMarmara University, Istanbul, 34722 Turkey

^dTatarstan Academy of Sciences, Kazan, 420111 Russia

E-mail: [*yrrahimova@kpfu.ru](mailto:yrrahimova@kpfu.ru), [**fidail1956@mail.ru](mailto:fidail1956@mail.ru), [***gulcan.inalcik@marmara.edu.tr](mailto:gulcan.inalcik@marmara.edu.tr),
[****valroz@inbox.ru](mailto:valroz@inbox.ru), [*****valeev200655@mail.ru](mailto:valeev200655@mail.ru)

Received February 5, 2024; Accepted April 10, 2024

Abstract

The period from the late 19th to the first third of the 20th century witnessed a revival and advance of national science, culture, and art. It was also marked by a growing sense of national identity and a historical and cultural pursuit by the Tatar intelligentsia. In the 1920s, the formation and development of national humanities research in Kazan were driven by the efforts of dedicated Tatar scholars and educators. Among the most prominent figures were Gali Rakhim (Mukhametgali Mukhametshakirovich Gabdrakhimov) (1892–1943)—a writer, poet, literary historian, and folklorist, Gabdrakhman Saadi (Saadi Gabdrakhman Gainanovich (1889–1956)—a literary critic and orientalist. They were the pioneers of the Tatar Renaissance and contributed substantially to the development of scholarly studies in history,

literature, linguistics, and archeography of the Turkic peoples, with a particular focus on the Tatar people. Engaged in solving a variety of problems, they were the encyclopedists who determined modern academic and pedagogical trends in many university and educational centers of Kazan during the 1920s. This article considers their previously unknown epistolary heritage: one letter of G. Rakhim (1927) and two letters of G. Saadi (1928 and 1929) to V.V. Bartold, an outstanding orientalist and academician, from his personal collection stored in the Archive of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch. These letters provide clear and strong evidence of the enduring professional and personal contacts between the Tatar scholars and leading Russian orientalists in the late 1920s.

Keywords: Russia, Tatarstan, research centers, Tatar scholars' heritage, V.V. Bartold, G. Rakhim, G. Saadi

Conflicts of Interest. The authors declare no conflicts of interest.

References

1. Azizova G. Gali Rakhim: "I took a break from my academic and literary pursuits...", *Gasyrlar Avazy – Ekho Vekov*, 1998, nos. 1–2, pp. 119–124. (In Russian)
2. Azizova G. Gali Rakhim: Life and work. *Fanni Tatarstan*, 2003, no. 2, pp. 52–59. (In Tatar)
3. *Gali Rakhim: A Collection of Historical, Literary, and Biographical Writings*. Kazan, Zhyen, 2008. 479 p. (In Tatar)
4. Galieva E.G. Saadi as a scholar of the Tatar school of cultural history: [Methodological principles of literary studies. A literature review in culturological aspect...]. *Milli Mədəniət*, 2002, no. 2, pp. 53–67. (In Tatar)
5. Dautov R. A victim of the silent years: [Gali Rakhim as a writer, poet, folklorist, scholar, literary historian, and critic]. *Miras*, 2002, no. 11, pp. 53–56. (In Tatar)
6. Kurakova Ch.N. The 130th anniversary of the birth of the Tatar scholar Gabdrakhman Saadi. *Fanni Tatarstan*, 2019, no. 4, pp. 146–149. (In Tatar)
7. *Spiritual Legacy: Search and Discoveries*. Kazan, TEhSI, 2018. 300 p. (In Tatar)
8. *Tatarskaya entsiklopediya* [Tatar Encyclopedia]. Vol. 5. Kazan, Inst. Tatar. Entsikl. Akad. Nauk RT, 2010. 736 p. (In Russian)
9. Gilazova Ch.M. Problems of literary studies in G. Sagdi's historical and literary legacy. *Extended Abstract of Cand. Philol. Diss.* Kazan, 2006. 31 p. (In Russian)

Для цитирования: Валеев Р.М., Валеева Р.З., Иналджик Г., Миниханов Ф.Г., Рахимова Я.Р. «Вас я знаю... как маститого ученого и большого знатока восточных народностей, защитника их интересов в научной области...». Ученые и просветители Г. Рахим и Г. Саади (неопубликованные письма академику В.В. Бартольду 1927–1929 годов) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 2. С. 21–36. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.2.21-36>.

For citation: Valeev R.M., Valeeva R.Z., Inalcik G., Minikhanov F.G., Rakhimova Ya.R. "I know you as a venerable scholar and a great connoisseur of oriental nationalities, a defender of their interests in the academic field...". Scholars and educators G. Rakhim and G. Saadi (unpublished letters to Academician V.V. Bartold (1927–1929)). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 2, pp. 21–36. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.2.21-36>. (In Russian)

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 392/395

doi: 10.26907/2541-7738.2024.2.37-47

**ПРОФЕССОР П.В. ДЕНИСОВ –
ВОСПИТАННИК КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Л.А. Таймасов

Чувашский государственный университет, г. Чебоксары, 428015, Россия

Аннотация

Рассмотрена роль Казанской историко-этнологической школы в формировании научных воззрений и профессиональных качеств профессора П.В. Денисова. Казанский университет стал для многих уроженцев Чувашии *alma mater*, большинство исследований о чувашах написано его воспитанниками: Н.В. Никольским, В.К. Магницким, И.Я. Яковлевым, Н.И. Золотницким и др. Отмечается, что П.В. Денисов достойно продолжил дело своих предшественников. Научно-образовательные центры Казани сыграли определяющую роль в его становлении как ученого и педагога. Вся жизнь П.В. Денисова была посвящена служению науке и подготовке кадров высшей квалификации. Его научно-педагогическая деятельность связана в основном с Чувашским государственным университетом им. И.Н. Ульянова, где он преподавал такие дисциплины, как основы этнографии, историография, руководил кафедрой истории СССР, основал кафедру археологии, этнографии и региональной истории и был ее заведующим. Им опубликовано 120 научных работ, подготовлено 20 кандидатов и докторов исторических наук. П.В. Денисов гордился, что является выпускником Казанского университета, всегда поддерживал деловые и дружеские отношения с коллегами из Татарстана. Материал данной статьи может быть использован при написании обобщающих работ о воспитанниках Казанского университета и истории этнологической науки в Волго-Уральском регионе.

Ключевые слова: П.В. Денисов, Казань, Казанский университет, этнография, ученый, наука, преподавание, кафедра, публикации

Время скоротечно – уже прошло одиннадцать лет с тех пор, как не стало П.В. Денисова, видного этнолога, педагога, автора многих книг и статей по истории и культуре народов Волго-Уральского региона. С учетом того, что в 2023 г., объявленном в России Годом педагога и наставника, отмечалось 95-летие со дня рождения ученого, заявленная тема обретает особую актуальность и общественную значимость. Современная наука основывается на фундаменте, заложенном предшествующими поколениями исследователей. В настоящее время во всех национальных республиках Приволжского федерального округа этнология достигла существенных результатов: в научно-образовательных центрах имеются специализированные кафедры, отделы, занимающиеся исследованием традиционных культур народов региона, функционируют диссертационные советы, дающие путевку в науку молодым ученым. Успехи в этой области научных знаний стали возможны прежде всего благодаря Казанскому университету, в деятельности которого этнология (этнография) всегда составляла важнейшее научное направление.

Несколько поколений ученых и воспитанников старейшего вуза страны создавали научно-теоретическую базу региональной историко-этнографической науки. Настоящая статья посвящается одному из воспитанников Казанского университета П.В. Денисову, жизнь и деятельность которого были связаны с развитием этнологических знаний в Чувашской Республике. Автор этих строк является учеником профессора П.В. Денисова, поэтому при написании статьи руководствовался не только литературным материалом, но и сведениями, полученными в ходе многочисленных бесед с учителем, членами его семьи, учеными-этнологами.

Петр Владимирович Денисов родился 28 августа 1928 г. в д. Бахтигильдино Батыревского района Чувашской АССР в многодетной крестьянской семье. Он рос любознательным, рано пристрастился к чтению. Родители его, Владимир Денисович и Анастасия Львовна, вырастили и воспитали девятерых детей, привили им тягу к знаниям. Можно считать уникальным явлением то, что все дети Денисовых окончили высшие учебные заведения. Петр Денисов вместе со страной испытал тяготы военного лихолетья, помогал родителям по хозяйству, во время каникул трудился в колхозе. Ему, ученику старшего класса, доверили работу почтальона, что во время войны требовало особого подхода и чуткости к людям. Он любил общение, с большим вниманием слушал рассказы умудренных жизненным опытом односельчан, интересовался народными обычаями, обрядами. Его родная деревня находилась по соседству с татарскими и мордовскими селениями, поэтому интерес к языкам и культуре разных народов у него возник еще в детские годы. Будучи уже известным ученым, Петр Владимирович в своей речи нередко использовал татарские слова и речевые обороты. Необходимо отметить, что социализация будущего исследователя происходила в полиэтнической среде, что оказало значительное воздействие на выбор им этнологической науки.

В 1944 г., окончив школу, П.В. Денисов в товарном вагоне проходящего поезда отправился в Казань поступать в университет. Это был смелый, решительный шаг юноши, которому еще не исполнилось 16 лет [1, с. 4–5]. Став студентом, Петр Денисов начал постигать азы науки, знакомился с городом, его жителями. Как потом вспоминал ученый, его интересовали прежде всего исторические памятники, музеи, библиотеки, а также этнокультурная мозаика многонационального населения большого города. В университете он получил возможность в полной мере утолить жажду знаний. В годы войны в Казань были эвакуированы многие академические институты, в том числе и Институт истории АН СССР, что дало возможность студентам видеть и слушать ведущих историков страны. Помимо аудиторных занятий, П.В. Денисов много времени уделял самостоятельной подготовке – увлеченно занимался в архивах и библиотеках. Особый интерес у него вызывали публикации и рукописные материалы досоветского периода. В частности, в студенческие годы будущий ученый изучил архив и книги уроженца с. Акулево Чебоксарского уезда Казанской губернии востоковеда Н.Я. Бичурина, исследование жизни и деятельности которого в последующем стало одним из главных направлений его научного творчества.

В Казани Петр Денисов познакомился с видным ученым и общественным деятелем профессором Н.В. Никольским [2]. Он часто бывал в квартире Николая Васильевича, помогал ему в делах житейских. Н.И. Никольский видел в молодом соотечественнике одаренную и творчески устремленную личность, стал для него учителем и наставником, делился с начинающим исследователем своими

знаниями и опытом. Подаренные им книги по этнографии народов Поволжья П.В. Денисов бережно хранил в личной библиотеке и с гордостью показывал своим ученикам. Много интересных сведений сообщал опытный наставник о жизни и деятельности известных уроженцев Чувашии Н.И. Золотницкого, В.К. Магницкого, Г.И. Комиссарова, Н.И. Ашмарина, об ученых университета Н.Ф. Катанове, Б.Ф. Адлере, Г.Н. Потанине и др.

Некоторые истории, услышанные от Николая Васильевича, П.В. Денисов пересказывал нам, своим ученикам. Например, запомнился один из его рассказов о профессоре Н.Ф. Катанове, известном тюркологе, этнографе, фольклористе. Как-то университетское руководство поручило ученому встретить на вокзале чиновника из министерства просвещения. По прибытии поезда он, как и полагается, стоял у двери вагона. Невысокого человека с азиатскими чертами лица чиновник принял за носильщика и приказал ему отнести саквояж до экипажа, всучив при этом пятак. Николай Федорович молча донес поклажу и аккуратно уложил на транспорт. Каково было удивление чиновника, когда Н.Ф. Катанов представился! Высокий гость, поняв свою оплошность, долго извинялся. Николай Федорович, приняв извинения, произнес: «Не беспокойтесь, я уже оказывался в подобных ситуациях и на Вас не обижаюсь, но денег не верну, так как заработал их честным трудом».

Н.В. Никольский также поведал об особой роли, которую сыграл в его научной судьбе выпускник Казанского университета, уроженец Чувашского края этнограф В.К. Магницкий, предложивший ему заниматься изучением истории христианизации чувашского народа. По этой теме в последующем Н.В. Никольский подготовил и издал фундаментальную монографию, а в 1913 г. защитил в Казанском университете магистерскую диссертацию [3, с. 46–47]. Он, в свою очередь, посоветовал П.В. Денисову продолжить исследование начатой им темы – религии чувашского народа. Еще одна тема, получившая благодаря Н.В. Никольскому отражение в научном творчестве П.В. Денисова, – история появления в Казани первой чувашской газеты «Хыпар» (Весть). Николай Васильевич был инициатором учреждения газеты и ее редактором. Сведения, полученные из первых рук, легли в основу ряда публикаций П.В. Денисова о создателях первой чувашской газеты, авторах статей и т. д.

Студент П.В. Денисов учился старательно, экзамены сдавал на «хорошо» и «отлично». На способного, инициативного студента, интересующегося историей и культурой народов Поволжья и Приуралья, обратил внимание видный ученый, профессор Н.И. Воробьев, который направлял его научные интересы в область этнологии, привлекал к участию в этнографических экспедициях. В ходе поездок по селениям Татарской республики Петр Денисов набирался опыта полевых исследований, теоретические знания дополнял наблюдениями за жизнедеятельностью многонационального населения. Н.И. Воробьев познакомил П.В. Денисова со своими аспирантами – Е.П. Бусыгиным, Н.В. Зориным, ставшими в последующем маститыми этнографами, преподавателями Казанского университета и лучшими его друзьями. Учитель высоко ценил своих учеников и относился к ним по-отечески, радовался их успехам [4, с. 45–46]. Петр Владимирович гордился высокой оценкой Н.И. Воробьева, который как-то заявил, что после него лучшими знатоками материалов по этнографии Поволжья являются Е.П. Бусыгин и П.В. Денисов. В бытность аспирантом, а в последующем и докторантом Петра Владимировича автору этих строк по рекомендации научного руководителя не раз приходилось консультироваться у его казанских коллег.

Получив диплом об окончании университета, П.В. Денисов выбирает путь ученого-этнографа. Как одного из лучших выпускников, его направляют в аспирантуру при Институте языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР по специальности «этнография народов СССР». Во время учебы в аспирантуре он много занимается в архивах, музеях и библиотеках Казани, участвует в этнографических экспедициях. Окончательно определяется с направлением научной работы – это исследование религиозных верований чувашского народа.

В начале 50-х годов XX в. профессор Н.И. Воробьев был назначен руководителем научной группы, созданной для подготовки издания о традиционной культуре чувашского народа. Ученые Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР и Института языка, литературы и истории при Совете министров Чувашской АССР собирали и анализировали этнографический материал, писали научные статьи и готовили коллективную монографию о чувашах. Н.И. Воробьев с коллегами из Чувашии и своими аспирантами неоднократно выезжал в экспедиции по чувашским селениям. П.В. Денисов в этих поездках стал неформальным помощником руководителя экспедиции, так как благодаря своей начитанности и коммуникативности, превосходным знаниям культуры и быта сородичей быстро устанавливал контакт с жителями, что ускоряло решение не только исследовательских, но и бытовых вопросов экспедиций. Результатом многолетней работы ученых стало издание в 1956 г. книги о традиционной культуре чувашей, до настоящего времени являющейся одной из лучших публикаций по чувашской этнологии [5].

В Казанском университете П.В. Денисов встретил спутницу жизни, будущую супругу Розалию Тарасовну. Встреча их произошла в 1951 г. в библиотеке, куда студентка старшего курса Черновицкого университета, приехавшая в Казань к тете, пришла в поисках литературы и источников для выполнения дипломной работы. Библиотечные работники порекомендовали обратиться за консультацией к аспиранту Петру Денисову, слывшему одним из лучших знатоков книжного фонда. Молодых людей сблизил интерес к истории и этнографии, переросший в дружбу, а в последующем в серьезные отношения. После завершения учебы они создали семью. Свадьбу по чувашской традиции сыграли в родной деревне П.В. Денисова [6, с. 67].

Завершив обучение в аспирантуре, П.В. Денисов в 1952 г. переехал в Чебоксары. Научные и образовательные учреждения Чувашской республики тогда остро нуждались в квалифицированных специалистах. Он был зачислен сотрудником Научно-исследовательского института языка, литературы и истории при Совете министров Чувашской АССР. Грамотного и эрудированного историка в 1956 г. пригласили на должность старшего редактора Чувашского книжного издательства. Работа в редакции позволяла общаться со многими деятелями литературы и искусства. В этот период он познакомился и подружился с чувашскими писателями и поэтами Н.Ф. Ильбековым, П.П. Хузангаем, Я.Г. Ухсаем, В.Е. Миттой, историком И.Д. Кузнецовым, художником и дизайнером Е.И. Ефремовой и др.

В период работы в издательстве П.В. Денисов содействовал изданию сочинения Н.Я. Бичурина по исторической географии Восточной и Средней Азии, подготовленного к печати Л.Н. Гумилевым и М.Ф. Хваном, книги А.П. Ковалевского «Болгары и чуваша по данным Ахмеда ибн Фадлана» (1954), позже помог казан-

ским коллегам Е.П. Бусыгину и Н.В. Зорину опубликовать книгу «Русское население Чувашской АССР: материальная культура» (1961). Контакты с авторами этих и других изданий продолжились в последующие годы. Петр Владимирович показывал своим аспирантам книги с автографами многих ученых, их письма. Например, общение с Л.Н. Гумилевым происходило большей частью через переписку, оно давало возможность устанавливать связи с другими востоковедами и участвовать в изучении наследия выдающегося исследователя Китая и народов Азии Н.Я. Бичурина, а также заниматься вопросами этногенеза чувашского народа.

В эти же годы П.В. Денисов находил время для работы над книгой «Религиозные верования чуваш», в которой рассмотрел их эволюцию с древнейших времен до начала XX в. [7]. При ее написании использовались преимущественно литература и источники из книжных собраний Казани. Издание монографии стало значительным событием научной и культурной жизни Чувашской республики. Она получила высокую оценку научно-педагогической общественности и нашла отклик среди широкого круга читателей. Данное исследование П.В. Денисов защитил в 1962 г. в качестве кандидатской диссертации в специализированном совете при Институте этнографии АН СССР. По многим теоретическим вопросам его консультировал выдающийся этнолог С.А. Токарев, который высоко оценил исследование молодого чувашского ученого.

После успешной защиты кандидатской диссертации П.В. Денисова пригласили на кафедру истории Чувашского государственного педагогического института им. И.Я. Яковлева, где он вел научную и педагогическую деятельность в должности доцента. С открытием в 1967 г. Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова Петр Владимирович вместе с коллективом историко-филологического факультета перешел в новый вуз. Студентам он читал общие курсы по этнографии и историографии, а также спецкурсы по этнографии народов СССР и Среднего Поволжья. П.В. Денисов обладал энциклопедическими знаниями, его лекции, отличавшиеся широтой и глубиной анализируемого материала, всегда вызывали неизменный интерес аудитории.

В стенах университета П.В. Денисов продолжил исследование духовной культуры чувашей. В начале 70-х годов XX в. вышла из печати монография «Религия и атеизм чувашского народа» [8]. В книге важное место занимают вопросы государственной атеистической политики, показана трансформация религиозных верований чувашей как естественный процесс секуляризации крестьянского мировоззрения. Однако его содержание отражало острую борьбу в духовной сфере, которая инициировалась не столько населением, сколько действиями большевистской власти. Автор стремится доказать, что в классовой борьбе и вследствие политического воспитания у чувашей формировались атеистические идеи [8, с. 163–166]. После выхода книг и защиты докторской диссертации о религии чувашей П.В. Денисов стал одним из авторитетных ученых-религиоведов страны.

В 1973 г. Петра Владимировича назначают заведующим кафедрой истории СССР. На этой ответственной должности он оставался до 1988 г. и внес значительный вклад в укрепление материально-технической, учебно-методической базы кафедры, занимался подготовкой научно-педагогических кадров. Вместе с ним в те годы на историческом факультете работала целая плеяда видных ученых и замечательных педагогов: В.Ф. Каховский, В.Д. Димитриев, И.Д. Кузнецов, Е.Г. Беляев, Д.М. Макаров, Г.А. Варюхин, А.А. Загидуллин, И.С. Вайнер

и др. П.В. Денисов организовывал учебный процесс, способствовал развитию научной деятельности коллег, по его инициативе на историко-филологическом факультете создавались этнографический музей и археологическая лаборатория. В этом деле пригодился опыт профессора Е.П. Бусыгина по организации деятельности этнографического музея в Казанском университете, с ним П.В. Денисов поддерживал деловые и дружеские отношения в течение всей жизни. Он выступил одним из инициаторов создания музея под открытым небом в поселке Ибреси, консультировал при оформлении экспозиций, направлял студентов-историков для сбора этнографических материалов и оказания помощи в строительных работах. Этот музей до настоящего времени действует и дает комплексные знания о традиционном крестьянском хозяйстве. Ученый совет Чувашского университета в 1990 г. поддержал предложение Петра Владимировича об учреждении на историческом факультете новой кафедры – археологии, этнографии и региональной истории, которой он успешно руководил до 2003 г. В настоящее время на кафедре работают его ученики.

Еще в годы учебы в Казанском университете П.В. Денисов начал изучать архив Н.Я. Бичурина, чья жизнь была тесно связана с Казанью и который поддерживал постоянные контакты со здешними востоковедами. В последние годы жизни Н.Я. Бичурин передал свои рукописи, книги, этнографические коллекции университету и духовной академии. После революции все материалы ученого-востоковеда были сконцентрированы в библиотеке Казанского университета. В 1977 г. к 200-летию со дня рождения Н.Я. Бичурина вышла книга П.В. Денисова «Никита Яковлевич Бичурин», вызвавшая большой резонанс среди ученых-востоковедов, она явилась первым опытом изложения жизни и деятельности основателя российской синологии [9]. Петр Владимирович на протяжении всей своей научной деятельности собирал, расширял и углублял материал о Н.Я. Бичурине. Результатом такой кропотливой работы явилась его фундаментальная монография, получившая широкий общественный отклик [10]. Книга вышла в серии «Замечательные люди Чувашии» в 1997 г., а ее автор стал лауреатом Государственной премии Чувашской Республики в области науки и литературы. В 2007 г., учитывая возросший интерес к выдающемуся востоковеду, книгу переиздали с дополнениями автора, с иллюстрациями из этнографического альбома Н.Я. Бичурина для его книги «Записки о Монголии» [11]. Издание было отмечено главным призом на Российской книжной ярмарке. П.В. Денисов уделял внимание изучению биографий и других выдающихся деятелей науки, чье творчество было посвящено исследованию истории и культуры чувашского народа: В.А. Сбоева, В.К. Магницкого, Н.М. Охотникова, Н.И. Ашмарина, Н.В. Никольского.

П.В. Денисов еще во время учебы в Казани следил за полемикой о проблеме истории татарского народа, развернувшейся после выхода постановления ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах улучшения массово-политической и идеологической работы в Татарской партийной организации» в 1944 г. Пересмотр концепции происхождения татар неизбежно ставил на повестку дня научное обсуждение вопроса происхождения чувашей. Информацию об этой научной проблеме он получал от своих преподавателей, а также от Н.В. Никольского, рекомендовавшего читать работы А.А. Фукс, В.А. Сбоева, В.К. Магницкого, Н.И. Ашмарина, Г.И. Комиссарова, М.П. Петрова (Тинехпи) и др., в которых затрагивались вопросы этногенеза чувашей. Н.И. Воробьев поддерживал автохтонную теорию,

однако, анализируя литературу и источники, П.В. Денисов приходил к самостоятельным выводам.

Вопросам этногенеза и этнической истории чувашского народа ученый посвятил несколько публикаций, среди которых особо выделяется работа «Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей» [12]. Концентрированное выражение взгляды П.В. Денисова получили в статьях «Чуваши» в «Советской исторической энциклопедии», в третьем издании «Большой советской энциклопедии», а также в публикации с аналогичным названием в сборнике «Народы Поволжья и Приуралья: историко-этнографические очерки». Публикации ученого по вопросам этногенеза чувашей востребованы и активно используются современными исследователями.

П.В. Денисов тесно взаимодействовал с коллегами из научно-образовательных центров Волго-Уральского региона: Е.П. Бусыгиным, Н.В. Зориным, В.И. Яковлевым, Г.Р. Столяровой (Казань), П.С. Кабытовым (Самара), Р.Г. Кузевым (Уфа), Н.Ф. Мокшиным (Саранск), В.Е. Владыкиным (Ижевск). Он поддерживал научные контакты с музейными работниками Отдела народов Среднего Поволжья и Приуралья Российского этнографического музея в Ленинграде Т.А. Крюковой, Н.И. Гаген-Торн. Был знаком и вел переписку с этнографами Москвы и Ленинграда: С.А. Токаревым, Ю.В. Бромлеем, В.Н. Белицер, Э.Л. Нитобургом, И.С. Гурвичем, В.И. Козловым, Р.Ф. Итсом, Л.Н. Гумилевым. Изучая вопросы этнической истории чувашей, взаимодействовал с болгарскими учеными: Христо Вакарельским, Иваном Коевым, Стояном Петровым и др. Совершал научные командировки в Болгарию, а некоторые болгарские исследователи приезжали в Чувашию, П.В. Денисов сопровождал их в ходе этнографических поездок, посещения центров науки и культуры [1, с. 11–12].

Петр Владимирович иногда делился интересными случаями из своей жизни, связанными с его московскими или питерскими коллегами. Так, после защиты докторской диссертации в Институте этнографии и антропологии АН СССР его руководитель Ю.В. Бромлей поинтересовался у П.В. Денисова: «Кем приходится Вам симпатичная японка, сидевшая в первом ряду и так активно болевшая за Вас?» – «Она не японка, а моя дочь Нарспи, аспирантка Вашего института», – ответил Петр Владимирович. Его дочери Нарспи Петровна и Олеся Петровна по примеру отца выбрали научную стезю и стали учеными-этнографами.

П.В. Денисов активно участвовал в научных форумах, в ходе которых этнографы устанавливали контакты, обменивались опытом. Он выступал с докладами в Прибалтике, Средней Азии, на Северном Кавказе. Особенно отмечал он свое участие в 7-м Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, который состоялся в Москве в 1964 г. и многотомное издание материалов которого ученый хранил в личной библиотеке и нередко обращался к ним при обсуждении разнообразных проблем этнографии.

Восемь лет П.В. Денисов был членом диссертационного совета по отечественной истории при Горьковском государственном университете, в 1993–2004 гг. являлся заместителем председателя диссертационного совета в Чувашском государственном университете, более 30 раз выступал официальным оппонентом по кандидатским и докторским диссертациям, в том числе и соискателей из Татарстана. Он гордился тем, что при его участии и благодаря его замечаниям и рекомендациям в диссертационном совете при Чувашском университете

прошли защиты докторских диссертаций этнографов Казанского университета Г.Р. Столяровой [13] и Т.А. Титовой [14].

П.В. Денисов являлся активным популяризатором научных знаний. Вопросы религии посвящены несколько его научно-популярных книг и брошюр. Его публикации в газетах и журналах по проблемам истории и культуры народов Поволжья, о деятелях науки Чувашии способствовали сохранению исторической памяти о жизни и быте предыдущих поколений. Многие годы он возглавлял Чувашский филиал Географического общества СССР, являлся членом правления Российского международного фонда культуры, руководил его отделением в Чувашской Республике (1989–1998).

Более 40 лет П.В. Денисов преподавал в вузах республики, заложил основы этнографической школы в Чувашии. Научное наследие П.В. Денисова включает более 120 публикаций. Его труды по вопросам этнической истории, религии, материальной и духовной культуры народов Волго-Уралья, исследования о жизни и деятельности выдающихся представителей чувашской науки, культуры стали значительным вкладом в советскую и российскую историографию [15, с. 19–27]. Свои знания и богатый опыт П.В. Денисов передавал студентам, аспирантам, докторантам. Несколько тысяч выпускников Чувашского государственного педагогического института им. И.Я. Яковлева и Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова сохраняют память о своем педагоге и наставнике. Им подготовлено более 20 докторов и кандидатов наук, среди которых Л.А. Таймасов, Н.А. Петров, О.В. Егорова, О.Г. Вязова, С.Н. Кодыбайкин, Ю.В. Гусаров, Д.В. Егоров и др. Своих учеников П.В. Денисов в обязательном порядке направлял в Казань, утверждая, что без изучения богатых фондов государственного архива и книжных собраний библиотек невозможно написать фундаментальное исследование по истории и культуре народов Волго-Уралья.

П.В. Денисов живо интересовался событиями в Казани и Татарстане. Для него были значимыми встречи с казанскими коллегами, когда они приезжали в Чувашию или он посещал Казань. В его личной библиотеке находились книги историков и этнографов Татарстана: С.Х. Алишева, Е.П. Бусыгина, Н.В. Зорина, Д.М. Исхакова, И.Р. Тагирова, Р.Г. Фахрутдинова, А.Х. Халикова и др. При каждой поездке своих учеников для работы в архивах и библиотеках города он просил привезти свежую периодику и новые книги.

Таким образом, Казань и Татарстан занимают важное место в жизни и научном творчестве видного этнографа, заслуженного деятеля науки Чувашской Республики, лауреата Государственной премии Чувашской Республики П.В. Денисова. Будучи одним из ярких представителей казанской историко-этнографической школы, через всю жизнь он пронес благодарность Казанскому университету. Он подготовил большое число специалистов высшей квалификации, которые трудятся в системах управления, образования и науки. П.В. Денисов создал научную школу этнологов в Чувашии, консультировал многих молодых исследователей Волго-Уральского региона в процессе подготовки и защиты диссертационных исследований. Научно-педагогическое наследие П.В. Денисова является достоянием российской этнологической науки, а личность ученого сохранится в памяти учеников и благодарных читателей его научных трудов.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Литература

1. Данилова А.П., Таймасов Л.А. Слово об учителе // Чувашия глазами этнографа: поиски и находки: статьи, очерки, рецензии. Чебоксары: Новое время, 2008. С. 4–18.
2. Дмитриев В.Д. Н.В. Никольский – чувашский ученый, просветитель, общественный деятель / Под ред. В.Д. Данилова, В.П. Иванова. Чебоксары: РНМЦ, 1993. 70 с.
3. Таймасов Л.А. Православная церковь и христианское просвещение народов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. 523 с.
4. Зильберг (Денисова) Н.П. О Петре Владимировиче Денисове: страницы биографии моего отца // Народы Волго-Уралья в истории и культуре России: материалы Междунар. научно-практ. конф., посв. 90-летию со дня рождения П.В. Денисова (Чебоксары, 28–29 сент. 2018 г.). Чебоксары: ИД «Среда», 2018. С. 37–58.
5. Чуваши: этнографическое исследование: в 2 т. / Н.И. Воробьев, А.Н. Львова, Н.Р. Романов, А.Р. Симонова. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1956. Ч. 1. 415 с.
6. Вовина (Денисова) О.П. Воспоминания об отце // Народы Волго-Уралья в истории и культуре России: материалы Междунар. научно-практ. конф., посв. 90-летию со дня рождения П.В. Денисова (Чебоксары, 28–29 сент. 2018 г.). Чебоксары: ИД «Среда», 2018. С. 59–71.
7. Денисов П.В. Религиозные верования чуваш: историко-этнографические очерки. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1959. 408 с.
8. Денисов П.В. Религия и атеизм чувашского народа. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1972. 478 с.
9. Денисов П.В. Никита Яковлевич Бичурин: очерк жизни и творческой деятельности ученого востоковеда. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1977. 143 с.
10. Денисов П.В. Жизнь монаха Иакинфа Бичурина. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1997. 270 с.
11. Денисов П.В. Слово о монахе Иакинфе Бичурине. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. 334 с.
12. Денисов П.В. Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1969. 176 с.
13. Столярова Г.Р. Феномен межэтнического взаимодействия: опыт постсоветского Татарстана: дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2004. 428 с.
14. Титова Т.А. Этнические меньшинства в городах Республики Татарстан: дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2008. 422 с.
15. Список основных печатных работ П.В. Денисова // Чувашия глазами этнографа: поиски и находки: статьи, очерки, рецензии. Чебоксары: Новое время, 2008. С. 19–27.

Поступила в редакцию 15.12.2023

Принята к публикации 12.02.2024

Таймасов Леонид Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры археологии, этнографии и региональной истории

Чувашский государственный университет

Московский пр-т, д. 15, г. Чебоксары, 428015, Россия

E-mail: taymasov@mail.ru

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.2.37-47

Professor P.V. Denisov – A Distinguished Alumnus of Kazan University

L.A. Taimasov

Chuvash State University, Cheboksary, 428015 Russia

E-mail: taymasov@mail.ru

Received December 15, 2023; Accepted February 12, 2024

Abstract

This article considers the role of the Kazan school of history and ethnology in the development of Professor P.V. Denisov's views and professional expertise. Kazan University is the alma mater of numerous notable Chuvash researchers. Many studies on the Chuvash people were performed within its walls, particularly by N.V. Nikolsky, V.K. Magnitsky, I.Ya. Yakovlev, N.I. Zolotnitsky et al. P.V. Denisov, who rose to prominence as a scholar and lecturer within the scientific and educational centers of Kazan, carried on their work with great merit. Here, his collaborations with Kazan colleagues and his substantial contributions to the advancement of ethnology and pedagogy were analyzed. Based on the analysis, several conclusions were drawn. P.V. Denisov dedicated his life to promoting science and mentoring further generations of highly qualified and skilled historians and ethnologists. His academic and pedagogical endeavors were mostly connected with I.N. Ulyanov Chuvash State University, where he taught historical and ethnographic disciplines, as well as established and headed the Department of Archaeology, Ethnography, and Regional History. Throughout his life, he published 120 scholarly works and supervised 20 holders of candidate and doctorate degrees in history. He was proud to be an alumnus of Kazan University and always maintained friendly and professional ties with his colleagues from Tatarstan. P.V. Denisov's heritage and achievements have become deeply ingrained in Russian ethnology and pedagogy. His influence and ideas live on in the memories of his students. The obtained results hold both scientific and practical significance, shed light on the history of ethnology in the Volga–Ural region, and provide valuable material for studying and sketching the lives of famous Kazan University alumni.

Keywords: P.V. Denisov, Kazan, Kazan University, ethnography, scholar, science, teaching, department, publications

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Danilova A.P., Taimasov L.A. A word about the teacher. In: *Chuvashiya glazami etnografa: poiski i nakhodki: stat'i, ocherki, retsenzii* [Chuvashia through the Eyes of an Ethnographer: Searches and Finds: Articles, Essays, and Reviews]. Cheboksary, Nov. Vremya, 2008, pp. 4–18. (In Russian)
2. Dimitriev V.D. *N.V. Nikol'skii – chuvashskii uchenyi, prosvetitel', obshchestvennyi deyatel'* [N.V. Nikolsky – A Prominent Chuvash Scholar, Educator, and Public Figure]. Danilov V.D., Ivanov V.P. (Eds.). Cheboksary, RNMTs, 1993. 70 p. (In Russian)
3. Taimasov L.A. *Pravoslavnaya tserkov' i khristianskoe prosveshchenie narodov Srednego Povolzh'ya vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka* [The Orthodox Church and Christian Education of the Peoples in the Middle Volga Region from the Second Half of the 19th to the Early 20th Centuries]. Cheboksary, Izd. Chuv. Univ., 2004. 523 p. (In Russian)
4. Zilberg (Denisova) N.P. About Petr Vladimirovich Denisov: A glimpse into my father's life. *Narody Volgo-Ural'ya v istorii i kul'ture Rossii: materialy Mezhdunar. nauchno-prakt. konf., posv. 90-letiyu so dnya rozhdeniya P.V. Denisova (Cheboksary, 28–29 sent. 2018 g.)* [Volga–Ural Peoples in Russian

- History and Culture: Proc. Int. Sci.-Pract. Conf. Celebrating the 90th Anniversary of the Birth of P.V. Denisov (Cheboksary, Sept. 28–29, 2018)]. Cheboksary, ID “Sreda”, 2018, pp. 37–58. (In Russian)
5. Vorob'ev N.I., L'vova A.N., Romanov N.R., Simonova A.R. *Chuvashi: etnograficheskoe issledovanie* [The Chuvash People: An Ethnographic Study]. Pt. 1. Cheboksary, Chuvashgosizdat, 1956. 415 p. (In Russian)
 6. Vovina (Denisova) O.P. Memories of my father. *Narody Volgo-Ural'ya v istorii i kul'ture Rossii: materialy Mezhdunar. nauchno-prakt. konf., posv. 90-letiyu so dnya rozhdeniya P.V. Denisova* (Cheboksary, 28–29 sent. 2018 g.) [Volga–Ural Peoples in Russian History and Culture: Proc. Int. Sci.-Pract. Conf. Celebrating the 90th Anniversary of the Birth of P.V. Denisov (Cheboksary, Sept. 28–29, 2018)]. Cheboksary, ID “Sreda”, 2018, pp. 59–71. (In Russian)
 7. Denisov P.V. *Religioznye verovaniya chuvash: istoriko-etnograficheskie ocherki* [Religious Beliefs of the Chuvash People: Historical and Ethnographic Essays]. Cheboksary, Chuvashgosizdat, 1959. 408 p. (In Russian)
 8. Denisov P.V. *Religiya i ateizm chuvashskogo naroda* [Religion and Atheism of the Chuvash People]. Cheboksary, Chuv. Kn. Izd., 1972. 478 p. (In Russian)
 9. Denisov P.V. *Nikita Yakovlevich Bichurin: ocherk zhizni i tvorcheskoi deyatel'nosti uchenogo vostokoveda* [Nikita Yakovlevich Bichurin: An Essay on the Life and Work of the Orientalist Scholar]. Cheboksary, Chuv. Kn. Izd., 1977. 143 p. (In Russian)
 10. Denisov P.V. *Zhizn' monakha Iakinfa Bichurina* [The Life of the Monk Hyacinth Bichurin]. Cheboksary, Chuv. Kn. Izd., 1997. 270 p. (In Russian)
 11. Denisov P.V. *Slovo o monakhe Iakinfe Bichurine* [A Tale about the Monk Hyacinth Bichurin]. Cheboksary, Chuv. Kn. Izd., 2007. 334 p. (In Russian)
 12. Denisov P.V. *Etnokul'turnye paralleli dunaiskikh bolgar i chuvashei* [Ethnocultural Parallels between the Danube Bulgarians and Chuvash People]. Cheboksary, Chuvashknigoizdat, 1969. 176 p. (In Russian)
 13. Stolyarova G.R. The phenomenon of interethnic interaction: Insights from the post-Soviet Tatarstan. *Doct. Hist. Diss.* Kazan, 2004. 428 p. (In Russian)
 14. Titova T.A. Ethnic minorities living in the cities of the Republic of Tatarstan. *Doct. Hist. Diss.* Kazan, 2008. 422 p. (In Russian)
 15. A list of P.V. Denisov's main published works. In: Chuvashiya glazami etnografa: poiski i nakhodki: stat'i, ocherki, retsenzii [Chuvashia through the Eyes of an Ethnographer: Searches and Finds: Articles, Essays, and Reviews]. Cheboksary, Nov. Vremya, 2008, pp. 19–27. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Таймасов Л.А. Профессор П.В. Денисов – воспитанник Казанского университета // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 2. С. 37–47. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.2.37-47>. ⟩

⟨ **For citation:** Taimasov L.A. Professor P.V. Denisov – a distinguished alumnus of Kazan University. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 2, pp. 37–47. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.2.37-47>. (In Russian) ⟩

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА И СРЕДНИХ ВЕКОВ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(35)

doi: 10.26907/2541-7738.2024.2.48-63

ХАЗАРАПАТ В ИМПЕРИИ АХЕМЕНИДОВ: ТЫСЯЧЕНАЧАЛЬНИК ИЛИ ДОКЛАДЧИК?

Е.С. Онищенко

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

Статья посвящена исследованию должностных обязанностей *хазарапата* (*hazarapatiš*) при дворе Ахеменидов и соотношения терминов «тысяченачальник» (*хилиарх*, *χιλίαρχος*) и «докладчик» (*исангелей*, *εἰσαγγελεύς*), являвшихся на разных этапах развития античной письменной традиции определяющими для данного персидского титула. Если в трудах древнегреческих авторов классического периода, включая Ктесия Книдского, *хилиарх* упоминается у эллинов исключительно в военном контексте, то в последующие эпохи его все чаще начинают воспринимать одновременно в качестве телохранителя персидского царя и *исангеля* при процедуре аудиенции, наделяя его широкими политическими полномочиями. В действительности же *хилиархи* никогда не совмещали эти две обязанности, оставаясь лишь командирами своих воинских подразделений, состоящих из тысячи человек, и, по всей видимости, проверяли царских посетителей на благонадежность перед аудиенцией. Другой же царский придворный – *исангелей* – должен был осведомлять царя о целях прибывавших ко двору людей. Он отвечал за встречу и информированность посетителя о правилах этикета и персидских обычаях, которые последний должен был соблюдать под его надзором.

Ключевые слова: Ахеменидская империя, хазарапат, хилиарх, исангелей, Ахеменидский двор, древнеперсидские аудиенции

Наиболее значимой, но при этом дискуссионной для исследователей ахеменидской и эллинистических монархий остается тема функций и обязанностей древнеперсидского придворного, носившего титул «хазарапат» (*hazarapatiš*) [1], которого греки идентифицировали как *хилиарха* (*χιλίαρχος/χιλίαρχης*) [2], или «командира тысячи». Само слово *хазарапат* не встречается в древнеперсидских текстах времен Ахеменидов. Впервые оно употребляется Ктесием Книдским в форме *азабарум* (*ἄζαβαρίτης*) на рубеже V–IV вв. до н. э. (Ctes. *FGrH*. 688. F.15.49), после чего мы встречаем другой вариант написания слова в лексиконе Гесихия Александрийского – *азарапат* (дается в форме множественного числа – *ἄζαπατατεῖς*) – в V–VI вв. н. э. (Hesych. 1441, s.v. *ἄζαπατατεῖς*). М. де Ла Кроз и П. де Лагард находят аналогичный термин в армянском языке – *хазарапет* (*hazarapet*), встречающийся в источниках II–V вв. н. э. [3, с. 17; 4, р. 142–143]. Э. Бенвенист же связывает все эти слова с созданной Ахеменидами десятичной системой деления воинских подразделений и полагает, что древнегреческий и

армянский варианты слова калькируют именно иранский оригинал. Причиной такого заимствования является высокая степень влияния иранской культуры на соседние регионы [5, р. 67–70].

В историографии так и не сложилось четкого понимания функций *хазарапата/хилиарха*, а крайне разрозненные и фрагментарные сведения античных авторов порождают большое количество вопросов о его должностном статусе, положении в иерархии, политической роли, степени влияния на великих царей и его двор и т. д. По мнению ряда исследователей, за *хилиархом* были закреплены как минимум две обязанности: он был командующим особого подразделения армии великого царя – тысячи гвардейцев, которых древние греки называли копьеносцами (*δουροφόροι*), или же мелофорами (*οἱ μλοφόροι*) – «носителями яблок», и которые являлись частью элитных сил персидской армии – 10 тысяч «бессмертных» (*ἀθάνατοι*) [4, р. 101, 143; 6, р. 258; 7, р. 217]. Именно *хилиарху* приписывают статус первого телохранителя и ответственность за защиту жизни царя от внешних угроз [8, р. 31]. Помимо этого, он руководил процедурой проведения царских аудиенций, встречая посетителей и объясняя им правила этикета во дворце. Нередко греки называли такого человека *исангелеем* (*εἰσαγγελεύς*), то есть «докладчиком». Как мы увидим далее, подобная должностная интеграция не всегда находит свое отражения в исторических источниках и удаляет нас от понимания деталей придворной жизни Ахеменидов. Поэтому в настоящей статье мы обратимся к этим источникам в комплексе, чтобы определить сущность должностных обязанностей *хилиарха* в персидском придворном обществе и понять, почему античные авторы расходятся во мнениях при их описании. Стоит также обозначить несколько источниковых проблем, которые затрудняют поиск ответа на обозначенные вопросы: первая, как уже было упомянуто, – неоднозначность в свидетельствах античной письменной традиции, особенно в ранний период истории Ахеменидской империи; вторая – отсутствие сведений из источников самой Древней Персии; третья – сложность в отделении политических практик древнеперсидской монархии от таковых в эллинистический период.

В XX в. у многих исследователей истории Ахеменидов (Ю.П. Юнге, А.Т. Олмстеда, Дж. Кука, М.А. Дандамаева) сформировалось представление о том, что *хазарапат/хилиарх* по своим придворным функциям и полноте политической и административной власти схож с Великим визирем времен Османской империи: он выступает руководителем всего придворного общества, в его руках сосредоточена экономическая власть благодаря контролю над казначейством, его политическое влияние обусловлено ролью командующего элитной царской гвардией, а управление процедурами аудиенции, с учетом предыдущего, фактически передает в его руки жизнь самого монарха [4, р. 144; 7, р. 217; 9, р. 29–36; 10, с. 295]. Более того, Ф. Юсти была предпринята попытка, позднее скорректированная Ю.П. Юнге, идентифицировать носителя рассматриваемого титула в ахеменидской иконографии на рельефах лестниц царского дворца Ападаны в Персеполе [9, р. 15–16; 11, р. 659–660]. По мнению ученых, именно эта фигура совершает *проскинесис* (поднесение руки ко рту с незначительным наклоном тела) перед царем, сопровождая посетителя во время аудиенции. Главным же идентификатором послужил короткий посох в его руке – отличительная черта *исангелеев*, или *скипетродержцев* (*σκηπτοῦχοι*). Как следствие, три упомянутых должностных лица считаются персидскими *хазарапатами*.

Чтобы подчеркнуть высокий статус в иерархии *хилиарха*, вышеупомянутые исследователи ссылаются в основном на два фрагмента из античных источников. Первый – сообщение Диодора Сицилийского, по всей видимости цитирующего Иеронима Кардийского, о том, что «впервые пост и звание *хилиарха* приобрели славу и почести благодаря персидским царям, затем *хилиарх* вновь был наделен большой властью и авторитетом при Александре, когда тот стал подражать и другим персидским обычаям» (Diod. XVIII. 48. 5). Если опустить детали и контекст, поскольку речь идет уже о времени борьбы диадохов, приведенный отрывок красноречиво демонстрирует высокий статус *хилиарха* при дворах как Ахеменидов, так и эллинистических династий позднее. Также подчеркивается, что Александр Великий являлся преемником именно персидской царской традиции в этом вопросе. Второй пассаж, за авторством Корнелия Непота, посвящен временам персидских царей: автор характеризует Тифравста – *хилиарха* царя Артаксеркса II – как второе лицо в государстве (*secundum gradum imperii tenebat*) (Nep. Con. 3. 3). И хотя автор акцентирует внимание именно на могуществе самого Тифравста, само выражение действительно может навести на обобщающую мысль о величии и высоком статусе *хилиарха* в иерархии.

Параллель между персидским *хазарпатам* и Османским визирем подверглась серьезной критике уже на современном этапе исследований. Так, П. Бриан по причине недостаточной информативности источников отрицает приписываемую *хилиарху* предшествующими учеными власть над всем центральным аппаратом империи, сужая ее до функций сопровождающего тех, кто посещает царский двор при аудиенциях (то есть до функции *исангелея*) и руководства *мелофорами*. Помимо этого, П. Бриан отвергает мысль о том, что именно *хилиарх* изображен на персидских рельефах Ападаны, хотя и не высказывает конкретных причин [12, p. 291–296].

Аргументация Ю.П. Юнге и Ф. Юсти, основанная, по большому счету, лишь на высоком статусе *хилиарха* при дворе и атрибутике, которая не находит никаких параллелей в письменных источниках, действительно, вызывает сомнение в том, что на рельефах изображен именно *хилиарх*. Немногим более убедительным видится другое объяснение. Если обратиться к рельефам с изображениями аудиенции южного и восточного портиков здания казначейства в Персеполе, то на них можно увидеть фигуру сановника, стоящего перед курильницами с благовониями и совершающего *проскинесис* (жест почтения) по направлению к царю. Сановник одет в мидийский традиционный костюм, а в левой руке он держит короткий скипетр, который, вероятно, идентифицирует его как исполнителя царской власти. На его правом боку к ремню пристегнуты ножны с коротким мечом. И в отличие от самой удаленной фигуры оруженосца царя, которая находится позади трона и ножны меча которой направлены вправо, у сановника они смотрят в левую сторону. Положение ножен, при котором они направлены вправо, по всей видимости, позволяло носителю оружия беспрепятственно вынимать его в случае необходимости [13, p. 163–170]. Следовательно, для стоящего перед царем сановника быстрый доступ к оружию не был первостепенной задачей. Подобное положение вещей, на наш взгляд, полностью лишало бы *хилиарха* возможности выполнять свою главную функцию при дворе. В контексте же сцены, изображенной на рельефах, мы можем предположить, что сановник выполняет функции *исангелея* – проводит гостя на аудиенцию или сообщает царю послание. Таким образом, и в данном случае мы не спешим ставить знак равенства между *хилиархом* и *исангелеем*.

А. Кивни, в свою очередь, не находит противоречия в отождествлении должностей *хилиарха* и *исангелея*. Для исследователя обе функции в рамках одной должности, скорее, дополняют друг друга, что приводит в конечном счете к росту политического влияния *хилиарха* при дворе: от административной (охранной) функции в своей первоначальной форме до практически субъектно-политической, выраженной в возможности оказывать влияние на процесс, к примеру, престолонаследия. Факторами столь резких перемен, начавшихся в период правления Ксеркса I, стали, во-первых, слабо организованные принципы престолонаследия династии Ахеменидов, а во-вторых – политика изолированности царей от внешнего двора. Вследствие того, что *хилиархи* держали под контролем поток сообщений и принимали решения о допуске тех или иных посетителей в присутствие царя, они первыми получали информацию о всевозможных делах государства и это давало им существенное преимущество перед прочими представителями ближнего круга, а также позволяло оказывать воздействие на политические решения, принимаемые царем [14]. И если неустойчивая легитимация передачи власти действительно могла повлиять на кратковременное укрепление положения *хилиарха* при дворе за счет его участия в захвате власти новым монархом, как это было с ролью Меностана в заговоре против Ксеркса II в 424 г. до н. э., то практика изоляции Ахеменидов, по крайней мере на данном этапе исследований, не отражает исторической действительности, поскольку *хилиарх* был лишь одним из многих информаторов царя¹, а политика изолированности до сих пор является предметом дискуссий среди историков [15, р. 220–222]. Как бы то ни было, попытка проследить развитие должности *хилиарха* в античной письменной традиции не кажется нам бесперспективной, поскольку это может прояснить взгляды древних авторов на их трансформацию по мере накопления знаний о дворе Великих царей.

Несмотря на то, что наши сегодняшние знания о ранней истории придворной жизни Ахеменидов остаются крайне неопределенными, существует несколько гипотез о появлении титула *хазарапат* у древних персов. Так, М.Л. Шомон, опираясь на сведения Геродота, возводит его к мидянам [16, р. 140], а следовательно, персы выступают здесь в качестве преемников. А. Кивни же полагает, что институт древнеперсидской *хилиархии* возник при дворе персидских царей еще во времена Кира Великого, заимствуя мидийский опыт [14, р. 499]. Однако никаких документальных свидетельств, кроме уже названного отцом истории, который не называет ни одного из своих персонажей *хилиархом*, у нас нет. Возникает вопрос: знал ли Геродот о *хилиархах*? Исходя из сохранившихся свидетельств, в эллинской письменной традиции первым *хилиарха* упоминает Эсхил при описании персидского войска в битве при Саламине:

*Но Артембара – десять тысяч конников
Он вел – прибой качает у Силенских скал.
И с корабля Дедак, начальник тысячи,
Слетел пушинкой, силе уступив копья².*

(Aesch. Pers. 302–305)

¹ Вероятно, по Геродоту, «глаза и уши» царя также выступали в роли осведомителей.

² Перевод С.К. Апта.

В том, что Геродот был знаком с произведениями Эсхила, нет никаких сомнений (Hdt. II. 156). Важно также отметить тот факт, что историк ничего не сообщает и о персидском наименовании титула *хилиарха*, как он делал это, к примеру, в случае упоминания о персидской должности благодетелей царя (здесь он передает эту должность как ὀροσάγγαι) (Hdt. III. 140; VIII. 85) [17; 18]. Поэтому остается полагаться лишь на гипотезу о том, что он по тем или иным причинам не считал уместным использовать древнеперсидское обозначение *хилиарха* в своей «Истории».

В качестве должности командующего *хилиарх* выступает у Ксенофонта в его «Киропедии». По его словам, армия Кира II имела градацию подразделений от низших к высшим в следующем виде: πεμπάδαρχος – начальник πεμπάς (пятерки), данная военная единица представляла собой совокупно шесть бойцов; две πεμπάς составляли δεκάς (десятка) и подчинялись одному из двух πεμπάδαρχος, называемому δεκάδαρχος; следующим подразделением являлся λόχος, состоявший из двух δεκάς под руководством λοχαγός; далее, четыре объединенных λόχος представляли собой τάξις (сотня) с ταξίαρχος во главе; десятка сотен образовывала полк из тысячи воинов – χιλιοστύς, которым командовал интересующий нас χιλίαρχος; наивысшим же звеном в данной иерархии был μυριοστύς (десять тысяч), под предводительством μυρίαρχος (Хен. Сур. II. 22–23). Каждый из означенных командующих должен был пристально следить за соблюдением обязанностей всеми порученными ему боевыми формированиями. Как мы можем наблюдать, *хилиархи* (а их в данном случае десять на одно крупное объединение) занимают в этой вертикали не первое место, а имеют над собой старшего по званию. В случаях, когда командиры были вынуждены оставить свое формирование, к примеру, чтобы присутствовать на воинском совете при царе, их посты временно занимали равные по званию из тех же подразделений (Хен. Сур. III. 11). Помимо активного участия в военных действиях в должности командующих, *хилиархи* выполняли еще одну довольно интересную функцию. Ксенофонт упоминает, что при организации сатрапий и назначении соответствующих административных должностей Кир, чтобы пресечь попытки сепаратизма, оставил за собой главенство над местными военными контингентами: ему подчинялись начальники гарнизонов (αἱ ἄκρα φρούραρχοι) и так называемые «хилиархи страны» (οἱ χιλίαρχοι τὴν χώραν) (Хен. Сур. VI. 6. 1). К сожалению, о последней функции *хилиархов* нет никаких сведений в других источниках [19, p. 132–133]. Однако, учитывая контекст реформы административного деления империи Кира согласно описанию Ксенофонта, можно предположить, что «хилиархи страны» являлись командующими тех воинских частей, которые царь оставлял в целях пресечения восстаний в недавно завоеванных областях. Так или иначе, должность *хилиарха* у Ксенофонта по-прежнему связана с древнеперсидской системой военного командования.

Но даже в отношении последнего факта сведения античных авторов вступают в ряд противоречий друг с другом. В недавней работе, посвященной преемственности придворных практик Ахеменидской империи и обычаев при дворе Александра Македонского, А. Меус выдвинул предположение, что *хилиарх*, хотя и не был связан с персидским административным аппаратом, обладал заметной близостью к царю, поскольку занимал высший командный пост в армии. Вместо многочисленных *хилиархов* Ксенофонта А. Меус предлагает выделять двух

главных *хилиархов* применительно к позднему периоду правления Ахеменидов: дворцового *хилиарха* как начальника *мелофоров*, которого принято называть в современной историографии *par excellence* [20, p. 136; 21, p. 310; 22, p. 393], и равного ему по значимости *хилиарха* во главе элитной конницы царских родственников (συγγενεῖς ἰπτεῖς) (Diod. XVII. 59). Последнюю, согласно Арриану (Arr. Anab. III. 21. 1), возглавлял Набарзан в период правления Дария III. Именно он, в представлении Курция Руфа (Curt. IX–X, XIII), сыграл ключевую роль в заговоре и убийстве царя после поражения при Гавгамелах в 331 г. до н. э., после чего захватил одну из областей Парфии – Гирканию [23, с. 205]. Арриан характеризует его как «хилиарха вместе с Дарием бежавших всадников» (χιλιάρχησ τῶν ζὺν Δαρεῖῶ φευγόντων ἰπτέων), что, по мнению ряда исследователей, связывает его с должностью начальника συγγενεῖς ἰπτεῖς [6, p. 766; 24, p. 17; 25, p. 162]. Однако этим имеющиеся у нас сведения ограничиваются. Кроме Набарзана, античные авторы в качестве *хилиарха* конницы не упоминают никого. Этот факт приводит М. Чарльз к сомнению в существовании упомянутой командной должности, поскольку она непременно должна была быть зафиксирована другими античными авторами в более ранние периоды. Помимо этого, дискуссионным для исследователя остается и другой отрывок из той же книги Арриана, где он называет Набарзана «хилиархом Дария» (ὁ Δαρεῖου χιλιάρχησ) (Arr. Anab. III. 23. 4) без каких-либо уточнений. Это могло бы навести нас на мысль, что если Набарзан и был командующим конницы в качестве *хилиарха*, то в статусе он уступал придворному *хилиарху* [22]. И хотя М. Чарльз, на наш взгляд, в целом был прав, он не принял во внимание приведенные выше сведения Ксенофонта. Да, античный историк ничего не сообщает о подобной должности *хилиарха* в армии, но его положение о том, что каждый командующий подразделения находился под руководством военачальника более высокого ранга, наводит на мысль о подчиненности *хилиарха* конницы царских родственников старшему *хилиарху*, которым вполне мог быть и начальник элитной гвардии.

Итак, мы уже получили общее представление о том, какие функции мог исполнять *хилиарх* в военном контексте. И перед дальнейшим анализом стоит сделать два существенных замечания. Первое – фактологическое: несмотря на то, что выше мы неоднократно упоминали о *хилиархе* как о командующем *мелофорами*, античные авторы никогда не употребляли эти термины в одном контексте. Поэтому мы имеем дело с неким умозрительным конструктом: высокая вероятность того, что тысячу *мелофоров* возглавлял *хилиарх*. Второе замечание носит методологический характер: мы не проводим четкой разграничительной линии между обязанностями по охране монарха и участием в боевых действиях. Командующий *мелофорами*, по всей видимости, находился рядом с персидским царем и в мирное, и в военное время. В уже упомянутой битве при Гавгамелах, по словам Диодора, рядом с царем сражались как конница царских родственников, так и *мелофоры* (Diod. 17. 59). Следовательно, *хилиарх* выполнял свои обязанности по охране жизни царя в любой ситуации. По крайней мере, источники этому положению не противоречат.

Теперь же перейдем к сведениям наиболее, на наш взгляд, важного для настоящего исследования автора – Ктесия Книдского. Ктесий упоминает уже названного выше Меностана – соучастника убийства Ксеркса II. После восшествия на престол нового царя Секудиана Меностан становится *азабаритом*

(ἀζαβαρίτης) (Ctes. *FGrH*. 688. F.15.49). Суть его должностных обязанностей нам неизвестна, однако, во-первых, судя по тому же Ктесию, Меностан был знатного рода, поскольку его отец, Артарий, исполнял обязанности сатрапа Вавилонии и являлся братом царя Артаксеркса I (465–424 гг. до н. э.); во-вторых, он участвовал в сражении против восставшего в Сирии Мегабиза, где был ранен и потерпел поражение (Ctes. *FGrH*. 688. F.14.41). Также сообщается, что он по значимости уступал Багоразу, вероятно евнуху, но без уточнений, при каком царе и в каком статусе. Сам Багораз явно был связан с армией, поскольку после его казни Секудианом армия возненавидела царя (εμίσοῦν αὐτὸν). Учитывая тот факт, что заговор против Ксеркса был осуществлен во дворце, пока царь был пьян, можно заключить, что Меностан сделал карьеру во внутреннем круге двора, где и сблизился с Секудианом. По всей видимости, Меностан занимал должность *хилиарха* и являлся командующим *мелофоров*. Раскрыть суть обязанностей Меностана в качестве *азабарита* царя может помочь греческий лексикон Гесихия Александрийского V–VI вв. н. э. Слово *хилиарх* в нем остается без пояснений, но вот *азаранаты* (ἀζαρανάταις) объясняются как «исангилеи у персов» (οἱ ἐισαγγελεῖς παρὰ Πέρσαις). И, как будет видно далее, именно эта функция начинает главенствовать над военной и охранной.

Более поздние авторы также все реже начинают упоминать прочих *хилиархов*, уделяя внимание только фигуре, находящейся близ царя. К примеру, Полиэн в своих «Стратегемах» упоминает *хилиарха* лишь дважды. Первый случай связан с походом Дария I против саков в 519 г. до н. э. Автор называет некоего *хилиарха* Раносбата, который раскрыл замысел сакского лазутчика Сирака заманить персов в ловушку в безводной пустыне. После разоблачения Раносбат казнил сака на месте (Polyaen. VII. 12) [26, p. 282]. Второй же фрагмент представляет больший интерес. Полиэн сообщает обстоятельства прихода к власти Артаксеркса III Оха: «Ох, когда его отец, Артаксеркс, умер, видя, что отец, будучи живым, был грозным с подданными, а после смерти его сам он будет презираемым, с евнухами (τοῖς εὐνοῦχοῖς), с постельничими (катаκοκίσταῖς), и с *хилиархом* (τῷ χιλιάρχῳ) договорившись, скрывал смерть отца в течение десяти месяцев»³ (Polyaen. VII. 17). И в том, и в другом фрагменте слово «хилиарх» использовано в единственном числе. Можно предположить, что Раносбат был одним из *хилиархов* Дария в этом военном походе, и Полиэн просто делает акцент на конкретной персоне, вероятно взятой из какого-то раннего источника, но во втором эпизоде он явно дает понять, что подразумевал под этим словом. В его представлении при персидском царе находился лишь один придворный *хилиарх*, обладавший авторитетом и возможностью получать информацию из первых уст. И мы склонны считать, что это тот же самый *хилиарх*, который обеспечивал личную охрану царя.

Как уже отмечалось, поздние авторы, такие как Диодор и Корнелий Непот, более склонны наделять персидского *хилиарха* большим авторитетом и влиянием при дворе, полагая, что он был чуть ли не вторым после царя лицом в государстве. Так, по словам Диодора, «Антипатр также сделал своего собственного сына Кассандра *хилиархом* и вторым по полномочиям» (Diod. XVIII. 48). С учетом того, что греческий историк воспринимал титул *хилиарха* как заимствованный Александром у Ахеменидов, данный пример вполне отражает взгляды Диодо-

³ Перевод И.В. Косинцевой.

ра, а с большой долей вероятности – и его предшественников (на которые он опирался), на положение *хилиархов* при дворе персидских царей. Более того, в сведениях Диодора полномочия хилиарха заметно расширены, особенно в сравнении с сообщениями Непота и Плутарха. К примеру, посланный Фарнабазом с обвинениями против Тиссаферна к персидскому царю для аудиенции афинский стратег Конон, по словам Непота, первоначально должен был переговорить об этой встрече с *хилиархом* Тифравстом, поскольку без согласия последнего доступ к царю был запрещен. Он аргументирует это следующим образом: «Иди хоть сейчас, но подумай, что для тебя предпочтительнее – изложить дело устно или письменно. Ведь если ты предстанешь перед царем, то тебе придется склониться перед ним ниц (персы называют такой поклон “земным”). Если подобное приветствие тебе в тягость, то столь же успешно ты можешь добиться желанного исхода, передав свое прошение через меня»⁴ (Нер. Соп. 3. 2-3). Конон же, чтобы не навлечь на себя позор, отказывается совершать «земной поклон» и передает послание в письменном виде. С аналогичным препятствием, по сообщению Плутарха, сталкивается и Фемистокл, желавший получить аудиенцию у Артаксеркса I. *Хилиарх* Артабан указывает ему на то, что придется совершить *проскинесис*, после чего он сможет говорить с царем. Однако, в отличие от случая с Кононом, Фемистоклу не предложили альтернативы в виде передачи послания письмом (Plut. Them. 27. 2).

Так или иначе, оба *хилиарха* выполняют функцию посредника между царем и его посетителями в процессе аудиенции. Как можно заметить, в их обязанности входили инструктаж об этикете и обычаях персов для прибывших, а также получение информации об их намерениях. Обратившись же к жизнеописанию царя Артаксеркса II за авторством того же Плутарха, мы можем понять, что коммуникация в обратную сторону происходила также через посредничество хилиарха: «Лаконцу Эвклиду, который бывал с ним слишком дерзок, он (царь) передал через одного из хилиархов (τὸν χιλίαρχον): “Ты можешь что угодно говорить, но я-то могу не только говорить, а и делать”»⁵ (Plut. Art. 5). С точностью определить место общения посетителей с *хилиархами* довольно затруднительно, но в целом, кроме последнего случая, где действие происходит во время выезда царя в путешествие или на охоту, эта коммуникация происходит где-то за пределами зала аудиенций, поскольку авторы подчеркивают недоступность царя для прибывшего. И все же все три приведенных отрывка транслируют идею наличия лишь одного *хилиарха*, и ни в одном из них не упоминается о каких-либо других функциях этого должностного лица, кроме посреднической [22, р. 399]. Мы не находим ни у Артабана, ни у Тифравста, ни у последнего неназванного хилиарха никаких связей с военным делом, как и охранительных обязанностей.

Выход из данного противоречия может указать Геродот, который неоднократно касался в своем произведении вопросов доступа к персидскому царю. Наиболее показательной является ситуация с заговором Семи знатных персов против мага Гауматы: «Когда семь [заговорщиков] подошли к [дворцовым] воротам (ἡ πύλη), произошло именно то, что ожидал Дарий. Стража (οἱ φύλακοί) почтительно пропустила знатных персов, совершенно не подозревая их наме-

⁴ Перевод Н.Н. Трухиной.

⁵ Перевод С.П. Маркиша.

рений. Боги вели их, и никто [из стражи] ни о чем их не спрашивал. Так они проникли во двор (ἡ αὐλή), где их встретили евнухи, докладывавшие царю (τὰς ἀγγελίας ἐσφέρουσι εὐνοῦχοισι). Евнухи же стали расспрашивать заговорщиков, что им нужно здесь, и, расспрашивая, осыпали бранью привратников, зачем те пропустили их. Дальше идти евнухи запрещали. А заговорщики, подав друг другу знак, выхватили свои кинжалы и пронзили на месте тех, кто им препятствовал. Сами же бегом устремились в мужские покои (ὁ ἀνδρῶν) ...услышав шум и крики евнухов, они (маги) бросились назад и, как только поняли, что происходит, взяли за оружие»⁶ (Hdt. III. 76–78). Благодаря приведенным сведениям мы можем попытаться реконструировать многоступенчатую процедуру доступа в покои царя. Сначала посетителей встречала у дворцовых ворот вооруженная охрана, которая, по всей видимости, должна была досматривать их на наличие спрятанного оружия. Однако распространялось это правило, вероятно, лишь на представителей других этносов, поскольку сам Геродот свидетельствует, что персы носили при себе оружие, к примеру кинжал (Hdt. VII. 61), в присутствии царя. Ксенофонт же упоминает, что при встрече с царем персы должны были выставлять руки из своих одежд с длинными рукавами (ἡ κόρη), в противном случае их могла ждать смертная казнь (Xen. Hell. II. 8). Поэтому ситуация, при которой знатные персы прошли во дворец с оружием, видится более правдоподобной, чем может показаться на первый взгляд. Названные же Геродотом стражи у ворот – *филаки* (οἱ φύλακοι) – были *мелофорами*, на что указывает изображение этих стражей на рельефах лестниц тронного зала в Персеполе [27], а следовательно, их командующий, *хилиарх*, должен был быть где-то неподалеку. Можно лишь догадываться, почему историк избегает упоминания о нем. Исходя из общей логики развития событий, которая заключается в том, что ни у кого не возникло каких-либо подозрений в отношении заговорщиков, за исключением евнухов уже внутри дворцовых стен, Геродот попросту мог опустить подробности.

Вторым этапом проверки перед допуском к царю, по всей видимости, были докладчики – αἱ ἀγγελία ἐσφέρουσι εὐνοῦχοισι. И хотя данная фраза больше похожа на характеристику, чем на конкретное наименование должности, далее в той же книге галикарнасский историк сообщает, что после переворота и провозглашения Дария новым царем оставшиеся шестеро знатных персов могли входить к царю на аудиенцию без согласования с *исангиелем* (Hdt. III. 84), или *ангелофором* (ὁ ἀγγελαφόρος) (Hdt. III. 118). Исключением являлась ситуация пребывания царя с женщиной, а нарушение этого правила, как показывает дерзкая выходка Интафрена, каралось смертью (Hdt. III. 118).

Из крайне скудного доступного нам объема информации в рамках древнеперсидской традиции можно проследить следующие функции *исангиеля* при дворе. Во-первых, это встреча желающего лично увидеться с царем, которая происходила у ворот в царский дворец. Намекает на это само постановление о допуске знатных персов: «И существовал закон, что те, которые выступили против мага, должны были иметь доступ к царю без доклада, если не случилось того, что царь находился с женщиной»⁷ (καὶ γὰρ δὴ καὶ ὁ νόμος οὕτω εἶχε, τοῖσι ἐπαναστᾶσι τῷ Μάγῳ ἔσοδον εἶναι παρὰ βασιλέα ἄνευ ἀγγέλου, ἣν μὴ γυναικὶ τυγχάνη μισγόμενος

⁶ Перевод Г.А. Стратановского.

⁷ Перевод с древнегреч. наш. – Е. О.

βασιλεύς) (Hdt. III. 118). Во-вторых, *исангилей* должен был быть проинформирован о намерениях посетителя, а уже после принять решение о допуске его к царю. Принимал ли он это решение единолично? Пытавшийся прорваться во дворец Интафрен столкнулся с сопротивлением со стороны не только докладчика, но и привратника (ὁ πυλῶρος), стоявших у ворот. Учитывая тот факт, что поздняя античная традиция объединяет функционал *исангилея* и *хилиарха*, а также принимая во внимание определение *хазарапата* (ὁ ἀζαράπατης) у Гесихия, согласно которому он и есть *исангилей* при персидском дворе, мы можем сформулировать следующую гипотезу: в период правления первых персидских царей до Ксеркса I / Артаксеркса I, а возможно, и на протяжении всей истории Ахеменидов две упомянутые должности никогда не совпадали в отношении исполняемых *хазарапатом* и *исангилеем* обязанностей. Да и сама идея о совмещении одним лицом двух должностей, которые могли противоречить друг другу, кажется нам если не фантастической, то как минимум маловероятной, тем более когда дело касалось вопроса царской безопасности. Подкрепить упомянутую идею может информация Диодора Сицилийского о командующих армией Артаксеркса III в кампании 343–342 гг. до н. э. по присоединению отпавшего Египта (Diod. XVI. 40–65). Так, второй их трех частей разделенной царской армии совместно руководили грек Никострат и *исангелей* царя (ὁ εἰσαγγελεύς τοῦ βασιλέως) Аристазан, а во главе третьей части стоял евнух Багой (XVI. 47. 2-3), которого древнегреческий историк также наделяет титулом *хилиарх* (XVII. 5. 3) [28; 29]. Помимо этого, интерес вызывает и подчеркнутая Диодором иерархия отношений царя и подданных, в которой Аристазан был «самым верным из его (царя) друзей после Багой» (πιστότατος τῶν φίλων μετὰ Βαγῶαν) [26, р. 290]. Ю.В. Корнилов, комментируя приведенную характеристику Аристазана, полагает, что она отражает «иерархию среди хилиархов, поскольку известно, что евнух Багой был хилиархом при Артаксерксе III» [30, с. 169]. Однако ни Диодор, ни другие античные авторы не называют Аристазана *хилиархом*, несмотря на его присутствие в войсках персидского царя. Интерес вызывает также и интерпретация этого сюжета М. Чарльзом, который определяет Аристозана как *исангелея* царя. Исходя из этого исследователь приходит к мысли, что *исангелей* в этом сюжете Диодора не обязательно исполнял обязанности командующего. Эту функцию М. Чарльз отводит греческому наемнику Ментору. О *хилиархе* же автор замечает следующее: «Возможно, хилиарх мог быть *исангилеем* или даже отвечать за них»⁸ [25, р. 290]. На наш взгляд, упомянутое Диодором ранжирование «друзей царя» может быть отражением реальной должностной иерархии в ближнем кругу царских придворных, где *хилиарх* занимал высшую ступень, а *исангилей* – следующую после него. Как следствие, несмотря на все могущество, приписанное хилиарху Диодором, в его понимании обязанности докладчика он не исполнял.

Итак, древнеперсидское слово *хазарапат* полностью соответствует древнегреческому *хилиарх*. Они оба обозначают «командир тысячи», ей являлась элитная гвардия царя (*мелофоры*). Ее основной задачей была охрана дворца как от внутренних, так и от внешних угроз. *Хилиарх* же был ответственным в первую очередь за безопасность жизни Великого царя и находился при нем как в мирное, так и в военное время. Однако исключать возможность наличия прочих *хилиар-*

⁸ Перевод с англ. наш. – Е. О.

хов было бы поспешным решением. Думается, что высоким статусом в придворной иерархии обладал только дворцовый *хилиарх* – самый доверенный и приближенный к царю человек вследствие выполняемых им обязанностей. В войсках также были свои *хилиархи*, каждый из которых был ответственен за свою тысячу воинов. Не отвергаем мы и идею о том, что была отдельная *хилиархия* конницы (συγγενεῖς ἰπλεῖς), но данный вопрос требует более пристального рассмотрения.

Кроме того, на определенном этапе античной письменной традиции происходит трансформация в восприятии этой должности: помимо военного контекста деятельность хилиарха начинает подразумевать и придворно-административную сферу, в рамках которой хилиарх начинает выполнять функции докладчика (ὁ εἰσαγγελεύς), являвшегося, по факту, проводником в процессе аудиенции и информатором царя о посетителях. Вероятно, именно *исангилей* озвучивал окончательное решение о допуске посетителя в присутствии царя, убедившись, что первый будет вести себя в рамках этикета и персидских обычаев (к примеру, совершение *проскинесиса*), в то время как глава стражи *хилиарх*, находившийся рядом с *исангилеем*, должен был удостовериться в благонадежности прибывшего.

О существенном же влиянии *хилиарха* на придворную жизнь и политику царя можно говорить с осторожностью. Безусловно, каждый *хилиарх* в той или иной степени обладал своими амбициями, определенной лояльностью и связями при дворе. Уже начиная с Ктесия Книдского, в источниках приводится все больше рассказов о политических интригах, в которые был вовлечен *хилиарх*, и о его неоспоримом авторитете, возвышающем его чуть ли не до второго после царя места в придворной иерархии. Безусловно, ответственность за жизнь царя влияла на его положение и близость к монарху, но в случае каждой удачной или неудачной попытки переворота мы имеем дело с конкретными историческими обстоятельствами и сложными человеческими отношениями. Поскольку данный титул сохранил свою высокую значимость в иерархии как при парфянских, так и при первых сасанидских царях, о чем могут свидетельствовать источники [16, р. 139–145], мы полагаем, что подавляющее большинство *хилиархов*, вышедших из военной среды и неоднократно доказывавших свою дисциплину и верность, вряд ли стремились к реализации политических амбиций, чем на столетия «укоренили» должность *хилиарха* в истории Ирана. Однако нельзя забывать и о том, что высокое положение *хилиарха* предоставляло ему всю широту возможностей для реализации его личных политических амбиций. Достаточно красноречивы в данном случае заговоры *хилиарха* Артабана, совершившего убийство Ксеркса I в 465 г. до н. э. (Ctes, *FGrH*. 688. F15.48; Diod. XI. 69.1–2), и *хилиарха* Багоя против Артаксеркса III и его приемника Арсеса в 338 г. до н. э. (Diod. XVII. 5. 3–4) [28].

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- Aesch. Pers. – *Эсхил. Персы* // Эсхил. Трагедии / Пер. с древнегреч. С.К. Апта. М.: Искусство, 1978. С. 49–90.
- Arr. Anab. – *Арриан Флавий. Поход Александра* / Пер. М.Е. Сергеевко. М.: Миф, 1993. 272 с.
- Ctes. – *Ctesias. Persian History. Part I: Introduction Text and Translation* / Ed. by J.P. Stronk. Düsseldorf: Wellem Verlag, 2010. 422 p.

- Curt. – *Квинт Курций Руф*. История Александра Македонского. Сохранившиеся книги / Пер. с лат. К.А. Морозовой и И.А. Мироновой (кн. III), В.С. Соколова и А.Ч. Козаржевского (кн. IV–V, IX–X), И.А. Мироновой (кн. VI), Д.А. Дрбоглава (кн. VII), А.Ч. Козаржевского (кн. VIII) под ред. В.С. Соколова. М.: Изд-во МГУ, 1963. 478 с.
- Diod. – *Диодор Сицилийский*. Историческая библиотека: в 3 т. / Пер. с древнегреч. Э.Д. Фролова. М.: Рубежи XXI, 2021. Т. 1. 456 с. Т. 2. 453 с. Т. 3. 594 с.
- FGrH. – *Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker*: 4 Bd. Berlin: Weidmann, 1923–1958.
- Hdt. – *Геродот*. История в девяти книгах / Пер. и примеч. Г.А. Стратановского; под общ. ред. С.Л. Утченко; ред. пер. Н.А. Мещерский. Л.: Наука, 1972. 600 с.
- Hesych. – *Hesychii Alexandrini Lexicon: volumen I: A-Δ*. / Ed. by K. Latte, I.C. Cunningham. Berlin; Boston: De Gruyter, 2018. 660 p.
- Plut. Art. – *Плутарх*. Артаксеркс / Пер. С.П. Маркиша // Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 2 т. М.: Наука, 1994. Т. 2. С. 474–506.
- Plut. Them. – *Плутарх*. Фемистокл / Пер. С.И. Соболевского // Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 2 т. М.: Наука, 1994. Т. 1. С. 114–132.
- Polyaen – *Полиэн*. Стратегемы / Пер. И.В. Косинцевой; под общ. ред. А.К. Нефёдкина. СПб.: Евразия, 2002. 606 с.
- Xen. Cyr. – *Ксенофонт*. Киропедия / Изд. подгот., [пер., примеч., составил В.Г. Борухович и Э.Д. Фролов]. М.: Наука, 1976. 334 с.
- Xen. Hell. – *Ксенофонт*. Греческая история / Пер. с древнегреч. и коммент. С.Я. Лурье. СПб.: Алетейя, 1993. 443 с.

Литература

1. *Shayegan M.R. Hazārbed* // Encyclopaedia Iranica online. 2003. URL: <https://iranicaonline.org/articles/hazarbed>, свободный.
2. *Gignoux P. Chiliarch* // Encyclopaedia Iranica online. 1991. URL: <https://www.iranicaonline.org/articles/chiliarch>, свободный.
3. *Баулина Е.Ю., Гоман Ю.А.* Особенности титула «хазарапат» и основные принципы восхождения к ахеменидским придворным церемониалам // Беларусь и культурное наследие древности и средневековья: материалы междунар. науч. конф., приуроч. к годовщине подписания Пакта Рериха, Минск, 15 апр. 2021 г. Минск: БГУ, 2021. С. 14–21.
4. *Cook J.M. The Persian Empire*. New York, NY: Schocken Books, 1983. vii, 275 p.
5. *Benveniste E. Titres et nomes propres en iranien ancien* // Travaux de l'Institut d'Études Iraniennes de l'Université de Paris. V. I. Paris: Librairie C. Klincksieck, 1966. P. 66–72.
6. *Briant P., Daniels P.T. From Cyrus to Alexander: A History of the Persian Empire*. Winona Lake, Indiana: Eisenbrauns, 2002. 1216 p. <https://doi.org/10.5325/j.ctv1bxgwdk>.
7. *Olmstead A.T. History of the Persian Empire*. Chicago, London: Univ. of Chicago Press, 1948. xxxii, 568 p.
8. *Llewellyn-Jones L. King and Court in Ancient Persia 559 to 331 BCE*. Ser.: Debates and Documents in Ancient History. Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2013. xxix, 258 p.
9. *Junge P.J. Hazarapatiš* // *Klio*. 1940. V. 33, No 1-4. P. 13–38. <https://doi.org/10.1515/klio-1940-1-403>.
10. *Дандамаев М.А.* Политическая история Ахеменидской державы. М.: Наука, 1985. 319 с.

11. *Justi F.* Der Chiliarch des Dareios // *Z. Dtschen Morgenl. Ges.* 1896. Bd. 50, H. 4. S. 659–664.
12. *Briant P.* Sources gréco-hellénistiques, institutions perses et makédoniennes: continuités, changements et bricolages // *Achaemenid History. Vol. VIII: Continuity and change: Proc. Last Achaemenid History Workshop, Apr. 6–8, 1990, Ann Arbor, MI* / Ed. by H. Sancisi-Weerdenburg, A. Khurt, M.C. Root. Leiden: Neth. Inst. Near East, 1994. P. 283–310.
13. *Schmidt E.F.* Persepolis I: Structures, Reliefs, Inscriptions. Ser.: Oriental Institute Publications. V. 68. Chicago, IL: Univ. of Chicago Press, 1953. xxix, 297 p., 205 plates.
14. *Keaveney A.* The Chiliarch and the Person of the King // *Der Achämenidenhof. The Achaemenid Court: Akten des 2. Internationalen Kolloquiums zum Thema «Vorderasien im Spannungsfeld klassischer und altorientalischer Überlieferungen», Mai 23–25, 2007* / Ed. by B. Jacobs, R. Rollinger. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2010. P. 499–509.
15. *Rollinger R., Wiesehöfer J.* Königlicher Haushalt, Residenz und Hof: Der Persische König und sein Palast. Auch ein Beitrag zur Umwelt des Alten Testaments // *Sprachen – Bilder – Klänge. Dimensionen der Theologie im Alten Testament und in seinem Umfeld. Festschrift für Rüdiger Bartelmus zu seinem 65. Geburtstag* / Hrsg. von C. Karrer-Grube, J. Krispenz, T. Krüger, C. Rose, A. Schellenberg. Ser.: *Alter Orient und Altes Testament*. Bd. 359. Münster: Ugarit-Verlag, 2009. S. 213–226.
16. *Chaumont M.-L.* Chiliarque et Curopalate à la cour des Sassanides // *Iran. Antiq.* 1973. V. 10. P. 139–165.
17. *Wiesehöfer J.* Die „Freunde“ und „Wohltäter“ des Großkönigs // *Stud. Iran.* 1980. Bd. 9. S. 7–21.
18. *Wiesehöfer J.* Gift-giving ii. In *Pre-Islamic Persia* // *Encyclopaedia Iranica online*. 2011. URL: <https://iranicaonline.org/articles/gift-giving-ii>, свободный.
19. *Tuplin C.* The administration of the Achaemenid Empire // *Coinage and Administration in the Athenian and Persian Empires: Proc. 9th Oxford Symp. on Coinage and Monetary History* / Ed. by I. Carradice. *BAR International Ser.* V. 343. Oxford: Br. Archaeol. Rep., 1987. P. 109–166.
20. *Wiesehöfer J.* Das antike Persien: von 550 v. Chr. bis 650 n. Chr. München: Artemis & Winkler, 1994. 426 S.
21. *Meeus A.* Some institutional problems concerning the succession to Alexander the Great: “Prostasia” and chiliarchy // *Historia*. 2009. V. 58, No 3. P. 287–310. <https://doi.org/10.25162/historia-2009-0016>.
22. *Charles M.B.* The Achaemenid Chiliarch par excellence: Commander of guard infantry, cavalry or both? // *Historia*. 2016. V. 65, No 4. P. 392–412. <https://doi.org/10.25162/historia-2016-0020>.
23. *Кошеленко Г.А., Гаубов В.А.* Судьбы сатрапов Востока. Эпоха Александра Македонского // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2007. № 17. С. 202–222.
24. *Lewis D.M.* Sparta and Persia: Lectures Delivered at the University of Cincinnati, Autumn 1976 in Memory of Donald W. Bradeen. Ser.: *Cincinnati Classical Studies*. V. 1. Leiden: Brill, 1977. 168 p.
25. *Collins A.* Alexander and the Persian court chiliarchy // *Historia*. 2012. V. 61, No 2. P. 159–167. <https://doi.org/10.25162/historia-2012-0009>.
26. *Charles M.* The chiliarchs of Achaemenid Persia: Towards a revised understanding of the office // *Phoenix*. 2015. V. 69, No 3–4. P. 279–303. <https://doi.org/10.1353/phx.2015.0043>.
27. *Brosius M.* New out of old? Court and court ceremonies in Achaemenid Persia // *The Court and Court Society in Ancient Monarchies* / Ed. by A.J.S. Spawforth. Cambridge: Cambridge Univ. press, 2007. P. 17–57. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511482939.002>.

28. Charles M.B., *Anagnostou-Laoutides E.* Curtius 6, 5, 22–3, Darius III and the eunuch Bagoas // *Rheinisches Museum für Philologie*. 2018. V. 161. P. 166–183.
29. Рунг Э.В., Орлов В.П. «Полудержавный властелин»: евнух Багой в истории Ахеменидской империи // *Вестник древней истории*. 2021. Т. 81, № 3. С. 590–614. <https://doi.org/10.31857/S032103910010618-2>.
30. Корнилов Ю.В. Ориентализм в идеологии и политике Александра Великого: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2017. 230 с.

Поступила в редакцию 20.03.2024

Принята к публикации 15.05.2024

Онищенко Евгений Сергеевич, аспирант кафедры всеобщей и публичной истории

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия

E-mail: zhenya.onichenko1996@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 2, pp. 48–63

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.2.48-63

Hazarapatiš in the Achaemenid Empire: A Commander or Usher?

E.S. Onischenko

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: zhenya.onichenko1996@mail.ru

Received March 20, 2024; Accepted May 15, 2024

Abstract

This article explores the official duties of the *hazarapat* (*hazarapatiš*) at the court of the Achaemenid kings and defines the relationship between the terms *chiliarch* (χιλίαρχος) and *isangeleus* (εἰσαγγελεύς), both used for this Persian title, in the evolution of the ancient written tradition. Ancient Greek authors, up to Ctesias of Cnidus, discussed the *chiliarch* only in the military context. In later periods, it was increasingly perceived as both the Persian king's bodyguard and the *isangeleus* at court ceremonies, thus implying broad political powers. In reality, the *chiliarch* never combined these two duties. He remained the commander of his military unit, which consisted of a thousand of men, and apparently checked the reliability of royal visitors before audiences. The *isangeleus*, another royal courtier, was responsible for informing the king about the intentions of visitors, as well as for guiding their adherence to Persian etiquette and customs.

Keywords: Achaemenid Empire, *hazarapat*, *chiliarch*, *isangeleus*, Achaemenid court, ancient Persian audiences

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Shayegan M.R. Hazārbed. *Encyclopaedia Iranica online*, 2003. URL: <https://iranicaonline.org/articles/hazarbed>.
2. Gignoux P. Chiliarch. *Encyclopaedia Iranica online*. 1991. URL: <https://www.iranicaonline.org/articles/chiliarch>.

3. Baulina E.Yu., Homan Yu.A. Features of the title “hazarapet” and the basic principles of respect for the Achaemenid court ceremonies. *Belarus' i kul'turnoe nasledie drevnosti i srednevekov'ya: materialy mezhdunar. nauch. konf., priuroch. k godovshchine podpisaniya Pakta Rerikha, Minsk, 15 apr. 2021 g.* [Belarus and the Cultural Heritage of Antiquity and the Middle Ages: Proc. Int. Sci. Conf. Celebrating the Anniversary of the Roerich Pact Sign, Minsk, Apr. 15, 2021]. Minsk, BGU, 2021, pp. 14–21. (In Russian)
4. Cook J.M. *The Persian Empire*. New York, NY, Schocken Books, 1983. vii, 275 p.
5. Benveniste E. Titres et nomes propres en iranien ancien. In: *Travaux de l'Institut d'Études Iraniennes de l'Université de Paris*. Vol. I. Paris, Librairie C. Klincksieck, 1966, pp. 66–72. (In French)
6. Briant P. *From Cyrus to Alexander: A History of the Persian Empire*. Winona Lake, IN, Eisenbrauns, 2002. 1216 p. <https://doi.org/10.5325/j.ctv1bxgwdk>.
7. Olmstead A.T. *History of the Persian Empire*. Chicago, London: Univ. Chicago Press, 1948. xxxii, 568 p.
8. Llewellyn-Jones L. *King and Court in Ancient Persia 559 to 331 BCE*. Ser.: Debates and Documents in Ancient History. Edinburgh, Edinburgh Univ. Press, 2013. xxix, 258 p.
9. Junge P.J. Hazarapatiš. *Klio*, vol. 33, nos. 1–4, pp. 13–38. <https://doi.org/10.1515/klio-1940-1-403>.
10. Dandamaev M.A. *Politicheskaya istoriya Akhemenidskoi derzhavy* [The Political History of the Achaemenid Empire]. Moscow, Nauka, 1985. 319 p. (In Russian)
11. Justi F. Der Chiliarch des Dareios. *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*, 1896, Bd. 50, H. 4, S. 659–664. (In German)
12. Briant P. Sources gréco-hellénistiques, institutions perses et makédoniennes: continuités, changements et bricolages. In: H. Sancisi-Weerdenburg, A. Khurt, M.C. Root (Eds.) *Achaemenid History*. Vol. VIII: Continuity and change: Proc. Last Achaemenid History Workshop, Apr. 6–8, 1990, Ann Arbor, MI. Leiden, Neth. Inst. Near East, 1994. pp. 283–310. (In French)
13. Schmidt E.F. *Persepolis I: Structures, Reliefs, Inscriptions*. Ser.: Oriental Institute Publications. Vol. 68. Chicago, IL, Univ. of Chicago Press, 1953. xxix, 297 p., 205 plates.
14. Keaveney A. The chiliarch and the person of the king. *Der Achämenidenhof. The Achaemenid Court: Akten des 2. Internationalen Kolloquiums zum Thema „Vorderasien im Spannungsfeld klassischer und altorientalischer Überlieferungen“*, Mai 23–25, 2007. Jacobs B., Rollinger R. (Eds.). Wiesbaden, Harrassowitz Verlag, 2010, pp. 499–509.
15. Rollinger R., Wiesehöfer J. Königlicher Haushalt, Residenz und Hof: Der Persische König und sein Palast. Auch ein Beitrag zur Umwelt des Alten Testaments. In: Karrer-Grube C., Krispenz J., Krüger T., Rose C., Schellenberg A. (Hrsg.) *Sprachen – Bilder – Klänge. Dimensionen der Theologie im Alten Testament und in seinem Umfeld. Festschrift für Rüdiger Bartelmus zu seinem 65. Geburtstag*. Ser.: Alter Orient und Altes Testament. Bd. 359. Münster, Ugarit-Verlag, 2009, S. 213–226. (In German)
16. Chaumont M.-L. Chiliarque et curopalate à la cour des Sassanides. *Iranica Antiqua*, 1973, vol. 10, pp. 139–165. (In French)
17. Wiesehöfer J. Die “Freunde” und “Wohltäter” des Großkönigs. *Studia Iranica*, 1980, Bd. 9, S. 7–21. (In German)
18. Wiesehöfer J. Gift-giving ii. In Pre-Islamic Persia. *Encyclopaedia Iranica online*. 2011. URL: <https://iranicaonline.org/articles/gift-giving-ii>.
19. Tuplin C. The administration of the Achaemenid Empire. *Coinage and Administration in the Athenian and Persian Empires: Proc. 9th Oxford Symp. on Coinage and Monetary History*. Carradice I. (Ed.). BAR International Ser. Vol. 343. Oxford, Br. Archaeol. Rep., 1987, pp. 109–166.
20. Wiesehöfer J. *Das antike Persien: von 550 v. Chr. bis 650 n. Chr.* München, Artemis & Winkler, 1994. 426 S. (In German)
21. Meeus A. Some institutional problems concerning the succession to Alexander the Great: “Prostasia” and chiliarchy. *Historia*, 2009, vol. 58, no. 3, pp. 287–310. <https://doi.org/10.25162/historia-2009-0016>.
22. Charles M.B. The Achaemenid Chiliarch par excellence: Commander of guard infantry, cavalry or both? *Historia*, 2016, vol. 65, no. 4. pp. 392–412. <https://doi.org/10.25162/historia-2016-0020>.

23. Koshelenko G.A., Gaibov V.A. The destiny of the satraps of the East. The epoch of Alexander the Great. *Problemy Istorii, Filologii, Kul'tury*, 2007, no. 17, pp. 202–222. (In Russian)
24. Lewis D.M. *Sparta and Persia: Lectures Delivered at the University of Cincinnati, Autumn 1976 in Memory of Donald W. Bradeen*. Ser.: Cincinnati Classical Studies. Vol. 1. Leiden, Brill, 1977. 168 p.
25. Collins A. Alexander and the Persian court chiliarchy. *Historia*, 2012, vol. 61, no. 2, pp. 159–167. <https://doi.org/10.25162/historia-2012-0009>.
26. Charles M. The chiliarchs of Achaemenid Persia: Towards a revised understanding of the office. *Phoenix*, 2015, vol. 69, nos. 3–4, pp. 279–303. <https://doi.org/10.1353/phx.2015.0043>.
27. Brosius M. New out of old? Court and court ceremonies in Achaemenid Persia. In: A.J.S. Spawforth (Ed.). *The Court and Court Society in Ancient Monarchies*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2007, pp. 17–57. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511482939.002>.
28. Charles M.B., Anagnostou-Laoutides E. Curtius 6, 5, 22–3, Darius III and the eunuch Bagoas. *Rheinisches Mus. Philol.*, 2018, vol. 161, pp. 166–183.
29. Rung E.V., Orlov V.P. “The mighty, quasi-sovereign”: eunuch Bagoas in the history of the Achaemonid Empire. *Vestnik Drevnei Istorii*, 2021, vol. 81, no. 3, pp. 590–614. <https://doi.org/10.31857/S032103910010618-2>. (In Russian)
30. Kornilov Yu.V. Orientalism in the ideology and politics of Alexander the Great. *Cand. Hist. Diss.* Kazan, 2017. 230 p. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Онищенко Е.С. Хазарапат в империи Ахеменидов: тысяченачальник или докладчик? // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 2. С. 48–63. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.2.48-63>. ⟩

⟨ **For citation:** Onishchenko E.S. Hazarapatiš in the Achaemenid Empire: A commander or usher? *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 2, pp. 48–63. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.2.48-63>. (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(38).03

doi: 10.26907/2541-7738.2024.2.64-75

ПОСМЕРТНОЕ ПОЧИТАНИЕ ЦАРЯ ЛЕОНИДА В СПАРТЕ

Л.Г. Печатнова

*Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург,
199034, Россия*

Аннотация

В статье рассмотрено несколько сюжетов, связанных с посмертным почитанием царя Леонида в Спарте. Показаны особенности погребальной церемонии именно при погребении Леонида. Исключительные почести, оказанные Леониду, и учреждение ежегодного праздника в его честь стали важной интегральной частью процесса по формированию особого менталитета спартанских граждан. Отмечается, что подвиг Леонида сделал пропаганду «прекрасной смерти» за родину частью идеологии стойкости спартиатов. Большое внимание в статье уделено теме переноса останков Леонида из Фермопил в Спарту. Из-за лакуны в тексте Павсания дискуссионным является вопрос о том, кто и когда осуществил эту акцию, так как в рукописи имя и дата не согласуются между собой. В статье приведено несколько вариантов возможного заполнения лакуны, но особый акцент сделан на той гипотезе, которая требует наименьшего вмешательства в текст.

Ключевые слова: Спарта, Фермопилы, спартанские цари, Леонид, Павсаний, Геродот, Плутарх, писатель Павсаний

Погребение Леонида

В настоящей статье мы обратимся к частной проблеме, имеющей отношение к посмертной судьбе героя Фермопил царя Леонида¹, история которого не закончилась с его героической гибелью на поле сражения. Манипуляции, связанные с изготовлением и захоронением его кенотафа, а позже с погребением его костей, перенесенных из Фермопил, дают нам возможность оценить огромную важность, которую придавали спартанцы правильно организованной царской погребальной церемонии. Спартанские цари *post mortem* воспринимались как сакральные фигуры и в таком своем качестве высоко чтились. Леонид, павший в сражении при Фермопилах вместе со всем своим отрядом, прославил не только себя самого, но и Спарту. В глазах всей Греции он стал образцом истинного спартанца. Апологию Леониду мы встречаем уже у Геродота. Он называет царя «лучшим по доблести» (ἀνὴρ γυνόμενος ἄριστος) и отзываясь о нем как об «особенно достойном восхищения»² (Her. VII. 204). К этим характеристикам добавляется и

¹ Согласно традиции, Леонид (ок. 540–480 до н. э.) принадлежал к царской семье Агиадов и был сыном царя Анаксандрида (560–520 до н. э.). Тот от первого брака имел трех сыновей – Дориея, Леонида и Клеомброта, а от второго брака – будущего царя Клеомена I (Her. V. 39–41; Paus. III. 3. 9). Леонид был женат на Горго, дочери своего сводного брата Клеомена I, и имел от нее сына Плистарха (Her. V. 41. 48; VII. 205; IX. 10). Поскольку смерть Клеомена датируется различно между 491 и 488 гг. до н. э., дата воцарения Леонида не определена [1, р. 275]. Он стал царем примерно в пятьдесят лет (о его возрасте см. [2, р. 21]). О его примерно десятилетнем правлении до битвы при Фермопилах ничего не известно.

² Здесь и далее пер. Г.А. Стратановского.

полный перечень всех предков Леонида вплоть до Геракла (Her. VII. 204). Столь высокая оценка полководца, фактически погубившего и себя, и весь свой отряд и в конечном счете пропустившего персов, может означать только одно: в эпоху Геродота героическая гибель Леонида и трехсот спартанцев уже воспринималась всей Грецией как высшее проявление воинской доблести, когда-либо засвидетельствованное со времен Гомера. Идея того, что спартанцы скорее умрут, чем отступят, уже прочно вошла в массовое сознание греков.

Леонид и его триста спартанцев показали всей Элладе, что такое величие спартанского духа. Они в полной мере воплотили в жизнь идеал «прекрасной смерти», требующий от спартанцев или одолеть врага, или погибнуть (Her. VII. 104. 5)³. «Таким образом, – как отметила Николь Лоро, – прекрасная смерть в Спарте являлась если и не критерием гражданства, то, по крайней мере, в высшей степени критерием гражданственности»⁴ [З, р. 107]. После Фермопил подобное поведение в бою стало восприниматься не только самими спартанцами, но и всеми греками как категорический императив, из которого нет и не могло быть исключений. Фукидид рассказывает о том шоке, в котором пребывали греки, узнав о капитуляции спартанцев на острове Сфактерия в 425 г.⁵ По словам Фукидида, «это было самое неожиданное событие войны в глазах греков; ибо мнение о лакедемонянах заключалось в том, что ни голод, ни какая-либо крайность не заставят их сдать оружие, но они сохранят его, сражаясь...» (Thuc. IV. 40. 1)⁶. История с капитуляцией на Сфактерии разрушила стереотип о никогда не сдававшихся спартанцах, твердо усвоенный всей Элладой после гибели Леонида и его отряда.

Исключительная роль Леонида в общем контексте Греко-персидских войн, видимо, была оценена вскоре после Платейской победы. Можно сказать, что без поражения при Фермопилах не было бы и победы при Платеях. Спартанские власти довольно быстро оценили открывшиеся после гибели Леонида возможности для укрепления положения своего полиса как руководителя греческого сопротивления. Сам Леонид удостоился необычайных даже для спартанских царей посмертных почестей. Видимо, необходимость особо выделить фигуру Леонида подтолкнула спартанские власти к новациям, до того никогда не применявшимся в царских погребальных ритуалах.

Обратимся теперь к источникам, среди которых центральное место занимает труд Геродота. Мы встречаем у него описание погребальной церемонии спартанских царей, которая, по всей вероятности, происходила и при погребении Леонида. По словам историка, «если же смерть постигнет царя на поле брани, то в его доме

³ Демарат по требованию Ксеркса сообщает ему, что спартанцы представляют собой особую породу людей, для которых нормой является беспрекословное подчинение законам: «Веление закона всегда одно и то же: закон запрещает в битве бежать пред любой военной силой врага, но велит, оставаясь в строю, одолеть или самим погибнуть» (Her. VII. 104. 5). Речь идет, конечно, не о писаных законах, а о тех этических нормах, которые ясно были сформулированы в элегиях Тиртея и прочно усвоены спартанцами во время прохождения ими *агогэ*. Поэт превозносил прекрасную смерть воина, павшего в первой шеренге сражающихся:

«Доля прекрасная – пасть в передних рядах ополчения,
Родину-мать от врагов обороняя в бою...» (пер. О. Румера)

(τεθνάμεναι γὰρ καλὸν ἐνὶ προμάχοισι πεσόντα ἄνδρ' ἀγαθόν, περὶ ἧ πατρίδι μαρνάμενον (Tyr. fr. 10. 1–2 West), нумерация фрагментов Тиртея дается по изданию: *West M.L. Iambi et Elegi Graeci*: 2 v. Oxford: Oxford Univ. Press, 1992. V. 2. 277 p.).

⁴ Пер. с французского здесь и далее наш. – Л. П.

⁵ Здесь и далее все даты – до н. э.

⁶ Пер. Г.А. Стратановского.

устанавливают изображение (εἶδωλον)⁷ покойного и на устланном ложе выносят» (Her. VI. 58. 3). Как полагают некоторые исследователи, впервые спартанцы использовали εἶδωλον в качестве замены телу именно при погребении царя Леонида [5, S. 324–325; 6, p. 360; 7, p. 249], поскольку его обезображенный труп попал в руки персов (Her. VII. 238). Трудно предположить, что в подобной ситуации тело Леонида могло каким-либо образом вдруг оказаться у греков. Тем более маловероятно, чтобы до Платейской победы 479 г. греки имели возможность поднять и захоронить останки погибших при Фермопилах. Как отметила А. Петропулу, «нет никаких доказательств того, что обезглавленное тело Леонида было погребено вместе с другими спартанцами или отдельно от них, то есть там, где позже был установлен каменный лев в его честь⁸ (Her. VII. 225. 2)» [4, p. 597]⁹.

Леонид был единственным спартанским царем, чей труп оказался в руках врага. Вероятно, в Спарте вскоре после Фермопил появился и кенотаф Леонида, помещенный на участке, где были захоронены цари из рода Агиадов¹⁰. В этом кенотафе и оказался его εἶδωλον. Для спартанцев, не имевших возможности захоронить тело царя, сооружение кенотафа было единственным способом достойно почтить память Леонида. А. Петропулу полагает, что подобный кенотаф, содержащий в себе деревянную фигуру царя, был погребальной практикой, характерной исключительно для Лаконии [4, p. 598]. Для спартанцев εἶδωλον их царя символизировал важный статусный переход: от человека к герою. Но все же кенотаф был паллиативным решением.

В какой-то момент спартанцы перенесли в Спарту, как они считали или хотели считать, останки Леонида. Когда именно это произошло, мы не знаем. Определенно известно только одно – накануне Пелопоннесской войны этот перенос уже состоялся. Близ святилища Афины и недалеко от агоры появилась могила Леонида¹¹. Видимо, выбор центра города для установки его погребального памятника был вполне осознанным решением властей. Леонид для Спарты стал знаковой фигурой, а его героическая гибель – вечным примером того, как следует спартанцу вести себя в бою, чтобы не прослыть трусом и не опозорить свою семью. Воспитательное значение подобной «наглядной агитации» с присущей ему пронизательностью отметил Плутарх. По его словам, обычай «хоронить мертвых в самом городе и ставить надгробия близ храмов» имел своей целью наполнить «город множеством поучительных примеров...» (Plut. Lys. 27. 1–2)¹². Скорее всего, именно Леонид оказался первым царем, ради которого был изменен обычай, требующий хоронить Агиадов в окраинной Питане, где находилась их семейная усыпальница.

Спартанцы не ограничились установлением погребального памятника Леониду. Рядом появилась и «доска с именами всех тех, кто выдержал бой при

⁷ Эйдолон – стилизованная деревянная фигура, выполненная в натуральную величину. Его использовали в качестве замены самого покойного. Подробнее см. [4, p. 596–601].

⁸ Пер. с английского здесь и далее наш. – Л. Г.

⁹ Но некоторые ученые полагают, что в Спарту были доставлены реальные останки Леонида, поскольку, по их мнению, царя первоначально похоронили в отдельной могиле в Фермопилах. См., например, [8, p. 168].

¹⁰ Захоронения Агиадов и Еврипontiдов находились в разных местах, но и то, и другое – на городских окраинах (Paus. III. 12. 8; 14. 2). Н. Рише так объясняет подобное расположение царских гробниц: «Спарта охраняла свои границы с помощью могил двух династий: Еврипontiдов на юге и Агиадов на севере» [9, p. 89].

¹¹ Конечно, весьма сомнительно, что это действительно были останки царя. Его кости, скорее всего, были рассеяны и навсегда потеряны, но маловероятно, чтобы это стало препятствием для того, чтобы снова их «открыть». Пример такого рода «открытия» – обретение Кимоном костей Тесея (Plut. Thes. 35. 5–36. 1–2).

¹² Пер. С.П. Маркиша.

Фермопилах против персов...»¹³ (Paus. III. 14. 1)¹⁴. Их имена, видимо, были широко известны. Во всяком случае, Геродот видел их перечень или на самой памятной стеле, или в списках (Her. VII. 224)¹⁵. Это заявление Геродота указывает на тот факт, что историк уже был свидетелем процесса увековечения их памяти [1, р. 279]. Когда установили саму стелу, неизвестно. В любом случае возведение стелы и церемония переноса останков Леонида были событиями, не связанными друг с другом. Стела была установлена до или после сооружения могильного памятника царю [10, р. 525, п. 18].

Рядом с могилой Леонида были поставлены погребальные памятники еще двум великим полководцам Спарты – победителю при Платеях (479 г.) регенту Павсанию и Брасиду, завоевавшему для Спарты Халкидику (422 г.) (Paus. III. 14. 1)¹⁶. Так что в самом центре Спарты, а не где-то на окраинах, возник целый комплекс надгробных памятников ее величайшим военачальникам. Спартанская молодежь проникалась духом патриотизма благодаря тому, что не только постоянно слышала о подвигах предков, но и лицезрела в центре города памятники тем, кто сделал Спарту великой и непобедимой державой.

Леонид стал культовой фигурой, и ему воздавались почести как герою¹⁷. Подобная героизация, явно предпринятая в патриотических целях, возможно, является до известной степени отличительной чертой спартанской культуры [17, р. 148]. В честь Леонида у его надгробного памятника в Спарте проводились ежегодные празднества – Леонидии (Λεωνιδεῖα) (Paus. III. 14. 1)¹⁸. Время их появления неизвестно, однако их введение может отражать более позднюю историческую реальность [18, р. 192–193].

Леонид и регент Павсаний

Перейдем теперь к вопросу о том, кто и когда перенес останки Леонида в Спарту. Как сообщает переигет Павсаний, кости Леонида были перенесены из Фермопил в Спарту спустя сорок лет после битвы (Paus. III. 14. 1). Однако относительно обстоятельств переноса останков царя существуют большие сомнения. Во всех дошедших до нас рукописях место, повествующее об этом событии, испорчено, поскольку все они восходят к единственному (не очень качественному

¹³ Пер. С.П. Кондратьева.

¹⁴ Все спартанцы, павшие при Фермопилах, получили героический статус и даже в римское время продолжали почитаться как герои (IG V. 1. 660) [11, р. 153–154]. Самые храбрые из них, Марон и Алфей, удостоились отдельного святилища (Paus. III. 12. 9). О феномене героизации в Греции см. особенно: [12; 13, р. 89–120 (по мнению автора, все павшие в битвах в эпоху архаики и классики получали героический статус); 14].

¹⁵ Огромное значение увековечиванию памяти павших в боях предавали и за пределами Спарты. Видимо, в Феспиях, беотийском городе, чей отряд гоплитов погиб вместе с Леонидом и спартанцами при Фермопилах, не только возводили многочисленные памятники погибшим, но и устанавливали при них стелы с именами всех павших. Так, например, здесь был возведен грандиозный памятник в виде мраморного льва, возвышающегося над девятью стелами с перечнем ста одного имени феспийцев, павших в сражении при Делии в 424 г. (IG VII. 1888).

¹⁶ Гробница Брасида была кенотафом, ведь сам он был похоронен в Амфиполе, то есть там, где погиб (Thuc. V. 11. 1). В настоящее время точное расположение трех вышеупомянутых памятников не определено [11, р. 152–153].

¹⁷ По словам Ксенофонта, «лакедемонских царей чтили не как обыкновенных людей, но как героев» (Xen. Lac. pol. 15. 9). Если царь при жизни не совершил никакого преступления, то после смерти он почитался как герой. Так, когда в 400 г. хоронили царя Агиса, то «при погребении ему были оказаны большие почести, чем воздаются мертвым» (Xen. Hell. III. 3. 1). М.А. Флауэр отмечает, что «нигде более в греческом мире не найти нормативного эквивалента той полубожественности, которая выделяла спартанских царей» [15, р. 213, п. 94]. О посмертной героизации царей см. особенно: [16, р. 247–251].

¹⁸ Засвидетельствованы в нескольких надписях римского времени: (IG V (1) 18–20; 559, 660).

и, к тому же, утраченному позднее) архетипу – экземпляру XI в.¹⁹ Начнем с того, что Павсаний, победитель в битве при Платеях, не мог иметь какого-либо отношения к поискам останков Леонида спустя сорок лет после Фермопил, так как его уже не было в живых.

Конечно, спартанцы должны были страстно желать вернуть тело Леонида. Ведь для посмертного почитания его как героя необходимо было осуществить сложную религиозную церемонию, обязательно проводимую в самой Спарте²⁰. Стоит упомянуть, что тело царя Агесилая было доставлено домой даже из Ливии (Plut. Ages. 40. 3). Что касается участия спартанца Павсания в переносе тела Леонида, то считать данный факт истинным можно только в одном случае: если, учитывая испорченность рукописного текста, предположить, что на самом деле речь шла не о сорока годах, а о четырех. Так, в частности, считал уже К.О. Мюллер [20, S. 488, Anm. 40] и его последователи²¹. Это предположение требует минимального текстуального вмешательства.

Обратимся теперь к самому тексту: τοῦ θεάτρον δὲ ἀπαντικρὺ Παισαίου τοῦ Πλαταῖσιν ἡγησαμένου μνημῆα ἐστὶ, τὸ δὲ ἕτερον Λεωνίδου – καὶ λόγους κατὰ ἔτος ἕκαστον ἐπ' αὐτοῖς λέγουσι καὶ τιθέασιν ἀγῶνα ἐν ᾧ πλὴν Σπαρτιατῶν ἄλλω γε οὐκ ἔστιν ἀγωνίζεσθαι, τὰ δὲ ὅστ' αὐτοῦ Λεωνίδου †<*> ἕτερον ὕστερον ἀνελομένου ἐκ Φερμοπιλῶν τοῦ Παισαίου κεῖται. Вот его перевод: «Напротив театра по другую сторону – надгробные памятники: один Павсанию, начальствовавшему в битве при Платеях, второй – Леониду; каждый год около них произносятся речи и устраиваются состязания, участвовать в которых не разрешается никому, кроме спартанцев. Кости Леонида лежат здесь потому, что сорок лет... спустя Павсаний их нашел и перенес из-под Фермопил» (Paus. III. 14. 1). В тексте указаны дата и имя – Павсаний, причем без отчества. Но ни регент Павсаний, ни царь Павсаний II не могли участвовать в этом мероприятии через сорок лет после битвы, так как первый в 440 г. был уже мертв (он умер, скорее всего, между 471/0 и 465/4 гг.), тогда как последний был еще ребенком, так что неверно указаны либо дата, либо имя, либо и то, и другое.

Ученые не раз предлагали свои варианты решения этой проблемы²². Так, например, Роберт Коннор считал, что в первоначальном тексте τοῦ Παισαίου было, скорее, отчеством при пропавшем из-за испорченности текста имени [21]. В этом обороте (Gen. Abs.) исследователь предложил сделать подлежащим имя *Клеомен* при сказуемом ἀνελομένου. Он имел в виду одного из младших сыновей регента Павсания по имени Клеомен (Thuc. III. 26). При таком чтении число *сорок* сохраняется. В качестве аргумента Р. Коннор ссылается на то, что переигет Павсаний хорошо знал историю Спарты и, вероятно, имел доступ к источникам, ныне утраченным [21, p. 24]. Ученый также допускает ошибку переписчика, объясняя ее тем, что в манускриптах Павсания первое имя собственное нередко опускается, ибо взгляд переписчика, по его словам, часто перескакивает вперед к следующему имени [21, p. 24, n. 13]²³. Никаких более серьезных аргументов в пользу своей версии Р. Коннор не приводит, а ссылка на то, что 440 г. был наиболее подходящим моментом для переноса останков Леонида, нам не кажется убедительной.

¹⁹ О рукописной традиции см. [19].

²⁰ Как утверждает Р. Паркер, «царские погребения были, конечно, среди самых зрелищных спектаклей, которые Пелопоннес когда-либо видел» [17, p. 153].

²¹ О них см. [10, p. 525, n. 18].

²² О нескольких попытках исправить или имя, или датировку см. [10, p. 523–525].

²³ Там же см. перечень примеров такого рода пропусков.

Обратимся к недавним работам, где также обсуждается обозначенная проблема. Так, Аннализа Парадизо, известный антиковед из университета Базилика-ты, проанализировав текст, приводит неоспоримый, как нам кажется, аргумент в пользу того, что именно регент Павсаний осуществил перенос костей Леонида. Периегет называет его имя без отчества, но с артиклем. Итальянская исследовательница обращает внимание на то, что это уже третье упоминание данного героя повествования в одном и том же параграфе (Paus. III. 14. 1). В первый раз он ясно представлен как Παύσανίου τοῦ Πλαταιῶσιν ἡγεσάμενου, то есть это, определенно, регент Павсаний. При втором упоминании есть косвенная ссылка на то, что речь идет о регенте, – ἐπ' αὐτοῖς «рядом с ними» – в том месте, где говорится об ораторских и спортивных состязаниях, устраивавшихся каждый год в честь Павсания и Леонида, похороненных рядом. Имя Павсания, появившееся в третий раз в одном и том же предложении, может принадлежать только уже вышеупомянутому главнокомандующему, то есть регенту, а не кому-либо иному [10, p. 525]. По мнению А. Парадизо, замена числа Μ на Δ (40 на 4) является наиболее легким и, безусловно, самым простым и экономичным текстовым решением, не требующим никаких изменений в имени персонажа [10, p. 525].

Марчелло Лупи, профессор Неаполитанского университета, хотя и полагает, что полностью удовлетворительного решения этой хронологической проблемы не существует, однако из двух вариантов выбирает тот, где вместо рукописного числа *сорок* следует взять *четыре* (Δ, а не Μ). В пользу этой версии он добавляет и то соображение, что «возвращение» костей Леонида в Спарту именно в 477/76 г. наверняка оказало бы очень сильное пропагандистское воздействие как на Спарту, так и на всю Грецию [22, p. 364].

Мы полагаем, что в 477 г. член царского дома Агиадов и герой Платей Павсаний вполне мог перенести останки Леонида в Спарту²⁴. Человек крайне честолюбивый и решительный, он был заинтересован в том, чтобы подчеркнуть роль Леонида и свою в деле спасения Спарты и всей Греции. Напомним, что регент весной 477 г. [24, S. 324; 25, p. 491, n. 21] был отозван эфорами из Византия домой и должен был предстать перед судом по обвинению в мидизме (Thuc. I. 94–95; 128; 130; Her. V. 32; Diod. XI. 44). Несмотря на такое серьезное обвинение, Павсаний был оправдан. Возвращение останков Леонида в Спарту, будь оно осуществлено именно регентом, вполне могло быть одним из весомых аргументов при вынесении оправдательного приговора²⁵. Мы согласны с М. Лупи в том, что «если в спартанской риторике Платей трактовались как месть за Фермопилы, то Павсания должны были реабилитировать как мстителя за его дядю Леонида» [22, p. 365]²⁶.

В источниках отсутствуют сведения об участии Дельф в столь важном сакральном предприятии, как перенос царских останков²⁷. Но в истории такого

²⁴ Нестыковка заключается в том, что в 477–476 гг. Павсаний, скорее всего, был в Колонах в Троеде (Thuc. I. 131. 1; 132. 2). Фукидид не сообщает о том, как долго он мог там находиться. По мнению Д. Льюиса – скорее всего, несколько лет, но сказать что-либо более точно, с его точки зрения, невозможно [23, p. 100]. Хронология последних лет жизни Павсания детально не установлена. Даже время его смерти определяют в довольно широком диапазоне – от 476 до 465 г., что объясняется главным образом тем, что в экскурсах Фукидида о Павсании отсутствуют какие-либо временные указания.

²⁵ О контактах Павсания с персами см. [26].

²⁶ Пер. с итальянского наш. – Л. П. Возможно, связь между двумя битвами уже присутствовала в Платейской элегии Симонида, где ссылка на смерть Ахилла, который славно погиб перед решительной победой, должна была напоминать смерть Леонида [1, p. 284–285].

²⁷ Напомним, что в двух известных случаях, касающихся останков Ореста (Her. I. 67–68) и Тисамена (Paus. VII. 1. 8), их перенос в Спарту произошел по указанию Дельфийского оракула.

закрытого государства, каким была Спарта, слишком много подобных лакун. Если наше предположение верно и Павсаний действительно был инициатором переноса останков Леонида, то он не мог не обратиться в Дельфы: без санкции Дельфийского оракула вряд ли можно было осуществить предприятие, важной частью которого являлось установление героического культа. Судя по активному вмешательству Дельф в его уже посмертную судьбу, Павсаний при жизни, бесспорно, пользовался в Дельфах большим авторитетом²⁸.

В заключение добавим, что не существует однозначного ответа на вопрос о том, кто и когда перенес останки Леонида в Спарту. Мы рассмотрели, как нам представляется, наиболее вероятный вариант решения обозначенной проблемы. Однако, каким бы образом ни реконструировали текст, очевидно, что в какой-то момент в V в. до н. э. один из членов семьи Агиадов нашел кости Леонида и вернул их в Спарту. Видимо, это была исключительно инициатива Агиадов, заинтересованных в реабилитации авторитета своей семьи, который был подорван из-за ряда громких скандалов²⁹. Установление надгробного памятника Леониду в центре Спарты было очень сильным ходом этого царственного рода.

Уже в древности подвиг царя Леонида воспринимался как непревзойденный образец воинской доблести и патриотизма. Личность этого спартанского царя вызывала к себе такой интерес, что Плутарх собирался написать (или даже написал, но она не дошла до нас) биографию Леонида. Об этом он упоминает в трактате «О злокозненности Геродота» (Plut. Mor. 866 b = De Her. mal. 32). Тот факт, что Плутарх действительно работал над этой темой, очевиден на основании собрания изречений, приписываемых Леониду и собранных древнегреческим историком в его трактате «Изречения спартанцев» (Plut. Mor. 254 f – 225 e = Arophth. Lac. 51).

Конечно, в поздней греческой историографии рассказ о сражении при Фермопилах был сильно изменен и расцвечен деталями, которых не было у Геродота³⁰. «Но, – как отмечал Э.Н. Тигерштедт, – даже того, что Геродот рассказал о Фермопилах, было достаточно, чтобы вознести Спарту на вершину славы. Этот случай стал кульминацией спартанской легенды и оправдал все, что было сделано Ликургом в древности...» [28, p. 82].

Возвращаясь к Леониду, отметим, что этот царь, единственный из спартанских басилевсов, был удостоен трех надгробных памятников и трех последовательно произошедших в разное время погребальных церемоний. Сначала – в Фермопилах, на том месте, где позже появится каменный лев в его честь

²⁸ Об отношении дельфийских жрецов к Павсанию можно судить по тому, с каким возмущением они восприняли внесудебную расправу над регентом и нарушение права убежища. Его последующая реабилитация была полностью инспирирована Дельфами: от спартанцев настоятельно потребовали достойно похоронить Павсания и воздвигнуть в его честь два памятника. Эти бронзовые статуи были поставлены у жертвенника в храме Афины Халкиойкос (Thuc. I. 134. 4; Paus. III. 17. 7). Об особой связи между семьей Агиадов и Дельфами в V в. см. особенно [27, p. 57–59].

²⁹ В 490 г. то ли покончил с собой, то ли был убит царь Клеомен (Her. VI. 75; Plut. Mor. 224 a = Arophth. Lac. 45. 4), около 470 г. регента Павсания оставили умирать в храме, замуравыв выход из него (Thuc. I. 134; Paus. III. 17. 7–9; Diod. XI. 45. 6–7), в 446 г. был изгнан царь Плистоанакт, обвиненный в коррупции (Thuc. V. 16. 3).

³⁰ Так, например, Диодор (Diod. XI. 4. 2–4) и Плутарх (Plut. Mor. 866 b–d; 225 a–e) сообщают исторический анекдот о том, будто бы Леонид, отправляясь из Спарты, уже знал, что погибнет, и потому не хотел обрезать на смерть слишком много спартанских граждан.

(Her. VII. 225. 2), затем – в Питане среди гробниц Агиадов (кенотаф) и, наконец, в центре Спарты близ святилища Афины Халкиойкос (Paus. III. 14. 1). Описанные экстраординарные почести свидетельствуют об исключительной важности того прецедента, который создал Леонид. Спартанские идеологи, видимо, очень быстро оценили воспитательный и пропагандистский потенциал подвига Леонида и его отряда. Установление памятных знаков и организация ежегодных празднеств в честь Леонида стали важной частью воспитательной доктрины Спарты. Спартанских юношей приучали быть равными не только в жизни, но и в смерти.

В заключение отметим, что героическая смерть для спартанцев была частью устойчивой идеологии, которая управляла поведением любого спартиата и внушала ему чувство групповой идентичности [29, р. 82]. Может быть, самым необычным достижением Спарты после Фермопил стало окончательное формирование мифа о спартанцах как об особой породе людей, готовых сражаться до последнего солдата и скорее погибнуть, чем отступить. Этот идеологический сценарий будет отлично работать на протяжении по крайней мере двух поколений, побуждая спартанцев проявлять храбрость, иногда для них фатальную.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- Diod. – *Диодор Сицилийский*. Историческая библиотека: в 3 т. / Пер. с древнегреч. Э.Д. Фролова. М.: Рубежи XXI, 2021.
- Her. – *Геродот*. История в девяти книгах / Пер. и примеч. Г.А. Стратановского; под общ. ред. С.Л. Утченко; ред. пер. Н.А. Мещерский. Л.: Наука, 1972. 600 с.
- Paus. – *Павсаний*. Описание Эллады: в 2 ч. / Пер. с древнегреч. С.П. Кондратьева; под ред. Е.В. Никитюк; отв. ред. проф. Э.Д. Фролов. СПб.: Алетейя, 1996. Ч. 1: Кн. 1–4. Ч. 1. 336 с., Ч. 2. Кн. 5–10. 538 с.
- IG – *Inscriptiones Graecae, consilio et auctoritate Academiae Litterarum Regiae Borussicae editae* / Ed. Adolphus Kirchhoff. Berolini: apud Georgium Reimerum, 1873–1891.
- Plut. Ages. – *Плутарх*. Агесилай / Пер. К.П. Лампсакова // Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 3 т.: [Пер. с древнегреч.] / Изд. подготовили С.П. Маркиш и С.И. Соболевский; [Послесл. С.И. Соболевского]. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. Т. 2. С. 304–333.
- Plut. Lys. – *Плутарх*. Ликург / Пер. С.П. Маркиша // Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 3 т.: [Пер. с древнегреч.] / Изд. подготовили С.П. Маркиш и С.И. Соболевский; [Послесл. С.И. Соболевского]. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. Т. 1. С. 53–78.
- Plut. Thes. – *Плутарх*. Тесей / Пер. С.П. Маркиша // Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 3 т.: [Пер. с древнегреч.] / Изд. подготовили С.П. Маркиш и С.И. Соболевский; [Послесл. С.И. Соболевского]. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. Т. 1. С. 5–25.
- Plut. Mor. 208 b–236 e = Arophth. Lac. – *Плутарх*. Изречения спартанцев / Пер. М.Н. Ботвинника // Плутарх. Застольные беседы / Изд. подгот. Я.М. Боровский и др.; [Примеч. составили И.М. Ковалева и др.]. Л.: Наука, 1990. С. 208–330.
- Plut. Mor. 854 e – 874 c = De Her. mal. 1–43 – *Плутарх*. О злокозненности Геродота / Пер. С.Я. Лурье // Лурье С.Я. Геродот. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1947. С. 161–202.
- Thuc. – *Фукидид*. История / Изд. подгот. Г.А. Стратановский и др. Л.: Наука, 1981. 543 с.
- Xen. Hell. – *Ксенофонт*. Греческая история / Пер. с древнегреч. и коммент. С.Я. Лурье. СПб.: Алетейя, 1993. 450 с.
- Xen. Lac. pol. – *Ксенофонт*. Лакедемонская политика / Пер., вступ. ст. и коммент. Л.Г. Печатновой. СПб.: Гуманит. акад., 2014. 223 с.

Литература

1. *Lupi M.* Sparta and the Persian wars, 499–478 // *A Companion to Sparta: 2 v.* / Ed. by A. Powell. Hoboken, NJ: Wiley Blackwell, 2018. V. I. P. 271–290. <https://doi.org/10.1002/9781119072379.ch10>.
2. *Grant J.R.* Leonidas' last stand // *Phoenix*. 1961. V. 15, No 1. P. 14–27. <https://doi.org/10.2307/1085931>.
3. *Loraux N.* La «belle mort» spartiate // *Ktèma*. 1977. No 2. P. 105–120.
4. *Petropoulou A.* The Spartan royal funeral in comparative perspective // *Honouring the Dead in the Peloponnese: Proc. Conf. Held in Sparta 23–25 April 2009* / Ed. by H. Cavanagh, J. Roy. Nottingham: Univ. of Nottingham, 2011. P. 583–612.
5. *Schaefer H.* Das Eidolon des Leonidas // *Idem. Probleme der Alten Geschichte. Gesammelte Abhandlungen und Vorträge*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1963. S. 324–328.
6. *Scott L.* Historical Commentary on Herodotus. Book 6. Ser.: Mnemosyne, Supplements. V. 268. Leiden: Brill, 2005. 716 p.
7. *Richer N.* The religious system at Sparta // *A Companion to Greek Religion* / Ed by D. Ogden. Oxford: Wiley Blackwell, 2007. P. 236–252. <https://doi.org/10.1002/9780470996911.ch16>.
8. *Pritchett W.K.* The Greek State at War. Part IV. Berkeley, CA, Los Angeles, CA, London: Univ. of California Press 1985. 278 p.
9. *Richer N.* Aspects des funérailles à Sparte // *Cahiers du Centre Gustave Glotz*. V. 5. 1994. P. 51–96. <https://doi.org/10.3406/ccgg.1994.1386>.
10. *Paradiso A.* Herodotus' list of the Three Hundred // *Honouring the Dead in the Peloponnese: Proc. Conf. Held in Sparta 23–25 April 2009* / Ed. by H. Cavanagh, J. Roy. Nottingham: Univ. of Nottingham, 2011. P. 521–535.
11. *Gengler O.* Leonidas and the heroes of Thermopylae: Memory of the dead and identity in Roman Sparta // *Honouring the Dead in the Peloponnese: Proc. Conf. Held in Sparta 23–25 April 2009* / Ed. by H. Cavanagh, J. Roy. Nottingham: Nottingham: Univ. of Nottingham, 2011. P. 151–161.
12. *Boehringer D.* Zur Heroisierung historischer Persönlichkeiten bei den Griechen // *Retrospektive: Konzepte von Vergangenheit in der griechisch-römischen Antike* / Ed. von M. Flashar, H.-J. Gehrke, E. Heinrich. München: Biering & Brinkmann, 1996. S. 37–61.
13. *Currie B.* Pindar and the Cult of Heroes. Ser.: Oxford Classical Monographs. Oxford Univ. Press, 2005. 487 p.
14. *Ekroth G.* Heroes and hero-cults // *A Companion to Greek Religion* / Ed by D. Ogden. Oxford: Wiley Blackwell, 2007. P. 100–114. <https://doi.org/10.1002/9780470996911.ch7>.
15. *Flower M.A.* Spartan 'religion' and Greek 'religion' // *Sparta: Comparative Approaches* / Ed. by S. Hodkinson. Swansea: Classical Press of Wales, 2009. P. 193–229.
16. *Lipka M.* Xenophon's Spartan Constitution: Introduction, Text, Commentary. Berlin, New York, NY: Walter de Gruyter, 2002. 302 p.
17. *Parker R.* Spartan religion // *Classical Sparta: Techniques behind Her Success* / Ed. by A. Powell. London: Routledge, 1989. P. 142–172.
18. *Cartledge P., Spawforth A.* Hellenistic and Roman Sparta: A Tale of Two Cities. London, New York, NY: Routledge, 1989. 304 p.
19. *Diller A.* The manuscripts of Pausanias // *Trans. Proc. Am. Philol. Assoc.* 1957. V. 88. P. 169–188. <https://doi.org/10.2307/283902>.
20. *Müller K.O.* Die Dorier. Bd. 2. Breslau: Max und Komp., 1844. 500 S.
21. *Connor W.R.* Pausanias 3.14.1: A sidelight on Spartan history, C. 440 B.C.? // *Trans. Proc. Am. Philol. Assoc.* 1979. V. 109. P. 21–27. <https://doi.org/10.2307/284046>.
22. *Lupi M.* Oracoli ed eroicizzazione: il sacrificio, il risarcimento e il recupero delle ossa di Leonida // *Verbum Dei. Oracoli e tradizioni cittadine nella Grecia antica. Atti del*

- convegno Roma, Università degli studi “La Sapienza” 11–12 febbraio 2011 / Ed. by P. Vannicelli. Roma, 2014. P. 353–370.
23. *Lewis D.* Mainland Greece, 479–451 B.C. // *Cambridge Ancient History. V. V: The fifth century B.C.* Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008. P. 96–120.
24. *Lippold A.* Pausanias von Sparta und die Perser // *Rheinisches Mus. Philol.* 1965. Bd. 108, H. 4. S. 320–341.
25. *Loomis W. T.* Pausanias, Byzantium and the formation of the Delian League: A chronological note // *Historia.* 1990. Bd. 39. H. 4. P. 487–492.
26. *Печатнова Л.Г.* Павсаний и персы // *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира.* Вып. 15 / Под ред. Э.Д. Фролова. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т. С. 161–185.
27. *Dimauro E.* Re contro. La rivalità dinastica a Sparta fino al regno di Agide II. Alessandria: Edizioni dell’ Orso, 2008. 217 p.
28. *Tigerstedt E.N.* The Legend of Sparta in Classical Antiquity. V. I. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1965. 591 p.
29. *Scott A.G.* The Spartan heroic death in Plutarch’s *Laconian Apophthegms* // *Hermes.* 2015. Bd. 143, H. 1. P. 72–82. <https://doi.org/10.25162/hermes-2015-0004>.

Поступила в редакцию 12.01.2024

Принята к публикации 12.03.2024

Печатнова Лариса Гавриловна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории древней Греции и Рима

Санкт-Петербургский государственный университет

Университетская наб., д. 7–9, г. Санкт-Петербург, 199034, Россия

E-mail: pechatnova@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 2, pp. 64–75

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.2.64-75

Posthumous Veneration of King Leonidas in Sparta

L.G. Pechatnova

St. Petersburg State University, St. Petersburg, 199034 Russia

E-mail: pechatnova@mail.ru

Received January 12, 2024; Accepted March 12, 2024

Abstract

This article examines several narratives about the posthumous veneration of King Leonidas in Sparta. The details of the funeral ceremony held for him are analyzed. Leonidas was the only ruler to be commemorated with three tombstones and three funerals, all in different locations. These unprecedented honors emphasized the exceptional importance attributed to Leonidas by the Spartan authorities. They affirmed his commanding role in strengthening Sparta’s reputation as the leader of the Greek resistance. Leonidas’ recognition and the annual holiday in his honor were fundamental in shaping the mentality of the Spartan citizens. He and the three hundred Spartans who perished with him at Thermopylae embodied the ideal of a noble death in defense of the homeland and showed the

Spartans that they were expected to either triumph over the enemy or meet their fate. This concept became ingrained in the ideology of the Spartiates. The intrigue surrounding the transfer of Leonidas' remains from Thermopylae to Sparta is discussed. Due to a gap in Pausanias' text, the identity of those responsible for this action and its timing are still unknown. The speculation is fueled by the discrepancy between the name and date provided in the manuscript. Here, several different options to fill the gap are considered. Out of all the options, the one that involves the least amount of intervention, i.e., simply replacing one digit in the manuscript, stands out.

Keywords: Sparta, Thermopylae, Spartan kings, Leonidas, Pausanias, Herodotus, Plutarch, writer Pausanias

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Lupi M. Sparta and the Persian wars, 499–478. In: Powell A. (Ed.) *A Companion to Sparta*. Vol. I. Hoboken, NJ, Wiley Blackwell, 2018, pp. 271–290. <https://doi.org/10.1002/9781119072379.ch10>.
2. Grant J.R. Leonidas' last stand. *Phoenix*, 1961, vol. 15, no. 1, pp. 14–27. <https://doi.org/10.2307/1085931>.
3. Loraux N. La “belle mort” spartiate. *Kièma*, 1977, no. 2, pp. 105–120. (In French)
4. Petropoulou A. The Spartan royal funeral in comparative perspective. *Honouring the Dead in the Peloponnese: Proc. Conf. Held in Sparta 23–25 April 2009*. Cavanagh H., Roy J. (Eds.). Nottingham, Univ. of Nottingham, 2011, pp. 583–612.
5. Schaefer H. Das Eidolon des Leonidas. In: *Probleme der Alten Geschichte. Gesammelte Abhandlungen und Vorträge*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1963. S. 324–328. (In German)
6. Scott L. *Historical Commentary on Herodotus. Book 6*. Ser.: Mnemosyne, Supplements. Vol. 268. Leiden, Brill, 2005. 716 p.
7. Richer N. The religious system at Sparta. In: Ogden D. (Ed.) *A Companion to Greek Religion*. Oxford, Wiley Blackwell, 2007, pp. 236–252. <https://doi.org/10.1002/9780470996911.ch16>.
8. Pritchett W.K. *The Greek State at War: Part IV*. Berkeley, CA, Los Angeles, CA, London, Univ. of California Press, 1985. 278 p.
9. Richer N. Aspects des funéraires à Sparte. *Cahiers du Centre Gustave Glotz*, 1994, vol. 5, pp. 51–96. <https://doi.org/10.3406/ccgg.1994.1386>.
10. Paradiso A. Herodotus' list of the Three Hundred. *Honouring the Dead in the Peloponnese: Proc. Conf. Held in Sparta 23–25 April 2009*. Cavanagh H., Roy J. (Eds.). Nottingham, Univ. of Nottingham, 2011, pp. 521–535.
11. Gengler O. Leonidas and the heroes of Thermopylae: Memory of the dead and identity in Roman Sparta. *Honouring the Dead in the Peloponnese: Proc. Conf. Held in Sparta 23–25 April 2009*. Cavanagh H., Roy J. (Eds.). Nottingham, Univ. of Nottingham, 2011, pp. 151–161.
12. Boehringer D. Zur Heroisierung historischer Persönlichkeiten bei den Griechen. In: Flashar M., Gehrke H.-J., Heinrich E. (Hrsg.) *Retrospektive: Konzepte von Vergangenheit in der griechisch-römischen Antike*. München, Biering & Brinkmann, 1996. S. 37–61. (In German)
13. Currie B. *Pindar and the Cult of Heroes*. Ser.: Oxford Classical Monographs. Oxford, Oxford Univ. Press, 2005. 487 p.
14. Ekroth G. Heroes and hero-cults. In: Ogden D. (Ed.) *A Companion to Greek Religion*. Oxford, Wiley Blackwell, 2007, pp. 100–114. <https://doi.org/10.1002/9780470996911.ch7>.
15. Flower M.A. Spartan ‘religion’ and Greek ‘religion’. In: Hodkinson S. (Ed.) *Sparta: Comparative Approaches*. Swansea, Classical Press of Wales, 2009, pp. 193–229.
16. Lipka M. *Xenophon's Spartan Constitution: Introduction, Text, Commentary*. Berlin, New York, NY, Walter de Gruyter, 2002. 302 p.
17. Parker R. Spartan religion. In: Powell A. (Ed.) *Classical Sparta: Techniques behind Her Success*. London, Routledge, 1989, pp. 142–172.
18. Cartledge P., Spawforth A. *Hellenistic and Roman Sparta: A Tale of Two Cities*. London, New York, NY, Routledge, 1989. 304 p.

19. Diller A. The manuscripts of Pausanias. *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*, 1957, vol. 88, pp. 169–188. <https://doi.org/10.2307/283902>.
20. Müller K.O. *Die Dorier*. Bd. 2. Breslau, Max und Komp., 1844. 500 S. (In German)
21. Connor W.R. Pausanias 3.14.1: A sidelight on Spartan history, C. 440 B.C.? *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*, 1979, vol. 109, pp. 21–27. <https://doi.org/10.2307/284046>.
22. Lupi M. Oracoli ed eroizzazione: il sacrificio, il risarcimento e il recupero delle ossa di Leonida. *Verbum Dei. Oracoli e tradizioni cittadine nella Grecia antica. Atti del convegno Roma, Università degli studi "La Sapienza" 11–12 febbraio 2011*. Vannicelli P. (Ed.). Roma, 2014, pp. 353–370. (In Italian)
23. Lewis D. Mainland Greece, 479–451 B.C. In: Lewis D.M., Boardman J., Davies J.K., Ostwald M. (Eds.) *The Cambridge Ancient History*. Vol. V: The fifth century B.C. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2008. P. 96–120.
24. Lippold A. Pausanias von Sparta und die Perser. *Rheinisches Museum für Philologie*, 1965, Bd. 108, H. 4, S. 320–341. (In German)
25. Loomis W.T. Pausanias, Byzantion and the formation of the Delian League: A chronological note. *Historia*, 1990, Bd. 39, H. 4, S. 487–492. (In German)
26. Pechatnova L.G. Pausanias and the Persians. *Mnemon. Issledovaniya i Publikatsii po Istorii Antichnogo Mira*, 2015, vol. 15, pp. 161–185. (In Russian)
27. Dimauro E. *Re contro. La rivalità dinastica a Sparta fino al regno di Agide II*. Alessandria, Edizioni dell' Orso, 2008. 217 p. (In Italian)
28. Tigerstedt E.N. *The Legend of Sparta in Classical Antiquity*. Vol. I. Stockholm, Almqvist & Wiksell, 1965. 591 p.
29. Scott A.G. The Spartan heroic death in Plutarch's Laconian Apophthegms. *Hermes*, 2015, Bd. 143, H. 1, S. 72–82. <https://doi.org/10.25162/hermes-2015-0004>.

⟨ **Для цитирования:** Печатнова Л.Г. Посмертное почитание царя Леонида в Спарте // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 2. С. 64–75. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.2.64-75>. ⟩

⟨ **For citation:** Pechatnova L.G. Posthumous veneration of King Leonidas in Sparta. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 2, pp. 64–75. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.2.64-75>. (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(3)

doi: 10.26907/2541-7738.2024.2.76-86

ПРИЕМ ПОСЛОВ В РИМСКОМ СЕНАТЕ В ПЕРИОД РЕСПУБЛИКИ ПО ДАННЫМ ТИТА ЛИВИЯ

Л.М. Шмелева

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

Статья посвящена изучению положения послов в Римской республике. Рассмотрены вопросы отношений между чужеземными посольствами и Сенатом Римской республики в VI–I вв. до н. э. на основе сочинения Тита Ливия «История Рима от основания города». Изучены такие проблемы, как приезд послов и их доклад должностным лицам (без него Сенат признавал их только частными лицами), собственно доклад в Сенате и обсуждение дел сенаторами, вынесение решения и ответ послам. По данным Тита Ливия можно реконструировать весь процесс приема послов от их приезда в Рим и регистрации у магистратов до их отъезда из Рима и во II–I вв. до н. э. – из Италии. Особое внимание Ливий уделяет обсуждению в Сенате дел, с которыми приезжали послы. Сделан вывод о том, что в целом сообщения Ливия дают представление о механизме вынесения решений в Сенате по внешнеполитическим вопросам.

Ключевые слова *ius gentium*, *ius legatorum*, внешняя политика, дипломатия, посольское право, Римская республика, Сенат

После установления республики управление римским государством постепенно централизовалась в Сенате, который сначала взял на себя функции советника должностных лиц, а затем и фактически сосредоточил в своих руках все управление Республикой. Сенат в течение V–IV вв. до н. э. смог взять под свой контроль даже военную сферу, где власть и *imperium* высших магистратов проявлялись в полной мере. От Сената зависел набор в армию – как само разрешение на это действие, так и определение условий набора, количество солдат и др. (Liv. II. 48; VI. 9; Dionys. IX. 35–36; Liv. VI. 9). Кроме того, Сенат распределял районы военных действий между магистратами ((Liv. III. 2; III. 25; IV. 45, XXX. 40–41) и др.) и выделял финансирование на военные действия, так как финансы также находились под контролем Сената. Все вышеперечисленное свидетельствует о том, что последний фактически превратился в правительство Римской республики [1, с. 96]. Это приводит к тому, что все дела, так или иначе касающиеся внешних сношений, оказываются в поле зрения сенаторов. Дипломатическая деятельность римского Сената была чрезвычайно разнообразной, в нее входила отправка римских послов с различными миссиями, заслушивание их отчетов, прием иностранных делегаций, принятие решений по международной политике Рима (Liv. II. 3; 15; 22; 39; III. 25; IV. 7; 58; V. 27; 36; VI. 10; 14; 22; Dionys. V. 7; 18; 67; VI. 24–25; 40–41; VII. 61; VIII. 38; Polyb. VI. 13). Фактически в период республики именно Сенат определял внешнюю политику государства, именно

здесь велись дискуссии по наиболее актуальным вопросам взаимодействия с другими народами, общинами и государствами. В качестве примера такого обсуждения можно привести эпизод из сорок пятой книги о разборе в Сенате дела родосских послов, где Ливий писал, что «тут сенаторов стали опрашивать, каково мнение каждого. Враждебней всех к родосцам были те, кто вел войну в Македонии, – консулы, преторы или легаты. А больше всех помог родосцам Марк Порций Катон; по природе суровый, на этот раз он как сенатор показал себя мягким и умеренным. Не стану изображать здесь этого красноречивого мужа, пересказывая его речь, – она записана и вошла в пятую книгу “Начал”. А ответ, данный родосцам, составлен был так, что они и к врагам причислены не были, и в союзниках не остались» (Liv. XLV. 22. 1–4).

Дипломатическая деятельность римского Сената получила отражение в сочинениях римских и греческих авторов. Наибольший объем информации о деятельности римского Сената, в том числе и дипломатической, содержится в сочинениях Тита Ливия, Дионисия Галикарнасского, Цицерона, Теренция Варрона, Диона Кассия, Аппиана, Полибия. В этих трудах можно найти и упоминания о дипломатической деятельности, и достаточно подробные сюжеты о приеме послов в Сенате, о рассмотрении спорных дипломатических вопросов, а также дискуссии о необходимости объявления войны и заключения мира. В сочинениях присутствуют и некоторые оценки действий римского Сената в отношении иноземных послов.

Одним из основных источников по истории Древнего Рима и его внешней политики является сочинение Тита Ливия «История Рима от основания города». Автор в своем труде уделяет большое внимание и дипломатической деятельности римских органов власти, в том числе посольствам, их взаимодействию с Сенатом, механизму принятия последним решений в отношении посольств. Большая часть подробной информации о посольствах относится к III–II вв. до н. э., но и в описании ранней истории Рима Ливий приводит немало примеров приема послов в римском Сенате, что позволяет проследить применявшиеся практики и их эволюцию. В целом данные Ливия позволяют реконструировать работу Сената в этом направлении.

Дипломатическая деятельность Сената и действия послов в Риме изучались и в отечественной, и в зарубежной историографии.

В отечественной историографии специальных исследований по дипломатической деятельности Сената нет. Однако некоторые вопросы затрагивались в работах по истории дипломатии в древности, истории римского права. Здесь следует назвать труды В.Н. Александренко, В.И. Кащеева, Е.С. Данилова и др. Как правило, в этих исследованиях даются общие сведения о приеме и отправке послов.

В.Н. Александренко в своей статье основное внимание уделяет общим вопросам международного права в Риме в период республики. Автор не рассматривает специально дипломатическую деятельность Сената, но упоминает некоторые моменты: участие Сената в заключении соглашений между Римом и другими государствами, отправку римских посольств и некоторые другие [2].

В «Истории дипломатии», изданной в 1951 г., вопросу приема послов в Сенате уделено мало места, к тому же авторы показали уже сложившуюся систему [3, с. 63–65].

Интерес к проблеме международных отношений в древности вновь возникает в отечественной историографии только в 80-е годы XX в. В.И. Кашеев в своем труде «Эллинистический мир и Рим» обращает внимание только на деятельность послов в III–II вв. до н. э., когда Рим заявляет о себе как об одной из сил в Средиземноморье и сталкивается с эллинистическими государствами. Однако здесь также описана уже сложившаяся система взаимодействия между римским Сенатом и посольствами [4, с. 208–211]. В монографии Е.С. Данилова «Война и разведывательная деятельность в античном Риме» проанализирована деятельность посольств с точки зрения разведки, по этой причине взаимодействию Сената и посольств уделяется мало внимания [5, с. 28–34]. Некоторые проблемы, связанные с пребыванием посольств в Риме, рассматриваются в работах И.В. Нетушила [6], И.Л. Маяк [7]. Положению послов и посольскому праву посвящены статьи Л.М. Шмелевой, в которых затрагиваются отдельные вопросы отношения римского Сената к чужеземным послам [8, 9].

Особое внимание следует обратить на исследование М.В. Белкина «Эволюция римского сената в V–III вв. до н. э.», в котором автор разбирает проблемы состава Сената, эволюции его функций, однако мало внимания уделяет внешней политике Рима, в частности функциям Сената в осуществлении этой деятельности [1].

В зарубежной историографии вопросами взаимоотношений Сената и посольств занимались П. Виллемс, М. Джене, Ж.-Л. Феррари и др. В исследовании П. Виллемса изложены основные принципы взаимоотношений Сената и посольств с точки зрения римского права [10]. Работы М. Джене и Ж.-Л. Феррари посвящены вопросам взаимодействия Сената и послов в Риме, в том числе авторы разбирают и особенности приема послов в Сенате, однако они затрагивают в основном III–I вв. до н. э., практически не рассматривая практику более раннего времени [11–13].

Таким образом, в историографии освещен в основном только поздний период дипломатической деятельности Сената с уже устоявшимися практиками, в том числе и в отношении чужеземных посольств. Данные, приведенные Ливием, позволяют проследить некоторую эволюцию этой деятельности.

В республиканскую эпоху право принимать посольства переходит к Сенату ((Liv. VII. 30. 1; VIII. 1. 7; XXII. 37. 1–2) и т. д.), что можно объяснить его увеличившимся влиянием на политику Республики в целом. Если часть внешнеполитических вопросов, таких как объявление войны, заключение мира и договоров о союзе, принадлежало в период республики римскому народу, то вся подготовительная работа оказалась в руках магистратов и Сената еще в самом начале республиканского периода (Liv. II. 22; IV. 7; V. 36; VI. 10; 14; 22). К такой подготовительной работе можно отнести и прием посольств Сенатом.

Посольства, которые прибывали в Рим, делились на две категории – враждебных и дружественных государств и народов. От того, к какой категории относилось посольство, зависело и размещение его на римской территории, и приглашение в Сенат, и место заседания Сената в день приема послов. В целом же отношение к послам определялось *ius gentium* и *ius legatorum* [8]. Послам после прибытия в Рим и представления магистратам выделялось по решению Сената содержание (Liv. XLII. 26. 4). Представление должностным лицам являлось обязательным, так как именно магистраты докладывали Сенату о прибытии послов, они же определяли место их заселения и выдавали денежное содержание.

Показателен в этом плане случай с иллирийскими послами накануне войны Рима с македонским царем Персеем (Liv. XLII. 26). «Иллирийцев призвали в сенат; когда те заявили, что они царские послы, направленные сюда, чтобы защищать царя от обвинений... то им задали вопрос, почему в таком случае они не явились к должностному лицу, чтобы получить по установившемуся обычаю стол и квартиру от государства, почему вообще не поставили никого в известность о своем прибытии и о цели приезда?» (Liv. XLII. 26. 4). Соответственно, Сенат не признал иллирийцев настоящими послами и не дал им ответа: «Римляне не сочли нужным дать им ответ как настоящим послам, так как они не добивались приема в сенате; постановили также направить послов к царю, дабы представить ему жалобы иссейцев и заявить, что, поскольку он решается обижать римских союзников, сенат считает его действия несправедливыми» (Liv. XLII. 26. 6).

Подробно описан Ливием и случай с послами Родоса. Ливий писал: «Среди многих посольств, прибывших из Азии и Греции, особое внимание граждан привлекли родосцы. Сперва они явились в белом, как и подобало поздравителям (ибо рубище заставило бы думать, что они жалеют Персея); пока родосцы ожидали на площади, консул Марк Юний запросил отцов-сенаторов, дать ли родосцам кров, стол и прием в сенате, и сенат решил, что по отношению к ним никакого права гостеприимства блюсти не следует. Марк Юний вышел к родосцам, которые просили принять их в сенате: они-де принесли поздравленья с победой и хотят оправдаться от обвинений, возводимых на их государство. Консул ответил, что друзьям своим и союзникам римляне оказывают всяческие любезности, допуская их и в сенат, но родосцы в последней войне не заслужили того, чтобы их причислять к друзьям и союзникам. Выслушав это, родосцы упали ниц, взывая к консулу и ко всем, кто стоял вокруг: несправедливо, говорили они, что старые их заслуги, которым римляне сами свидетели, не могут перевесить новых обвинений, к тому же и ложных. И тотчас же сменив белые одежды на рубище, родосцы пошли стучаться в двери первых граждан Рима, слезно моля сначала расследовать дело, а уж потом выносить приговор» (Liv. XLV. 20. 4–10). Впоследствии послы указывали в своей речи, обращенной к Сенату: «Теперь насилу нашли мы пристанище на грязном заездем дворе, за собственные деньги и за чертою города, как нам, словно врагам, приказали» (Liv. XLV. 22. 2).

При описании приема послов в более ранний период Ливий не сообщал об обязательном обращении к магистрату с представлением (Liv. II. 3. 5; 15; 22; 39; III. 25; IV. 7; 58; V. 27; 36; VI. 10; 14; 22).

Прибывающие от враждебных государств и народов посольства размещались за территорией померия в *villa publica* на Марсовом поле и в сам город не допускались (Liv. XXX. 21. 12; XLV. 20. 7–8; 22. 2). Здесь послы ожидали решения магистратов и Сената. Заседание последнего проходило в этом случае в храме Беллоны, который располагался недалеко от *villa publica* здесь же на Марсовом поле (Liv. XXX. 40. 1). Так, по сообщению Ливия, послы от царя Македонии Филиппа «были препровождены за город, в общественное здание на Марсовом поле, где им было предоставлено помещение и содержание. Сенат принял их в храме Беллоны» (Liv. XXXIII. 24. 5). Е.С. Данилов полагает, что это могло быть связано с разведывательными функциями посольства и такое размещение должно было ограничить круг общения дипломатов [5, с. 32–33].

Послы от союзников и дружественных государств селились в самом городе недалеко от форума. Они свободно передвигались по городу, могли посещать различные мероприятия. Сенат также мог предоставить таким послам содержание за счет государства и места в амфитеатре или цирке. Так, по распоряжению Сената послам из Сагунта было предоставлено жилье и содержание (Liv. XXVIII. 39. 1), а послам, прибывшим от Масиниссы, представлено жилье, содержание и места в цирке (Liv. XXX. 17. 14). Послы с Родоса так описывали отношение к ним как к союзникам римского народа: «В прежние времена, когда являлись мы в Рим после ваших побед над карфагенянами, над Филиппом, над Антиохом, то государство ваше давало нам кров, откуда направлялись мы в курию, чтобы вас поздравить, отцы-сенаторы, а оттуда на Капитолий с дарами для ваших богов» (Liv. XLV. 22. 1). К таким посольствам можно отнести и вызванных Сенатом представителей италийских общин (*evocare*) или обратившихся к сенаторам для решения внутренних проблем своего города италийцев (Liv. XXXV. 13. 11) [11]. Однако М. Джене в своей статье указывает на тот факт, что италийцы не обращались в Сенат с жалобами на действия римских должностных лиц, и делает вывод, что, хотя италийцы и могли отправлять посольства в Рим, делали они это нечасто, так как столкнулись с противодействием Сената как корпорации, которая не выступала против своих [11, р. 160–169]. В то же время в V–IV вв. до н. э., когда вся римская внешняя политика была сосредоточена на покорении Италии, у Ливия часто упоминаются посольства от италийских городов к римскому Сенату с самыми разными целями: заключение союза, защита от нападения соседей, просьбы выступить в качестве третейского судьи во внутренних делах (Liv. II. 22. 4–5; 30. 8; IV. 45. 5–6; VII. 19. 6–7). В сочинении Ливия содержится большое количество сообщений о посольствах италийцев, в которых не указывается, к кому конкретно в Риме обращалось то или иное посольство. Ливий использует для таких эпизодов глаголы *явились*, *пришли*, *прибыли* и т. п. Например, Ливий писал: «В Рим явились послы из Ардеи, так жалуясь на притеснения, что было ясно: стоит им дать послабление – возвратит отнятую землю, и они сохранят верность договору о дружбе» (Liv. IV. 7. 4).

В целом же круг общения послов и членов их делегаций не ограничивался только должностными лицами. Послы могли обращаться к римским гражданам за помощью в введении переговоров с магистратами и Сенатом, как это было, например, с послами с Родоса: «...родосцы пошли стучаться в двери первых граждан Рима, слезно моля сначала расследовать дело, а уж потом выносить приговор» (Liv. XLV. 20. 10). Подобные случаи были и ранее; например, самнитские послы обратились к римским гражданам с целью поспособствовать заключению мира в 317 г. до н. э.: «Поэтому после отказа в договоре они несколько дней кряду осаждали просьбами отдельных граждан и добились наконец перемирия на два года» (Liv. IX. 20. 3). Также по повелению Сената послы враждебных государств могли получить доступ в город: «Карфагеняне поблагодарили сенаторов и попросили разрешения войти в город и поговорить со своими согражданами, которые находились в плену под стражей; некоторые из них, сказали послы, люди знатные, им родственники и друзья; к некоторым у них поручения от родных. Согласие было дано» (Liv. XXX. 43. 5–7).

В первых десяти книгах, посвященных ранней истории Римской республики, Ливий не делает различий в этом плане между посольствами. Особенно

показателен случай с послами от Тарквиния Древнего, изгнанного последнего римского царя. Послы от него не только были размещены в пределах померия, но и имели возможность встречаться со сторонниками Тарквиния (Liv. II. 3). Ливий писал, что в Рим «являются царские послы и требуют теперь не возвращения царя, а хотя бы выдачи царского имущества. Сенат, выслушав их просьбу, совещался несколько дней: не вернуть имущество значило дать повод к войне, а вернуть – дать средства и вспоможение для войны. Тем временем послы заняты были другим: въяве хлопоча о царском имуществе, втайне строили козни, готовя возвращение царской власти. С просьбами будто о явном своем деле обходили они дома, испытывая настроения знатных юношей. Кому речи их приходились по душе, тем вручали они письма от Тарквиниев и сговаривались о том, чтобы ночью тайком впустить в город царскую семью» (Liv. II. 3. 5–7). Заговор был раскрыт, однако, по словам Ливия, «консулы вышли, чтобы схватить послов и заговорщиков, и без шума подавили всю затею, позаботившись прежде всего о том, чтобы не пропали письма. Изменников немедленно бросили в оковы, а на счет послов некоторое время колебались, но потом, хотя вина, казалось, и приравнивала их к врагам, все же принятое между народами право возобладало» (Liv. II. 4. 7). Послы были отосланы к Тарквинию. В отношении других послов и посольств Ливий также не указывает место, где они поселились (например, Liv. III. 6. 5; V. 36; VI. 9; VIII. 1. 8) и др.).

Сенат и магистраты могли отказать послам в содержании, как это было с послами Родоса. На запрос консула, «дать ли родосцам кров, стол и прием в сенате», последний ответил, что «к ним никакого права гостеприимства блюсти не следует», о чем консул и сообщил послам (Liv. LXV. 20. 6). Впоследствии послы упрекнули Сенат: «Теперь же насилу нашли мы пристанище на грязном заезжем дворе, за собственные деньги и за чертою города, как нам, словно врагам, приказали» (Liv. XLV. 22. 2). Ж.-Л. Феррари, описывая ситуацию в Поздней республике, обратил внимание на тот факт, что послы прибывали за несколько месяцев до февраля – периода, когда Сенат обычно выслушивал посольства. В это довольно продолжительное время они могли встречаться с различными людьми, в том числе с сенаторами [12, p. 127]. Это наблюдение касается не только послов союзников, но и послов недружественных государств (Liv. II. 3. 6; IX. 20. 3).

После того как послы были размещены на *villa publica* или в доме внутри города, он ожидали вызова в Сенат, о нем их уведомлял магистрат. Ожидание могло быть долгим (Liv. LXV. 20. 6; XLV. 22. 2), так как римские магистраты могли препятствовать делам посольства и сознательно оттягивать их представление Сенату [11, p. 160]. В то же время Ливий приводит случай с послами из Приверна: именно консул выбрал благоприятный момент для их представления Сенату (Liv. VIII. 20. 10; 21). Однако М. Джене считает, что часть послов через институт гостеприимства (*hospitia privata*) могла ускорить свое появление в Сенате, для этого же предпринималось посещение Форума и игр [11, p. 159–160]. Сенат принимал послов или в курии на форуме, если это были послы союзников, или в храме Беллоны (Liv. XXX. 40. 1), если прием был назначен послам враждебных государств. Так встретили, например, послов македонского царя Филиппа: они «были препровождены за город, в общественное здание на Марсовом поле, где им было предоставлено помещение и содержание. Сенат принял их в храме Беллоны» (Liv. XXXIII. 24. 5). Для раннего пери-

ода римской истории Ливий не акцентирует внимание на месте приема послов, за исключением случая с латинскими послами в 340 г. до н. э.: «По прибытии в Рим старейшины были приняты в сенате на Капитолии» (Liv. VIII. 5. 1). Сенат в ходе аудиенции выслушивал послов, после чего сенаторы совещались и принимали решение (например, (Liv. II. 3. 5; 18. 10; V. 35. 4; VI. 3. 2; VII. 31. 1; VIII. 2. 9; X. 11. 13)), если же вопрос был сложным и решение невозможно было принять в ходе заседания, то Сенат избирал специальную комиссию, которая и занималась изучением проблемы и выработкой ее решения [3, с. 64–65]. В первых книгах своего сочинения Ливий несколько раз упоминает о передаче рассмотрения некоторых сложных проблем в народное собрание (Liv. V. 36. 10; VII. 20. 3; IX. 20. 2), так как эти дела были связаны с заключением соглашений между Римом и другими народами и выдачей виновных в оскорблении послов, что являлось прерогативой именно комиций.

Тит Ливий дает описание некоторых таких обсуждений в Сенате: посольство от Тарквиния Гордого (Liv. II. 3–4), посольство от латинов с требованием предоставления гражданства (Liv. VIII. 5–6), посольство привернатов (Liv. VIII. 20–21), посольство от македонского царя Филиппа и заключение мира с Карфагеном (Liv. XXX. 42–43). Историком также сообщается, что послы могли присутствовать на заседании Сената при принятии решения и что их не удаляли из здания (Liv. VIII. 20. 11–12; 21. 1–10). Руководил обсуждением один из высших магистратов – консул или диктатор (например, (Liv. VIII. 20. 10; 21)).

Решение Сената доводилось до сведения послов либо на заседании самого Сената в курии (Liv. XLIII. 2. 1), если они были союзниками или прибыли из дружественных государств, либо сообщалось магистратами, если послы были из враждебных государств (Liv. VII. 31. 1; VIII. 2. 1; XL. 34. 9–11). Часто Ливий отмечал, какое решение было принято по делу послов, без указания на то, кто именно доводил его до сведения посольства: «В том году в последний раз пришли послы от Порсены хлопотать о возвращении Тарквиниев на царство. Им сказано было, что сенат отправит к царю своих послов, и тотчас были посланы почтеннейшие из сенаторов» (Liv. II. 15.1).

Обсуждение в Сенате состояло из нескольких этапов:

- речи послов;
- вопросы от сенаторов;
- высказывание мнений сенаторами;
- принятие общего решения (на этом этапе, если решение не было очевидным, сенаторы могли обратиться к народу с передачей ему права вынесения решения, собрать комиссию по выработке решения; также магистраты могли вынести некоторые вопросы на голосование в народном собрании; например, мир с Карфагеном в 201 г. до н. э.);

- сообщение решения посольству непосредственно в Сенате или магистратом после заседания Сената или решения народного собрания.

В принятом решении Сенат назначал и срок, в который послы должны были покинуть территорию римского государства. Так, послам царя Персея Сенат установил одиннадцатидневный срок (Liv. XLII. 36. 7), а этолийским послам – пятнадцатидневный (Liv. XXXVII. 1. 6). В первой декаде Ливия не указаны сроки пребывания послов в Риме, кроме посольства Тарквиния Гордого, но и здесь не указан точный срок: «Между тем в сенате взяло верх решение вы-

дать царское имущество, и послы воспользовались этим поводом задержаться в городе, испросив у консулов срок, чтобы приготовить повозки для царского добра» (Liv. II. 4. 3). Ж.-Л. Феррари обращает внимание на тот факт, что после получения постановления Сената послы или посольства обязаны были сами донести эту информацию до заинтересованных лиц или органов [12, p. 140]. Так, родосцы были вынуждены разделить посольство, чтобы донести решение римского Сената до своего народа: «Посольство возглавляли двое – Филократ и Астимед. (5) Решили, что часть с Филократом отправится на Родос, а часть с Астимедом останется наблюдать, что происходит в Риме, и оповещать своих» (Liv. XLV. 25. 4–5).

В целом Тит Ливий представляет в своем сочинении «История Рима от основания города» сложившуюся к его времени картину приема посольств в Сенате. К III в. до н. э. указанная процедура включала в себя: представление посольства магистратам, получение от них разрешения на проживание в специальных общественных виллах, получение денежного довольствия от римского государства на время нахождения в городе с миссией, представление и доклад Сенату, вынесение им решения (с привлечением в случае необходимости специальной комиссии или народного собрания), сообщение решения посольству и отъезд посольства.

Однако более детальный анализ содержания труда Тита Ливия позволяет проследить эволюцию этой процедуры. В первую очередь следует отметить, что в ранний период римской истории не отмечается деление посольств на дружественные и недружественные, по крайней мере Ливий не выделяет это в тексте. Во-вторых, в ранний период истории Рима, видимо, не требовалось специального представления магистратам по прибытии в город, но в Сенат послы допускались с разрешения магистратов. В-третьих, Ливий не указывает для раннего периода сроки пребывания посольства в Риме до рассмотрения дела и после встречи с Сенатом и принятия решения. В-четвертых, в более поздний период римской истории решение вопросов о заключении мира, союзных договорах и т. п. могло быть передано на рассмотрение народного собрания, о чем относительно более раннего периода Ливий не упоминает, что позволяет сделать вывод об увеличении влияния комиций на политику в Риме.

Таким образом, сочинение Тита Ливия дает довольно обширный материал для воссоздания процедуры принятия послов в римском Сенате как в ранний период римской истории, так и в период Поздней республики.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- Dionys. – *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности: [пер. с древнегреч.]: в 3 т. М.: Рубежи XXI, 2005. Т. 1. 270 с. Т. 2. 274 с. Т. 3. 320 с.
- Liv. – *Ливий Т.* История Рима от основания города: в 3 т. М.: Ладомир, 2002. Т. 1. Кн. I–X. 701 с. Т. 2. Кн. XXI–XXXIII. 808 с. Т. 3. Кн. XXXIV–XLV. 794 с.
- Polyb. – *Полубий*. Всеобщая история в сорока книгах: в 3 т. / Пер., вступ. ст. и примеч. Ф.Г. Мищенко. М.: А.Г. Кузнецов, 1895. Т. 2. Кн. VIХ–XV. 805 с.

Литература

1. *Белкин М.В.* Эволюция римского сената в V–III вв. до н. э. // Античное общество. Проблемы политической истории / Под ред. Э.Д. Фролова. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. С. 84–96.
2. *Александренко В.Н.* Международное право Рима (Признавал ли Рим существование международного права? Каковы внешние формы его проявления?) // Древнее право. IVS ANTIQVVM. 1995. № 4. С. 206–219.
3. История дипломатии: в 5 т. / Под ред. В.А. Зорина, В.С. Семёнова, С.Д. Сказкина, В.М. Хвостова. М.: Госполитиздат, 1959. Т. 1. 896 с.
4. *Кащеев В.И.* Эллинистический мир и Рим: Война, мир и дипломатия в 220–146 гг. до н. э. М.: Греко-латин. каб., 1993. 374 с.
5. *Данилов Е.С.* Война и разведывательная деятельность в античном Риме. Ярославль: ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 2011. 227 с.
6. *Нетушил И.В.* Начало мировой политики Римской республики и конец Лация // Журн. Мин-ва нар. просвещ. 1904. № 8. С. 357–390; № 9. С. 391–437; № 10. С. 469–478.
7. *Маяк И.Л.* Взаимоотношения Рима и италийцев в III–II веках до нашей эры (до гракханского движения). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. 160 с.
8. *Шмелева Л.М.* Посольское право и положение послов в Риме в VIII–III вв. до н. э. // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2016. Т. 158, кн. 3. С. 785–795.
9. *Шмелева Л.М.* Термины *saduceatores*, *legati*, *oratores* в труде Тита Ливия «История Рима от основания Города» // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 1 (51). С. 85–94.
10. *Виллемс П.Г.* Римское государственное право: в 2 вып. / Пер. с фр. П.Н. Бодянского. Киев: Тип. Имп. ун-та св. Владимира, 1888. Вып. 1. 434 с.
11. *Jehne M.* Diplomacy in Italy in the second century BC // *Diplomats and Diplomacy in the Roman World* / Ed. C. Eilers. Ser.: Mnemosyne, Supplements. V. 304. Leiden; Boston, MA: Brill, 2009. P. 143–170. <https://doi.org/10.1163/ej.9789004170988.i-256.23>.
12. *Ferrary J.-L.* After the embassy to Rome: Publication and implementation // *Diplomats and Diplomacy in the Roman World* / Ed. C. Eilers. Leiden; Boston, MA: Brill, 2009. P. 127–142. <https://doi.org/10.1163/ej.9789004170988.i-256.22>.
13. *Ferrary J.-L.* Les ambassadeurs grecs au Sénat romain // *L'audience: Rituels et cadres spatiaux dans l'Antiquité et le haut Moyen Age* / Eds. J.-P. Caillet, M. Sot. Paris: Ed. Picard, 2007. P. 113–122.

Поступила в редакцию 20.11.2023

Принята к публикации 15.01.2024

Шмелева Людмила Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей и публичной истории

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: procella@rambler.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 2, pp. 76–86

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.2.76-86

**Reception of Ambassadors in the Roman Senate
during the Period of the Republic as Documented by Titus Livius**

L.M. Shmeleva

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: *procella@rambler.ru*

Received November 20, 2023; Accepted January 15, 2024

Abstract

This article considers the status of ambassadors in the Roman Republic, focusing on the relations between foreign embassies and the Senate from the 6th to the 1st centuries BC, as described by Titus Livius (Livy) in “The History of Rome from the Founding of the City.” Livy addresses many aspects, including the arrival of ambassadors and their reports to public officials, which the Senate deemed necessary for recognizing them as legitimate representatives. Additionally, he details their claims in the Senate and the subsequent discussions held by the Senators, as well as the process of making decisions and responding to ambassadors. Livy’s narrative offers an insight into the entire process of how ambassadors were received, from their arrival in Rome and registration with magistrates until their departure from Rome or Italy in the 2nd and 1st centuries BC. Special attention is paid to the Senate’s debates over the problems raised by ambassadors. Overall, Livy outlines the general procedure used by the Senate to settle foreign policy matters.

Keywords: *ius gentium*, *ius legatorum*, foreign policy, diplomacy, ambassadorial law, Roman Republic, Senate

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Belkin M.V. The evolution of the Roman Senate between the 5th and 3rd centuries BC. In: *Antichnoe obshchestvo. Problemy politicheskoi istorii* [Ancient Society. Problems of Political History]. Frolov E.D. (Ed.). St. Petersburg, Izd. S.-Peterb. Univ., 1997, pp. 84–96. (In Russian)
2. Aleksandrenko V.N. International law of Rome (Was international law recognized by Rome? What were the external signs of it?). *Drevnee Pravo. IVS ANTIQVVM*, 1995, no. 4, pp. 206–219. (In Russian)
3. *Istoriya diplomatii* [A History of Diplomacy]. Zorin V.A., Semenov V.S., Skazkin S.D., Khvostov V.M. (Eds.). Vol. 1. Moscow, Gospolitizdat, 1959. 896 p. (In Russian)
4. Kashcheev V.I. *Ellinisticheskii mir i Rim: Voina, mir i diplomatiya v 220–146 gg. do n. e.* [The Hellenistic World and Rome: War, Peace, and Diplomacy in 220–146 BC]. Moscow, Greko-Lat. Kab., 1993. 374 p. (In Russian)
5. Danilov E.S. *Voina i razvedyvatel'naya deyatel'nost' v antichnom Rime* [War and Intelligence Operations in Ancient Rome]. Yaroslavl, YarGU im. P.G. Demidova, 2011. 227 p. (In Russian)
6. Netushil I.V. The dawn of Roman Republic’s involvement in world politics and the decline of Latium. *Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya*, 1904. no. 8, pp. 357–390. no. 9, 391–437. no. 10, 469–478. (In Russian)
7. Mayak I.L. *Vzaimootnosheniya Rima i italiitsev v III–II vekakh do nashei ery (do grakkhanskogo dvizheniya)* [The Relations between Rome and the Italic Peoples during the Period from the 3th

- to 3rd Centuries BC (Before the Gracchan Movement)]. Moscow, Izd. Mosk. Univ., 1971. 160 p. (In Russian)
8. Shmeleva L.M. Ambassadorial law and status of ambassadors in Rome during the 8th–3rd centuries BC. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2016, vol. 158, no. 3, pp. 785–795. (In Russian)
 9. Shmeleva L.M. Terms caduceatores, legati, oratores in “Ab Urbe Candita” by Titus Livius. *Problemy Istorii, Filologii, Kul'tury*, 2016, no. 1 (51), pp. 85–94. (In Russian)
 10. Willems P.G. *Rimskoe gosudarstvennoe pravo* [Roman Public Law]. Vol. 1. Kyiv, Tip. Imp. Univ. Sv. Vladimira, 1888. 434 p. (In Russian)
 11. Jehne M. Diplomacy in Italy in the second century BC. In: Eilers C. (Ed.) *Diplomats and Diplomacy in the Roman World*. Ser.: Mnemosyne, Supplements. Vol. 304. Leiden, Boston, MA, Brill, 2009, pp. 143–170. <https://doi.org/10.1163/ej.9789004170988.i-256.23>.
 12. Ferrary J.-L. After the embassy to Rome: Publication and implementation. In: Eilers C. (Ed.) *Diplomats and Diplomacy in the Roman World*. Ser.: Mnemosyne, Supplements. Vol. 304. Leiden, Boston, MA, Brill, 2009, pp. 127–142. <https://doi.org/10.1163/ej.9789004170988.i-256.22>.
 13. Ferrary J.-L. Les ambassadeurs grecs au Sénat romain. In: Caillet J.-P., Sot M. (Eds.) *L'audience: Rituels et cadres spatiaux dans l'Antiquité et le haut Moyen Âge*. Paris, Ed. Picard, 2007, pp. 113–122. (In French)

⟨ **Для цитирования:** Шмелева Л.М. Прием послов в римском Сенате в период республики по данным Тита Ливия // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 2. С. 76–86. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.2.76-86>. ⟩

⟨ **For citation:** Shmeleva L.M. Reception of ambassadors in the Roman Senate during the period of the Republic as documented by Titus Livius. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 2, pp. 76–86. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.2.76-86>. (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(363.4)

doi: 10.26907/2541-7738.2024.2.87-99

СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ЕДЫ И ПИЩЕВЫХ РИТУАЛОВ В ЭПОХУ МЕРОВИНГОВ (ПО СОЧИНЕНИЯМ ВЕНАНЦИЯ ФОРТУНАТА, ПОСВЯЩЕННЫМ СВЯТОЙ РАДЕГУНДЕ)

Н.Ю. Бикеева

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В настоящей статье рассмотрены значение и функции еды и пищевых ритуалов во Франкском государстве Меровингов второй половины VI в. В качестве источников были использованы сочинения одного из самых значительных писателей этого периода – Венанция Фортуната, которые он посвятил королеве-монахине Радегунде из Пуатье. В житии св. Радегунды и обращенных к ней стихах часто упоминаются еда и различные ритуалы, связанные с ней. В статье показано, что совместные трапезы, ограничения в принятии пищи, угощения, дарения и раздача еды представляли важные стороны социального взаимодействия в меровингской Галлии. Отмечается, что с помощью трапез и раздачи пищи укреплялись узы церкви с мирянами, формировались новые связи между религиозной и политической сферами. Благодаря щедрости и личному аскетизму возрасстал авторитет Радегунды. Пищевые ритуалы стали частью повседневных практик системы патроната, что способствовало ее адаптации к нуждам формирующегося средневекового христианского общества. Наконец, участие в общей трапезе и обмен дарами, среди которых еда занимала важное место, давали возможность наладить более доверительные отношения, укрепляло дружеские узы между людьми.

Ключевые слова: Радегунда, Венанций Фортунат, меровингская Галлия, раннее средневековье, аскетизм, патронат, трапеза, посты, раздача еды, обмен дарами

Венанций Фортунат – один из самых известных авторов VI в., эпохи, которую называют и поздней Античностью, и ранним Средневековьем, и Темными веками. Не случайно он традиционно считается «последним поэтом Античности и первым поэтом Средневековья» [1, с. 18]. Составитель его биографии христианский писатель VIII в. Павел Диакон называл Венанция Фортуната «ником не превзойденным автором стихов»¹ (P.D. II.13, с. 74).

Жизнь и творчество этого «латинского поэта меровингской Галлии» [2] не случайно привлекает внимание современных исследователей [2–7]. Венанций Фортунат написал много различных сочинений – литургических гимнов, житий святых, писем и большое количество панегириков и стихотворений. Среди них есть стихи личного характера, не предназначенные для широкой публики [1, с. 16]. Часть из них (около 55 стихотворений) посвящена известной святой меровингской эпохи – королеве-монахине Радегунде [8, 9].

¹ “nulli poetarum secundus” (P.D. II.13, p. 80).

Родившись в 30-х гг. VI в. на северо-востоке Апеннинского полуострова – территории бывшей западной части Римской империи, Венанций Фортунат в середине VI в. обучался в риторических школах Равенны [2, р. 18–34; 3, р. 51–54]. В 565 г. он отправился на север в Галлию [1, с. 9–11; 10, с. 17]. В качестве поэта и автора панегириков он в течение двух лет побывал при дворах разных франкских королей, а затем окончательно обосновался в г. Пуатье, где прожил более 30 лет и скончался в начале VII в. В последние годы жизни поэт получил сан епископа Пиктавийского. В этом городе в 567 г. он познакомился с Радегундой, бывшей супругой франкского короля Хлотаря I, к тому времени основавшей в Пуатье женский монастырь и поселившейся в нем. Фортунат остался жить в Пуатье при монастыре королевы-монахини в качестве ее духовника и доверенного лица [3, р. 60–63]. Она поручила ему управление мирскими делами своей обители [1, с. 9–11; 11]. После смерти королевы-монахини Фортунат написал ее первое житие. Кроме того, он посвятил Радегунде небольшие стихотворения, которые не часто привлекали внимание историков, изучавших в основном его агиографические сочинения и панегирики королям. Среди исследователей эпохи Меровингов пока преобладает тенденция рассматривать отдельные стихи поэта, а не интегрировать его взгляд на жизнь людей в этот период в общую картину социокультурной истории франкских королевств VI–VII вв. Однако эти стихи могут быть любопытны для тех, кого интересует история повседневности и другие аспекты социальной жизни позднеантичного общества. При чтении стихов Венанция Фортуната обращает на себя внимание частотность упоминания наименований пищи и различных ритуалов, связанных с ней.

Но и в житии св. Радегунды пище также уделено большое внимание. Уже в первых главах, рассказывая о детстве своей героини, автор сообщает, что она организовала подобие Тайной вечери с раздачей детям еды, собранной со стола, и церемониальным омовением их рук (F. 2, р. 365; Ф. 2, с. 189).

Когда агиограф повествует о жизни Радегунды при дворе ее супруга короля Хлотаря I, он обращает внимание на то, что она раздавала милостыню бедным и делала богатые подношения разным монастырям, приобретая все большую известность благодаря своей щедрости. Во время королевских пиров Радегунда под разными предлогами покидала пирующих, чтобы молиться и раздавать пищу беднякам, собиравшимся у дверей (F. 4, р. 366; Ф. 2, с. 190–191). Здесь Фортунат переводит мотив милосердия из плоскости социальной благотворительности в русло обсуждения социальных практик, характерных для правителя. К их числу относится щедрость в дарениях. По мнению Б. Эфрос, обеспечивая нищих едой, Радегунда не только спасала бедняков и калек от смерти, но и включала их в христианскую общину, становясь при этом их покровительницей [12, р. 51].

В следующих главах Фортунат описывает жизнь Радегунды в монастыре. Там она продолжала заботиться о бедняках и больных, кормила и поила их: *«Затем внесли три подноса, наполненные вкусной едой, поставили их перед ними, и Радегунда, сама не евшая в то время, пока они угощались, была внимательна к гостям и резала им хлеб и мясо и подкладывала каждому. Ослабевшим и слепым она сама предлагала пищу, кормила их с ложки... и, словно новая Марфа, хлопотала до тех пор, пока братья, напившись и наевшись, не становились радостными. И когда она вышла помыть руки, она была полностью удовлетворена тем, как прошла трапеза. И если кто-то роптал, она просила, чтобы они продолжали сидеть за столом, до тех пор, пока не захотят встать из-за него»* (F. 17, р. 370; Ф. 17, с. 195–196).

Фортунат подчеркивает, что при этом сама Радегунда отказывала себе во многом: «...она наспех перекусывала только чечевицей или зелеными овощами, ибо она не принимала в пищу ни птицы, ни рыбы, ни фруктов, ни яиц. Она ела ржаной или ячменный хлеб, который она прятала под пирогом, чтобы никто не заметил, что она ела. Она не пила даже мультума и грушевого сидра, но лишь небольшим количеством воды утоляла жажду» (F. 21, p. 371; Ф. 21, с. 197).

Описывая соблюдение Радегундой поста, Венанций Фортунат перечисляет те немногие продукты, которые она позволяла себе употреблять в пищу: «В первый раз она затворилась в своей келье во время Великого поста, и до тех пор, пока не завершилось ее уединение, не ела хлеб, разве лишь в воскресенье, а только корни травы или зелень мальвы без капли масла или соли. Поскольку в течение всего поста святая выпила только два секстария воды², она так страдала от жажды, что едва могла читать молитвы из-за сухости в горле» (F. 22, p. 371–372; Ф. 22, с. 197).

Таким образом, в житии королевы-монахини Венанций Фортунат создал образ крайне аскетичной женщины, щедро оделяющей едой других. Однако стихотворения, посвященные Радегунде, во многом контрастируют с содержанием его агиографического творчества. Если в житии св. Радегунды Фортунат подчеркивает и превозносит ее аскетизм, то в стихах он выражает беспокойство на этот счет и старается отговорить Радегунду от крайностей воздержания. Он взывает к авторитету св. Павла, который в послании к св. Тимофею советовал заботиться о себе³:

*...Мы действительно молим, коль тем не наносим обиды,
Мать благородная, двух да успокоишь детей.
Не чреволюбье тебя, но дело к вину принуждает:
Ведь изнуренно нутро сим укрепляют питьем.
Павел так Тимофею, труба языкам едина,
пить повелел вино, чтобы желудок сберечь.*

(F.C. XI.4, p. 259; Ф.С.1 XI.4, с. 169)

Известно 55 стихотворений, посвященных королеве-монахине и ее духовной дочери Агнессе, первой аббатисе женского монастыря в Пуатье. Это значительно больше, чем он посвятил кому-либо другому. Даже своему другу, епископу Григорию Турскому, поэт написал чуть более 30 стихов.

В этих стихотворных посланиях Фортунат прославляет изысканные и сытные кушанья, которыми потчевали его Радегунда и Агнесса. В кн. VIII и XI своих “Carmina” (стихотворений) Венанций Фортунат с удовольствием описывает обмен кулинарными дарами между ним и его любимыми «сестрами».

Обмен дарами – повторяющаяся тема в литературе этого периода, часто связанная с мотивом гостеприимства и заботы о других. Как указывает А.Я. Гуревич, «...в отличие от торговли, в основе которой лежало движение материальных ценностей, обмен дарами представлял собой в высшей степени существенный срез социальных связей, включая и определенные эмоциональные, религиозные и

² То есть немногим больше одного литра воды. Секстариум – в Древнем Риме единица объема, соответствующая 0.547 л.

³ «Впредь пей не одну воду, но употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых недугов» (1Тим. 5:23).

даже магические аспекты. ...Дары способствовали установлению и поддержанию дружбы и побратимства между отдельными лицами или семьями...» [13, с. 129]. Поэт, связанный близкими дружественными отношениями с Радегундой, не мог не обратиться к теме даров, как, например, в следующем стихотворении:

*Эту корзиночку я из ивовых прутьев, поверьте,
Сплел, дорогие мои мать и благая сестра.
В ней деревенские в дар подношу теперь из деревни
Вам я каштанов плоды вкусные, с дерева сняв.*

(Ф.С. XI.13, р. 264; Ф.С.2 XI.13, с. 376)

Поэт подчеркивает, что корзинка сплетена им самим, а плоды в ней деревенские как в буквальном смысле (потому что они из его деревни), так и в переносном (поскольку это только маленькие каштаны, они просты и непритязательны). Однако, несмотря на скромность подарка, Венанций Фортунат отмечает, что каштаны, которые он предлагает, собраны прямо с деревьев и принесены в дар с любовью и чистым сердцем.

Хотя это так называемые «стихи на случай» [1, с. 15], автор очень внимательно относится к их написанию. И ему удается просто и в то же время изящно показать, как выглядят на столе кушанья и напитки, посуда и утварь. Поэт «задействует» различные органы чувств читателя, описывая консистенцию и вкус блюд, их цвет, сочность, аромат и т. д. Видно, что автор сам наслаждается едой и физически, и духовно. Подобное наслаждение даруют ему королева-монахиня Радегунда и аббатиса Агнесса. Это читается между строк в стихотворении, посвященном последней по случаю ее дня рождения:

*Не обратить к госпоже звучаний сладостных речи,
Хоть утолением ей слышать беседу твою.
Я испытал, что себе отказали сегодня вы в пище,
Точно вместо вас голод явился ко мне.*

(Ф.С. XI.5, р. 260; Ф.С.1 XI.5, с. 170)

Поэт проводит здесь параллель между пищей и словами, подчеркивая, что Агнесса постится, воздерживаясь от еды и речей: слова насыщают душу точно так же, как пища является питанием тела. Для автора важно насытить и тело, и дух, и именно это и делают две женщины, не только посылая ему кулинарные дары, но и с любовью заботясь о своем брате:

*Мне больше всех трапéза сестер добра оказала:
Пищей сытишь ты их, нежишь вниманьем меня.
Как, благородством лучась, стороны примиряешь ты обе!
Дух оживляешь во мне, их насыщая едой.
Члены яство крепит, а душу любовь утоляет:
Ты, в ком всех боле нужды, слаще являешься яств.
Да Всемогущий внимет и твоим благочестным молитвам,
Вечные да изольет яства в уста Он твои.*

(Ф.С. XI.8, р. 261; Ф.С.1 XI.8, с. 171–172)

В этом стихотворении Венанций Фортунат вновь сопоставляет еду и любовь. Наполнив тело кушаньями, а душу заботой, полученной от Радегунды, он хочет ответить взаимностью и в свою очередь молит Всевышнего наполнить се-стер своей безмерной божественной любовью. Таким образом, поэт испытывает удовлетворение не только от пищи, но и от общения с теми, кто ее посылает ему:

*Я, признаюсь, не знал, что был завтрак готов для больного:
Мне да удастся снискать благоволенье твое...
С вами в разлуке, посты и за трапезой я наблюдаю,
И без тебя моего глада не сытит еда.
Вместо изящнейших яств твои бы алчному речи,
И преисполнился б мой сладкой беседою дух.*

(F.C. XI.16, p. 265; Ф.С.1 XI.16, с. 175–176)

Тем самым поэт поясняет, что в отсутствие Радегунды он не может в полной мере насладиться едой и, хотя и отобедал, он словно бы постится. Пища не смогла полностью насытить его, потому что он «жаден» до сладких слов Радегунды. Венанций снова объединяет любовь и пищу. Его душа жаждет “*dulcia verba*” («сладких слов») так же, как его тело мечтает о кушаньях, предложенных ему. Поэт благодарит в стихах Радегунду за обильную и вкусную пищу и в ответ отсылает ей свои дары:

*Выслал дары я тебе – не мои, словам моим веруй:
Те, что идут к тебе, лучше твоими назвать.
Медом напитанную пищу ты всем предлагаешь,
Ты, от чьих уст сладостны мёды текут...*

(F.C. XI.12, p. 263–264; Ф.С.1 XI.12, с. 174)

При этом Венанций Фортунат, являясь лицом духовным, конечно, чувствует греховность своего чревоугодия. Он искренне признает свою вину, хотя в его раскаянии чувствуется самоирония:

*...Трапеза днешня была неданного изобилья:
Зелень, что орошена медом, ты мне подала;
Стол обошел я не раз и не два, но три и четыре,
Хоть и один аромат мог бы насытить меня...
Это я все одолел, ненасытный чревоугодник...*

(F.C. XI.9, p. 262; Ф.С.1 XI.9, с. 172)

В следующих строках этого стихотворения с большим вкусом описаны «гора мяса», «сад из сплетенных овощей», что должно было в какой-то мере оправдать «ненасытность» поэта в глазах читателей.

В стихах, посвященных Радегунде, Венанций Фортунат перечисляет различные кушанья и продукты, которые она присылает ему в подарок. Чаще всего среди них упоминаются молоко, бобовые, яйца и масло. Эти продукты обычно были разрешены церковью в период поста, особенно яйца, которые вместе с рыбой восполняли отсутствие запретного мяса. Для поэта лучшие блюда – это “*permixta*” (F.C. XI.22a, p. 267), в которых различные продукты перемешиваются и щедро

приправляются вкуснейшими соусами. Таким образом, нельзя не заметить, что Венанций Фортунат с удивительным воодушевлением описывает жизни людей в так называемые Темные века. Р.Л. Шмараков точно подметил, что «его поэзия видит другую сторону той свирепой картины мира, которую его друг Григорий Турский рисовал, глядя из окна своих... палат» [1, с. 21]. Несмотря на монашеские уставы, предусматривавшие решительный отказ от пищи за исключением той, которая строго необходима для пропитания, Венанций восхваляет еду и удовольствие, которое она дает. Пища, таким образом, приносит радость, которой человек должен научиться наслаждаться и телом, и душой с осознанием этого и благодарностью.

Будучи посвященным в духовный сан, поэт придает большое значение духовной ценности пищи, но одновременно не может избежать ее чувственной прелести, наслаждения запахами и вкусами, которые описывает с большим вниманием к различным деталям:

*...Взяться за что мне сперва, в сладком сомнении я.
 Дар мясной несет, переполняясь, серебряное блюдо,
 Где подливы в струях овощ густейших плывет.
 Мраморный представляет поднос плоды винограда,
 Коих медвяный вкус дышит во рту у меня.
 Миска, сомкнутая кругом стеклянным, цыплятами взбухла,
 Грузом сколько тяжка тех, что лишились крыл!
 Из корзин расписных плоды стекаются многи,
 Коих насытил меня сладкоструящийся дух.
 Черный полнит горшок нам чаши блестящие млека
 И горделиво грядет, чтобы меня усладить...*

(F.C. XI.10, p. 262–263; Ф.С.1 XI.10, с. 173)

Этими строками поэт услаждает наше зрение (серебряная чаша, черный кувшин с белым молоком), вкус (овощи, плавающие в густом рагу), осязание (мраморный поднос), обоняние (аромат меда). Важное место среди упоминаемых кушаний занимает молоко, которое в стихотворениях, посвященных Радегунде, нагружено символическим значением⁴.

Неслучайно в стихотворении XI.10⁵ выражение *candida pocula lactis* («чаши ослепительно белого молока») переключается со словами *mater* («мать») и *pata* («дочь»). Автор тем самым подчеркивает, что молоко является знаком неразрывного союза между матерью и ребенком (дочерью), связано со «святой любовью».

С помощью этой же метафоры Венанций Фортунат демонстрирует узы, соединяющие поэта и его духовную сестру Агнессу, которые «вскормлены» своей «матерью» Радегундой. Подобным образом поэт упоминает молоко в шестом стихотворении кн. XI, чтобы продемонстрировать связь между ними троими:

*Мне свидетель Христос, Петра и Павла в соупстве,
 Зрит и Мария, стоя общников в круге благих,*

⁴ См., например, стихи XI.6; XI.10; XI.13; XI.14; XI.15.

⁵ *Olla nigella nimis dat candida pocula lactis.*

atque superba venit quae placitura fuit.

Haec dominae matri famulans, haec munera natae

inunctus amore pio tertius ipse loquar (F.C. XI.10, p. 263).

*Что не имел для тебя иных очей я и духа,
 Как бы родною сестрой ты Татианой была,
 Как если б вместе нас Радегунда мать обоих
 Из утробы на свет чистая произвела,
 И как будто равно нас сосцы блаженной драгие
 Вскормили одной млечной струею двоих...*

(F.C. XI.6, p. 260; Ф.С.1 XI.6, с. 170)

Приведенным выше стихотворением Венанций Фортунат показывает, что его любовь к двум женщинам не имеет физического подтекста и проистекает совершенно не из плотского желания, а лишь из чистой и искренней душевной привязанности, продиктованной этим «молочным союзом». Поэт описывает свои отношения с двумя женщинами на языке духовного родства. Они – *mater* («мать») и *soror* («сестра»)⁶. Христианские авторы считали, что дружба между мужчиной и женщиной возможна только в том случае, если она его мать, дочь или сестра [14, S. 114]. Фортунат, Радегунда и Агнесса не были родственниками. Но поэт в стихах все же описывает их отношения как семейные – с Радегундой в роли матери, в то время как Венанций и Агнесса выступают в качестве ее духовных детей, вскормленных молоком (то есть любовью и заботой Радегунды). Это позволило автору стихов создать между ними особое «пространство» для дружбы и дарения подарков.

В стихах Венанция Фортуната, посвященных Радегунде и Агнессе, чувствуются нежность и любовь автора к ним. Поэту удалось передать свое отношение с помощью метафоры, в которой упоминается молоко:

*Запечатленны персты на дарах увидел я млечных
 И начерталась рука там, где снимала ты сливки.*

(F.C. XI.14, p. 264; Ф.С.1 XI.14, с. 175)

Впрочем, о молоке Венанций Фортунат не всегда пишет возвышенно или с оттенком чувственности. Иногда в его стихах присутствует ирония. В 15-м стихотворении кн. XI он сообщает, что болен (несварением желудка?) и поэтому Агнесса посылает ему вместо более изысканных блюд простое молоко, которое здесь играет роль лекарства в прямом и переносном смысле. Не случайно в последних строках этого стиха упоминается апостол Павел, который в первом Послании к коринфянам писал: «3:2 Я питал вас молоком, а не твердою пищею, ибо вы были еще не в силах, да и теперь не в силах, 3:3 потому что вы еще плотские» (1Кор.3:2,3). В приведенном ниже контексте речь идет о том, чтобы исцелять этим напитком больные души:

*Что столь сладостно мне даруют мать с сестрою,
 Млека крепительного сколь благовременный дар,
 Апостолическим как предписано Павла ученьем,
 Душам нетвердым когда млеко давать он велит?*

(F.C. XI.15, p. 264; Ф.С.1 XI.15, с. 175)

⁶ *quam soror ex utero tu Titiana fores, / ac si uno partu mater Radegundis utrosque* (F.C. XI.6, p. 260).

Также шутливо упоминает Фортунат молоко в стихотворении, где в качестве главного героя выступает его живот:

*Разными лакомствами я наполнил свой раздутый живот.
Ем все: молоко, бобовые, яйца, масло⁷.*

(F.C. XI.22a, p. 267)

При этом, создавая образы, которые могут казаться чувственными, в действительности Фортунат остается в рамках античной литературной традиции, которая рассматривает молоко и его производные (сливки, сыр, масло) как метафору материнства и заботы о детях.

Таким образом, еда и ритуалы, связанные с принятием пищи, играют важную роль в произведениях Венанция Фортуната.

Пиры и посты, угощения, дарения и раздача еды представляют собой важные стороны социального взаимодействия в мерovingской Галлии. Хотя церковь прославляла аскетизм, в том числе в отношении еды, и осуждала чревоугодие, она не могла устранить существовавшие в VI в. римские и германские традиции, связанные с приемом пищи и напитков. Поэтому духовные лица старались с их помощью сплотить христианскую общину.

Как указывал А.Я. Гуревич, обладание богатствами (к числу которых в тот «темный» период относилась и еда) имело символическое значение и было неотделимо от власти и политического могущества через систему социальных коммуникаций. Еда и пищевые ритуалы были средством социального взаимодействия и использовались в процессе демонстративного потребления, маркируя социальный статус властных персон [13, с. 129]. Знать проявляла свое могущество и авторитет, распределяя пищу среди населения. Неслучайно на протяжении периода поздней Античности традиция раздачи пищи и соблюдения постов влиятельными персонами все больше укрепляется.

Упомянутый факт подтверждается примерами из жизни Радегунды, которая, будучи королевой, прославилась своей щедростью в раздаче еды и кормлении бедных. При этом, как видно из ее жития, составленного Фортунатом, она не только устраивала трапезы для бедных, но и угощала представителей клира и светских правителей. Тем самым, даже затворившись в своем монастыре, королева-монахиня сохраняла возможности политического и религиозного влияния вне стен своей обители. Гостеприимство и щедрость были отличительными чертами хорошей королевы, пренебрегать которыми Радегунда не собиралась. Прием пищи являлся важной частью общения с могущественными и влиятельными людьми.

Совместные обеды не всегда носили только торжественный и формальный характер. Участие в общей трапезе давало возможность наладить более доверительные отношения. Духовные лица старались включить практику совместных трапез в христианский контекст, пытаясь таким образом укрепить узы с мирянами. Через отношение к еде и пищевым ритуалам формировались новые связи между религиозной и политической сферами.

Большое значение имела практика соблюдения постов. Несмотря на то, что воздержание от пищи все еще могло представлять собой индивидуальное,

⁷ Перевод наш. – Н. Б.

частное действие, постепенно оно все больше стало отвечать общественным потребностям. Поэтому в мерovingской Галлии соблюдение поста из личного дела становится общественно значимым деянием. Одним из признаков этого является введение практики совместных публичных постов. Они играли важную роль в укреплении общей религиозности. Окончание поста сопровождалось торжественными шествиями с пением псалмов и раздачей милостыни.

Обозначенная тенденция находит отражение в агиографии рассматриваемого периода. В житиях св. Радегунды можно проследить взаимосвязь аскетизма и социальной функции пищи. Через сочетание аскетических практик с кормлением бедных и служением им святая являет свою власть. Как указывала в своем исследовании Б. Эфрос, воздержание от пищи и вина было одной из форм поведения, благодаря которой монахини достигали более высокого духовного статуса [12, р. 49].

В изучаемый период еда стала популярной разновидностью дарения. Как пишет П. Браун, «в обществе, где принадлежность к городской коммуне наиболее убедительно выражалась в терминах отношений патрон-клиент, и где раздача даров была традиционным символом этого отношения», распределение еды и милостыни означало акт не столько милосердия, сколько притязания лидеров церкви на ведущую роль в обществе [15, с. 58].

В это время публичная и частная сферы оказываются очень тесно переплетенными, а сфера власти характеризуется значительной децентрализацией; она рассредоточивается в социальном и территориальном отношении [16, с. 6]. На любом уровне, в любом секторе в описываемый период в отправлении власти принимает участие довольно большой круг людей. Складывается широчайшая система личных связей.

Поэтому для установления своего влияния среди населения церковью была воспринята система патроната, происхождение которой относится к периоду римской истории. Патронат продолжал существовать и играть важную роль и в последующий период Темных веков – эпохи перехода от Античности к Средневековью, «интеллектуальный и духовный инкубационный период Средневековья» [17, с. 75].

В VI–VII вв. в условиях, когда не было возможности полагаться на публичные институты, необходимо было искать поддержку у какого-либо могущественного человека, в том числе святого. Среди средневековых святых отчетливо выделяется группа святых правителей, среди которых были и святые женщины высокого статуса [18, р. 69–70]. Церковь и монастыри различными путями, включая систему патроната, старались проникнуть в разные структуры власти изучаемого периода. Поэтому патронат следует понимать не только как форму социальной поддержки, но и как способ осуществления власти.

Христианская церковь создала, по мнению П. Брауна, новый тип дарителей. Еще со времен Римской империи считалось, что раздача пищи была по большей части политическим деянием, а следовательно – делом влиятельных и могущественных мужчин. Однако церковь поощряла к занятию благотворительностью также и женщин [15, с. 59], побуждая их играть по отношению к бедным независимую общественную роль – раздавать милостыню, кормить, посещать и лечить больных и т. п.; это свидетельствует о том, что женщины в период V–VII вв. включаются в систему властных отношений и связей.

Еда и ритуалы, связанные с принятием пищи, имели большое значение также в личных отношениях людей того времени, установлении и поддержании дружбы. В сочинениях Венанция Фортуната прослеживается взаимосвязь покровительства и дружеских отношений. В. Эпп, изучая период V–VII вв., выделяет четыре основных формы дружбы: личные отношения, патронат, связи между королевствами и отношения со святыми [14, S. 2–6]. Исследователь определяет дружбу как политическую категорию средневековой Европы: это близость людей, связанных благосклонностью, доверием и длительным дружеским участием. Те, кто дружит, имели совместные политические цели, общие моральные обязательства [14, S. 1, 176–177].

Дружба была одним из ключевых понятий Средневековья, с помощью которых определялись социальные и политические отношения как внутри социумов, так и между государствами. С помощью этой категории с раннего Средневековья (V–VI вв.) устанавливался порядок, происходила организация власти.

В сочинениях Венанция Фортуната прослеживается взаимосвязь дружбы и патроната. Дружба – *amicicia* – всегда была одной из сторон покровительства. Патронат предполагал определенную асимметрию между патроном и клиентом, но ее можно было смягчить дружественными узами. И здесь большую роль играли ритуалы, связанные с пищей, – совместные трапезы, посты, кормления, угощения и дарения.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- F.C. – *Venantius Fortunatus*. Opera Poetica. Appendix Carminum // Monumenta Germaniae historica: Auctorum antiquissimorum: 15 t. / Ed. by F. Leo. Berlin: Weidmann, 1881. T. 4, part 1. P. 178–200; 258–270.
- F. – *Venantius Fortunatus De Vita sanctae Radegundis Reginae* // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Merovingicarum: 7 t. / Ed. B. Krush. Hannover, 1888. T. I, V. 2. P. 364–376.
- P.D. – *Paulus Diaconus*. Historia Langobardorum // Monumenta Germaniae historica: Scriptores rerum Langobardicarum et Italicarum, saec. VI–IX / Ed. G. Waitz. Hannover: Hahniani, 1878. P. 12–187.
- 1Кор. – Первое послание апостола Павла к Коринфянам / Библия. Синодальный перевод. URL: <https://bible.by/syn/53/1/>, свободный.
- 1Тим. – Первое послание апостола Павла к Тимофею / Библия. Синодальный перевод. URL: <https://bible.by/syn/61/1/>, свободный.
- Ф.С.1 – *Венанций Фортунат*. Избранные стихотворения / Пер. с лат., вст. статья, коммент. Р.Л. Шмаракова. М.: Водолей, 2009. 280 с.
- Ф.С.2 – *Венанций Фортунат*. Стихотворения // Памятники средневековой латинской литературы IV–VII вв. / Отв. ред. С.С. Аверинцев и М.Л. Гаспаров. М.: Наследие, 1998. С. 369–376.
- Ф. – *Венанций Фортунат*. Житие святой Радегунды / Пер. с лат., коммент. Н.Ю. Бикеевой // Адам и Ева: Альманах гендерной истории. 2012. № 20. С. 188–204.
- П.Д. – *Павел Диакон*. История лангобардов / Пер. с лат. Ю.Б. Циркина. СПб.: Азбука–классика, 2008. 316 с.

Литература

1. *Шмараков Р.Л.* Фортунат // *Венанций Фортунат*. Избранные стихотворения / Пер. с лат., вст. статья, коммент. Р.Л. Шмаракова. М.: Водолей, 2009. С. 5–31.
2. *George J.W.* Venantius Fortunatus: A Latin Poet in Merovingian Gaul. Oxford: Clarendon Press, 1992. 234 p.
3. *Brennan B.* The career of Venantius Fortunatus // *Traditio*. 1985. V. 41. P. 49–78. <https://doi.org/10.1017/S0362152900006851>.
4. *Brennan B.* The image of Frankish kings in the poetry of Venantius Fortunatus // *J. Medieval Hist.* 1984. V. 10, No 1. P. 1–11. [https://doi.org/10.1016/0304-4181\(84\)90021-6](https://doi.org/10.1016/0304-4181(84)90021-6).
5. *Brennan B.* The image of the Merovingian bishop in the poetry of Venantius Fortunatus // *J. Medieval Hist.* 1992. V. 18, No 2. P. 115–139. [https://doi.org/10.1016/0304-4181\(92\)90001-F](https://doi.org/10.1016/0304-4181(92)90001-F).
6. *Roberts M.* The Humblest Sparrow: The Poetry of Venantius Fortunatus. Ann Arbor, MI: Univ. of Michigan, 2009. 376 p. <https://doi.org/10.3998/mpub.353844>.
7. *Шкаренков П.П.* История и поэзия: образы меровингских королей в сочинениях Венанция Фортуната // *Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология*. 2013. № 17 (118). С. 271–296.
8. *Бикеева Н.Ю.* Метаморфозы св. Радегунды: как «тюрингская принцесса» стала святой королевой и покровительницей Франции // *Патриотизм и коллаборационизм в мировой истории / Под ред. Э.В. Рунга, Е.А. Чиглинцева, Д.В. Шмелева*. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2015. С. 62–71.
9. *Бикеева Н.Ю.* Образы святой Радегунды в источниках эпохи Меровингов: письма, жития, история, поэзия // *Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки*. 2019. Т. 161, кн. 2–3. С. 43–59. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2019.2-3.43-59>.
10. *Бородин О.Р.* Поэтическая традиция Византийской Италии VI–VII веков под воздействием социальных процессов // *Византийский временник*. Т. 58. 1998. С. 15–21.
11. *Петровский Ф.А.* Венанций Фортунат // *Памятники средневековой латинской литературы IV–VII вв. / Отв. ред. С.С. Аверинцев и М.Л. Гаспаров*. М.: Наследие, 1998. С. 367–369.
12. *Effros B.* Creating Community with Food and Drink in Merovingian Gaul. Ser.: The New Middle Ages. New York, NY: Palgrave Macmillan, 2002. 174 p. <https://doi.org/10.1007/978-1-349-62577-2>.
13. *Гуревич А.Я.* Дары. Обмен дарами // *Словарь средневековой культуры / Под общ. ред. А.Я. Гуревича*. М.: РОССПЭН, 2003. С. 129–134.
14. *Epp V.* Amicitia: zur Geschichte personaler, sozialer, politischer und Geistlicher Beziehungen im frühen Mittelalter. Reihe: Monographien zur Geschichte des Mittelalters. Bd. 44. Stuttgart: Anton Hiersemann, 1999. 362 S.
15. *Браун П.* Культ святых. Его становление и роль в латинском христианстве. М.: РОССПЭН, 2004. 207 с.
16. *Сидоров А.И.* Организация власти во франкском королевстве в VIII–IX вв. // *Средние века*. Вып. 64. М.: Наука, 2003. С. 3–34.
17. *Ле Гофф Ж.* Крестьяне и сельское общество в литературе раннего Средневековья (V–VI века) // *Ле Гофф Ж. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада / Пер. с франц. С.В. Чистяковой и Н.В. Шевченко под ред. В.А. Бабинцева*. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. С. 75–84.
18. *Klaniczay G.* Holy Rulers and Blessed Princesses: Dynastic Cults in Medieval Central Europe. Pálmai E. (Trans.). Ser.: Past and Present Publications. New York, NY: Cambridge Univ. Press, 2002. 490 p.

Бикеева Наталья Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и публичной истории

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: Natalia.Bikeeva@kpfu.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 2, pp. 87–99

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.2.87-99

**Social Functions of Food and Food Rituals during the Merovingian Period
(from Venantius Fortunatus's Writings about St. Radegund)**

N.Yu. Bikeeva

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: Natalia.Bikeeva@kpfu.ru

Received January 20, 2024; Accepted March 20, 2024

Abstract

This article explores the role and functions of food and food rituals in the Frankish Merovingian kingdom during the second half of the 6th century based on the writings of Venantius Fortunatus, a renowned poet of that period, dedicated to the Merovingian queen and nun St. Radegund of Poitiers. His vita of St. Radegund and poems about her include numerous references to food and ceremonies associated with it. The obtained results show that shared meals, dietary restrictions, treats, gifts, and food distribution were the key aspects of social interactions in Merovingian Gaul. They not only strengthened the bonds between the church and the laity but also contributed to the formation of new ties between the religious and political domains. St. Radegund's generosity and asceticism heightened her authority. Food rituals became part of the patronage system's daily practices, thereby adapting it to the needs of the emerging medieval Christian society. It is also important that sharing meals and exchanging gifts, often food, fostered trust and promoted friendship among people.

Keywords: Radegund, Venantius Fortunatus, Merovingian Gaul, early Middle Ages, asceticism, patronage, meals, fasting, food distribution, exchange of gifts

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Shmarakov R.L. Fortunatus. In: *Venantsii Fortunat. Izbrannye stikhotvoreniya* [Venantius Fortunatus. Selected Poems]. Shmarakov R.L. (Trans.). Moscow, Vodolei, 2009, pp. 5–31. (In Russian)
2. George J.W. *Venantius Fortunatus: A Latin Poet in Merovingian Gaul*. Oxford, Clarendon Press, 1992. 234 p.
3. Brennan B. The career of Venantius Fortunatus. *Traditio*, 1985, vol. 41, pp. 49–78. <https://doi.org/10.1017/S0362152900006851>.
4. Brennan B. The image of Frankish kings in the poetry of Venantius Fortunatus. *Journal of Medieval History*, 1984, vol. 10, no. 1, pp. 1–11. [https://doi.org/10.1016/0304-4181\(84\)90021-6](https://doi.org/10.1016/0304-4181(84)90021-6).
5. Brennan B. The image of the Merovingian bishop in the poetry of Venantius Fortunatus. *Journal of Medieval History*, 1992, vol. 18, no. 2, pp. 115–139. [https://doi.org/10.1016/0304-4181\(92\)90001-F](https://doi.org/10.1016/0304-4181(92)90001-F).
6. Roberts M. *The Humblest Sparrow: The Poetry of Venantius Fortunatus*. Ann Arbor, MI, Univ. of Michigan, 2009. 376 p. <https://doi.org/10.3998/mpub.353844>.

7. Shkarenkov P.P. History and poetry: the Merovingian kings in the writings of Venantius Fortunatus. *Vestnik RGGU. Seriya: Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya*, 2013, no. 17 (118), pp. 271–296. (In Russian)
8. Bikeeva N.Yu. The metamorphosis of St. Radegund: How a “Thuringian princess” became the saint queen and patroness of France. In: *Patriotizm i kollaboratsionizm v mirovoi istorii* [Patriotism and Collaboration in World History]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2015, pp. 62–71. (In Russian)
9. Bikeeva N.Yu. The images of St. Radegund in the sources of the Merovingian epoch: Letters, lives, history, and poetry. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2019, vol. 161, nos. 2–3, pp. 43–59. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2019.2-3.43-59>. (In Russian)
10. Borodin O.R. Poetic tradition of Byzantine Italy in the 6th and 7th centuries under the influence of social processes. *Vizantiiskii Vremennik*, 1998, vol. 58, pp. 15–21. (In Russian)
11. Petrovskii F.A. Venantius Fortunatus. In: *Pamyatniki srednevekovoi latinskoj literatury IV–VII vv.* [Notable Works of Medieval Latin Literature from the 4th to 7th Centuries]. Averintsev S.S., Gasparov M.L. (Eds.). Moscow, Nasledie, 1998, pp. 367–369. (In Russian)
12. Effros B. *Creating Community with Food and Drink in Merovingian Gaul*. Ser: The New Middle Ages. New York, NY, Palgrave Macmillan, 2002. 174 p. <https://doi.org/10.1007/978-1-349-62577-2>.
13. Gurevich A.Ya. Gifts. Exchange of gifts. In: *Slovar' srednevekovoi kul'tury* [Dictionary of Medieval Culture]. Gurevich A.Ya. (Ed.). Moscow, ROSSPEN, 2003, pp. 129–134. (In Russian)
14. Epp V. *Amicitia: zur Geschichte personaler, sozialer, politischer und Geistlicher Beziehungen im frühen Mittelalter*. Reihe: Monographien zur Geschichte des Mittelalters. Bd. 44. Stuttgart, Anton Hiersemann, 1999. 362 S. (In German)
15. Bown P. *Kul't svyatykh. Ego stanovlenie i rol' v latinskom khristianstve* [The Cult of the Saints: Its Rise and Function in Latin Christianity]. Moscow, ROSSPEN, 2004. 207 p. (In Russian)
16. Sidorov A.I. Power structure in the Frankish kingdom during the 8th and 9th centuries. In: *Srednie veka* [Middle Ages]. Vol. 64. Moscow, Nauka, 2003, pp. 3–34. (In Russian)
17. Le Goff J. Peasants and the rural world in the literature of the early Middle Ages (5th to 6th centuries). In: Le Goff J. *Drugoe Srednevekov'e: Vremya, trud i kul'tura Zapada* [The Other Middle Ages: Time, Work, and Culture of the West]. Chistyakova S.V., Shevchenko N.V. (Trans.). Babintsev V.A. (Ed.). Yekaterinburg, Izd. Ural. Univ., 2000, pp. 75–84. (In Russian)
18. Klaniczay G. *Holy Rulers and Blessed Princesses: Dynastic Cults in Medieval Central Europe*. Pálmai E. (Trans.). Ser.: Past and Present Publications. New York, NY, Cambridge Univ. Press, 2002. 490 p.

Для цитирования: Бикеева Н.Ю. Социальные функции еды и пищевых ритуалов в эпоху Меровингов (по сочинениям Венанция Фортуната, посвященным святой Радегунде) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 2. С. 87–99. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.2.87-99>.

For citation: Bikeeva N.Yu. Social functions of food and food rituals during the Merovingian period (from Venantius Fortunatus's writings about St. Radegund). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 2, pp. 87–99. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.2.87-99>. (In Russian)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94(470)“16/18”

doi: 10.26907/2541-7738.2024.2.100-113

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «БРОДЯЖНИЧЕСТВО» В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА)

К.В. Лукоянов, Д.М. Усманова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

Статья посвящена исследованию эволюции понятия «бродяжничество» в российском законодательстве во второй половине XVII – первой половине XIX в. На основе анализа комплекса законодательных актов, характеризующих бродяг как особую социальную категорию, описаны этапы, а также выявлены и систематизированы причины трансформации понятия «бродяжничество» в государственном дискурсе Российской империи анализируемого периода. В ходе исследования показано качественное изменение восприятия и осознания бродяжничества как многомерного явления на протяжении второй половины XVII – первой половины XIX в. В соответствии с концепцией исследования эволюция понятия «бродяжничество» проходила в три этапа: первый (вторая половина XVII – первая четверть XVIII в.) связан с отсутствием юридического статуса данного понятия; на втором этапе (вторая четверть XVIII – конец XVIII в.) наблюдается постепенное внедрение понятия в официальное правовое пространство; третий этап (первая половина XIX в.) характеризуется криминализацией изучаемого понятия в рамках уголовного законодательства. Индикаторами обозначенного процесса являлись формирование паспортной системы; дискурс о статусе беглого населения; фиксация такой группы населения, как «не помнящие родства»; пресечение нищенства. Сформулированные выводы обуславливают научную новизну работы в историографическом срезе, так как до сих пор вопрос о трансформации понятия «бродяжничество» почти не ставился исследователями.

Ключевые слова: беглые, беспаспортные, бродяга, бродяжничество, законодательство, нищие, праздношатающиеся

В исторической науке практически отсутствует последовательная историографическая традиция изучения бродяжничества как самостоятельного социального явления. Обращение к проблеме бродяг в Российской империи, как правило, происходило в контексте исследования смежных феноменов – беглых и нищих. Бродяжничество в качестве основного предмета рассмотрения историков до сих пор оставалось весьма периферийным сюжетом, тогда как его изучение позволяет более подробно сформировать представление о социальной структуре Российского государства в XVIII – первой половине XIX в., обозначить ее особенности. Помимо этого, открываются возможности более детализированного взгляда на

механизмы государственного взаимодействия с подобными слоями населения. Это обуславливает необходимость обращения к законодательному материалу России второй половины XVII – первой половины XIX в.

В основу настоящей работы был положен один из центральных комплексов источников законодательного характера – Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Подобный подход не обеспечивает полноту охвата с точки зрения анализа правоприменительной практики, однако мы рассматриваем ПСЗ не просто в качестве сборника «сухих» законов, но прежде всего как отражение динамики жизни общества и государства. Стоит сказать, что законодательная сфера Российского государства на протяжении XVII – первой половины XIX в. зачастую носила прецедентный характер, исходя из различных реалий существующей действительности. Поэтому обозначенный методологический ракурс дает возможность наглядно продемонстрировать хронологическую трансформацию понятия «бродяжничество», обозначающего особое социальное явление.

В середине XVII в. в Российском государстве был составлен свод законов – Соборное Уложение 1649 г. (ПСЗ I. № 1), принятие которого можно считать определенным рубежом в российском законодательстве. Именно Соборное Уложение на протяжении долгого периода, вплоть до 1832 г., когда был создан Свод законов Российской империи, являлось одним из основных и монументальных правовых документов в России.

Несмотря на широкий охват различных сторон общественной жизни Российского государства XVII в., в тексте Уложения понятие «бродяжничество» практически не отражено¹. Однако было бы некорректно отрицать существование бродяжничества как многомерного явления социальной среды Российского государства в середине XVII в. На это указывают сведения из специализированных словарей: «В русском языке слово “бродяга” известно с XVI века» (ИЭС, с. 112). В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» также представлены различные контексты употребления в русском языке указанного периода слов *бродяга*, *бродити* (например: «и в Казани будучи, по упросу, бродил я, нищий, к митрополиту Лаврентею для милостыни»; «чтоб мне, холопу твоему, брадя меж двор, голодную смертью не умереть» и т. д.) (СРЯ, с. 335–336). Но здесь следует заметить, что эти слова имели, скорее, обиходное значение.

Дело в том, что на протяжении XVII – первой четверти XVIII в. отсутствовало прежде всего правовое определение понятия «бродяжничество». Сложившаяся ситуация можно объяснить следующими факторами.

Во-первых, это связано с отсутствием паспортной системы как инструмента фиксации и прикрепления населения к постоянному месту жительства. В рассматриваемый период еще не была создана система идентификации личности по ее индивидуальным приметам². Соответственно, был низок и уровень возможного государственного контроля за передвижением граждан [1, с. 38–43]. Государство фактически находилось на начальном этапе формирования системы

¹ Лишь в одном случае можно встретить следующее употребление: «А на котораго человека в роспросе и с пытки язык говорит в розбое, или в татьбе, и на очной ставке его познает; а учнет на него говорити с очей на очи тоже, а тот будет человек бродящий, а о обыску бити челом не учнет, а скажет, что его нигде не знают: и того человека по язычной молке пытати...» (ПСЗ I. № 1. Гл. XXI. Ст. 38).

² По замечанию антрополога А. Байбурина, в России так же, как и в других европейских государствах, в течение длительного периода времени сохранялось «обезличенное понимание человека» [1, с. 40].

надзора, контроля и учета относительно перемещения населения. Косвенно это можно заметить в некоторых частях Уложения 1649 г. (ПСЗ I. № 1. Гл. XI. Ст. 20).

Во-вторых, еще не назрела необходимость конкретизировать и выделить изучаемую категорию как часть довольно разнообразного российского социума. В фокус государственного контроля во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. прежде всего попадает категория беглых крестьян, которая представлялась центральным властям важным экономическим ресурсом (ПСЗ I. № 1495, 1980, 3939). Численность данной категории на протяжении длительного периода постепенно увеличивалась [2, с. 336–337, 351; 3, с. 21]. При этом главным фактором, вызывавшим «интерес» властей, являлось не бродяжничество как таковое, а непосредственно побег от выполнения повинностей. Наиболее распространенной причиной, вынуждавшей людей бежать, в конце первой четверти XVIII в. была подушная перепись и уплата подушной подати [4, с. 16].

В-третьих, во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. коммуникация государства с «нуждающимися» социальными слоями происходила в основном по линии призрения нищих, которые уже к началу XVIII в. были юридически более «оформленной» категорией населения³, нежели бродяги, хотя и здесь наблюдались изъяны государственной политики.

Передвижение экономически подавленных групп населения Российского государства во второй половине XVII в. часто сопровождалось «прошением милостыни». Поворот к более рациональному восприятию милостыни, по мнению Н.В. Козловой, происходит также во второй половине XVII в., когда государство на законодательном уровне переходит к разделению нищих на группы – тех, кто в силу определенных обстоятельств действительно нуждался в помощи и призрении, и тех, кто сознательно промышлял в поисках легкой добычи [5, с. 29].

30 ноября 1691 г. был издан указ, направленный на недопущение распространения в Москве гулящих нищих, притворяющихся больными и увечными (ПСЗ I. № 1424). При этом стоит сказать, что в данном установлении акцент был сделан прежде всего не на самом «шатании без цели» как правонарушении, а на его результате – фальшивом нищенстве.

Повторно подобный шаг государства по отношению к нищим можно обнаружить и в «Инструкции, данной Московской Полицеймейстерской Канцелярии» от 10 декабря 1722 г., которая содержит следующее предписание: «Понеже Его Императорское Величество в присутствии Своем в Сенате собственноручным Своим указом повелел, чтобы по миру нищим не ходить, ибо о нищих и увечных указ есть, а здоровых когда поймают, в каторжную работу с наказанием отсылать, потому что в таковых много воров бывает, и чуть не все, и для того смотреть накрепко, дабы по прежним указам бродящих нищих не было: того ради ему Обер-Полицейстеру смотреть накрепко, дабы по прежним и по тому указам бродящих нищих в Москве нигде не было» (ПСЗ I. № 4130. Ст. 30). По мнению законодателя, люди без определенного занятия, свободные от каких-либо дел, – потенциальные правонарушители, не выгодные для государства в экономическом плане, не вписывающиеся в идеальную модель построения системы контроля и охраны порядка. Решение виделось в привлечении их к раз-

³ В законодательных источниках начала XVIII в. термин «нищие» уже довольно часто фиксируется как самостоятельное понятие.

личным ремеслам и работам, «чтоб такие гуляки под именем нищих весьма не шатались и праздны не были» (ПСЗ I. № 4624. Ст. 32).

В результате бродяжничество как особый образ жизни на Руси, вероятно, приобретало все более заметную и негативную коннотацию параллельно с процессом вырождения нищенства в социальный порок.

Помимо этого, во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. существовала категория «гулящие люди», которая при поверхностном рассмотрении может показаться синонимичной термину «бродяги». Как указывает К.В. Петров, гулящие люди – это «категория свободных, ничем не обязанных государству людей, основное занятие которых заключалось в работе по найму» [6, с. 241]. Судя по всему, среди гулящих людей действительно было немало элементов, находящихся в постоянном перемещении [7, с. 11] (ПСЗ I. № 1403). Но полностью синонимизировать данные категории населения было бы некорректно, так как среди гулящих людей были и ведущие оседлый образ жизни.

Все перечисленные выше факторы показывают, что для второй половины XVII – первой четверти XVIII в. понятия «бродяжничество», «бродяга» в историко-юридическом плане выглядят весьма размытыми и не атрибутированными. В рассматриваемый период существовало несколько смежных слоев российского общества («беглые», «бродящие нищие», «гулящие люди»), через которые бродяжничество как явление может «транслироваться» опосредованно.

Следующий значимый этап в эволюции понятий «бродяжничество», «бродяга» приходится на вторую четверть и конец XVIII в. Для данного периода характерно постепенное внедрение слов *бродяжничество*, *бродяга* в официальное понятийно-правовое пространство Российской империи. На наш взгляд, именно во второй четверти XVIII в. началось постепенное оформление понятий «бродяжничество», «бродяга», их отграничение от родственных категорий «беглые», «нищие», «гулящие». Последовательное включение понятий «бродяжничество» и «бродяга» в терминологические структуры законодательных актов второй четверти XVIII в. можно отчасти объяснить, обратившись к историческому контексту.

К началу второй четверти XVIII в., несмотря на дворцовые коллизии, во внутренней политике Российской империи прослеживались тенденции, сформировавшиеся еще в петровскую эпоху. По-прежнему наблюдался низкий уровень общественной безопасности, на достижение которой в определенной степени была нацелена идея Петра I о «полицейском» государстве. Пределы возможностей центральных властей подчас были ограничены протяженностью страны: «Но из-за размеров государства многое оставалось вне пределов досягаемости для власти, и в итоге правителям России не удалось равномерно распространить свой контроль на всей территории» [8, с. 38]. Значительной проблемой для государства оставались беглые крестьяне.

По Сенатскому указу от 16 июля 1729 г. празднующихся и беглых, слоняющихся по улицам Москвы, необходимо было задерживать и отдавать в военную службу, а «негодным велеть приискивать себе таких, которые б их написали в подушный оклад; а ежели никто не примет, оных посылать для поселения в Сибирь, дабы чрез то шатающихся и праздных без дел и без платежа подушных денег никого не было» (ПСЗ I. № 5441). Как видно из текста представленного законодательного акта, речь вновь идет в том числе и о бродяжничестве как явлении, хотя и без упоминания самого понятия.

Кроме того, во второй четверти XVIII в. продолжается процесс формирования паспортной системы. Стоит сказать, что механизм регулярного надзора за передвижением населения активно начинает конструироваться также в петровское время (ПСЗ I. № 3294. Ст. 19; № 3445) [1, с. 44]. При преемниках Петра I был усилен паспортный контроль, при этом рукописные формы документа заменялись на печатные во избежание подлога рукописных бумаг, удостоверяющих личность (ПСЗ I. № 4827) [1, с. 44–45].

Другой проблемой являлось время функционирования информации в документе личности. Паспорт с истекшим сроком действия автоматически переводил владельца документа в разряд беглых (ПСЗ I. № 8563). При этом передвижение внутри государства требовало наличия документов как для светских, так и для духовных лиц, среди которых также наблюдались переходящие субъекты (ПСЗ I. № 8012). Запрет на неконтролируемое передвижение людей духовного звания можно наблюдать в указе Сената от 17 апреля 1732 г. о пресечении бродяг среди священников, из которого следует указание строжайше контролировать, чтобы нигде не было замечено «церковного причта людей бродящих» (ПСЗ I. № 6025). Характерно, что в этом указе зафиксированы слова *бродяга*, *бродящий*.

Тем самым с появлением паспорта расширялась не только сфера его применения, но и сфера наказания за его отсутствие, за подложность, за истекший срок действия. Фактически было положено начало созданию новой категории населения – «беспаспортных лиц», что также является важным звеном в цепи сюжетов, связанных с постепенным включением понятия «бродяжничество» в историко-правовую плоскость Российского государства.

Наиболее значимым аспектом, повлиявшим на инкорпорацию в юридическую сферу понятий «бродяжничество», «бродяга» во второй четверти XVIII в., как нам представляется, все же являются попытки пресечения нищенства на территории Российской империи. Как было сказано ранее, еще в период правления Петра I отношение к нищим стало резко негативным, а борьба с просящими милостыню сделалось делом государственным. В идеологическом плане обозначенная категория российского социума рассматривалась в качестве болезнетворного организма, нарушающего общую регулярную структуру, где каждый трудится на благо Отечества [5, с. 38–39; 9, с. 368–369].

Переходя к эпохе Анны Иоанновны, необходимо уточнить, что в 30-е годы XVIII в. в центральных губерниях Российской империи случились масштабные неурожаи, которые, в свою очередь, привели к массовому голоду [5, с. 48]. Наиболее тяжелым был период с 1732 по 1736 г. В исследовании Н.В. Козловой подробно описана ситуация, в которой пребывало население Москвы и прилегающих уездов: Москву захлестнули толпы нищих, бродящих в поисках подаяния и пропитания [5, с. 48–59]. На улицах города лежали трупы тех, кто был вынужден ходить по миру в связи с «хлебным недородом». Как указывает исследователь, «с января по июнь 1734 г. было подобрано умершими на улицах 204 чел.» [5, с. 55].

Подобное положение дел отразилось и в законодательных актах, посвященных государственным мерам пресечения нищенства. Анализ статей Полного собрания законов Российской империи показал, что в период с 1730 по 1738 г. было издано как минимум шесть указов, направленных на искоренение нищих в России. Хотя в основании документов лежала прежде всего борьба с нищенством, особое внимание привлекает частое употребление слов *бродящие*, *бродя-*

ли, бродят в отношении тех, о ком идет речь в этих источниках (ПСЗ I. № 5644, 5832, 6136, 6406, 7041, 7621). На наш взгляд, именно через проблему борьбы с нищими во второй четверти XVIII в. в понятийно-правовом пространстве Российской империи постепенно начинает выделяться понятие «бродяжничество», выраженное с помощью лексических единиц *бродящие, бродят* и т. д.

Оформление слова *бродяжничество* в самостоятельное понятие продолжилось в правление Елизаветы Петровны в середине XVIII в. Важным событием здесь стала вторая ревизия, начатая в 1743 г. (ПСЗ I. № 8619, 8836). Данная перепись подушного населения выявила новую категорию лиц – «не помнящие родства» (ПСЗ I. № 9015, 9125, 9131, 9134). Однако в изучаемое время таковых чаще ассоциировали с беглыми, а не с бродягами.

Уже после начала второй ревизии, в 1744 г., в Сенат был подан проект завершённого годом ранее локального сборника законов под названием «Права, по которым судится малороссийский народ»⁴. Проект так и не получил утверждения, но текст источника обладает важным информационным потенциалом. В ходе изучения содержания документа было выявлено четыре случая употребления слова *бродяга* (К., с. 763, 786, 820). В данном случае под *бродягой* подразумевалось лицо без постоянного места жительства, нередко не имеющее паспорта, не занимающееся определенной деятельностью, ведущее довольно разгульный образ жизни либо просящее милостыню.

К концу царствования Елизаветы Петровны бродяжничество как историческое понятие, по всей видимости, уже было довольно устойчивым элементом правовой системы. При этом оно нередко могло выражаться через синонимичные слова *праздношатающиеся, скитающиеся, ходящие* и т. д. Кроме того, к бродягам примыкали близкие по значению социальные группы: беглые, беспаспортные, не помнящие родства, нищие. Следует учитывать, что группы могли находиться в отношениях пересечения. Так, например, не помнящий родства, скорее всего, был беспаспортным, а это, в свою очередь, переводило его в статус беглого.

В правление Екатерины II, с одной стороны, продолжали действовать те же правовые принципы, что и ранее. Так, 12 октября 1765 г. из Синода последовало указание о строжайшем наблюдении за священниками, чтобы среди них не было замечено бродящих людей, а «ежели где таковые бродяги окажутся, то б оные к надлежащему о них рассмотрению отсыланы были в С.Петербургскую и Московскую Духовные Консistorии» (ПСЗ I. № 12493). Подобные меры по прекращению скитаний среди церковнослужителей повторно были провозглашены в указе Синода от 20 февраля 1772 г. (ПСЗ I. № 13764). В тексте указа зафиксированы слова *бродяги, бродить*. Повторялись указы и в отношении нищих (ПСЗ I. № 11698, 13767).

С другой стороны, с точки зрения эволюции понятия «бродяжничество» правление Екатерины II представляется особым временем. Хотя в указанный период в законодательных актах вместо привычных «бродящих нищих» и «бродяг» часто встречаются «ходящие» и «праздношатающиеся», являющиеся синонимами для первых, именно в эпоху Екатерины II исследуемое понятие окончательно закрепляется в качестве исторического термина.

⁴ Комиссия для работы над созданием особого Уложения Малороссии была сформирована ещё в 1728 г. [10, с. 319].

Сенатский указ от 29 сентября 1775 г. проистекает из истории самовольного ухода монаха-раскольника, который был задержан в Москве без письменного вида и доставлен для разбирательства в Московскую Консисторию. В указе отмечается, что «Преосвященство об оном раскольническом монахе представлял Святейшему Синоду мнение таковое, чтоб к должному с ним, за его без письменного вида бродяжество и немаловременную в Москве бытность, по законам поступлению» (ПСЗ I. № 14372). Указ впервые фактически вводит в официальное законодательное пространство понятие «бродяжество», соответствовавшее нормам русского языка XVIII в. и являвшееся «предшественником» современного термина «бродяжничество».

В 1783 г. началась работа над «Словарем Академии Российской», который к моменту выхода первой его части, датированной 1789 г., уже содержит слово *бродяга*, давая ему следующее толкование: «Человек, не имеющий ни дома, ни промысла, ни ремесла, шатающийся из места в место» (САР, стлб. 330).

Примечательно, что в следующем 1790 г. выходит в свет знаменитое произведение А.Н. Радищева – «Путешествие из Петербурга в Москву», в котором можно встретить слово *бродяга* в приведенном выше значении. В конце главы «Городня» А.Н. Радищев приводит историю иноземца-француза, который был отдан в рекруты. Описание его жизни представляет собой цепочку постоянных географических перемещений (Петербург, Любек, Мемель, Рига, Казань, Москва) при отсутствии постоянного занятия (это и работа частным парикмахером у господина, и служба в разных полках, и прошение милостыни, и должность частного провинциального учителя, и последующая затем запись в крестьяне). Вот как пишет об этом А.Н. Радищев: «Пожал я плечами не один раз, слушав сего бродягу, и с уязвленным сердцем лег в кибитку, отправился в путь» (Р., с. 178).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что на рубеже XVIII–XIX вв. бродяжничество как социальное явление начинает полностью обособляться от других сходных феноменов. Начало XIX в. знаменует новый этап в эволюции понятия «бродяжничество» в российском правовом пространстве.

Увеличилась частота употребления слова *бродяжничество* и однокоренных с ним лексем в источниках законодательного характера. Кроме того, если в XVIII столетии «бродящая» часть населения отождествлялась с категорией нищих, то к началу XIX в. на первый план вышла зависимость от паспортной системы.

Майский указ 1804 г., последовавший в качестве ответа из Военной коллегии на сообщение Полтавского губернского правления, под *бродягами* понимает лиц, не имеющих письменных свидетельств (ПСЗ I. № 21326).

В «Высочайшем положении о устройстве евреев», утвержденном 9 декабря 1804 г. в пункте 30 обнаруживается следующее: «Никто из Евреев нигде в России терпим быть не может, если он не будет записан в одном из сих состояний. С Евреями, кои не предъявят в том письменного законом установленного вида, будет поступаемо, как с бродягами, по всей строгости законов» (ПСЗ I. № 21547).

29 июля 1805 г. на имя рижского военного губернатора графа Ф.Ф. Буксгевдена последовал указ о проведении переписи в Лифляндской и Эстляндской губерниях, в котором зафиксированы такие строки: «В пресечение на будущее время неправильной отлучки сих людей и бродяжничества, воспретить Казенным Палатам давать всем приписанным к городам и уездам, как от самих Палат, так и от Казначейств паспорта, если они не представят увольнений от обществ

или от Магистрата» (ПСЗ I. № 21850). В приведенном отрывке прослеживается четкая взаимосвязь между бродяжничеством и отсутствием документов, удостоверяющих личность. При этом стоит отметить, что в это время и сама паспортная система подвергалась реформированию, направленному на усовершенствование процесса контроля и учета беспаспортных, а также публикации в губерниях сообщений о потере паспортов, использовании беглыми фальшивых документов. В указе Сената от 23 октября 1805 г. оговаривалось, что прежние механизмы учета и контроля беспаспортного населения местными губернскими органами при проверке оказываются практически бесполезными, поэтому предполагалось отменить публикации через городские и земские полиции сведений о пропаже документов, удостоверяющих личность, о поиске беглых и беспаспортных лиц – теперь подобная информация должна была доходить до населения только путем обнародования в печатных ведомостях (ПСЗ I. № 21939).

Зависимость между феноменом бродяжничества и паспортной системой в начале XIX в. прослеживается и в указе Сената от 24 сентября 1806 г., по которому беспаспортных бродяг следовало держать под стражей до выяснения их личности (ПСЗ I. № 22285). В Сенатском указе от 29 августа 1807 г. также фактически ставится знак равенства между бродягами и беспаспортными (ПСЗ I. № 22602).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в начале XIX в. оформляется устойчивая ассоциация: бродяга – беспаспортный. Кроме того, регулярный характер употребления слов *бродяжничество*, *бродяга* свидетельствует о полной самостоятельности данных исторических терминов. Подтверждением этого служит именно указ от 20 июля 1809 г., объявленный в циркулярном предписании министра внутренних дел гражданским губернаторам (ПСЗ I. № 23748). Анализируя документ, важно подчеркнуть некоторые особенности в восприятии бродяжничества государственной властью Российской империи в начале XIX в. Как было сказано ранее, на рубеже XVII–XVIII вв. в законодательных актах, посвященных бродящим нищим, основное внимание концентрировалось именно на прошении милостыни, тогда как проблема неконтролируемого перемещения нуждающихся воспринималась как второстепенная. В эпоху Александра I обозначенный акцент несколько смещается, о чем свидетельствует текст упомянутого выше указа: «Помещикам, Волостным Правлениям и другим ведомствам должны при сем подтверждены быть все те узаконения, по коим обязаны они пецись о содержании и призрении людей, пришедших в невозможность кормиться работою и трудом на счет их обществ, и по коим в случае приличения кого-либо из них в бродяжничестве, для прошения милостыни, обязаны ответом сами помещики или их управители, Волостные Правления и градские общества» (ПСЗ I. № 23748). Вероятно, поэтому данный указ упоминает уже не привычных для XVIII в. «бродящих нищих», а использует иную терминологию, а именно «бродяжничество нищих». На первый взгляд, оба варианта выглядят одинаковыми, но при комплексном сопоставлении становится понятно, что эти термины фиксируют различные формы осмысления обозначенных явлений. Еще более убедительным подтверждением приведенного выше тезиса является последняя часть указа, в которой сказано: «Меры, к пресечению бродяжничества и нищенства приемлемые, вы не оставите, согласно Высочайшей о том воле» (ПСЗ I. № 23748). Таким образом, в первой четверти XIX в. бродяжничество как явление выводится в плоскость феномена, равносильного нищенству.

Подобная позиция имперского государства, на наш взгляд, логично подразумевает усиление наказания за бродяжничество как отдельное правонарушение. Однако в историографии вопроса можно встретить весьма спорное утверждение о том, что «в начале XIX века наказание в отношении бродяг претерпело некоторое смягчение» [3, с. 57]. Говоря о послаблениях для бродяг со стороны властей, авторы ссылаются на именной указ от 5 июля 1811 г. (ПСЗ I. № 24707). Перед тем как подвергнуть анализу содержание данного законодательного акта, следует уточнить детали исторического процесса в России в первой четверти XIX в.

«Дней Александровых прекрасное начало» в сфере государственного управления ознаменовалось министерской реформой 1802–1811 гг. Согласно манифесту от 8 сентября 1802 г., было образовано восемь ведомств: иностранных дел, внутренних дел, юстиции, военных дел, морских сил, коммерции, финансов и народного просвещения (ПСЗ I. № 20406). Как отмечает американский историк Д. Орловский, «министерства были чем-то новым скорее по названию, нежели по структуре» [11, с. 31]. Необходимо заметить, что создаваемая система практически сразу стала с функциональной точки зрения нуждаться в более рациональной адаптации к реальной практике, поэтому в 1810 г. начинается новая реорганизация. Указом от 25 июля 1810 г. из структуры Министерства внутренних дел (МВД) было выделено Министерство полиции (ПСЗ I. № 24307). Вскоре, 17 августа 1810 г., увидело свет «Высочайше утвержденное разделение Государственных дел по Министерствам», в котором бродяжничество как отдельный предмет надзора оговаривается и передается из Второй экспедиции МВД в ведение Министерства полиции (ПСЗ I. № 24326). Стоит сказать, что в отдельном манифесте об учреждении Министерства полиции, последовавшем за «Общим учреждением Министерств» от 25 июня 1811 г., сама Вторая экспедиция МВД также полностью вошла в состав Министерства полиции (ПСЗ I. № 24687). Помимо этого, в манифесте перечислены обязанности каждого из полицейских департаментов. Департамент полиции исполнительной подразделялся на три отделения, каждое из которых, в свою очередь, состояло из двух столов. Так, во втором столе Второго отделения полиции исполнительной разбору подлежали дела уголовные: «Сюда принадлежат: устройство тюрем и их стражи. Дела по пересылке колодников. Распределение преступников к работам. Надзор в успешном и бдительном производстве Полицейских следствий по делам уголовным. Надзор за действием Полиции в поимке разного рода преступников. Поимка беглых и беспаспортных. Пресечение бродяжничества» (ПСЗ I. № 24687).

Далее обратимся к вышеупомянутому именному указу от 5 июля 1811 г., последовавшему на имя Новгородского, Тверского и Ярославского генерал-губернатора принца Георгия Гольштейн-Ольденбургского (ПСЗ I. № 24707). В тексте указа говорится о разделении преступлений на три степени, а также перечисляются меры наказания, им соответствующие. За первую степень преступления предполагалась гражданская смерть, за вторую – ссылка в Сибирь, за третью – легкое наказание, отсылка на прежнее место жительства, помещение преступника в смиренный или рабочий дом. Так, согласно указу, «ко второй степени относятся: кража выше ста рублей, неоднократное воровство, пристанодержательство, бродяжество и проч. кои подвергаются к ссылке в Сибирь на поселение, или к отдаче годных в военную службу» (ПСЗ I. № 24707).

Совокупность представленного исторического материала логично подвергает сомнению историографический тезис о том, что «законодатель не признавал бродяг преступниками и не столько карал, сколько старался извлечь из них для государства возможную пользу» [3, с. 57]. Напротив, в первой четверти XIX в. обнаруживаются зачатки правового становления понятия «бродяжничество», формируется поле для его дальнейшей криминализации.

В 1819 г. Министерство полиции было упразднено, а сфера его полномочий вернулась в правовое пространство Министерства внутренних дел. По мнению Д. Орловского, «слияние этих двух министерств вылилось в уникальную концентрацию институциональной власти в едином органе внутривластного управления» [11, с. 57].

Несмотря на это, продолжали появляться предписания из Сената, а также именные указы о сохранении строжайших мер в отношении бродяг (ПСЗ I. № 27424, 28058, 28263, 29328). В череде законоположений выделяется Сенатский указ от 31 июля 1824 г. (ПСЗ I. № 30007), в котором отмечалось, что Саратовская Уголовная Палата запрашивала разъяснение в связи с вопросом о том, как поступать с людьми, которые помимо бродяжничества никаких преступлений не совершили. Решение Сената было таково: бродяг, которые не совершили никакого иного преступления, также следует немедленно отсылать в Сибирь на поселение, из чего следует, что местные органы управления еще не идентифицировали бродяжничество в качестве уголовного преступления, тогда как центральная власть уже считала его таковым.

Решающие изменения в трактовке бродяжничества произошли в правление Николая I. Одной из задач императора, подавившего восстание 14 декабря 1825 г., стало совершенствование правительственной системы [12, с. 366–368]. В 1826 г. при Собственной Его Императорского Величества Канцелярии было образовано Второе отделение, главной целью которого была системная кодификация накопленного веками законодательного материала. Как отмечает историк В.В. Лапин, «признавая кодификацию безусловно важным государственным делом, следует подчеркнуть, что правовому регулированию, нормотворчеству Николай I придавал такое же гипертрофированное значение, как и Петр I. Оба самодержца считали в принципе возможным составление неких разумных правил, регулирующих жизнь общества и отдельных людей во всех ее проявлениях, и неукоснительное соблюдение этих правил под присмотром специально для того созданных структур» [13, с. 16]. Результатом масштабной кодификационной деятельности под руководством М.М. Сперанского стало создание Полного собрания законов Российской империи, а также составление свода действующего законодательства. Последний был издан в 15 томах и вступил в силу с 1 января 1835 г.

Один из томов этого сборника содержал «Устав о паспортах и беглых», в котором непосредственно определяется понятие «бродяга»: «Беглыми или бродягами считаются: 1) все те, кои, отлучась от мест их жительства, или пребывания далее срока и места, какое законами для временных отлучек определено, не предъявят никаких законных видов на сию отлучку; и 2) те, кои, отлучась и с ведома Начальства, и по законным видам и паспортам, но, потеряв или просрочив оные, не представят в свое время законных доказательств в оправдание» (СЗРИ, с. 84). По заключению Ю.Г. Галая и К.В. Черных, приведенное выше определение было сформулировано с опорой на «Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета» от 22 марта 1828 г. [3, с. 60] (ПСЗ II. № 1893).

Завершение формирования юридического характера понятия «бродяжничество» в российском законодательстве первой половины XIX в. ознаменовал выход в свет «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» от 15 августа 1845 г., в котором было указано, что «бродягами признаются и подвергаются наказаниям... за бродяжество... как жительствующие, так и переходящие или переезжающие из места в место, не только без ведома надлежащих полицейских начальств и без установленных на то видов, но и без всяких средств доказать настоящее свое состояние или звание, или же упорно от сего отказывающиеся» (ПСЗ. II. № 19283. Ст. 1176). Как видно из текста источника, термином «бродяга» обозначались не только беспаспортные лица, но и «не помнящие родства». Также в документе более подробно были прописаны механизмы наказания для различных категорий бродяг (не помнящих родства, малолетних, слепых, глухих, немых, евреев, иностранцев, сельских обывателей, цыган). Таким образом, во второй четверти XIX в. за понятием «бродяжничество» окончательно закрепился официальный статус уголовного преступления.

Итак, проблема идентификации понятия «бродяжничество» как правового термина на протяжении XVIII – первой половины XIX в. во многом связана с постепенным осознанием государством данной группы лиц как социальной категории. В указанный период происходила многоступенчатая эволюция данного понятия в законодательных актах Российского государства.

Можно утверждать, что эпоха Петра I, суть которой выражалась в идее о регулярном государстве, заложившей основы паспортного контроля, стала в определенной степени начальным этапом в процессе последующего выделения бродяжничества в отдельное историческое понятие. Безусловно, подобное обособление было вызвано и социально-экономическими событиями, происходившими в Российской империи, что позволило уже к окончанию второй четверти XVIII в. обнаружить явные признаки оформления понятия «бродяга» в самостоятельную социальную категорию. В течение XVIII в. данное слово нередко замещалось синонимами, поскольку имело довольно размытую семантику (*беглые, беспаспортные, праздношатающиеся, бродящие нищие, гулящие люди*).

Трансформация понятия «бродяга» в правовой термин с отчетливым уголовным статусом происходит в первой половине XIX в. В результате длительной эволюции «бродяжничество» фактически включило в себя отдельные компоненты смежного понятия «беглые», которые входили в него в XVIII столетии: «не помнящие родства», «беспаспортные». Если в XVIII в. их наличие помещало человека в разряд беглых, то теперь было сформулировано новое обобщающее понятие – «бродяга».

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источники

ИЭС – Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Рус. яз., 1999. Т. 1. 624 с.

К. – Кистяковский А.Ф. Права, по которым судится малороссийский народ, высочайшим всепресветлейшия, державнейшия великия государыни императрицы Елисавет Петровны, самодержицы всероссийския, ее императорского священнейшего величества повелением, из трех книг, а именно: Статута литовского, Зерцала саксонско-

- го и приложенных при том двух прав, также из Книги порядка, по переводе из польского и латинского языков на российский диалект в едину книгу сведенные, в граде Глухове, лета от рождества Христова 1743 года, изданные под редакцией и с приложением исследования о сем Своде и о законах действовавших в Малороссии профессора А.Ф. Кистяковского. Киев: Унив. тип. (И.И. Завадзкого), 1879. 1065 с.
- ПСЗ I – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. С 1649 по 12 дек. 1825 г.: в 45 т. СПб.: тип. 2-го Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1830. Т. I: 1649–1675. 1029 с.; Т. III: 1689–1699. 690 с.; Т. IV: 1700–1712. 881 с.; Т. V: 1713–1719. 780 с.; Т. VI: 1720–1722. 815 с.; Т. VII: 1723–1727. 922 с.; Т. VIII: 1728–1732. 1014 с.; Т. IX: 1733–1736. 1022 с.; Т. X: 1737–1739. 995 с.; Т. XI: 1740–1743. 988 с.; Т. XII: 1744–1748. 960 с.; Т. XVI: 28 июня 1762–1764. 1016 с.; Т. XVII: 1765–1766. 1115 с.; Т. XIX: 1770–1774. 1081 с.; Т. XX: 1775–1780. 1034 с.; Т. XXVII: 1802–1803. 1120 с.; Т. XXVIII: 1804–1805. 1326 с.; Т. XXIX: 1806–1807. 1370 с.; Т. XXX: 1808–1809. 1402 с.; Т. XXXI: 1810–1811. 942 с.; Т. XXXV: 1818. 672 с.; Т. XXXVI: 1819. 732 с.; Т. XXXVII: 1820–1821. 981 с.; Т. XXXVIII: 1822–1823. 1352 с.; Т. XXXIX: 1824. 688 с.
- ПСЗ II – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. С 12 дек. 1825 по 1881 г.: в 55 т. СПб.: тип. 2-го Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1830–1885. Т. III: 1828. 1246 с.; Т. XX. Ч. 1: 1845. 1045 с.
- Р. – *Радищев А.Н.* Путешествие из Петербурга в Москву / Вступ. статья Д. Благого. М.: Сов. Россия, 1983. 240 с.
- САР – Словарь Академии Российской: в 6 т. СПб.: Императорская Академия наук, 1789. Часть I. От А до Г. 878 стлб.
- СЗРИ – Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный: в 15 т. СПб.: тип. 2-го Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1832. Т. XIV: Свод уставов благочиния. Ч. 3. 705 с.
- СРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв.: в 31 вып. М.: Наука, 1975. Вып. 1 (А–Б). 371 с.

Литература

1. *Байбурин А.* Советский паспорт: история – структура – практики. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2017. 486 с.
2. *Платонов С.Ф.* Полный курс лекций по русской истории. М.: АСТ, 2017. 720 с.
3. *Галай Ю.Г. Черных К.В.* Нищенство и бродяжничество в дореволюционной России: законодательные и практические проблемы. Нижний Новгород: НПА, 2012. 151 с.
4. *Готье Ю.В.* Из истории передвижений населения в XVIII веке. М.: Имп. о-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1908. 26 с.
5. *Козлова Н.В.* Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII века. М.: РОССПЭН, 2010. 359 с.
6. *Петров К.В.* Свободное население Московского государства XVI–XVII вв.: «вольные и гулящие люди» // Петербургский историч. журн. 2021. № 1. С. 230–248.
7. *Борисов В.Е.* Гулящие люди и другие нетяглые категории населения за Уралом в XVII в. // Нов. историч. вестн. 2013. № 3 (37). С. 6–26.
8. *Коллманн Н.Ш.* Преступление и наказание в России раннего Нового времени. М.: Новое лит. обозрение, 2016. 609 с.
9. *Анисимов Е.В.* Время петровских реформ, 1-я четверть. Л.: Лениздат, 1989. 495 с.
10. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. М.: Территория будущего, 2005. 797 с.
11. *Орловский Д.* Пределы реформ. Министерство внутренних дел Российской империи в 1802–1881 годах. СПб.: Acad. Stud. Press / Библиороссика, 2022. 431 с.

12. Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. вып. 8: От Петра Великого до смерти Николая I. / [Авториз. пер. С.В. Житомирской]. М.: ОГИ, 2002. 606 с.
13. Николай Первый. Молодые годы. Воспоминания. Дневники. Письма. Книга 1-я. СПб.: Изд-во «Пушкинского фонда», 2008. 344 с.

Поступила в редакцию 10.02.2024

Принята к публикации 10.04.2024

Лукоянов Кирилл Валерьевич, магистрант кафедры отечественной истории и архивоведения

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия

E-mail: lukoyanov-kirill@mail.ru

Усманова Дилера Миркасымовна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и архивоведения

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия

E-mail: dusmanova2000@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 2, pp. 100–113

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.2.100-113

**Evolution of the Concept of Vagrancy in Russian Legislation
(from the Second Half of the 17th to the First Half of the 19th Centuries)**

K.V. Lukoyanov, D.M. Usmanova***

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

*E-mail: *lukoyanov-kirill@mail.ru, **dusmanova2000@mail.ru*

Received February 10, 2024; Accepted April 10, 2024

Abstract

This article focuses on the evolution of the concept of vagrancy in Russia during the period between the second half of the 17th to the first half of the 19th centuries. A set of legislative acts defining vagrants as a separate social group are analyzed. The stages and causes that underlie the transformation of the concept of vagrancy in the state discourse of the Russian Empire are singled out, systematized, and described. A qualitative shift in the Russian state's perception and understanding of vagrancy as a multifaceted phenomenon is revealed. Based on the results obtained, it is shown that the evolution of vagrancy unfolded in three stages. In the first stage (from the second half of the 17th to the first quarter of the 18th centuries), this concept had no legal status. In the second stage (from the second quarter to the end of the 18th century), vagrancy was gradually introduced into the official legal space of Russia. The third stage (the first half of the 19th century) was marked by the criminalization of this concept in Russian criminal legislation. The key indicators of this process were the introduction of the passport system, the discussions circulating in the Russian public around the status of fugitive people, the recognition of people "who do not remember their kinship" as a social group, and the efforts to curb poverty. The conclusions drawn contribute immensely to the development of historiographic research, as the concept of vagrancy and its formation have escaped the attention of most scholars and remain insufficiently explored.

Keywords: fugitives, passportless people, vagrant, vagrancy, legislation, beggars, loitering people

Conflicts of Interest. The authors declare no conflicts of interest.

References

1. Baiburin A. *Sovetskii pasport: istoriya – struktura – praktiki* [Soviet Passport: History – Structure – Practices]. St. Petersburg, Izd. Evr. Univ. S.-Peterb., 2017. 486 p. (In Russian)
2. Platonov S.F. *Polnyi kurs leksii po russkoi istorii* [A Complete Course of Lectures on Russian History]. Moscow, AST, 2017. 720 p. (In Russian)
3. Galai Yu.G., Chernykh K.V. *Nishchenstvo i brodyazhnichestvo v dorevolutsionnoi Rossii: zakonodatel'nye i prakticheskie problemy* [Poverty and Vagrancy in the Pre-Revolutionary Russia: Legislative and Practical Problems]. Nizhny Novgorod, NPA, 2012. 151 p. (In Russian)
4. Gauthier Yu.V. *Iz istorii peredvizhenii naseleniya v XVIII veke* [From the History of Population Migrations in the 18th Century]. Moscow, Imp. O-vo. Ist. Drevnostei Ross. Mosk. Univ., 1908. 26 p. (In Russian)
5. Kozlova N.V. *Lyudi dryakhlye, bol'nye, ubogie v Moskve XVIII veka* [Frail, Sick, and Poor People in the 18th-Century Moscow]. Moscow, ROSSPEN, 2010. 359 p. (In Russian)
6. Petrov K.V. Emancipated population of the Muscovite state during the 16th–17th centuries: “Free and roving people”. *Peterburgskii Istoricheskii Zhurnal*, 2021, no. 1, pp. 230–248. (In Russian)
7. Borisov V.E. Roving people and other social groups in the Trans-Urals exempted from paying tyaglo during the 17th century. *Novyi Istoricheskii Vestnik*, 2013, no. 3 (37), pp. 6–26. (In Russian)
8. Kollmann N.Sh. *Prestuplenie i nakazanie v Rossii rannego Novogo vremeni* [Crime and Punishment in Early Modern Russia]. Moscow, Nov. Lit. Obozr., 2016. 609 p. (In Russian)
9. Anisimov E.V. *Vremya petrovskikh reform, 1-ya chetvert'* [The Time of Peter the Great's Reforms, the First Quarter]. Leningrad, Lenizdat, 1989. 495 p. (In Russian)
10. Vladimirkii-Budanov M.F. *Obzor istorii russkogo prava* [An Overview of Russian Legal History]. Moscow, Territ. Budushchego, 2005. 797 p. (In Russian)
11. Orlovskii D. *Predely reform. Ministerstvo vnutrennikh del Rossiiskoi imperii v 1802–1881 godakh* [Limits of Reforms. The Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire in 1802–1881]. St. Petersburg, Acad. Stud. Press / Bibliorossika, 2022. 431 p. (In Russian)
12. Wortman R.C. *Stsenarii vlasti. Mify i tseremonii russkoi monarkhii* [Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy]. Vol. 1. Pt. 8: From Peter the Great to the death of Nicholas I. Zhitomirskaya S.V. (Trans.). Moscow, OGI, 2002. 606 p. (In Russian)
13. *Nikolai Pervyi. Molodye gody. Vospominaniya. Dnevnik. Pis'ma* [Nicholas I of Russia. Early Years. Memoirs. Diaries. Letters]. Book 1. St. Petersburg, Izd. Pushkinskogo Fonda, 2008. 344 p. (In Russian)

Для цитирования: Лукьянов К.В., Усманова Д.М. Эволюция понятия «бродяжничество» в российском законодательстве (вторая половина XVII – первая половина XIX века) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 2. С. 100–113. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.2.100-113>.

For citation: Lukoyanov K.V., Usmanova D.M. Evolution of the concept of vagrancy in Russian legislation (from the second half of the 17th to the first half of the 19th centuries). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 2, pp. 100–113. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.2.100-113>. (In Russian)

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 930.2

doi: 10.26907/2541-7738.2024.2.114-125

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ ПОЗДНЕИМПЕРСКОЙ РОССИИ: С.Ю. ВИТТЕ И ЗОЛОТОВАЛЮТНАЯ РЕФОРМА

К.И. Шнейдер, И.Н. Веревкина

*Пермский государственный национальный исследовательский университет,
г. Пермь, 614068, Россия*

Аннотация

В статье исследованы особенности восприятия С.Ю. Витте отдельных политических практик позднеимперской России и их мемуарная рефлексия. Подробно рассмотрены денежная реформа и «борьба» за ее реализацию как на бюрократическом поле, так и в пространстве публичной политической коммуникации. Основными источниками исследования являются мемуары С.Ю. Витте, воспоминания современников, материалы периодической печати, переписка, а также неопубликованные архивные материалы, хранящиеся в центральных архивах. В результате анализа действий С.Ю. Витте по реализации денежной реформы обнаружена парадоксальность политических практик Российской империи. Сделан вывод об алгоритмах политического поведения чиновника и их характеристике в мемуарах.

Ключевые слова: С.Ю. Витте, Российская империя, образы власти, публичная политика, золотовалютная реформа

Эпоха рубежа XIX–XX вв. характеризуется широкомасштабными модернизационными преобразованиями, которые не могли не оказать влияния на большинство областей общественной жизни. Весьма заметными были изменения в сфере политического управления. Благодаря совершенствованию технологий и каналов коммуникации, а также росту уровня урбанизации происходила трансформация, в результате которой политическое пространство становилось частью публичной сферы.

Сергей Юльевич Витте – неординарный политический деятель пореформенной России. С одной стороны, он отличался от большинства своих современников – представителей высших эшелонов власти – тем, что воспринимал политику как пространство публичной сферы и довольно внимательно относился к собственной репутации.

Политические и общественные деятели позднеимперской России были широко осведомлены о трепетном отношении С.Ю. Витте к своему реноме на страницах повременной печати. О намерениях сановника установить «лучшие отношения» с журналистами и издателями писал член Государственного совета В.И. Гурко (Гур., с. 63). Близкий к С.Ю. Витте журналист А.Е. Кауфман свидетельствовал о том, что в каждом городе, где служил, он быстро заводил приятельские отношения с представителями периодических изданий (Кауф., с. 228).

В историографии можно найти размышления о восприятии феномена публичного политического поведения и самоидентификации С.Ю. Витте как публичного политика. По мнению Э.О. Сагинадзе, Сергей Юльевич использовал собственную популярность в качестве инструмента для достижения определенных политических целей [1, с. 9–10]. Ф. Вчисло писал о том, что он «осознавал формирующуюся власть прессы и на протяжении всей своей сознательной жизни использовал желтую прессу и редакторские инсинуации: как публикуемый автор, анонимный финансист, распространитель информации и манипулятор общественным мнением»¹ [2, р. 3].

С.Ю. Витте понимал огромные масштабы влияния прессы еще до переезда в Петербург, поэтому он стремился наладить контакты с представителями крупнейших московских и петербургских газет. В Российском государственном архиве литературы и искусства (далее – РГАЛИ) сохранилась его переписка, датированная концом 80-х годов XIX в., с издателем петербургского «Нового времени» А.С. Сувориным (РГАЛИ1) и редактором «Московских ведомостей» С.А. Петровским (РГАЛИ2).

С другой стороны, С.Ю. Витте был очень опытным бюрократам-карьеристом, успешно пользовавшимся и «традиционными» методами политической борьбы – придворными политическими интригами, о чем также писали его современники и исследователи его биографии. На страницах газеты «Новое время» отмечалось, что в умении «вести сложные придворные интриги» С.Ю. Витте превосходил П.А. Столыпина: «Если бы нынешний премьер также искусился в интригах, в умении влиять, как гр. С.Ю., можно было бы с уверенностью сказать, что он останется на своем посту до тех пор, пока захочет» (Н.в.1). Историк А.Ю. Полунов убедительно доказал, что после переезда в Петербург С.Ю. Витте быстро адаптировался в атмосфере придворных политических интриг, умело лавируя между различными центрами неформального влияния, и вскоре стал одной из ключевых фигур в пространстве политической борьбы [3, с. 45].

Несмотря на то что различные аспекты биографии и политической карьеры С.Ю. Витте многократно становились предметом изучения, проблематика восприятия отдельных политических практик рубежа XIX–XX вв., в частности золотовалютной реформы, и ее мемуарной рефлексии в качестве самостоятельного исследовательского вопроса ранее не рассматривалась.

В качестве методологического основания настоящей работы выступают теория перформативного поворота и исследовательские подходы новой политической истории. Первая позволяет использовать политические ритуалы в качестве аналитических категорий; в оптике перформативного поворота выявляются социальные процессы, а затем происходит подробный анализ их составных частей [4, с. 29]. Исследовательский фокус ученого, использующего подходы новой политической истории, сосредоточен на алгоритмах политического поведения [5, с. 10–12].

Алгоритмы политического поведения возможно выявить при детальном рассмотрении процессов функционирования институтов власти и процессов воплощения тех или иных политических решений позднеимперской России. Деятельность С.Ю. Витте, безусловно яркого и влиятельного чиновника, рассматривается в контексте функционирования существовавших на тот момент политических институтов.

¹ Перевод с английского в цитате наш. – *К.Ш., И.В.*

Государственный совет занимал одну из наиболее влиятельных позиций в позднеимперском политическом ландшафте. Анализируя роль Государственного совета среди иных политических институтов, историк К.А. Соловьев сделал вывод о его особом месте в ряду прочих высших учреждений: он был особо значимым компонентом политической системы Российской империи, поскольку именно там происходили дискуссии о принятии ключевых законопроектов. Главенствующая роль данного института в политической системе империи признавалась монархом [5, с. 138]. Важнейшей особенностью российского политического процесса было недостаточное количество правовых норм, в которых был бы закреплён весь функционал государственных институтов, что привело к широкому распространению полуинституциональных практик принятия управленческих решений [6, с. 6].

В случае если по какой-либо причине не получалось принять законопроект через Государственный совет, опытными политическими деятелями практиковались полуинституциональные практики – различные «лазейки» и «обходные маневры». Исследователи выделяли в качестве наиболее привычных алгоритмов политического поведения сановников проведение законопроекта путем всеподданнейшего доклада через Комитет министров [6, с. 162], а также возврат законопроекта разработавшему его ведомству [5, с. 142].

«Воспоминания» С.Ю. Витте являются довольно ценным источником, в котором нашло отражение описание политических практик позднеимперской России. Автор подробно характеризовал свидетельства «обходных маневров» при принятии законов. Например, если было заведомо известно, что в случае обсуждения какого-либо законопроекта большинство членов Государственного совета могут высказаться «против» или «наговорить много неприятных истин», то такой законопроект не вносился в Государственный совет, а проводился через Комитет министров (Витте2, с. 76–77). С.Ю. Витте и сам неоднократно успешно применял подобные «обходные маневры».

Ярким свидетельством парадоксальности политических практик является эпизод с постройкой железнодорожного пути, соединяющего Европейскую Россию и Владивосток. Согласно мемуарам С.Ю. Витте, Александр III мечтал о строительстве железной дороги, но его мечта долгие годы была неосуществима из-за «затруднений» со стороны министров – членов Комитета министров и Государственного совета. После назначения С.Ю. Витте сначала министром путей сообщения, затем министром финансов были предприняты решительные шаги по быстрому осуществлению плана монарха. По инициативе С.Ю. Витте был создан Особый комитет Сибирской железной дороги (его председателем был будущий император Николай II), в полномочия которого входили вопросы, касающиеся постройки и законодательства Сибирской железной дороги, то есть это были значительные властные полномочия, позволявшие избегать «проволочек по различным сношениям с министрами» и «различных затруднений» в Комитете министров и Государственном совете (Витте1, с. 241–242).

Наиболее известным мероприятием С.Ю. Витте как министра финансов была золотовалютная реформа. На страницах своих мемуаров он неоднократно подчеркивает, что золотовалютная реформа – предмет его особой гордости. По мнению автора «Воспоминаний», именно на денежной реформе «зидется и основывается настоящее финансовое благосостояние России» (Витте1, с. 369).

Золотовалютная реформа была, безусловно, одним из наиболее масштабных преобразований конца XIX в. Даже давние недоброжелатели Сергея Юльевича были вынуждены признавать введение золотовалютного обращения заслугой министра финансов. Например, Великий князь Александр Михайлович, у которого с С.Ю. Витте были очень непростые отношения, в своих воспоминаниях называл введение золотой валюты крупнейшей заслугой последнего (Ал.Мих., с. 147).

При проведении денежной реформы С.Ю. Витте столкнулся с многочисленными затруднениями: начиная с противодействия введению золотого рубля в Государственном совете и заканчивая ожесточенной критикой в публичном политическом пространстве. Публицист И.В. Гессен писал о том, что С.Ю. Витте, любивший «уличать своих коллег, в особенности своего злокозненного врага Плеве, в беззакониях и произволе», искренне забывал, что «историческую реформу восстановления золотого денежного обращения сам провел с нарушением законного порядка, помимо Государственного совета» (Гессен, с. 178).

На страницах «Воспоминаний» государственный деятель представил собственную версию событий, предшествовавших проведению денежной реформы: министр финансов неожиданно для себя столкнулся с оппозицией со стороны Государственного совета – бюрократы стремились «провалить» законопроект золотовалютной реформы (Витте1, с. 467). У С.Ю. Витте имелась собственная версия причин «саботажа»: по его мнению, подавляющее большинство чиновников (за исключением двоих) не были компетентны в финансовых вопросах. Двое же членов Государственного совета (Б.П. Мансуров и В.В. Верховский), которые были компетентны и «имели репутацию людей, знающих дело», являлись противниками С.Ю. Витте (Витте1, с. 467).

В конечном итоге мероприятия по проведению денежной реформы были осуществлены при помощи «полуинституциональной практики» – в обход Государственного совета, через Финансовый комитет. Комитет был создан с санкции Николая II и имел в своих руках реальные инструменты власти, что позволило претворить в жизнь мероприятия золотовалютной реформы. Поскольку С.Ю. Витте напрямую влиял на назначение членов Финансового комитета, его члены были солидарны с экономической политикой министра финансов (Витте1, с. 467–468).

Хотя в конце XIX в. политическая система Российской империи включала в себя несколько влиятельных властных институтов, Россия продолжала оставаться самодержавным государством. Следовательно, несмотря на сложность политической системы позднеимперского периода, ее центральной фигурой оставался монарх. Император Николай II сыграл ключевую роль в претворении золотовалютной реформы в жизнь. С.Ю. Витте неоднократно подчеркивал это в своих мемуарах. «Россия металлическим золотым обращением обязана исключительно императору Николаю II», – отмечал Сергей Юльевич (Витте1, с. 464). По мнению автора «Воспоминаний», эта «величайшая» реформа будет служить «украшением царствования императора Николая II» (Витте1, с. 464).

С.Ю. Витте неоднократно акцентировал внимание на тех затруднениях, которые сопровождали процесс реализации реформы, особенно беспокоила сановника непопулярность данного мероприятия в обществе. По его мнению, противником введения золотовалютного обращения была «почти вся мыслящая Россия». «Мне приходилось идти против общего течения в России, как бы желавшего не нарушать то положение, которое существовало», – резюмировал тво-

рец золотовалютной реформы (Витте1, с. 465). Наиболее известными противниками введения золотого денежного обращения в публичном пространстве были И.Ф. Цион и С.Ф. Шарапов.

И.Ф. Цион в 1887–1888 гг. был чиновником особых поручений Министерства финансов, из которого после заключения во Франции первого конверсионного займа был уволен. После увольнения со службы жил в Париже и занимался публицистической деятельностью, которая сводилась к критике финансовой политики министров И.А. Вышнеградского и С.Ю. Витте. Публицистическая деятельность бывшего чиновника особых поручений Министерства финансов (то есть человека, хорошо осведомленного о делах российского финансового ведомства) не могла не вызывать обеспокоенность С.Ю. Витте (Витте1, с. 996), которую он выражал, к примеру, в личной переписке 1895 г. с обер-прокурором Синода К.П. Победоносцевым, характеризуя нападки И.Ф. Циона на деятельность финансового ведомства как ложь и клевету (К.А.1, с. 91).

В середине 90-х годов XIX в. С.Ю. Витте находился на вершине своего политического могущества и мог решать вопросы «традиционным» методом политической борьбы – при помощи политической силы. Министр финансов инициировал созыв совещания, на котором происходило обсуждение «преступной деятельности», осуществлявшейся бывшим чиновником Министерства финансов. Совещание приняло решение запретить И.Ф. Циону дальнейшее пребывание в Париже и потребовало его возвращения в Россию и привлечения к уголовной ответственности. Однако он отказался возвращаться в Россию и в 1895 г. был лишен российского подданства, всех прав и пенсий, полученных им на русской государственной службе (Витте1, с. 996–997).

Еще одним известным публицистом, выступавшим с критикой финансовой политики С.Ю. Витте, был С.Ф. Шарапов. Особенно острой была его критика золотовалютной реформы. На страницах своей брошюры «Бумажный рубль (его теория и практика)», изданной в 1895 г., С.Ф. Шарапов пытался доказать тезис об ошибочности введения золотовалютного стандарта. По мнению публициста, в основе финансовой системы России должен быть бумажный рубль, который не будет обеспечен золотом и никакими другими активами (Шар.). Poleмика между публицистом и министром финансов продолжалась не только в пространстве публичной дискуссии, но и в личной переписке. В одном из писем к министру 1902 г. публицист называл золотовалютную реформу «исторической ошибкой» (РГИА, л. 15).

В случае с С.Ф. Шараповым С.Ю. Витте, чтобы обеспечить лояльность публициста, использовал метод «подкупа» – это было широко известно современникам. Близкий к министру финансов журналист И.И. Кольшко отмечал, что С.Ю. Витте «недорого купил» С.Ф. Шарапова (Кол., с. 111). Чиновник выделил публицисту денежную субсидию для принадлежавшей последнему мастерской по производству плугов, после чего критика прекратилась. Об этом свидетельствовали в своих воспоминаниях В.И. Гурко (Гур., с. 64) и А.Е. Кауфман (Кауф., с. 226). На страницах мемуаров отсутствуют упоминания о полемике с С.Ф. Шараповым по поводу денежной реформы и о «подкупе» литератора. В «Воспоминаниях» С.Ф. Шарапов удостоился лишь очень краткой, но емкой характеристики: «человек большого публицистического таланта, но очень слабой нравственности» (Витте1, с. 429).

Мероприятия по введению золотого денежного обращения широко обсуждались на страницах периодической печати. Для С.Ю. Витте была особенно важна поддержка денежной реформы умеренно-консервативной петербургской газетой «Новое время», издаваемой А.С. Сувориным. По мнению близкого к С.Ю. Витте журналиста А.Е. Кауфмана, несмотря на то что Сергей Юльевич был «в большой дружбе» с А.С. Сувориным, их отношения не всегда были одинаковыми (Кауф., с. 225). В газете «Новое время» еще в марте 1894 г. (реформа же была проведена в 1896–1897 гг.) высказывалась точка зрения о том, что «настоящее время является исключительно благоприятным для устройства и упорядочения системы денежного обращения» (Н.в.2).

После выхода указа от 3 января 1897 г. «О чеканке и выпуске в обращение золотых монет» в статье, посвященной денежной реформе, было отмечено, что данный документ является «актом огромной государственной важности» (Н.в.3). Успешная реализация денежной реформы ставилась в заслугу министерству финансов: «...рядом последовательных мер наше финансовое управление, как известно, умело создать устойчивость курса кредитного рубля» (Н.в.3).

Анализируя консервативную прессу конца XIX в., нельзя не упомянуть о В.П. Мещерском и его газете «Гражданин». Князь В.П. Мещерский был влиятельным деятелем, находившимся в довольно близких отношениях с императорами Александром III и Николаем II. О влиянии на них князя В.П. Мещерского писал близкий к нему публицист И.И. Колышко: «Этот “шептун” двух царствований прошел через историю царизма метеором, силу и значение коего еще не оценили» (Кол., с. 41).

Взаимоотношения между С.Ю. Витте и князем были достаточно противоречивыми. Согласно воспоминаниям В.П. Мещерского, их знакомство состоялось, когда С.Ю. Витте жил в Киеве и занимал должность начальника юго-западных железных дорог (Мещ., с. 643). В мемуарах С.Ю. Витте подобных сведений нет: мемуарист не акцентировал внимание на своих связях с правым публицистом и отмечал, что известность В.П. Мещерского и его издания «более печальна, нежели почтенна» (Витте1, с. 260).

Согласно мнению одного из ближайших подчиненных С.Ю. Витте по Министерству финансов В.И. Ковалевского, будущий министр сблизился с В.П. Мещерским вскоре после своего переезда в Петербург (Ков., с. 57). Близкий к С.Ю. Витте журналист А.Е. Кауфман отмечал, что тот был с князем В.П. Мещерским «в большой дружбе» (Кауф., с. 225). Будучи министром финансов, С.Ю. Витте ежегодно передавал В.П. Мещерскому 80 тыс. казенных денег на его периодическое издание «Гражданин» (Витте1, с. 262–265), которое поддерживало экономический курс С.Ю. Витте, в частности денежную реформу. На страницах «Гражданина» можно встретить иронично-саркастические выпады в сторону одного из главных критиков денежной реформы – С.Ф. Шарапова. В одном из номеров издания было опубликовано открытое письмо, подписанное псевдонимом «Скептик», к издателю В.П. Мещерскому, в котором присутствовал намек на «продажность» С.Ф. Шарапова: «Можно подумать, что у него поперек горла по меньшей мере пара золотых встала. И крупных» (Гражд.). На страницах мемуаров В.П. Мещерский характеризовал деятельность С.Ю. Витте на посту министра финансов как «слишком известную по своим громадным делам и блестящим результатам» (Мещ., с. 646).

Еще одним важнейшим консервативным изданием были «Московские ведомости». Поскольку С.Ю. Витте был хорошо знаком с издателями газеты и даже сам печатался в ней, его назначение в Министерство финансов было оценено исключительно положительно [7]. Издатели стремились «вселить» в читателей доверие к С.Ю. Витте: чиновник был представлен как «истинно русский человек, непоколебимо верящий в национальное могущество России», газета отмечала «безыскусственную прямоту» и «искренность во всех словах и делах» нового министра финансов (М.в.1). На страницах «Московских ведомостей» С.Ю. Витте встречал поддержку золотовалютной реформы: «...правительство приступило к упорядочению денежного обращения в России» (М.в.2). Вопрос о восстановлении металлического денежного обращения газета характеризовала как вопрос «первостепенной важности» и на своих страницах выражала «полное сочувствие “энергической” деятельности нашего финансового управления, направленной к упорядочению и упрочению денежного обращения» (М.в.3). «Московские ведомости» также критиковали нападки на денежную реформу со стороны С.Ф. Шарапова, характеризуя его как «своеобразного финансиста», который не признает ни науки, ни фактов, а только преклоняется перед своей теорией (М.в.3).

Помимо консервативной печати С.Ю. Витте был заинтересован в поддержке своего курса на страницах либеральной периодики. Среди либеральных изданий наибольшей популярностью пользовались столичные «Биржевые ведомости». По свидетельству одного из старейших сотрудников газеты, И.И. Ясинского, именно по инициативе С.Ю. Витте «Биржевые ведомости» стали «выходить вторым изданием» (то есть как дополнение к основному), рассчитанным на массовую аудиторию. Министр финансов преследовал сугубо прагматическую цель – давать на страницах газеты комплементарные оценки мероприятиям Министерства финансов и пропагандировать собственные экономические воззрения (Яс., с. 278). С издателем «Биржевых ведомостей» С.М. Проппером С.Ю. Витте сблизился вскоре после переезда в Петербург. Министр финансов оказывал протекцию журналисту, а «Биржевые ведомости» положительно оценивали экономическую политику С.Ю. Витте в целом и золотовалютную реформу в частности. На момент написания мемуаров отношения между С.Ю. Витте и С.М. Проппером испортились. На страницах «Воспоминаний» министр писал о главном редакторе «Биржевых ведомостей» и оказываемой ему протекции так: «...вечно шлялся по моим передним, когда я был министром финансов, выпрашивал казенные объявления, различные льготы» (Витте2, с. 251). «Биржевые ведомости» еще накануне проведения реформы отстаивали позицию министра финансов С.Ю. Витте. В 1895 г. будущую денежную реформу характеризовали как «выдающуюся финансовую меру, составляющую первый шаг к водворению в России отсутствовавшего в течение почти 40 лет металлического обращения» (Б.в.1). Золотовалютную реформу называли «актом огромной государственной важности» и подчеркивали роль министра финансов в проведении этого масштабного преобразования (Б.в.2).

На момент проведения денежной реформы С.Ю. Витте был достаточно влиятельным и опытным политическим деятелем. Это отмечали его современники; например, В.И. Гурко писал следующее: «То было время (1896 г.), когда Витте был в апогее своей власти и не стеснялся осуществлять задуманные им меры вопреки всем и вся с нарушением нормального порядка, путем использования неограниченной власти самодержца. Способ этот для самого Витте был отнюдь

не безопасный, так как не только возлагал всю ответственность за принятые решения на него одного, но и возбуждал против него весьма влиятельные круги. Надо отдать справедливость Витте, перед этой опасностью он не останавливался, рискуя тем самым подорвать и даже утратить свое положение. Но в то время власть для Витте была не целью, а лишь способом осуществления своих творческих замыслов, полем для приложения своих недюжинных сил» (Гур., с. 85–86).

В публичном политическом пространстве за С.Ю. Витте прочно закрепилась репутация политика-хамелеона, быстро приспосабливавшегося к менявшимся обстоятельствам и конъюнктурам. Об этом свидетельствовали многие, начиная от императора Николая II, называвшего С.Ю. Витте в письме императрице-матери «хамелеоном» (К.А.2, с. 187), и заканчивая одним из наиболее близких к нему чиновников – В.И. Ковалевским, который отмечал, что министр финансов «в моральном отношении не отличался ни твердостью, ни устойчивостью» (Ков., с. 62).

Необходимо подчеркнуть, что в процессе претворения в жизнь денежной реформы С.Ю. Витте коренным образом поменял свои убеждения: в процессе погружения в сферу финансов и по мере увеличения теоретических знаний Сергей Юльевич постепенно осознал, что его прежние взгляды становятся неактуальными. Историки Б.В. Ананьич и Р.Ш. Ганелин пришли к выводу о трансформации взглядов С.Ю. Витте в процессе реализации денежной реформы: если в самом начале карьеры министра финансов он ратовал за бумажноденежное обращение, то к 1894 г. «он был безоговорочным сторонником введения золотого денежного обращения» [8, с. 70].

Поскольку С.Ю. Витте всеми способами пытался «обелить» репутацию «хамелеона», в мемуарах он старался не акцентировать внимание на примерах изменения своих убеждений. О собственной приверженности идеям бумажного рубля на страницах «Воспоминаний» он писал так: «Когда я сделался министром финансов, не было сомнения в том, что денежное обращение, основанное на металле, есть благо; но так как я ранее этим вопросом глубоко не занимался, то поэтому у меня являлись не то чтобы некоторые колебания, а непоследовательные шаги, и в этом нет ничего удивительного!» (Витте1, с. 369). Проведение золотовалютной реформы на основании девальвации С.Ю. Витте объяснял в мемуарах тем, что это был единственный способ реализовать денежную реформу так, чтобы «не производить общей пертурбации в России», то есть «так, что населению России совсем и не заметило ее, как будто бы, ничего, собственно, не изменилось» (Витте1, с. 468).

Рефлексируя по поводу своего опыта проведения денежной реформы, а также последующих преобразований в различных сферах общественной жизни, С.Ю. Витте настаивал на том, что проводить реформы в России необходимо «быстро и спешно, иначе они большей частью не удаются и затормаживаются» (Витте1, с. 465).

Анализируя мероприятия, связанные с претворением в жизнь золотовалютной реформы, можно сделать несколько выводов о парадоксальности политических практик в России и пояснить, в чем именно она проявлялась и чем была обусловлена. В первые годы царствования Николая II (то есть в середине 90-х годов XIX в.) С.Ю. Витте – опытный бюрократ – безусловно, находился на пике своего политического могущества и влияния, пользуясь огромным доверием молодого императора.

Несмотря на упомянутое доверие в финансовых вопросах, а также тот факт, что император Николай II являлся сторонником введения золотовалютного обращения, С.Ю. Витте был вынужден «бороться» за осуществление денежной реформы. Борьба велась как в сугубо бюрократической плоскости, так и в пространстве общественного мнения. После того как влиятельный и опытный государственный деятель неожиданно для себя столкнулся с сопротивлением в Государственном совете, он вынужден был обратиться к привычному алгоритму политического поведения – «обходному маневру» – и провести данную реформу в «обход» Государственного совета, через специально учрежденный Финансовый комитет.

Будучи политиком, осознававшим большую степень влияния общественно-го мнения на политический процесс и всеми силами стремившимся отстаивать популярность собственных преобразований в обществе, С.Ю. Витте «боролся» за правильную, с его точки зрения, трактовку своей финансовой политики на страницах повременной печати. Для чиновника было чрезвычайно важно создать в прессе позитивный образ проводимых финансовым ведомством мероприятий, главным из которых была золотовалютная реформа. Министр финансов стремился применить все возможные методы политической борьбы, чтобы пресечь попытки обсуждения денежной реформы в невыгодном для себя свете, а если пресечь их не удавалось, то старался оперативно опровергнуть неблагоприятные мнения.

Уже после отставки со всех государственных постов, утратив прежнее влияние на политическую жизнь России, бывший министр финансов продолжал отстаивать правильность и безальтернативность проводимых им мероприятий в финансовой сфере, но уже делал это в своих «Воспоминаниях». Немало внимания отставной бюрократ уделял золотовалютной реформе, поскольку именно денежная реформа, реализованная в том формате, в каком она была осуществлена, по мнению ее творца, спасла и укрепила русские финансы и не дала свершиться финансовой катастрофе во время проигранной русско-японской войны.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- Витте1 – *Vitte С.Ю.* Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Рассказы в стенографической записи. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 1052 с.
- Витте2 – *Vitte С.Ю.* Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. Рукописные заметки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 647 с.
- РГИА – Письмо (копия) Шарапова С.Ф. министру финансов Витте С.Ю. о неблагоприятных последствиях введения в России золотой валюты // РГИА. Ф. 919. Оп. 2. Д. 3993. 18 л.
- РГАЛИ1 – Письмо Витте Сергея Юльевича А.С. Суворину // РГАЛИ. Ф. 459. Оп. 1. Д. 719. 173 л.
- РГАЛИ2 – Письма Витте С.Ю., Салиаса Гр., Соловьева М., Победоносцева К.П., Феоктистова Е.М., Завалишина Д., Кочетова Е. и др. к Петровскому Сергею Александровичу // РГАЛИ. Ф. 1303. Оп. 1. Д. 447. 264 л.
- Б.в.1 – Биржевые ведомости. 1895. 7 апр.
- Б.в.2 – Биржевые ведомости. 1897. 5 янв.

- Гражд. – Гражданин. 1899. 24 янв.
- М.в.1 – Московские ведомости. 1892. 3 сент.
- М.в.2 – Московские ведомости. 1896. 17 мар.
- М.в.3 – Московские ведомости. 1896. 4 апр.
- Н.в.1 – Новое время. 1910. 18 окт.
- Н.в.2 – Новое время. 1894. 25 мар.
- Н.в.3 – Новое время. 1897. 5 янв.
- К.А.1 – Переписка Витте и Победоносцева (1895–1905 гг.) // Красный архив. 1928. Т. 5 (30). С. 89–116.
- К.А.2 – Переписка Николая II и Марии Федоровны (1905–1906 гг.) // Красный архив. 1927. Т. 3 (22). С. 153–209.
- Ал.Мих. – Великий князь *Александр Михайлович*. Книга воспоминаний. М.: Современник, 1991. 270 с.
- Гессен – *Гессен И.В.* В двух веках. Жизненный опыт российского государственного и политического деятеля, члена Второй государственной думы. М.: Центрполиграф, 2022. 415 с.
- Гур. – *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М.: Новое лит. обозрение, 2000. 808 с.
- Кауф. – *Кауфман А.Е.* Черты из жизни гр<афа> С.Ю. Витте // Историч. вестн. 1915. № 4. С. 220–231.
- Ков. – *Ковалевский В.И.* Из воспоминаний о графе Сергее Юльевиче Витте // Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 2. Л.: Светлен, 1991. С. 56–84.
- Кол. – *Кольшико И.И.* Великий распад: воспоминания. СПб.: Нестор-История, 2009. 462 с.
- Мещ. – *Мещерский В.П.* Воспоминания. М.: Захаров, 2001. 687 с.
- Шар. – *Шарапов С.Ф.* Бумажный рубль (его теория и практика). – СПб.: Тип. Высочайше утвержденного Товарищества «Общественная Польза», 1895. [4], VIII, 156 с.
- Яс. – *Ясинский И.И.* Роман моей жизни. Книга воспоминаний. М.; Л.: Гос. изд-во, 1926. 360 с.

Литература

1. *Сагинадзе Э.О.* Реформатор после реформ: С.Ю. Витте и российское общество. 1906–1915 годы. М.: Новое Лит. обозрение, 2017. 279 с.
2. *Weislo F.W.* Tales of Imperial Russia: The Life and Times of Sergei Witte, 1849–1915. Oxford, New York, NY: Oxford Univ. Press, 2011. xiv, 314 p. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199543564.001.0001>.
3. *Полунов А.Ю.* «Русский Торквемада» и «человек из кусочков»: к истории взаимоотношений К.П. Победоносцева и С.Ю. Витте // Проблемы реформирования России на рубеже XIX–XX вв.: к столетию со дня смерти С.Ю. Витте: сб. стат. / Под ред. Э.О. Сагинадзе. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2018. С. 42–55.
4. *Бахманн-Медик Д.* Культурные повороты: новые ориентиры в науках о культуре / Пер. с нем. С. Ташкенова. М.: Новое Лит. обозрение, 2017. 502 с.
5. *Соловьев К.А.* Политическая система Российской империи в 1881–1905 гг.: проблема законотворчества. М.: Политич. энциклопедия, 2018. 351 с.
6. *Ремнев А.В.* Самодержавное правительство: Комитет министров в системе высшего управления Российской империи (вторая половина XIX – начало XX в.). М.: РОССПЭН, 2010. 510 с.

7. *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. И. А. Вышнеградский и С. Ю. Витте – корреспонденты «Московских ведомостей» // Проблемы общественной мысли и экономическая политика России XIX–XX веков. Л., 1972. С. 12–34.*
8. *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Сергей Юльевич Витте и его время. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. 430 с.*

Поступила в редакцию 20.03.2024

Принята к публикации 13.05.2024

Шнейдер Константин Ильич, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и археологии

Пермский государственный национальный исследовательский университет

ул. Букирева, д. 15, г. Пермь, 614068, Россия

E-mail: *kshneyder@yahoo.com*

Веревкина Ирина Николаевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и археологии

Пермский государственный национальный исследовательский университет

ул. Букирева, д. 15, г. Пермь, 614068, Россия

E-mail: *arina_verevkina@mail.ru*

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 2, pp. 114–125

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.2.114-125

**Political Practices of Late Imperial Russia:
S.Yu. Witte and His Financial Reform**

K.I. Shneyder, I.N. Verevkina***

Perm State University, Perm, 614068 Russia

E-mail: **kshneyder@yahoo.com, **arina_verevkina@mail.ru*

Received March 20, 2024; Accepted May 13, 2024

Abstract

This article examines S.Yu. Witte's perception of certain political practices in late Imperial Russia, with a special focus on his memoirs. The financial reform introduced by him and the "struggle" for its implementation, both in the bureaucratic field and public political communication, are considered in detail. The primary sources used in the analysis include S.Yu. Witte's "Memoirs," accounts from his contemporaries, periodicals, correspondence, and unpublished materials stored in the archives of Moscow and St. Petersburg. The results obtained reveal that the Russian Empire pursued contradictory political practices during the studied period. Key algorithms of the political behavior of public officials and their characteristics in the "Memoirs" as a valuable source are outlined.

Keywords: S.Yu. Witte, Russian Empire, images of power, public policy, S. Witte's financial reform

Conflicts of Interest. The authors declare no conflicts of interest.

References

1. Saginadze E.O. *Reformer posle reform: S.Yu. Vitte i rossiiskoe obshchestvo. 1906–1915 gody* [The Reformer after the Reforms: Sergei Witte and the Russian Society. 1906–1915]. Moscow, Nov. Lit. Obozr., 2017. 279 p. (In Russian)
2. Wcislo F.W. *Tales of Imperial Russia: The Life and Times of Sergei Witte, 1849–1915*. Oxford, New York, NY, Oxford Univ. Press, 2011. xiv, 314 p. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199543564.001.0001>.
3. Polunov A.Yu. The “Russian Torquemada” and the “man from pieces”: Insights into the history of the contacts between K.P. Pobedonostsev and S.Yu. Witte. In: *Problemy reformirovaniya Rossii na rubezhe XIX–XX vv.: k stoletiyu so dnya smerti S.Yu. Vitte: sb. st.* [Problems during the Russian Reforms at the Turn of the 19th and 20th Centuries: Commemorating the 100th Anniversary of the Death of S.Yu. Witte: A Collection of Articles]. Saginadze E.O. (Ed.). St. Petersburg, Izd. Evr. Univ., 2018, pp. 42–55. (In Russian)
4. Bachmann-Medick D. *Kul'turnye povoroty: novye orientiry v naukakh o kul'ture* [Cultural Turns: New Orientations in the Study of Culture]. Tashkenov S. (Trans.). Moscow, Nov. Lit. Obozr., 2017. 502 p. (In Russian)
5. Solov'ev K.A. *Politicheskaya sistema Rossiiskoi imperii v 1881–1905 gg.: problema zakonotvorchestva* [The Political System of the Russian Empire in 1881–1905: The Problem of Lawmaking]. Moscow, Polit. Entsikl., 2018. 351 p. (In Russian)
6. Remnev A.V. *Samoderzhavnoe pravitel'stvo: Komitet ministrov v sisteme vysshego upravleniya Rossiiskoi imperii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [The Autocratic Government: The Committee of Ministers in the High Office of the Government of the Russian Empire (From the Second Half of the 19th to the Early 20th Century)]. Moscow, ROSSPEN, 2010. 510 p. (In Russian)
7. Anan'ich, B.V., Ganelin R.Sh. I.A. Vyshnegradsky and S.Yu. Witte as the correspondents of the Moskovskiye Vedomosti. In: *Problemy obshchestvennoi mysli i ekonomicheskaya politika Rossii XIX – nach. XX vekov* [Problems of Social Thinking and Economic Policy in Russia between the 19th and the Early 20th Century]. Leningrad, 1972, pp. 12–34. (In Russian)
8. Anan'ich B.V., Ganelin, R.Sh. *Sergei Yul'evich Vitte i ego vremena* [Sergey Yul'evich Witte and His Time]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin, 2000. 430 p. (In Russian)

Для цитирования: Шнейдер К.И., Веревкина И.Н. Политические практики поздней имперской России: С.Ю. Витте и золотовалютная реформа // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 2. С. 114–125. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.2.114-125>.

For citation: Shneyder K.I., Verevkin I.N. Political practices of late Imperial Russia: S.Yu. Witte and his financial reform. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 2, pp. 114–125. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.2.114-125>. (In Russian)

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 94

doi: 10.26907/2541-7738.2024.2.126-137

ПРОБЛЕМА ПИТЕЙНОЙ РЕФОРМЫ ПО МАТЕРИАЛАМ ПУБЛИКАЦИЙ В «ЭКОНОМИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ» ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

М.И. Долакова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье представлен общий обзор реформирования питейного дела в Российской империи во второй половине XIX в. по материалам публикаций в «Экономическом журнале». Особое внимание уделено характеристике сельскохозяйственного винокурения на льготных условиях. Освещены основные темы дискуссии по питейному вопросу на страницах «Экономического журнала». Проведен анализ статистических измерений питейных преобразований и интерпретации А.П. Субботиним эффективности реформы в фискально-бюджетном отношении. Показано противоречивое основание винной монополии – уменьшение «народного пьянства» и поддержание поступлений от продажи «питей» в государственный бюджет. Сделан акцент на опыте государственной политики в области питейного дела в странах Западной Европы и США в XIX в.; показано, что питейные преобразования в Российской империи проводились с учетом зарубежного опыта. Обосновано положение А.П. Субботина о том, что правительство стремилось максимально использовать фискальный потенциал алкоголя. Рассмотрена законодательная база эволюции государственной политики по продаже алкогольных напитков. Сделан вывод о том, что А.П. Субботин одним из первых указал на необходимость учета регионального разнообразия Российской империи при выработке политики в области питейного вопроса.

Ключевые слова: питейное дело, «Экономический журнал», акцизный надзор, откупная система, питейные правила, сельскохозяйственное винокурение, финансовая политика, винная монополия, государственный бюджет, пропинационное право, фискальный потенциал

Вопросы питейной реформы в Российской империи во второй половине XIX в. вследствие их особой актуальности широко освещались на страницах периодических изданий; не остался в стороне и «Экономический журнал», издававшийся под редакцией А.П. Субботина в 1885–1894 гг. Андрей Павлович Субботин был одним из ярких представителей русской экономической мысли; на страницах «Экономического журнала» освещались насущные проблемы страны, в рубрике «Экономическая жизнь других государств» читателей знакомили и с новейшими экономическими тенденциями других стран. А.П. Субботин также являлся основателем «Собрания экономистов» (1891 г.), на заседаниях которого обсуждались вопросы экономического развития Российской империи.

Контент-анализ содержания выпусков «Экономического журнала» за весь период издания позволил выявить проблемы, которые получили наиболее ши-

рокое освещение на его страницах, при этом выяснилось, что одной из самых обсуждаемых была проблема питейной реформы. Само название статьи, опубликованной в № 20 за 1889 г., – «Опять проекты питейной реформы» – говорит об актуальности поднимаемого вопроса: «Едва ли в какой-либо другой области финансового управления было столько ломки, столько экспериментов, большею частью неудачных, как в области питейного дела. Повышение постоянное питейного акциза, [акциз] превысил возможный финансовый предел» [1, с. 65]. Действительно, практически в каждом указателе по Министерству финансов мы можем видеть все новые распоряжения по питейному делу, что подчеркивает актуальность обозначенного аспекта финансовой политики. А.П. Субботин критически оценивает разрозненный характер распоряжений, подчеркивая недостаток целостности и внесение в питейный вопрос все больших противоречий. Отсутствие единого плана, который учитывал бы региональные особенности питейного дела в империи, отражалось на общем его состоянии.

Автор с горечью пишет, что «не были тщательно исследованы все разнообразные условия, какими обставлено питейное дело в различных местностях России, когда подлежащее ведомство было осыпаямо упреками, что не успеет одно узаконение привиться в жизни, не успеют к нему примениться, как издают или новое узаконение взамен его, или какое-либо дополнение, ограничение, изменение и т. п. – отсюда новая ломка. Все эти колебания, опыты, перемены вносили неустойчивость в нашу питейную политику, а это в свою очередь не только не наносило многомиллионный убыток государственному казначейству и народному хозяйству, но и парализовало все дальнейшие улучшения в этой важной отрасли» [1, с. 65]. Неудача экономической политики в области питейного дела, по мнению А.П. Субботина, была связана с тем, что в ее основании лежали противоречивые требования: с одной стороны, нужно было уменьшить «народное пьянство», с другой – не сокращать объем поступлений от продажи «питей» в государственный бюджет. По мнению автора, это были «несоизмеримые стремления». В 1862 г. при введении акцизной системы акциз на производство вина составлял 4 коп. за градус, однако в последующие годы акциз был повышен до 5 коп., потом до 6 коп. и до 9 1/2 коп.; такая политика привела к усилению контрабанды при торговле вином. Повышение акциза преследовало цель сокращения потребления вина, чего достигнуто не было.

Нужно заметить, что подобный путь повышения акцизов на алкоголь в целях ограничения его потребления населением был пройден многими европейскими странами и США. Однако от упомянутых ограничительных мер пришлось отказаться, поскольку они не достигали своей цели. В частности, опыт США – страны, которая пошла на абсолютный запрет алкоголя, – также подтверждал нежизнеспособность данного шаблона питейной реформы. А.П. Субботин полагал, что необходимо рассматривать питейное дело в категориях экономической науки и руководствоваться требованиями соразмерности интересов фиска, народной нравственности и народного хозяйства, что подтверждают и числовые измерения питейной реформы. Замена 4 июня 1861 г. откупной системы акцизом являлась актуальной мерой, так как откупная система способствовала повышению употребления алкоголя, приводила к продаже низкосортного алкоголя, была не очень эффективна в фискально-бюджетном отношении.

После введения акциза на алкоголь производитель по поступлении спирта в продажу должен был уплачивать налог, зависевший от крепости произведенного

алкоголя. Специальный закон от 25 мая 1888 г. установил, что средняя крепость произведенного спирта не могла быть ниже 70 градусов. Размер акциза на алкоголь постепенно возрастал. В 1861 г. он, как уже отмечалось, равнялся 4 коп. за градус, но уже к началу XX в. достиг почти 10 коп. за градус. По этому показателю акцизная система Российской империи занимала второе место в Европе после Великобритании [2, с. 460].

Правительство стремилось максимально использовать фискальный потенциал алкоголя и его обложения и поэтому не ограничивалось одним лишь акцизом на спирт. Для того чтобы начать собственное производство спирта, необходимо было сначала приобрести патент. Он также требовался и для открытия собственной торговли алкогольными напитками, и для производства водки из спирта.

Непосредственно к числу акцизов на алкоголь, установленных законодательством, относились: акциз на водки, получаемые из винограда и фруктов, акциз на пиво и мед и акциз на дрожжи (I, с. 372).

Сборы от «питейных» акцизов постепенно росли. За период с 1866 по 1874 г. они увеличились на 80 млн руб.; за период с 1875 по 1878 г. – на 60 млн руб. [3, с. 27].

Замена откупной системы акцизами может рассматриваться как первый шаг на пути к винной монополии. Этот вопрос не раз дискутировался в правительственных и финансовых кругах. И.А. Вышнеградский, будучи министром финансов, указывал, что размер прибылей, которые получают виноторговцы, исчисляется суммой в 180–200 млн руб. (II). По его мнению, эти средства вполне могли бы пригодиться для преодоления дефицита государственного бюджета. Но решение вопроса о введении винной монополии было сложным делом, для этого требовались наличие определенных серьезных предпосылок и твердость – для преодоления противодействия не заинтересованных в ее введении сторон.

Окончательно решить вопрос о введении винной монополии смог только С.Ю. Витте. Он столкнулся с тем, что далеко не все – в правительстве и Государственном совете – были готовы к подобной постановке вопроса. Мысль о питейной монополии, писал он, «была так необычайна и так нова, что вообще внушала всем седовласым членам Государственного совета некоторый страх» [4, с. 500]. С.Ю. Витте также отмечал, что главной целью введения винной монополии было стремление не пополнить бюджет, а «положить конец неустроенному состоянию питейного вопроса» [4, с. 534]. В итоге винная монополия была установлена в отдельных губерниях с 1 января 1895 г., а с 1897 г. ее ввели на всей территории Российской империи. В результате этой меры, по мнению С.Ю. Витте, «пьянство заметно уменьшилось» (III, л. 200), а доход казны увеличился. Например, в бюджете 1898 г. доход от винной монополии составлял 85.5 млн рублей (III, л. 174). А по подсчетам П. Сабурова, сумма дохода от «питейного вопроса» в 1895 г. по сравнению с 1866 г. увеличилась на 176.7 млн руб., то есть в 2.5 раза [3, с. 29].

Однако самой реформе винной монополии, начатой в 1895 г., предшествовала череда питейных правил, оценку которым и давал А.П. Субботин на страницах «Экономического журнала». Такое бурное обсуждение вопросов питейной реформы в прессе и на заседаниях экономических обществ имело и практические результаты, это была аналитическая работа, предшествовавшая введению винной монополии и прояснявшая некоторые ее аспекты. Например, Питейные правила 1885 г. вызвали неоднозначную оценку, «они внесли много путаницы в сферу народного хозяйства, сократились общественные сборы у крестьянских

обществ, развивалась тайная торговля, остановилось возрастание дохода казны, который в некоторые годы даже дал уменьшение, кое-где возникла монополия торговли и др. последствия, достаточно разработанные в литературе, а также в “Экономическом журнале” за 1886 г., рядом с этим в противоречие с изданными Правилами из заводских подвалов уменьшен выпуск до одного ведра, начались усердные поиски контрабандного спирта в подвалах» [5, с. 37].

Контрольно-надзорные функции в данной ситуации были усилены. А.П. Субботин с горечью отмечает: «...забыли, что упорядочение питейной торговли пойдет рука об руку с цивилизацией народа» [5, с. 42]. По мнению автора, введение перечисленных выше правил показало, что стремление бороться с пьянством одними ограничительными и даже запретительными мерами не только не приводит к желательному результату, но и, наоборот, может быть причиной усиления пьянства, так как, защищая интересы винооторговцев, ограничивая конкуренцию при торговле вином, эти меры привели к усилению эксплуатации населения, а также к тому, что последнее начало изыскивать новые способы удовлетворения потребности в вине, в том числе и незаконные. Министерство финансов не отрицало, что акцизный надзор не в состоянии контролировать это направление питейного дела. Питейные присутствия, введенные Правилами, не обладали достаточными средствами для эффективной надзорной деятельности. Также немаловажным фактором была и неоднородность территорий.

Правительство стремилось поощрять экспорт спирта (это и безакцизное отчисление спирта, возврат акциза), однако данные меры не упорядочили торговый оборот и скоро были отменены. Взамен Министерство финансов планировало даже введение особого порядка выдачи льготных кредитов заводчикам за экспорт спирта. Закон 1885 г. предусматривал должность контролеров, что привело к усилению фактического контроля за питейной торговлей. 25 мая 1888 г. было установлено увеличить допускаемую ст. 259 Устава о питейных сборах льготную сумму акциза, удерживаемую временно заводчиками, также допускалась отсрочка взноса акциза винокуренными заводчиками как под денежные, так и под земельные налоги, то есть им был открыт беспроцентный кредит сроком до четырех месяцев. Главным мотивом данных преобразований было стремление не допустить монополии крупных заводов. Такое обилие нововведений в питейной торговле не вносило стабильности в развитие винооторговли. Во многом это было связано с тем, что доверие к устойчивости правового регулирования всегда зависит от стабильности и долговечности вводимых норм, так как при всем неудобстве закона для частных интересов по истечении времени происходит приспособление к этим нормам, которому предшествует некоторая ротация предпринимательских интересов вследствие их введения.

Закон от 18 мая 1885 г. сделал важный шаг в поддержке малого бизнеса в алкогольной отрасли. Крупные винокуренные заводы вытесняли мелкие и средние, закон предоставил некоторые льготы в отношении безакцизного отчисления перекура мелким и средним хозяйствам. По отношению к сельскохозяйственному винокурению было очевидно, что при действующем в Российской империи высоком акцизе на вино, почти в 10 раз превышающем стоимость самого продукта, условия данного производства существенно отличались от условий иных производств. В январе 1884 г. министр государственных имуществ обратился в Министерство финансов с ходатайством представителей алкогольного бизнеса,

сельскохозяйственных обществ и съездов сельских хозяев о принятии мер по поддержанию сельскохозяйственного винокурения.

А.П. Субботин указывал на необходимость введения в экономический анализ и прогнозирование результатов новаций в питейном деле фактора разнообразия местных условий. С сожалением он констатирует: «Опять, как и прежде, была забыта старая истина, подсказываемая простым здравым смыслом, что сама жизнь, лучше всяких канцелярий и департаментов, распределила все необходимые экономические факторы. Где необходимы мелкие сельскохозяйственные заводы, там они и теперь существуют, как, например, в остзейских и западных губерниях. Где же в удобрении не нуждаются, где лугов и скота мало, там само собой создавались крупные заводы, как, например, в наших степных губерниях» [1, с.76].

С общеэкономической точки зрения наиболее выгодным типом для государства являлись крупные заводы, а мелкое винокурение должно было быть дополнительным элементом, восполняющим фактором для определенных местностей. Если обратиться к финансовым параметрам введения новаций 1885 г., нужно отметить дополнительный ведерный сбор, возлагаемый на потребителей. Установление различных размеров ведечного сбора приводило к тому, что торговля перемещалась из одних местностей в другие. В целом можно указать, что принятию правил 1885 г. предшествовала большая работа местных обществ. Для коллективного и обстоятельного обсуждения вводимых правил в 1882 г. в Санкт-Петербурге было созвано особое земское совещание. Затем итоги его работы передали на обсуждение местных и губернских комиссий. В результате всей этой сложной деятельности были получены аналитические материалы, на основании которых Министерство финансов выработало новые правила.

Особый аспект питейной реформы, как было отмечено, это сельскохозяйственное винокурение на особых льготных основаниях. И если Правила 1885 г. должны были способствовать подъему материального достатка и нравственности народа, то в рамках реформирования сельскохозяйственного винокурения речь шла об установлении определенного положения отдельной группы населения – довольно малочисленной категории сельских хозяев, преимущественно бывших помещиков. Сущность мероприятий в отношении сельскохозяйственного винокурения заключалась в разрешении владельцам подобных предприятий выкуривать вино без нормы, перекур заменялся уменьшением акциза, а также сельским хозяевам разрешалось употребление для винокурения любых продуктов, в том числе продуктов более низкого качества.

Важным аргументом в пользу необходимости преобразования винокурения, по мнению А.П. Субботина, являлись и повсеместные злоупотребления полномочиями на территории империи. Управляющие акцизными сборами из губерний доносили, что оптовые складчики в большинстве сельских местностей захватили в свои руки всю винную торговлю и, притесняя самих винокуренных заводчиков, в то же время использовали противозаконные способы продажи вина, отпускали вино в кредит и пр. Именно оптовые складчики и несколько крупных винокуренных заводчиков являлись монополистами по продаже питей. Часто складчики привозили вино из отдаленных местностей, где оно по причине низкой стоимости сырья обходилось дешевле, на мелкий винокуренный завод, создавая таким образом неблагоприятную конкуренцию и лишая местного завод-

чика сбыта, что приводило к закрытию мелких винокуренных заводов. Эти нарушения стали предметом заботы Министерства финансов, которое стремилось разработать меры для предотвращения подобных противоправных действий. В частности, было предложено установить для малых сельскохозяйственных заводов, независимо от перекура, безакцизное отчисление спирта со всего выкуриваемого количества с постепенным сокращением отчисления по мере увеличения производства. В современный период подобную практику именуют поддержкой малого бизнеса. При этом деление заводов на мелкие, средние и крупные должно было пересматриваться каждые пять лет с учетом произошедших в объеме производства изменений. Крупные винокуренные заводы облагались дополнительным поведерным сбором. Открытие новых оптовых складов вина и спирта, а также ведерных лавок на расстоянии ближе 25 км от винокуренного завода или от города запрещалось. Исключение из этого правила могло делаться только по личному разрешению министра финансов.

Член Общества финансовых реформ В.Н. Твердохлебов в докладе «Борьба с пьянством и реформа нашей податной системы» рассматривает проблему питейной реформы в общем контексте налогообложения, оптимизация которой являлась одним из наиболее острых вопросов финансовой политики Российской империи второй половины XIX в. Проблема организации питейного дела вследствие особой ее важности для государственного бюджета занимала всех министров финансов Российской империи на протяжении XIX в., но реформирование этой сферы являлось одним из составных элементов общей финансовой системы и не могло быть осуществлено в отрыве от общей модернизации финансовой политики. Е.Ф. Канкрин, будучи министром финансов, считал, что питейные откупа не могут быть прерогативой вице-губернаторов (подобная практика существовала в Российской империи до введения Е.Ф. Канкриным конкурентной основы в 1824 г.). Названная мера была важным элементом борьбы с коррупцией местной власти, поскольку наличие права на распределение заказов на заготовку вина создавало живительную почву для коррупции и несправедливого распределения поставок. По нововведенной же системе поставки уже распределялись между всеми желающими и цена практически назначалась министром финансов. Питейный доход составлял важную часть государственных доходов, и в 1827 г. министр финансов был вынужден прибегнуть снова к системе винных откупов, несмотря на многочисленные дискуссии по данному вопросу; Е.Ф. Канкрин полагал, что польза для государства превышает причиняемый населению вред.

Во второй половине XIX в. в Российской империи происходит становление законодательной базы виноделия. В 1867 г. в Своде законов появляется специальная статья, регулирующая правила виноделия и виноторговли. Согласно законодательству, нарушение правил виноделия влекло за собой уголовную ответственность. Указанная тенденция отражала общую европейскую практику регулирования питейного дела во второй половине XIX в., законы о вине издали в обозначенный период в ряде европейских стран – Испании, Германии, Швейцарии и других. В 1913 г. был принят закон «О виноградном вине России», он стал важным шагом по установлению технологических параметров натуральности вина и в определенной степени может рассматриваться как законодательный акт, определяющий способы защиты потребителей вина. Закон определял перечень веществ, которые могут быть добавлены в вино без утраты им своей

натуральности. Отдельной статьей устанавливался запрет на добавление в вино веществ, вредных для здоровья. Заметим, что еще Екатерина II предполагала в качестве обязательных элементов для городского пространства питейные дома и склады для хранения казенного вина. Формирование городской инфраструктуры на местах предполагало сооружение подобных заведений. Винные магазины планировалось открывать во всех городах – уездных центрах, и вопрос этот контролировался центральными властями. Генерал-губернаторы должны были отчитываться о ходе строительства винных складов и магазинов.

Дискуссия о регулирующей роли налогообложения и введении подоходного обложения не утихала в правительственных кругах и во второй половине XIX в. в период комплексного реформирования финансовой системы. Перестройка налогообложения на подоходных началах могла осуществляться в России только путем постепенных и частичных преобразований системы прямых податей. Уклон в сторону подоходного налогообложения при Н.Х. Бунге был вызван не стремлением повысить социальную роль налогов, а фискальными интересами государства, так как данный министр финансов полагал, что прямое налогообложение более выгодно для казны, поскольку оно легче администрируется.

Хотя Н.Х. Бунге и был решительным сторонником введения подоходного налога, но, приняв на себя ответственность за состояние финансов Российской империи, он отверг проект введения подоходного налога, опасаясь, «что этот налог может оказаться более стеснительным и неравномерным и менее доходным, нежели налоги, основанные на исчислениях менее сложных и легче проверяемых» [6, с. 151]. Важную роль в повышении государственных доходов данный министр финансов отводил и косвенным налогам. Так, В.Л. Степанов в монографии «Н.Х. Бунге: судьба реформатора» отмечает, что этот государственный деятель положил начало модернизации налоговой системы, при этом меры косвенного обложения диктовались фискальными требованиями, вынуждая министра действовать «вопреки собственным убеждениям» [6, с. 152]. При С.Ю. Витте косвенные налоги стали играть главную роль в структуре налогообложения, так как, по мнению последнего, легче администрировать было именно косвенные налоги. В.Н. Твердохлебов отмечает важность фиксации питейного дохода, рассматривая последнюю в качестве удачного первого акта по реформированию питейного дела [7]. Таким образом, на проект питейной реформы проецировались две актуальные задачи: одна – это борьба с народным пьянством, а другая (тесно связанная с первой) – перестройка механизма бюджетирования в плане усиления прямых налогов и ослабления косвенного налогообложения, так как последнее было построено главным образом на питейном доходе. Повышение цен на алкоголь в известной степени могло облегчить проблему пьянства, но проблему перестройки системы налогообложения, ухода от «пьяного» бюджета такая мера решить не могла.

По мнению В.Н. Твердохлебова, доходы от питейного дела можно было заменить в бюджете более прогрессивным подоходным налогом и реформой налога на наследство [7]. Проблема питейной реформы имела и институциональное выражение, необходимо было реорганизовать систему администрирования питейного дела не только в центре империи, но и в губерниях. В связи с питейной реформой был создан институт акцизных контролеров. Так, в инструкции акцизным контролерам Казанской губернии указывается, что контролеры

учреждены для непосредственного надзора за винокуренными, дрожжевыми и нефтеперегонными заводами, табачными и спичечными фабриками и складами осветительных нефтяных масел, принятыми под охрану акцизного надзора, а в случае надобности и для наблюдения за питейной и табачной торговлей, за пиво- и медоварением, водочным производством и за всеми другими отраслями акцизного дела. Существовали особые обязанности контролеров по наблюдению за винокуренными заводами: первой и самой главной был надзор за тем, чтобы все выкуриваемое на заводе вино проходило через контрольный снаряд и учитывалось им, поэтому контролеры обязаны были изучать винокурение и устройство перегонных аппаратов, а также наблюдать за всеми отдельными операциями производства. Кроме надзора за правильностью винокурения, в круг обязанностей контролеров, как гласит инструкция, входило наблюдение за подвалами винокуренных заводов, чтобы не было незаконного задержания акциза и чтобы соблюдался установленный правилами Устава о питейных сборах порядок хранения, очистки и выпуска в продажу вина и спирта (IV, с. 14).

Еще одним архивным свидетельством актуальности теоретических положений «Экономического журнала» служит разъяснение Министерства финансов по поводу возникшего в 1907 г. на съезде податных инспекторов вопроса о том, могут ли применительно к обложению промысловым налогом считаться однородными предприятиями пивные лавки без продажи горячей пищи и с продажей таковой. «Вследствие сего Департамент Окладных Сборов дает знать Казенной Палате для руководства, что, хотя и пивные лавки, в коих производится продажа только холодных закусок, и не считаются, согласно ст. 56 Положения о трактирных заведениях, заведениями, производящими трактирный промысел (Св. Зак. т. XII, ч. 2, изд. 1893 г.), однако, в виду незначительной по характеру самого промысла разницы между ними и пивными лавками трактирного промысла, куда отнесены пивные лавки с продажей горячей пищи (ст. 5 означенного Положения), – заведения эти могут быть признаваемы предприятиями однородными и потому к ним, в случаях перехода заведений первой категории во вторую и повышения при этом разряда предприятия, может быть применяема статья 428 Устава прям. нал., изд. 1903 г., об обмене промысловых свидетельств на однородные высшего разряда, с соответствующей доплатою и окладов основного промыслового налога» (V).

Однако главной целью преобразований была не институциональная, а финансовая сторона питейного дела. Резкие и значительные изменения в цене спирта и водки влияли на объем продаж спиртных напитков, и повышение цены могло оказать сдерживающее влияние на потребление спирта хотя бы временно, как отмечал в вышеупомянутом докладе В.Н. Твердохлебов; однако правительству при решении проблемы борьбы с пьянством приходилось считаться с той ролью, которую играл питейный доход в структуре государственного бюджета, что практически нивелировало устремления, направленные на борьбу со злоупотреблением спиртных напитков. Введение винной монополии представляло прежде всего нравственные аспекты питейного дела. Главным аргументом являлось упорядочение потребления алкоголя, что должно было привести к росту культурного потребления вина, однако Государственный Совет при обсуждении проекта винной монополии подчеркивал: нельзя упускать из виду тот факт, что питейный доход имеет большое значение для государственного бюджета, потери в питейном доходе предполагалось уравновесить получением других равнознач-

ных поступлений в казну. Введение винной монополии привело к значительному увеличению прибыли, обусловленному прежде всего экспроприацией в пользу казны прибыли посредников по продаже спиртных напитков. В новом формате питейного дела доходы посредников заменялись фиксированной оплатой услуг продавцов в казенных винных лавках.

Однако обозначенный выше вопрос имел и социальное измерение в связи с тем, что экспроприации подлежало и пропинационное право, которым пользовались разные группы населения и которое являлось правовым феноменом (в переводе с латинского «пить за чье-либо здоровье») и представляло собой исключительное право выделки и продажи крепких напитков на землях того или иного владельца. Для пропинаторов виноторговля являлась источником значительных доходов, что непосредственно касалось ряда сельских обществ. Например, доходы станичных обществ Донского казачьего войска, по данным доклада А.В. Васильева, до введения монополии составляли не менее 1 млн руб., и таким образом эта сумма только незначительно покрывалась уплачиваемыми казной войску 230 тыс. рублей. Каковы были потери всех сельских обществ империи, определить достаточно сложно; Н.О. Осипов, известный российский статистик, определял эту сумму в диапазоне от 5 до 10 млн руб. [8, с. 6].

Таким образом, блестящий финансовый успех винной монополии был основан на целом ряде составляющих элементов. Упорядочение потребления вина не достигло такого замечательного результата, как финансовая сторона реформы. Уровень потребления алкоголя на душу населения с 80-х годов XIX в. до 1903 г. падал, однако с 1903 г. начал подниматься, о чем свидетельствует исследование С.Л. Дмитриева [9, с. 69]. В период с 1905 (когда введение винной монополии уже было завершено) по 1912 г. уровень потребления спиртных напитков возрос на 28 %, средний годовой прирост потребления составлял 4 %. Сам по себе факт возрастания не являлся вызывающим беспокойство явлением, во многих странах Западной Европы душевое потребление алкоголя было значительно выше. Однако рост потребления в Российской империи неравномерно распределялся между разными слоями населения и по дням года. При уменьшении бытового алкоголизма возрастал алкоголизм «психологический» – запои, что приводило к тому, что явление пьянства стало более заметным. А.П. Субботин на страницах «Экономического журнала» поднимал вопросы соотношения фискальных интересов питейной реформы с состоянием «народной нравственности».

Питейный доход увеличивался при всех случаях недостаточности в государственном бюджете, что можно проиллюстрировать с помощью ставшего популярным выражения министра финансов С.Ю. Витте «Мефистофель – соблазнитель». Рост питейного дохода был обусловлен не только повышением цен на спирт, но и общими социальными закономерностями, в частности ростом индустриализации в Российской империи и связанной с этим урбанизацией населения.

30 лет существования винной монополии привели к впечатляющим финансовым результатам. Подобный исторический опыт востребован и сегодня, когда вопрос о замене акцизной системы обложения алкоголя государственной монополией периодически становится предметом внимания общественности. Безусловно, период акцизного обложения в Российской империи имел свои положительные стороны: в частности, можно говорить о техническом и институциональном совершенствовании питейного дела, сам процесс винокурения был

оптимизирован, однако проблема пьянства и максимизации прибыли в государственный бюджет от продажи питей все еще оставались актуальными. Идея государственной монополии на продажу алкоголя была обусловлена и общественным мнением: именно в такой модели устройства питейного дела видели способ снижения «народного пьянства», и этот аспект являлся важным аргументом в пользу введения винной монополии. Сделать потребление алкоголя менее вредным для народа и более доходным для казны являлось идеальной целью всех преобразований в данной сфере.

Таким образом, при введении в 1894 г. казенной монополии необходимость упорядочения потребления вина являлась одним из главных аргументов, однако финансовая сторона реформы была столь же важной, поскольку питейный доход всегда играл важную роль в бюджете страны. Результаты введения казенной винной монополии были благоприятны в финансовом выражении. Вопросы питейной реформы были значимым предметом обсуждения на страницах «Экономического журнала» – эта публицистическая проекция отражала чрезвычайную актуальность реформирования питейного дела. Необходимость преобразования финансовой политики таким образом, чтобы питейный доход не оставался самым простым и легким способом покрытия государственных расходов, являлась лейтмотивом дискуссии на страницах журнала.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- I – Устав о питейном сборе: С изм., последовавшими до 1 янв. 1878 г., а равно циркулярами М-ва фин. и кассац. решениями Правительствующего сената. СПб.: Тип. В.И. Грацианского, 1878. 715 с.
- II – ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 572: Записка тайного советника Вышнеградского И. Александру III о задачах финансовых учреждений в деле устранения дефицита в государственном бюджете и сопроводительное донесение Вышнеградского. 7 л.
- III – ГАРФ. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 154: Государственные росписки доходов и расходов и всеподданнейшие доклады министра финансов о росписях за 1875 г., 1878–1880 гг., 1883–1885 гг., 1889–1898 гг. и 1899 г. Печатные копии. 207 л.
- IV – Инструкция акцизным контролерам Казанской губернии. Казань, ценз. 1893. 33 с.
- V – НА РТ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 21: Собрание копий разъяснений Министерства Финансов и указов Правительствующего Сената за 1909 г. Л. 12.

Литература

1. *Субботин А.П.* Опять проекты питейной реформы // Экономический журнал. 1889. № 20. С. 65–104.
2. *Янжул И.И.* Основные начала финансовой науки. М.: Статут, 2002. 555 с.
3. *Сабуров П.А.* Материалы для истории русских финансов 1866–1897. СПб.: Тип. Гл. упр. уделов, 1899. 68 с.
4. *Витте С.Ю.* Воспоминания, мемуары: в 3 т. М., Минск: АСТ-Харвест. Т. 3. 608 с.
5. *Субботин А.П.* Меры против пьянства // Экономический журнал. 1885. № 2. С. 31–56.
6. *Степанов В.Л. Н.Х.* Бунге: судьба реформатора. М.: РОССПЭН, 1998. 397 с.

7. *Твердохлебов В.Н.* Борьба с пьянством и реформа нашей податной системы // Изв. общества финансовых реформ. 1915. № 10. С. 16–24.
8. *Васильев А.В.* Финансовая сторона вопроса о борьбе с пьянством в прениях Государственного совета // Изв. общества финансовых реформ. 1915. № 10. С. 3–13.
9. *Дмитриев В.Н.* Критические исследования о потреблении алкоголя в России. М.: В.П. Рябушинский, 1911. 283 с.

Поступила в редакцию 20.02.2024

Принята к публикации 19.04.2024

Долакова Макка Исрапиловна, доктор исторических наук, доцент кафедры всемирного культурного наследия

Казанский (Приволжский) федеральный университет

ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия

E-mail: makka7@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 2, pp. 126–137

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.2.126-137

The Alcohol Reform as Described in “*Ekonomicheskii Zhurnal*” during the Second Half of the 19th Century

M.I. Dolakova

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: makka7@mail.ru

Received February 20, 2024; Accepted April 19, 2024

Abstract

This article provides an overview of the alcohol reform in the Russian Empire during the second half of the 19th century based on the key publications in “*Ekonomicheskii Zhurnal*” (‘Economic Journal’). Crop distillation on preferential terms is considered in detail. The statistics resulting from the changes in the drinking business over the studied period are analyzed. The assessment of the reform’s success and effectiveness in fiscal and budgetary matters by A.P. Subbotin is discussed. The contradictory basis of the wine monopoly is shown: while reducing the rates of “public drunkenness”, it also retained the revenue from alcohol sales to the state budget. The alcohol policies pursued by Western European countries and the USA in the 19th century are outlined. The findings reveal that the alcohol reform in the Russian Empire was influenced by these foreign models. A.P. Subbotin’s position that the government sought to maximize the fiscal potential of alcohol production and trade is justified. The legislative framework of the state policy on the sale of alcoholic beverages is summarized. It is concluded that A.P. Subbotin was the first to highlight the necessity of taking into account the regional diversity of the Russian Empire when developing and implementing alcohol-related policies.

Keywords: drinking business, “*Ekonomicheskii Zhurnal*,” excise duty control, tax farming, drinking rules, crop distillation, financial policy, wine monopoly, state budget, propination law, fiscal capacity

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Subbotin A.P. The alcohol reform initiatives revisited. *Ekonomicheskii Zhurnal*, 1889, no. 20, pp. 65–104. (In Russian)
2. Yanzhul I.I. *Osnovnye nachala finansovoi nauki* [Fundamentals of Financial Science]. Moscow, Statut, 2002. 555 p. (In Russian)
3. Saburov P.A. *Materialy dlya istorii russkikh finansov 1866–1897* [Materials for the History of Russian Finances in 1866–1897]. St. Petersburg, Tip. Gl. Upr. Udelov, 1899. 68 p. (In Russian)
4. Witte Yu.S. *Vospominaniya, memuary* [Recollections, Memoirs]. Vol. 3. Moscow, Minsk, AST-Kharvest. 608 p. (In Russian)
5. Subbotin A.P. Prohibition measures. *Ekonomicheskii Zhurnal*, 1885, no. 2, pp. 31–56. (In Russian)
6. Stepanov V.L. *N.Kh. Bunge: sud'ba reformatora* [N.Kh. Bunge: The Reformer's Fate]. Moscow, ROSSPEN, 1998. 397 p. (In Russian)
7. Tverdokhlebov V.N. Tackling alcohol abuse and restructuring our tax system as the topic of the State Council debates. *Izvestiya Obshchestva Finansovykh Reform*, 1915, no. 10, pp. 16–24. (In Russian)
8. Vasil'ev A.V. The financial aspects of addressing alcohol abuse. *Izvestiya Obshchestva Finansovykh Reform*, 1915, no. 10, pp. 3–13. (In Russian)
9. Dmitriev V.N. *Kriticheskie issledovaniya o potreblenii alkogolya v Rossii* [Critical Studies on Alcohol Consumption in Russia]. Moscow, V.P. Ryabushinskii, 1911. 283 p. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Долакова М.И. Проблема питейной реформы по материалам публикаций в «Экономическом журнале» во второй половине XIX века // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 2. С. 126–137. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.2.126-137>. ⟩

⟨ **For citation:** Dolakova M.I. The alcohol reform as described in “Ekonomicheskii Zhurnal” during the second half of the 19th century. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 2, pp. 126–137. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.2.126-137>. (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 008

doi: 10.26907/2541-7738.2024.2.138-146

ПРОБЛЕМЫ ВОЗРОЖДЕНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ КРЯШЕН В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД

Д.И. Ахметов

Академия наук Республики Татарстан, г. Казань, 420087, Россия

Аннотация

Статья посвящена процессу возрождения средств массовой информации кряшен с 1992 по 2002 г. Выявлена представленность кряшенской проблематики в материалах средств массовой информации Республики Татарстан за обозначенный период, также изучен процесс становления органов собственно кряшенской периодической печати. Отмечается, что в целом конец 80-х – начало 90-х годов XX в. характеризуется ростом самосознания кряшенского населения и подъемом кряшенского общественного движения. Показана активная деятельность общественных организаций, лидеров и представителей кряшенского движения в сфере культурно-просветительского развития кряшен путем возрождения собственных печатных органов. Освещена роль упомянутого движения в учреждении и выпуске газеты «Керәшен сүзе» («Слово кряшен»), которая стала одной из первых частных газет в российском информационном пространстве. Отмечены усилия активистов кряшенского движения по подготовке программ на республиканском радио и телевидении, созданию собственных интернет-ресурсов.

Ключевые слова: Республика Татарстан, кряшены, возрождение, периодическая печать, радио, телевидение, интернет

На сегодняшний день история периодической печати является одним из довольно важных аспектов исследования исторической науки. Средства массовой информации, в том числе периодическую печать, принято называть «четвертой властью», что в полной мере соответствует действительности. Переоценить роль периодической печати в жизни любого общества практически невозможно, особенно в эпоху кардинальных перемен, изменений социально-политических и экономических условий, когда значимость средств массовой информации существенно повышается. Играя важную роль в жизни любых социальных или этнических групп, печать так или иначе формирует сознание общества. Вполне логично, что по сравнению с другими сферами профессиональной деятельности – образованием, художественной литературой, театром, музыкой, кино и пр. – печатно-издательская деятельность является самым действенным средством общественного влияния вследствие возможности легкого и широкого распространения ее продукции среди народных масс, а также доступности для понимания читателей самого разного культурного уровня. Универсальность печати проявляется в ее злободневности, масштабности охвата практически всех сторон социального и

общественного бытия. Все перечисленные выше качества в целом свойственны и современной кряшенской периодической печати.

В связи с распадом СССР, социально-политической обстановкой в стране и подъемом национальных движений в 90-х годах XX в. ускоренными темпами начинают появляться и активно развиваться национальные средства массовой информации. С целью привлечения более широкого круга сторонников по инициативе подобных СМИ могли возникать и отдельные течения внутри национальных движений. Особенно усилился этот процесс после принятия в 1991 г. Закона РФ «О средствах массовой информации», который разрешал частным лицам и организациям учреждать, выпускать и распространять собственную печатную продукцию (1). Несмотря на непростое социально-экономическое положение, журналистика развивалась, она была востребована как никогда, поскольку проблем в стране оказалось более чем достаточно. Открывались новые теле- и радиоканалы, налаживался выпуск новых газет и журналов.

В нынешних условиях, когда влияние печатных средств массовой информации ослабевает вследствие мощного воздействия на общественную жизнь и сознание населения телевидения, радиовещания, конвергентной журналистики и интернета, изучение истории, особенностей и роли печатной периодической печати приобретает особую актуальность. На сегодняшний день происходит колоссальное сокращение тиражей, что непосредственно касается периодической печати малых этносов (этнических групп). В целом исследование роли средств массовой информации, в том числе периодической печати, в формировании и развитии историко-культурного менталитета населения (определяемого среди прочего и национальными обычаями, образом жизни, мышлением и пр.) является весьма важным научным направлением.

В постсоветский период в связи со сплочением кряшенского населения, ростом его самосознания в СМИ поднималась проблема причастности кряшен к общественно-политической, социально-культурной жизни государства и общества. На обсуждение были вынесены вопросы как о роли и степени участия кряшен в государственном и культурном строительстве, так и о недостаточности поддержки институтов кряшенского сообщества со стороны органов государственной власти. Среди важных условий сохранения и развития кряшенских институтов назывались государственная поддержка и содействие в возрождении и развитии средств массовой информации, в частности периодической печати кряшен [1, с. 112].

Фактическое возрождение кряшенской периодической печати началось в самом начале 90-х годов XX в., когда в республике закипело мощное национальное движение. Борьба за открытие «своих» средств массовой информации, как было указано, была тесно переплетена с общественно-политическим движением кряшен. В феврале 1990 г. при Татарском общественном центре (ТОЦ)¹ в качестве самостоятельного подотдела в Набережных Челнах было организовано Культурно-просветительское этнографическое объединение кряшен. Проблемы кряшен рассматривались и на Курултае татарского народа. Решение Курултая стало основанием для Милли меджлиса татарского народа (Национального собрания), на котором было объявлено об организации кряшенской подкомиссии по вопросам науки, образования и культуры. Однако произошли серьезные общественно-политические изменения, которые не могли не повлиять на дальнейший ход событий.

¹ Признан экстремистской организацией, его деятельность запрещена на территории РФ.

В том же году в Татарстане была принята Декларация о государственном суверенитете, после чего по целому ряду объективных и субъективных причин Культурно-просветительское объединение кряшен вышло из состава Татарского общественного центра² (II).

Вопрос о периодической печати кряшен был поднят на Первом съезде народов Республики Татарстан (Казань, 23 мая 1992 г.), когда кряшенская организация г. Казани в лице руководителя этнографического культурно-просветительского общества кряшен А.В. Фокина среди прочего выступила с предложением о возрождении средств массовой информации для кряшен (III). Незадолго до этого участники конференции местных организаций кряшен, состоявшейся в Казани 12 апреля 1992 г., приняли резолюцию о вынесении на рассмотрение Верховным Советом Республики Татарстан вопросов о возрождении основ кряшенского издательского дела, кряшенской периодической печати и о возможности организации собственных редакций на радио и телевидении (IV). Тогда же началась борьба за выход передач для кряшен в республиканский радио- и телеэфир. Так, в пункте «О воссоздании средств массовой пропаганды» резолюции указанной выше конференции местных организаций кряшен отмечалось, что кряшены многие десятилетия были лишены свободы слова и печати.

Мысли о консолидации кряшен, сохранении их культуры и самобытности стали приобретать популярность в конце советского периода. Интеллигенция прекрасно понимала, что в деле объединения кряшен необходим свой печатный орган. Однако в тот период само высказывание подобной идеи, не говоря уже о ее продвижении в советских партийных учреждениях, не представлялось возможным. Как вспоминает известный кряшенский активист М. Глухов, еще в сентябре 1987 г. он официально обращался в Центральный комитет КПСС по поводу необходимости организации для кряшен собственной газеты. Вскоре после этого его исключили из партии как «кряшенского националиста» (V).

В начале 1993 г. в Набережных Челнах вышел в свет первый номер общественно-политической и литературной газеты «Керәшен сүзе» («Слово кряшен»). Учредителем стал Н.П. Антонов, являвшийся на тот момент ведущим специалистом ПО «Металлургстрой». Он сплотил вокруг себя таких же, как он сам, энтузиастов из кряшен. Целью газеты, издававшейся на татарском и русском языках (но преимущественно только на татарском), стало сплочение кряшенского населения по всей России, возрождение и сохранение самосознания кряшен. Газета начала освещать жизнь кряшен во всех российских регионах, где они проживали. В ней публиковались материалы по истории, этническим особенностям, обычаям и традициям кряшен, издание знакомило читателей с видными кряшенскими деятелями культуры и искусства, литературы (VI, с. 65–66). Как показывает обзор рубрик и материалов газеты, постепенно ее тематика становилась более разнообразной, но в основном она касалась проблем духовного возрождения и объединения сородичей.

С первых же номеров газеты на ее страницах читателями стали подниматься вопросы о возрождении некоторых кряшенских изданий, существовавших в Татарской республике в 20-е годы XX в., – например, самой известной и выпускавшейся дольше других газеты «Киняш», ликвидированной в 1930 г. вследствие политики слияния кряшен с татарами, но формально – из-за смены арабского алфавита на латинский шрифт (яналиф). Прежде всего в возрожденной газете предлагалось про-

² Признан экстремистской организацией, его деятельность запрещена на территории РФ.

пагандировать кряшенские традиции, игры, праздники и обычаи, песни и танцы, то есть многогранную и присущую только кряшенам культурную жизнь (VII, VIII).

В 1999 г. в газете «Керәшен сүзе» Н.П. Антонов отмечает большой резонанс по случаю ее открытия 4 февраля 1993 г. (ее первым редактором был поэт, публицист Ананий Малов (Ямаш Игеней) (1938–1997)) и пишет о всеобщем одобрении этого события со стороны кряшенского сообщества (IX). По времени открытие газеты совпало с первыми шагами кряшенского общественного движения, учреждением в Казани кряшенской организации и проведением довольно большого количества мероприятий. Как отмечал Н.П. Антонов, в тот период вопросы организации в Прикамском регионе этнокультурного движения и газеты «Керәшен сүзе» обозначились как две взаимосвязанные проблемы. В принципе, само существование и дальнейшая судьба печатного органа вызывали некоторые опасения. Без организации и сплочения кряшенских обществ в регионе решение выпускать газету представлялось делом довольно ненадежным. Подобные общества были созданы в марте 1992 г. в Набережных Челнах и в 1993 г. в Елабуге, где на учредительном собрании и был роздан первый номер газеты. Не поверили в возможность успешного существования газеты члены Нижнекамского общества кряшен, немалые сомнения стали возникать у самого будущего редактора газеты А.Н. Малова. Однако с помощью неравнодушных людей удалось довести дело до конца и «Керәшен сүзе» вышла в свет, оставаясь до 2001 г. единственным кряшенским периодическим изданием (IX).

Появление газеты действительно вызвало заметный общественный резонанс, о ней высказывались довольно известные личности Татарстана. По важности обсуждаемых проблем, содержанию и полиграфическому оформлению она приближалась к другим авторитетным периодическим изданиям республики. Являвшийся на тот момент главным редактором журнала «Казан утлары» («Огни Казани») известный татарский поэт Р. Файзуллин отметил оживление в духовной жизни татар в последнее десятилетие, о чем свидетельствовало, по его словам, и появление газеты «Керәшен сүзе» (IX). Он назвал духовное возрождение любых этнических групп общим достоянием многонациональной республики. Руководитель пресс-службы мэрии г. Набережные Челны Ф. Илаева также отметила, что газета «Керәшен сүзе» заняла достойное место среди татарстанских периодических изданий, а ее роль в деле воспитания молодого поколения, сохранении обычаев и традиций кряшен несомненна; газетой интересуются, читает ее и татарское население. Главный редактор газеты «Заинские горизонты» В. Султанова-Гаврилова пишет, что «Керәшен сүзе» успешно работает над устранением белых пятен в истории и культуре кряшен и т. д. (IX).

Во второй половине 1996 года в г. Набережные Челны была зарегистрирована и начала выпускаться общественно-политическая общекряшенская газета «Керәшен хәбәре» («Кряшенская весть»). Учредителем издания стало Набережночелнинское культурно-просветительское этнографическое общество кряшен. Главным редактором «Керәшен хәбәре» стал так же А.Н. Малов.

Увенчались успехом и усилия активистов кряшенского движения по борьбе за возможность освещения кряшенской тематики и другими республиканскими средствами массовой информации. Так, 13 сентября 1996 г. ГТРК «Татарстан» транслировала часовое выступление известной кряшенской певицы Лидии Ахметовой (Ямщиковой) под названием «Жырларым – заман авазы» («Мои песни – эхо времени») (X) [11]. В ноябре 1997 г. в эфир ГТРК «Татарстан» вышла радиопередача

«Арумысез, керәшен карендәшләр!» («Здравствуйте, кряшенские сородичи!»). Ведущей была известная певица и музыкант Галина Казанцева, редактором – Елизавета Антонова (IX). В дальнейшем эта радиопередача стала постоянной.

Однако этого было недостаточно, в кулуарах и на страницах газеты «Керәшен сүзе» обсуждались вопросы по привлечению кряшен к работе местных телерадиоканалов и участия их в передачах (XI, XII). Так, председатель Заинского отделения национально-культурного центра кряшен П.И. Минеев на страницах периодической печати среди прочих проблем (необходимость привлечения заинской молодежи к общественному движению кряшен, открытия вечерней школы, изучения истории кряшенских населенных пунктов, организации музеев по истории и культуре местных кряшен и т. п.) сетует на критическую нехватку внимания со стороны местных средств массовой информации, в частности телевидения (местного «Пятого канала»). Например, он пишет о деятельности ансамбля «Сэвэлэй», выступления которого освещались даже по шведскому радио, тогда как местные радио и телевидение «успешно» игнорируют этот коллектив. Делается однозначный вывод о том, что кряшены на местах будут вынуждены решать свои проблемы исключительно сами (XI).

Оставались нерешенные вопросы, касавшиеся как этнокультурной жизни кряшен в целом, так и конкретно организации деятельности средств массовой информации. В частности, Л.Д. Белоусова (с 1994 по октябрь 2001 г. редактор, затем главный редактор газеты «Керәшен сүзе», а ныне председатель исполкома Общественной организации кряшен РТ, директор Культурного центра им. Я.Е. Емельянова) пишет о таких задачах кряшенского движения, как восстановление существовавших до 1926 г. кряшенских школ, театров, газет и журналов. Учитывая тот факт, что кряшены проживают не только в разных районах Татарстана, но и в других российских регионах (Башкортостан, Удмуртия), где учреждены национально-культурные центры кряшен, а также то, что общая численность кряшен, согласно данным переписи населения еще 1926 г., составляла не менее 120 тыс. человек, она отмечает особую роль газеты «Керәшен сүзе». По ее словам, этот печатный орган стал заметным средством консолидации кряшенского населения, духовного сближения кряшен всей России. Вместе с тем Л.Д. Белоусова указывает на необходимость поддержки «Керәшен сүзе» как важного звена пропаганды кряшенской духовной и материальной культуры со стороны государственных органов. Среди прочего автор пишет о том, что на радио Татарстана один раз в месяц организовываются передачи о кряшенах и для кряшен (XIII).

Деятельность по освещению кряшенской тематики на республиканском радио и телевидении продолжалась. В декабре 2000 г. в Казани была проведена научно-практическая конференция «Этнические и конфессиональные традиции кряшен: история и современность», по итогам которой была принята резолюция; наиболее значимыми ее пунктами стали следующие: 1) возбудить ходатайство перед Министерством по делам печати, телерадиовещания и средств массовой коммуникации Республики Татарстан о создании редакции кряшенских теле- и радиопередач на ГТРК «Татарстан»; 2) оказать материальную поддержку единственному периодическому изданию для кряшен «Керәшен сүзе» (XIV).

Продолжая намеченную работу, руководители и активисты кряшенского движения не только обращались к республиканским властям с помощью резолюций и печатных воззваний, но и непосредственно встречались с самими руководителями средств массовой информации. Так, в преддверии Всероссийской межреги-

ональной конференции кряшенских организаций (Казань, 13 октября 2001 г.) по проблемам сохранения кряшенской этнокультуры, самосознания и самобытности с участием руководства республики, руководителей районов компактного проживания кряшен и представителей средств массовой информации состоялась встреча председателя исполнительного комитета Республиканского национально-культурного центра кряшен Татарстана В. Абрамова с председателем ГТРК «Татарстан» И. Аминовым, на которой разговор шел об увеличении эфирного времени ежемесячной получасовой радиопередачи для кряшен и организации на ГТРК «Татарстан» специальной программы о кряшенях (XV).

Обращения кряшенских активистов были «услышаны» высшими представителями власти и дали свои результаты. Например, 11 апреля 2002 г. состоялась встреча Президента Республики Татарстан М.Ш. Шаймиева с лидерами и представителями кряшенского движения по вопросу «О состоянии социально-культурного развития кряшен и проблемах кряшенского общественного движения». По итогам встречи были сформулированы поручения Президента членам правительства. Заместителю премьер-министра РТ З.Р. Валеевой было дано задание до 1 июня 2002 г. рассмотреть возможности информационного обеспечения кряшен периодической печатью и электронными средствами массовой информации и внести соответствующие предложения. Также З.Р. Валеевой и государственному советнику при Президенте Республики Татарстан Р.С. Хакимову до 15 мая 2002 г. поручалось провести семинар-совещание с руководителями республиканских средств массовой информации о принципах освещения национальных и религиозных проблем, а также мерах ответственности за публикацию материалов оскорбительного характера, унижающих этноконфессиональное достоинство граждан любых национальностей и разжигающих межнациональную и межрелигиозную рознь [1, с. 304] (XVI).

Кряшенская общественность освоила и просторы интернета. Так, 5 октября 2001 г. в Саратове состоялась презентация интернет-проекта, всесторонне освещающего этнокультурную жизнь кряшен. Констатировалось, что все материалы, касающиеся жизнедеятельности кряшен будут передаваться «на кряшенском, татарском, русском и английском языках» (XV). На презентации присутствовали руководитель Казанского отделения национально-культурного центра кряшен Татарстана М. Семенова, профессор Казанской государственной академии культуры и искусства Т. Дунаева, старший научный сотрудник ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова Г. Макаров (XV). Этот немаловажный для кряшенского сообщества всей России проект вскоре был претворен в жизнь. На заседании исполнительного комитета Кряшенского центра Республики Татарстан, состоявшегося в 2001 г. в Тихвинской церкви г. Казани, также сообщалось о нескольких кряшенских проектах.

Действительно, в 2002 г. появился сайт www.kryashen.ru, который стал первым полноформатным сервером, предназначенным для российского кряшенского сообщества в интернете. Он довольно подробно освещал самые разнообразные вопросы – историю, культуру, этнокультурное наследие и текущее положение кряшен на российских просторах. Как отмечает казанский исследователь Э.И. Шарифиев, сам по себе этот факт обращает на себя внимание в первую очередь тем, что подобный ресурс открывает большие перспективы в процессе получения информации широким кругом заинтересованных лиц [2].

В том же году в г. Набережные Челны открылась культурно-просветительская газета «Туганайлар», которая фактически стала преемницей «Керәшен сүзе». Те-

матика газеты была в основном посвящена истории кряшенских деревень, основам православной религии, народным праздникам, известным личностям из кряшен, жизни обычных деревенских тружеников, текущим событиям и пр. (XVII).

Изначально «Туганайлар» позиционировала себя как общественно-политическое издание, но впоследствии официально изменила направление и начала издаваться как культурно-просветительская газета. Подавляющее большинство читателей воспринимали новую кряшенскую газету как преемницу «Керәшен сүзе» и даже просто как вариант последней с измененным названием. Вместе с тем «Туганайлар» функционировала как орган периодической печати уже при обновленной общественно-политической и социально-экономической обстановке в стране. Это было началом периода стабильности во внешней и внутренней политике, экономического развития и социальной устойчивости всего российского общества.

Необходимо отметить, что кряшенская периодическая печать нашла своих читателей среди представителей не только кряшенского сообщества, но и других национальностей (русских, татар и пр.); она ценилась наравне с другими республиканскими печатными органами, была признана и местными властями. Этому способствовали рост профессионализма кряшенских журналистов, их доброжелательное отношение к окружающим, тематика кряшенских газет и т. п. Было и остается актуальным и важным на сегодняшний день то обстоятельство, что кряшенские издания, не заостряя внимание на конфликтных, неоднозначных ситуациях, не вдаваясь в острые политические дискуссии, занимаются освещением в основном культурно-просветительских и историко-этнографических вопросов, уделяют внимание социальным проблемам, деятельности кряшенских общественных организаций, жизни кряшенского сообщества в Республике Татарстан и других российских регионах.

Взяв на себя информационную, познавательную и воспитательную функции, кряшенские средства массовой информации обогащают духовный мир и расширяют кругозор, побуждают читателей не только к размышлениям, но и к реальным действиям. Газеты «Керәшен сүзе» и «Туганайлар» в этом плане не стали исключением.

Таким образом, мы можем констатировать, что на сегодняшний день кряшенские газеты являются одними из самых молодых в Российской Федерации. Поскольку кряшены в советский период не имели собственных газет и журналов, были утрачены и навыки организации печатных изданий, не говоря уже об отсутствии профессиональных кадров, журналистов и пр. В процессе возрождения собственных печатных органов кряшен пришлось наверстывать упущенные возможности, практически заново набираться опыта. Ввиду отсутствия материально-финансовой, организационной поддержки со стороны государственных структур, работа редакции газеты «Керәшен сүзе» с момента ее учреждения и до ликвидации стала возможной благодаря помощи спонсоров, отдельных неравнодушных людей и подписчиков.

Процесс возрождения и становления средств массовой информации кряшен в Республике Татарстан прошел долгий и тернистый путь. Лидеры и активисты кряшенских общественных организаций и движений вели постоянную борьбу за возможность удовлетворения духовных и культурно-просветительских нужд кряшенского населения: добивались возрождения собственных печатных органов, получения доступа к телерадиоканалам, создания интернет-сервера и т. п. На многочисленных съездах, конференциях, собраниях выносились резолюции и решения с обращениями к правительству Республики Татарстан, организовывались встре-

чи с представителями власти и руководителями средств массовой информации. Результатами этой деятельности стали появление регулярной радиопередачи для кряшенской аудитории «Арумысез, керэшен карендэшләр!», различных телепередач о жизни и культуре кряшен, а также создание и успешная реализация интернет-проекта «www.kryashen.ru».

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- I – Закон РФ от 27 дек. 1991 г. № 2124-1 (ред. от 11.03.2024) «О средствах массовой информации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/, свободный.
- II – Туганайлар. 2013. 24 янв.
- III – Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 8261. Оп. 1. Д. 2: Первый съезд народов Республики Татарстан (Казань, 23 мая 1992 г.). 152 л.
- IV – Керэшен сүзе 1993. 4 февр.
- V – Керэшен сүзе. 2000. 8 февр.
- VI – Татарская периодическая печать: Научно-энциклопедическое издание. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2017. 200 с.
- VII – Керэшен сүзе. 1993. 15 апр.
- VIII – Керэшен сүзе. 1993. 31 мая.
- IX – Керэшен сүзе. 2001. Авг.
- X – Керэшен сүзе. 1993. 18 сент.
- XI – Керэшен сүзе. 1999. 15 дек.
- XII – Керэшен сүзе. 2001. Дек.
- XIII – Керэшен сүзе. 1999. 24 мая.
- XIV – Керэшен сүзе. 2001. Март.
- XVI – Керэшен сүзе. 2001. 11 окт.
- XVII – Встречи, ведущие в перспективу // АНКО. 2003. № 1. С. 3–4.
- XVIII – Туганайлар. 2021. 14 окт.

Литература

1. *Шарафиев Э.И.* Общественное и культурное развитие кряшен Республики Татарстан в 1989–2010-х гг.: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2022. 288 с.
2. *Шарафиев Э.И.* Интернет-сервис Kryashen.ru: опыт конкретно-исторического анализа ресурса // Кряшенское историческое обозрение. 2017. № 1. С. 79–89.

Поступила в редакцию 12.02.2024

Принята к публикации 12.04.2024

Ахметов Данир Ильгизарович, младший научный сотрудник Института проблем экологии и недропользования

Академия наук Республики Татарстан
ул. Даурская, д. 28, г. Казань, 420087, Россия
E-mail: Ahmetov-danir@mail.ru

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.2.138-146

Problems with Reviving and Developing the Kryashen Media in Modern Times*D.I. Akhmetov**Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, 420087 Russia*E-mail: *Ahmetov-danir@mail.ru*

Received February 12, 2024; Accepted April 12, 2024

Abstract

This article considers the revival of the Kryashen media between 1992 and 2002. There was an increase in the Tatar media's attention to the Kryashen problems during that period, along with the overall advance of the Kryashen periodicals. The late 1980s and early 1990s witnessed the rise in national self-awareness among the Kryashen population and the emergence of the Kryashen social movement. Here, the efforts of various public organizations, figures, leaders, and activists of the Kryashen movement to promote the cultural and educational development of the Kryashens through the revival of their printed media are analyzed. Their role in establishing and publishing the "Kryashen Suze" ('Word of the Kryashens'), one of the first private newspapers in the Russian media space, is highlighted. It is also shown that the endeavors of the Kryashen movement activists to expand their reach to the republican media were successful: they started and broadcasted programs on the national radio and television channels and created online platforms about the Kryashens.

Keywords: Republic of Tatarstan, Kryashens, revival, periodicals, radio, television, internet**Conflicts of Interest.** The author declares no conflicts of interest.**References**

1. Sharafiev E.I. The online resource Kryashen.ru: A historical analysis of the website. *Kryashenskoe Istoricheskoe Obozrenie*, 2017, no. 1, pp. 79–89. (In Russian)
2. Sharafiev E.I. Social and cultural development of the Kryashens in the Republic of Tatarstan from 1989 to the 2010s. *Cand. Hist. Diss. Kazan*, 2022. 288 p. (In Russian)

Для цитирования: Ахметов Д.И. Проблемы возрождения и становления средств массовой информации кряшен в современный период // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 2. С. 138–146. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.2.138-146>.

For citation: Akhmetov D.I. Problems with reviving and developing the Kryashen media in modern times. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 2, pp. 138–146. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.2.138-146>. (In Russian)

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 930.1

doi: 10.26907/2541-7738.2024.2.147-161

**ЮБИЛЕЙНЫЙ ОБРАЗ 1000-ЛЕТНЕГО ГОРОДА
НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «ВЕЧЕРНЯЯ КАЗАНЬ»
(КОНЕЦ 90-Х ГОДОВ XX ВЕКА – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА
2000-Х ГОДОВ)**

А.А. Сальникова, Т.В. Афанасьева

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье прослеживается процесс выстраивания юбилейного образа Казани на страницах специального урбанистически ориентированного издания – общественно-политической газеты «Вечерняя Казань». На основании анализа разножанровых материалов, опубликованных в ней в конце 90-х годов XX в. – начале 2000-х годов, впервые выявлено значение данной газеты как уникального и информативного источника по истории трансформации городского пространства в преддверии празднования 1000-летнего юбилея Казани, отмечавшегося 24–30 августа 2005 г. Материалы «Вечерней Казани» позволяют реконструировать процесс формирования праздничного городского ландшафта не только за счет сведений о преобразованиях городской среды, их сценариях, ходе и результатах, но и благодаря роли самой газеты, делавшей особый акцент на значимости праздника и актуализировавшей преобразовательные процессы среди широкой читательской аудитории. Наряду с освещением и обсуждением специальных мемориальных юбилейных объектов, созданных по инициативе властей, «Вечерняя Казань» уделяла большое внимание общественным инициативам по благоустройству городской среды. Немаловажную роль в этом играли интерактивные газетные материалы, анализу которых в статье отведено особое место.

Ключевые слова: история, исторические источники, периодическая печать, газета «Вечерняя Казань», 1000-летний юбилей города, трансформация городского пространства, юбилейный код, конец 90-х годов XX в. – первая половина 2000-х годов

Несмотря на активное введение в научный оборот все новых и новых источников по истории постсоветской России, огромный массив их до настоящего времени еще остается не до конца востребованным. К этой категории можно отнести и материалы местной периодической печати последних десятилетий, обладающей мощным информационным потенциалом.

Одним из сюжетов, который может быть рассмотрен на материалах местной периодики, является нашедший свое отражение в отечественной историографии вопрос о специфике широко отмечавшихся юбилеев ряда провинциальных российских городов – юбилеев, тесно связанных с их локальной историей ([1, 2] и др.). Обозначенному сюжету традиционно отводилось особое место в предъюбилейной периодической печати. Юбилей города как важнейшее мемориальное событие, многократно повышавшее его значимость и статус в су-

шествующем социополитическом и культурном пространстве, предполагал подробное, всестороннее и постоянное освещение данного события в местной прессе, являющейся ценным и во многом уникальным источником сведений по истории трансформации городского пространства в предъюбилейный период.

Исходя из вышеизложенного, при реконструкции способов и результатов создания образа юбилейного города на страницах периодической печати следует опираться не только на традиционные методы источниковедческого анализа периодики, но и на новые методологические ориентиры, разработанные в рамках «мемориального» и «пространственного» поворотов и предполагающие, в свою очередь, и новые подходы к отбору, прочтению и интерпретации газетного текста. Вышеназванное позволяет рассмотреть и охарактеризовать городской ландшафт и его составляющие как важнейший компонент в закреплении и трансляции исторической памяти (об этом см. [3–7] и др.), осуществляемых в том числе и в пространстве медиасферы.

Будучи главным «персонажем» и главным символическим объектом празднования, город являет собой и некое праздничное пространство – «место памяти» [8] в прямом смысле этого слова, порождающее, аккумулирующее и сохраняющее в процессе подготовки и проведения юбилейных торжеств региональные, национальные, этнические и прочие идентичности. В этом пространстве формировались и в нем же находили свое отражение и проявление чувство гордости и сопричастности происходящему, элементы локального патриотизма, ощущение уникальности происходящего. Поэтому изучение процессов трансформации городского пространства, происходящих в преддверии и в ходе самого юбилея, является необходимым и значимым в контексте исследования этого важного мемориального события.

Не будет преувеличением сказать, что после опубликования Указа Президента Российской Федерации от 1 сентября 1999 г. «О праздновании 1000-летия основания г. Казани» сюжет о предстоящем праздновании и подготовке к нему оказался в центре внимания всех ведущих периодических изданий Республики Татарстан (Указ). Особое место занял он на страницах урбанистически ориентированных изданий, одним из основных среди которых являлась общественно-политическая газета «Вечерняя Казань» (решение о ее открытии было принято 19 сентября 1978 г. бюро Татарского обкома КПСС; в 1979–2018 гг. газета выходила как бумажное издание, с 2018 г. по настоящее время – как электронное). Хотя понятие «урбанистически ориентированное издание» разработано к настоящему моменту в большей степени применительно к такому целостному сегменту медиасферы, сложившемуся в 2010-е годы, как интернет-газеты и журналы, «сосредоточенные на обсуждении процессов развития родного города» [9, с. 201; 10], оно вполне может использоваться и по отношению к «бумажным» городским вечерним газетам рассматриваемого нами периода. Если в советское время, как отмечал в 2005 г. главный редактор «Вечерней Казани» Х.Х. Шамсутдинов, «единственным отличием вечерних изданий от основных партийных газет было то, что на страницах “Вечерок” было больше материалов о культурной жизни города» [11], то впоследствии эти газеты обрели такие характерные для урбанистически ориентированных изданий черты, как минимизация официальной повестки и ориентация на исследование городского пространства, примерили на себя роль путеводителей по различным сферам городской жизни,

стали площадками проектирования развития города [9, с. 201]. Перечисленные характеристики вполне распространяются и на газету «Вечерняя Казань» (далее – «ВК»), на протяжении долгого времени остававшуюся одним из наиболее популярных, любимых и авторитетных у горожан печатных изданий.

К сожалению, как ранее уже отмечалось исследователями, в работах по истории юбилейной городской среды материалы периодики хотя и привлекались, но преимущественно в описательном плане, а их специфика и информационный потенциал как исторического источника оставались неопределенными [12, с. 102]. Между тем указанные материалы обладают особой уникальностью и значимостью, заключающейся главным образом в их множественности и разнообразии с точки зрения как происхождения, так и содержания. Если говорить о происхождении текстов, особенно газетных, следует, прежде всего, отметить многообразие их с точки зрения авторства. При этом условно все их можно разделить на три группы:

– материалы «сверху» – тексты официального происхождения, отражающие властные представления о юбилейном городском пространстве (как уже указывалось, в урбанистически ориентированных постсоветских изданиях таких материалов немного);

– материалы «изнутри» – основная часть публикуемых материалов, принадлежащая профессионалам-журналистам. Тексты этой группы могут носить чисто информационный характер, фиксируя происходящие в городском ландшафте изменения и транслируя его новые образы, а могут в силу своей аналитичности, дискуссионности и даже провокационности сыграть роль триггера и сделать само печатное издание значимым участником конструирования юбилейного ландшафта. Сюда же можно отнести и публикации внештатных авторов газеты, совмещавших журналистскую и основную профессиональную деятельность;

– материалы «снизу» – тексты читателей, отражающие их мнения по поводу происходящего, позволяющие обнародовать эти мнения в среде массового читателя, а также посредством публикации в печатном издании донести их до властных структур. Следует заметить, что, несмотря на проведение юбилеев городов в рамках преимущественно «лоялистской идеологической парадигмы» – в соответствии с заданными сверху сценарием и «идеологической интерпретацией» [2, с. 85], горожане довольно активно включались в процессы предъюбилейной подготовки и преобразования праздничного пространства как путем непосредственного участия в акциях и мероприятиях по созданию комфортного города, так и благодаря обсуждению возможных путей и способов мемориализации юбилейного события на страницах газеты.

Соотношение перечисленных авторских групп во многом зависело от информационной и коммуникационной стратегий и тактик издания, а жанровая принадлежность публикации обычно определялась отнесенностью ее к той или иной авторской группе.

Как уже отмечалось, материалы официального характера среди предъюбилейных публикаций «Вечерней Казани» занимали довольно незначительное место. Изначально газета была органом Казанского горкома КПСС и Казанского горисполкома. 20 августа 1990 г. Министерство печати Российской Федерации выдало свидетельство о регистрации «Вечерней Казани» как независимой газе-

ты, что, безусловно, повлияло на сокращение подобных публикаций. Так, скажем, даже сам текст Указа Президента РФ от 1 сентября 1999 г. «О праздновании 1000-летия основания г. Казани» в газете воспроизведен не был. Лишь через два дня в выпуске «ВК» от 3 сентября 1999 г. появилась статья Резеды Даутовой «У нас перспективы – просто сказка!»; в ней шла речь о дискуссиях по поводу празднования тысячелетия Казани в научной среде, завершившихся принятием указа, который предполагал среди прочего и расширенное финансирование из центра, направленное на реконструкцию городской среды (ВК, 03.09.1999, № 140 (1831)). Это было первое упоминание о принятом указе в газете.

Среди публикаций второй группы – разножанровые материалы, подготовленные профессиональными журналистами (заметки, репортажи, интервью, информационные и аналитические отчеты, статьи, комментарии, обозрения, обзоры и прогнозы и пр.). Занявшая несколько лет и способствовавшая формированию нового городского пространства подготовка к масштабному празднованию Тысячелетия (Миллениума) Казани – столицы Республики Татарстан, состоявшегося 24–30 августа 2005 г., во многом определила новостную повестку и содержание многих информационно-аналитических материалов «ВК» начала 2000-х годов. Объектами преобразований, нашедшими свое освещение на страницах газеты, стали такие составляющие городского культурного ландшафта, как географические (природные) объекты, архитектурные памятники и сооружения, городские топонимы и топонимические системы [3].

Одной из центральных тем, связанных с подготовкой к юбилею города, явилась проблема преобразования архитектурного облика Казани, под которой понималась реставрация старых и строительство новых зданий, сооружение и установка новых памятников, реконструкция природно-географических объектов. Помимо отдельных зданий и архитектурных ансамблей, реконструкции подверглись целые улицы и районы Казани. В первую очередь, это коснулось центрального – Вахитовского – района города. Именно на Вахитовский район «легла ответственность» за проведение основных торжественных мероприятий и встречу высокопоставленных гостей. Реставрация зданий исторического центра проходила под контролем руководства города. В репортаже Марины Юдкевич, например, рассказывалось о том, как президент Татарстана М.Ш. Шаймиев побывал на площади Свободы и ознакомился с ходом строительных работ в зданиях Казанской ратуши и Татарского театра оперы и балета имени Мусы Джалиля (ВК, 14.05.2005, № 75 (3017)). Если здание оперного театра строилось в 1936–1956 гг. (строительство его затянулось на целых 20 лет в связи с Великой Отечественной войной) и находилось в относительно хорошем состоянии, то здание Ратуши, построенное в середине XIX в. как здание Дворянского собрания, подлежало значительным ремонтным работам, причем для воссоздания его аутентичного облика были проведены архивные изыскания.

Материалы «ВК» содержали подробную информацию о радикальной предъюбилейной перестройке улицы Свердлова и создании на ее основе при финансовой поддержке правительства г. Санкт-Петербурга улицы Петербургской (ВК, 29.01.2005, № 13 (2955)). Изначально предполагалось украсить ее бюстом Петра Великого, однако это намерение вызвало негодование и громкие споры в рядах татарской общественности, в связи с чем от задумки было решено отказаться (ВК, 24.08.2005, № 135 (3077)). В итоге на улице Петербургской был

установлен бронзовый бюст историка Л.Н. Гумилева (ВК, 10.08.2005, № 127 (3069)). Волну критики вызвало расширение проезжей части улицы Вишневецкого за счет тротуаров и газонов и превращение ее в восьмиполосную магистраль. Корреспондент «ВК» Инна Серова в статье, инициированной читателями газеты, писала: «Не спросив согласия жителей, их вынуждают дышать выхлопными газами, переходить улицу с риском для жизни и как в последний путь отпустить детей в школу через дорогу – таков общий смысл письма, которое на днях пришло в редакцию “ВК”» (ВК, 08.06.2005, № 91 (3033)). Газета обратилась за разъяснениями к авторам проекта реконструкции – институту «Казгражданпроект», а также к Госавтоинспекции – и опубликовала перспективные планы строительства надземных и подземных переходов через улицу. В конечном итоге от надземных переходов решено было отказаться.

Большое внимание уделялось проектам, связанным с культовыми религиозными сооружениями, – восстановлению Благовещенского собора и возведению мечети Кул Шариф, о чем, в частности, писали журналистки Ольга Мачнева и Марина Юдкевич в статьях «Патриарх благословил Казань ровно в полдень» (ВК, 22.07.2005, № 116 (3058)) и «Возвращение Кул Шарифа» (ВК, 25.06.2005, № 102 (3044)). Редакция газеты в равной степени уделяла внимание как христианским святыням, так и мусульманским, что говорит о формировании единого мультикультурного пространства на территории региона, в том числе и в его информационном поле. Как и другие средства массовой информации Республики Татарстан, «ВК» определяла 1000-летний юбилей Казани как праздник объединения культур и религий, взаимосвязанных, но в то же время сохраняющих свою самобытность. При этом, приветствуя тренд на преобразование облика столицы Татарстана и превращение ее в современный мегаполис, авторы публикаций сожалели об утерянном облике старого города, сообщали о разрушении объектов, представлявших культурную ценность, из-за строительства новых зданий. В августовских выпусках «ВК» 2005 г., прямо накануне празднования 1000-летия Казани, в газете появилась рубрика «Казань, которую мы потеряли...», в которой публиковались фотографии уже утраченных или находящихся в ветхом состоянии архитектурных памятников, в частности построенного в 1908 г. деревянного дома Варвары Дружининой (ул. Бехтерева, д. 5/2), деревянного городского особняка 1898 г. Сергея Дмитриевича Соловьева (ул. Ульяновых, д. 52), дома Петра Ионовича Климова, построенного в 1910 г. (ул. Достоевского, д. 6) (ВК, 9.08.2005, № 126 (3068)).

Автор этой рубрики, казанский краевед и публицист Лев Жаржевский, обращал внимание на необходимость сохранения истории родного города, ее артефактов, включая архитектурное наследие старой Казани. Между тем, по его словам, центральный район города уже потерял значительное число сооружений, внесенных в 1993 г. в «Каталог-справочник памятников истории и культуры РТ». От разрушения здания не спасли ни авторство именитых архитекторов, ни фамилии именитых жильцов, как случилось, например, с двухэтажным домом Табуре-Чиркиной, спроектированном А.Е. Остовским в 1880 г. (ул. Тельмана, д. 23), где жили такие значимые для российской науки и культуры люди, как правовед Адольф Осипов; юрист Виктор Ивановский; ректор Казанского университета, профессор римского права Григорий Дормидонтов; отец поэта Велимира Хлебникова орнитолог Владимир Хлебников; профессор-офталь-

молог Александр Агабабов; профессор истории Митрофан Бречкевич; выдающийся механик и математик Николай Четаев; композитор Софья Губайдуллина (ВК, 9.08.2005, № 126 (3068)). Не спасали от разрушения и интересные «биографии» зданий: так, например, не был сохранен деревянный двухэтажный дом Данилова, в котором проживал и проводил собрания монархически настроенного студенчества один из руководителей молодежного крыла казанского черносотенного движения П.Я. Полетика, учившийся в Казанском университете (ВК, 10.08.2005, № 127 (3069)). Если здание стояло на престижном месте, то подлежало сносу, а значит, «пережить тысячелетие» ему не удавалось (ВК, 12.08.2005, № 128 (3070)).

Значительное число репортажей, заметок, очерков и сообщений «ВК» было посвящено начавшемуся в 2004 г. и завершённому в 2007 г. возведению моста Миллениум, получившего свое название в честь тысячелетнего юбилея города, а также строительству Казанского метрополитена ((ВК, 2.06.2001, № 88 (2195); 19.06.2001, № 97 (2204); 4.09.2001, № 141 (2248); 2.02.2002, №21–22 (2336–2337); 25.02.2005, № 28–29 (2970–2971); 18.05.2005, № 77 (3019); 15.06.2005, № 95 (3037)) и др.) Упомянутые объекты стали местными достопримечательностями и вошли в число новых, юбилейных символов столицы Татарстана. «ВК» постоянно информировала читателей об открывающихся в городе новых зданиях, музеях, парках. На перекрестке улиц Айдинова и Островского появился первый в России баскетбольный дворец «Баскет-холл» (ВК, 28.06.2001, № 103 (2210)), крупнейший культурно-развлекательный центр «Пирамида» расположился вблизи Казанского Кремля (ВК, 8.03.2002, № 43–44 (2358–2359)), недалеко от центра города был открыт молодежный культурно-спортивный центр «Ак барс» (ВК, 12.04.2002, № 66 (2381)). В критическом очерке Рустама Вафина «Парк 1000-летия Казани, или Поле чудес» рассказывалось о новом парке, который был задуман как одна из главных достопримечательностей города (ВК1, 27.04.2005, № 67 (3009)). Юбилейных объектов было так много, что Казань стали называть «городом открытий» (ВК, 13.08. 2005, № 129 (3071)).

Газета сообщала о реконструкции кинотеатра «Мир» и Казанского железнодорожного вокзала, который вошел в федеральную программу «Сохранение и развитие исторического центра Казани к 1000-летию» (ВК, 18.07.2001, № 114 (2221)), о реконструкции улицы Баумана (ВК, 31.08.2005, № 138 (2245)), здания Ратуши (ВК, 14.08.2001, № 147 (2254)) и других важных архитектурных объектов города. Кардинальным изменениям подверглась одна из центральных площадей города, находящаяся у подножия Казанского Кремля, – Ярмарочная, получившая впоследствии название «Площадь Тысячелетия». Находящийся рядом Центральный стадион также был частично переделан, а возле площади открыты станция метро «Кремлевская» и подземный переход (ВК, 17.05. 2005, № 76 (3018)).

Тысячелетие Казани нашло отражение и в городской топонимике. В преддверии празднования администрацией города было принято решение о переименовании ряда улиц «в целях увековечения знаменательного события, имен выдающихся общественных деятелей, представителей науки и возвращения широко известных исторических названий и топонимов» (Пост.). «ВК» обращалась в связи с этим к некоторым спорным и дискуссионным вопросам, например к вопросу о переименовании центральной пешеходной улицы Баумана,

но ее прежнее название в результате все же было сохранено (ВК, 16.08.2005, № 130 (3072)).

К своему тысячелетию Казань обрела ярко выраженные черты национальной архитектуры. Прекрасным образцом ее стал отреставрированный к юбилею ансамбль исторической Старо-татарской слободы, в который входили здания мечетей и медресе, а также жилые дома купцов, промышленников и представителей татарской интеллигенции, являвшиеся объектами культурного наследия республиканского значения. Появились в городе и новые объекты историко-этнографического характера, например развлекательный комплекс «Туган авылым» («Родная деревня») на улице Островского. Комплекс состоял из восьми бревенчатых зданий, стилизованных под населенный пункт, где располагались ресторан национальной кухни, домики для отдыха и несколько кафе (ВК, 23.03.2005, № 44 (2986)). Проект «Родная деревня» пополнил число достопримечательностей и вскоре стал излюбленным местом отдыха туристов и горожан.

Чем ближе становилась юбилейная дата, тем больше статей об изменении облика города публиковала «ВК». Если в начале 2000-х годов такие статьи были единичными и посвящались преимущественно проблемам городской экологии (ВК, 21.04.2001 № 62 (2169); 3.05.2001, № 67 (2174); 23.04.2002, № 73 (2388); 23.04.2003, № 67 (2589)), то на протяжении 2005 г. они появлялись практически в каждом номере.

Заметим, что газета не только информировала о случившихся и предстоящих событиях или фактах, связанных с предъюбилейным преобразованием городского пространства, но и давала им оценку. Зачастую такие оценки были острокритическими.

Критический стиль работы газеты сложился еще в советское время, при первом ее редакторе Андрее Гаврилове – незаурядном, широко образованном и прогрессивно мыслящем человеке, сумевшем собрать и сплотить вокруг себя замечательную журналистскую команду [13, с. 41]. «Гавриловская Вечёрка» отличалась свободолюбивым характером: отправляла спецкоров в самые горячие точки, протестовала против строительства Татарской атомной электростанции, освещала острые, проблемные вопросы, которые боялись поднимать другие издания; давала независимую оценку происходящим событиям, за что ее так и любили читатели [13, с. 18–19]. «Если газета будет проходить мимо недостатков, то это будет уже не партийная газета, она не будет выполнять своего основного предназначения», – утверждал А.П. Гаврилов в одном из первых своих программных выступлений в качестве редактора «ВК» в 1979 г., предложив горкому КПСС взять на контроль все критические публикации [14, с. 3]. В годы перестройки (1985–1991) тираж «Вечёрки» достигал 230 тыс. экземпляров, что сделало ее самой читаемой газетой в городе. После смерти А.П. Гаврилова 28 сентября 1991 г. «Вечернюю Казань» возглавил его заместитель Хазбулат Шамсутдинов. И при нем газета не утратила своего авторитета и популярности, еще более возросшей в предъюбилейный период: в 2002–2005 гг. «Вечёрка» ежегодно удостоивалась национальной награды «Тираж – рекорд года» как лучшая в номинации «вечерняя газета» (ВК, 02.12.2005, № 190 (3132)). «ВК» продолжала поднимать на своих страницах острые темы. Так, накануне юбилейных событий было запланировано переустройство транспортной системы города, однако этот процесс сопровождался постоянными пробками на дорогах. В свя-

зи с этим «Вечёрка» опубликовала интервью с начальником отдела технической политики комитета по транспорту и связи администрации г. Казани Маратом Мубаракшиным «Два кольца, два конца, а посередине – Кремль», в котором корреспондент газеты Наталья Вяткина задала ему острые вопросы по поводу организации дорожного движения в обозримом будущем (ВК1, 13.04.2001, № 56 (2163)). В интервью речь шла об обострении транспортной проблемы, связанном с возросшим потоком автомобилей на улицах города, о совершенствовании радиально-кольцевой схемы дорог и магистралей, о строительстве недостающих звеньев Большого (БКК) и Малого казанского кольца (МКК), а также о радиальных дорогах и дорогах в поселках, недавно вошедших в черту Казани, о строительстве надземных и подземных пешеходных переходов.

В дальнейшем редакция газеты регулярно возвращалась к вопросу о ходе ремонтных работ на дорогах и спорности подходов к реализации реставрационной политики. В ряде статей прямо указывалось, что многое из запланированного по Федеральной целевой программе «Сохранение и развитие исторического центра Казани» остается нереализованным, а реставрация зданий проводится выборочно. Так, в статье Марины Юдкевич «Мы сами будем восхищаться, как мы все успели» упоминалось о двухэтажном угловом доме на перекрестке улиц Пушкина и Карла Маркса – памятнике жилой архитектуры 50-х годов XIX в., принадлежавшем первоначально помещику А.Н. Бульгину, а с 1895 г. – профессору Казанского университета, известному ученому-медику А.Н. Казем-Беку и находящемся прямо по соседству с уже отремонтированным зданием Казанской ратуши (бывшего Дворянского собрания). С 1884 г. в этом доме располагался Шахматный клуб, который частенько посещали и студент Казанского университета Владимир Ульянов, и Федор Шаляпин. В 1912 г. здесь проводил показательный шахматный матч тогда еще начинающий – а впоследствии знаменитый – шахматист Александр Алёхин. Автор статьи задавалась вопросом о том, почему этот памятник архитектуры не подвергается реставрации, а вместо нее запланирована лишь покраска фасада здания, выходящего на площадь Свободы, за счет нового хозяина особняка (ВК1, 14.05.2005, № 75 (3017)). В статье Ольги Мачневой «Хоть все тресни, но метро будет на этом месте» внимание было обращено на состояние другого архитектурного памятника, теперь уже федерального значения, – отстроенного в середине XVII в. Иоанно-Предтеченского монастыря, одной из древнейших православных обителей Казани. В ходе строительства метрополитена в зданиях монастыря образовались трещины, что взволновало и Казанскую епархию, и городскую общественность. Несмотря на многочисленные письма и обращения в адрес казанского мэра, возмущение и петиции прихожан изменений в проекте строительства метрополитена сделано не было. В управлении по строительству Казанского метрополитена корреспонденту «ВК» ответили, что монастырь разрушается вследствие возраста и отсутствия своевременных ремонтных работ, а не потому, что возле него расположили станцию метро. В статье отмечалось, что к юбилею города планировалось отреставрировать 19 православных памятников-храмов, однако без привлечения внимания средств массовой информации процесс реставрации продвигался очень медленно (ВК1, 15.02.2005, № 23 (2965)). К теме разрушения Иоанно-Предтеченского монастыря газета больше не возвращалась, зато отмечала успешную реставрацию Благовещенского собора (ВК1, 19.07.2005,

№ 114 (3056)). Кроме того, «ВК» призывала горожан принять участие в сборе средств на реставрацию храма Нерукотворенного образа Спасителя, построенного как памятник православным воинам, павшим при взятии Казани в 1552 г. (ВК1, 19.03.2005, № 42 (2984)).

Третья группа публикуемых в «ВК» материалов – это результаты диалога с читателями, который стал еще более интенсивным и заметным в преддверии 1000-летнего юбилея города. Активное участие в нем принимали и профессиональные градостроители, и архитекторы, и просто заинтересованные горожане. Успех газеты во многом объяснялся ее интерактивным характером, ориентацией на постоянное взаимодействие с читателем, что выражалось в многочисленных публикациях материалов «вовлекающего» формата [15, с. 129] (колонки «Опрос ребром», «Конкурс “ВК”», «Интервью “ВК”», «Точка зрения», «Глас народа» и др.).

Обозначенная тенденция, как показывает фронтальный просмотр материалов газеты с конца 1999 по 2005 г., стала особенно заметной начиная с 2001 г., когда на страницах «ВК» регулярно публиковались письма читателей с предложениями по улучшению рекреационно-досугового пространства Казани, совершенствованию транспортной инфраструктуры, очистке от мусора как центра города, так и городских окраин (см. письма пенсионерки Татьяны Нужиной, жительницы Казани Н. Давлетшиной, инженера Юрия Годовикова и многие другие) (ВК, 12.05.2001, № 74 (2181); 28.07.2001, № 120 (2227)). В ноябре 2001 г. «ВК» публикует на своих страницах статью члена Союза архитекторов РФ и РТ Хабила Исханова «Застройка исторического центра пущена на самотек», в которой внимание акцентировалось на отсутствии общей композиционной идеи и единого проекта детальной планировки городского центра, бездумном разрушении исторической застройки. Автор указывал, что застройка одинаковыми малоэтажными зданиями создает однообразие, монотонность, обедняет панораму города и не способствует созданию уникального образа городской среды, особенно учитывая то, что исторически Казань обладает особым природным ландшафтом. Природные преимущества берегов озера Кабан, реки Казанки рационально не используются. Архитектор предлагал расширить в связи с увеличением транспортного потока узкие улицы, рассчитанные изначально лишь на конные повозки, строить здания в центральной части города с учетом композиционных и функциональных требований градостроительства (ВК, 23.11. 2001, № 186 (2293)).

В результате таких публикаций в газете был проведен тематический опрос «А что бы разрушить нам, татарстанцам?», направленный на выявление общественного мнения по вопросу ремонта и реконструкции старых зданий (ВК, 11.01.2002, № 5 (2320)). Большинство опрошенных сошло во мнении, что лучше созидать и реконструировать, нежели уничтожать. При этом читатели высказались в пользу уничтожения зданий, не соответствующих архитектурному облику Казани (например, гостиницы «Татарстан») или не имеющих практической пользы (ряд долгостроев в Московском районе).

По итогам 2001 г. редакцией была организована прямая линия читателей с сотрудниками газеты, в ходе которой предлагалось высказать мнение о ее достоинствах и недостатках. «О чем бы вы хотели прочитать на страницах “Вечёрки”? Что вам нравится в нашей газете? Что не устраивает в материалах

журналистов?» – говорилось в анонсе «Прямой связи» от 22 декабря 2001 г. (ВК, 22.12.2001, № 205 (2312)). Анализ полученных откликов, опубликованных на страницах газеты, свидетельствует о том, что в целом читатели высоко оценивали деятельность газеты, отмечали конструктивный подход «Вечёрки» при решении актуальных проблем, смелость в суждениях, независимость в оценках, оперативность, авторитетность. Однако во многих отзывах содержалось требование сообщать «о реакции на материалы, о результатах публикаций», что говорит о потребности видеть в газете влиятельный социальный институт и авторитетного посредника, который не только выражает мнение определенных социальных групп, но и содействует решению острых проблем.

Ряд читателей в этой связи предлагал заменить рубрику «Вопросы без ответов» рубрикой «Вопрос – ответ» (ВК, 25.12.2001, № 208 (2313); 29.12.2001, № 212 (2315)). Перед началом «Прямой связи» с читателями газета попросила высказывать только оценку работы самой газеты и связанные с ней замечания, не касаясь вопросов городского благоустройства. «Единственная просьба: на этот раз мы ждем от вас разговора о газете, о ее достоинствах и недостатках. О пенсиях, проблемах снабжения горячей водой или мусорных свалках в вашем дворе поговорим в следующий раз», – писала «Вечерняя Казань» 25 декабря 2001 г.

В ходе «Прямой связи» было высказано и опубликовано предложение «больше обращаться к читательским письмам», чтобы жители города могли узнать, какие проблемы волнуют их земляков, а также прослеживалась довольно тесная и доверительная связь между читателями и газетой. Корреспондент «ВК» Ольга Мачнева ответила, что «самые интересные письма» газета публикует, но формат их подачи может быть изменен. Кроме того, читатели высказали претензию в связи с тем, что газета по большей части лишь информирует о происходящих в городе переменах, однако обращает мало внимания на жизнь самих казанцев. «Но мне хочется знать о жизни таких же, как я, простых казанцев. К примеру, как они выживают в трудное время?» – спрашивает один из читателей. «Хочу спросить – кто-нибудь там, наверху, прислушивается к вашим выступлениям?» – задает вопрос Ирина Бочарова. А пенсионер-аноним из поселка Нагорный пожелал «ВК» «конечного результата всех критических публикаций». В.Ф. Дейнекин рекомендовал создать в газете рубрику «Невоплощенные проекты», в которой читатели могли бы рассказать о своих предложениях по благоустройству города, не получивших поддержку городской администрации. В ответ газета призналась, что результата добиться получается далеко не всегда, и привела примеры ситуаций, когда проблема была решена, а также ситуаций с противоположным результатом.

Газета не только излагала мнения горожан, но и прямо инициировала их участие в преобразовании городского пространства. Например, после очередного апрельского субботника 2001 г. корреспондент «ВК» Алия Зиганшина провела опрос «Банкир ты или плотник – бери метлу и на субботник!» об отношении казанцев к субботникам, об их необходимости и результативности (ВК, 21.04.2001, № 62 (2169)). Большинство респондентов к этому явлению отнеслось положительно: «субботник необходим», «мы должны воспитывать в себе культуру поведения», однако прозвучали и отрицательные отзывы: «Мы все платим налоги в бюджет, из которого выделяют деньги на благоустройство».

«ВК» в противовес негативному мнению процитировала слова директора школы И. Орлова: «Сейчас смысл субботников в том, чтобы навести вокруг себя порядок, а не в бесплатной работе “на благо общества”». В целом же преобладающее число положительных отзывов подтвердило мнение редакции о необходимости субботников, об ответственности за экологическое состояние города не только городской администрации, но и всех субъектов городской среды.

Чрезвычайно интересны проведенные газетой и размещенные на ее сайте 30 августа 2005 г. результаты интернет-опроса «Вам нужен праздник “Тысячелетие Казани”?» (ВК, 30.08.2005, № 138 (3080)). Всего в опросе приняло участие 526 человек, причем лишь 115 из них положительно отреагировали на юбилей Казани. Мнение 68 читателей было однозначно положительным («Я жду такого праздника и искренне рад, что он состоится»). 47 человек разделили эту радость лишь отчасти («Праздник моего родного города – это здорово, но проводить его следует иначе»). Большая же часть респондентов высказалась по поводу праздника весьма скептически. 256 человек заявили, что казанцы «чужие на этом празднике», 146 человек сообщили о намерении покинуть город на время торжества. Категорично судить об общественном мнении жителей миллионного города, основываясь на ответах лишь 526 человек, безусловно, невозможно.

Подводя итог, заметим, что анализ материалов, опубликованных в 1999–2005 гг. на страницах газеты «Вечерняя Казань», подтверждает тот факт, что это периодическое издание являлось информационно насыщенным источником по истории трансформации городского пространства накануне 1000-летнего юбилея города. Размещенные на страницах «ВК» публикации представляют собой единый источниковый комплекс со сложной структурой, обусловленной их множественностью и разнотипностью, определяемой авторством, жанровой спецификой и содержанием публикаций. Это позволяет, с одной стороны, достаточно полно реконструировать происходившие тогда процессы и обозначить их результаты, выявить соотношение властных преобразовательных стратегий и установок и повседневных поведенческих практик населения, охарактеризовать роль газеты не только как транслятора, но и как создателя юбилейного образа города. С другой стороны, большое количество и разнотипность материалов газеты дают возможность их сопоставления в целях верификации содержащихся в них сведений, определения степени достоверности и репрезентативности всего источникового комплекса и каждой из публикаций в отдельности.

На страницах «ВК» новый образ тысячелетнего города предстает в переплетении и борьбе мнений, причем немаловажную роль в его формировании играло активное и постоянное взаимодействие газеты с читателем, голос которого был успешно интегрирован в газетный дискурс. Из проанализированных публикаций становится очевидным, что, несмотря на инициацию «сверху», для кого-то этот праздник был и «его» праздником и вдохновлял на сопричастность. Для других же читателей празднование 1000-летия Казани становилось лишь подходящим поводом для решения повседневных бытовых проблем.

Материалы газеты отразили все основные направления и способы формирования нового городского праздничного культурного ландшафта. Между тем хотелось бы отметить, что складывавшиеся коммеморативные практики представляли собой скорее память о юбилее, чем память о его исторических истоках –

память о городе, основанном тысячу лет тому назад. Причина этого заключалась в отсутствии сохранившихся источников того времени, являющихся хранителями как «твердой», так и «мягкой» памяти [16, с. 89] об этом событии.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Источники

ВК – Вечерняя Казань: общественно-политическая газета. Казань, Республика Татарстан, 1999–2000.

ВК1 – Вечерняя Казань, 2001–2005. [Электронный ресурс]. URL: <http://old.evening-kazan.ru/>, свободный.

Пост. – Постановление главы администрации г. Казани от 25 авг. 2005 г. № 2100 «О переименовании улиц в г. Казани». URL: <https://tatarstan-gov.ru/doc/5147>, свободный.

Указ – Указ Президента РФ от 1 сент. 1999 г. № 1141 «О праздновании 1000-летнего основания г. Казани (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/1581054/>, свободный.

Литература

1. *Прасолов Д.Н.* Коммеморативные практики в современной Кабардино-Балкарии // Неприкосновенный запас. 2017. № 2. С. 67–82.
2. *Красильникова Е.И., Наумов С.С.* Празднование трехсотлетних юбилеев сибирских городов как отражение государственной и региональной политики памяти (1904–2016 гг.) // Вестн. Том. гос. ун-та. История. 2023. № 82. С. 81–88.
3. *Алисов Д.А.* Культурный ландшафт города и историческая память: проблемы формирования и разрушения // Культурные ландшафты городов Сибири (аксиология, история, практики): материалы X Всероссийского научного симпозиума «Проблемы культуры городов России» (Омск, 30 сентября 2020 г.) [Электронное издание] / под ред. Д.А. Алисова, О.В. Петренко. М., Омск: Сибирский филиал Института Наследия, 2020. С. 347–356. URL: <https://heritage-institute.ru/wp-content/uploads/2020/12/kulturnye-landshafty-gorodov-sibiri.pdf>, свободный. <https://doi.org/10.34685/NI.2020.32.21.014>.
4. *Дмитриева О.О., Иванова Т.Н., Минеева Е.К.* Исторические юбилеи как церемониальная коммеморативная практика (сравнительный анализ празднования 1000-летия российской государственности, 100-летия Отечественной войны 1812 года и 300-летия царствования дома Романовых в Российской империи) // Диалог со временем. 2020. Вып. 72. С. 280–291. URL: <https://roii.ru/r/1/72.20>, свободный.
5. *Мальшева С.Ю., Сальникова А.А.* «Ленинский миф» в исторической памяти и корпоративной культуре Казанского университета // Диалог со временем. 2021. № 74. С. 101–115. URL: <https://roii.ru/r/1/74.8>, свободный.
6. *Соколова О.М.* Коммеморация в городском пространстве: город как место культурно-исторической памяти. Минск: БГУКИ, 2022. 489 с.
7. *Красильникова Е.И.* Помнить нельзя забыть... Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири (конец 1919 – середина 1941 г.). Новосибирск: ИЦ НГАУ «Золотой колос», 2015. 404 с.
8. *Нора П.* Франция – память / Пер. с фр. Д. Хапаевой СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999. 325 с.
9. *Абашев В.В., Печищев И.М.* Городские сетевые издания как агенты урбанизации // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. № 4 (30). С. 201–214.

10. *Абаишев В.В., Власова Е.Г., Печищев И.М., Пустовалов А.В., Курбанова Р.Ф.* Урбанизм и урбанисты в российских сетевых изданиях 2010-х годов. [Электронный ресурс]: монография. Пермь: ПГНИУ, 2020. 172 с. URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/urbanizm-i-urbanisty-v-ros-setevykh-izdaniyax-2010-g.pdf>, свободный.
11. Хазбулат Шамсутдинов: «СМИ – это буфер между властью и обществом» // Татцентр.ру – деловой центр республики Татарстан: бизнес-новости Татарстана и Казани. 17.11.2005. URL: <https://tatcenter.ru/rubrics/lyudi-nashej-respubliki/hazbulat-shamsutdinov-quot-smi-eto-bufer-mezhdu-vlastyu-i-obshhestvom-quot/>, свободный.
12. *Бахтурин В.В.* Периодическая печать как источник по изучению историко-культурного облика сибирского города в условиях юбилейных коммемораций (на примере столетия восстания декабристов) // Культурные ландшафты городов Сибири (аксиология, история, практики): материалы X Всероссийского научного симпозиума «Проблемы культуры городов России» (Омск, 30 сентября 2020 г.) [Электронное издание] / под ред. Д.А. Алисова, О.В. Петренко. М., Омск: Сибирский филиал Института Наследия, 2020. С. 101–113. URL: <https://heritage-institute.ru/wp-content/uploads/2020/12/kulturnye-landshafty-gorodov-sibiri.pdf>, свободный. <https://doi.org/10.34685/НИ.2020.32.21.014>.
13. Андрей Гаврилов. Он был редактором от Бога / Ред. Ян Арт. Казань: Агентство «Информ-клуб ЭС», 2002. 130 с.
14. *Агеева Л.* Мы искренне верили, что пришло время свободы слова // Казанские истории. 2021. № 6. С. 2–24.
15. *Власова Е.Г.* Историческое прошлое в отражении урбанистически ориентированных медиа: новые приемы коммеморации // Вестн. Перм. ун-та. Рос. и зарубеж. филология. 2021. Т. 13. № 4. С. 129–137. <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2021-4-129-137>.
16. *Эткинд А.М.* Кривое горе: Память о непогребенных. М.: НЛЮ, 2016. 328 с.

Поступила в редакцию 15.01.2024

Принята к публикации 15.03.2024

Сальникова Алла Аркадьевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и архивоведения

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: Alla.Salnikova@kpfu.ru

Афанасьева Татьяна Валерьевна, аспирант кафедры отечественной истории и архивоведения

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: t-afanasyeva-t@yandex.ru

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.2.147-161

**Celebratory Image of the 1000-Year-Old City in the Newspaper “Vechernyaya Kazan’ ”
(From the Late 1990s to the First Half of the 2000s)**

A.A. Salnikova*, T.V. Afanasieva**

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: *Alla.Salnikova@kpfu.ru, **t-afanasyeva-t@yandex.ru

Received January 15, 2024; Accepted March 15, 2024

Abstract

This article explores how “Vechernyaya Kazan’ ” (‘Evening Kazan’), a socio-political newspaper specializing in urban affairs, shaped the celebratory image of Kazan for its 1000th anniversary by publishing a variety of multi-genre materials in the late 1990s–early 2000s. For the first time, the vital and informative role of “Vechernyaya Kazan’ ” in documenting the city’s transformation in anticipation of the celebration held on August 24th–30th, 2005 is shown. The newspaper did not only cover the changes in the urban landscape—their scenarios, progress, and results, but also was actively engaged itself in these events, emphasizing to the general public the importance of both the city’s anniversary and the preparations involved. In addition to spotlighting the official commemorative sites, “Vechernyaya Kazan’ ” showcased numerous public initiatives and efforts aimed to make the city more comfortable. Particular attention is paid to the newspaper’s interactive features, which contributed significantly to its success.

Keywords: history, historical sources, periodicals, “Vechernyaya Kazan’ ”, the city’s 1000th anniversary, urban space transformation, anniversary code, late 1990s–first half of the 2000s

Conflicts of Interest. The authors declare no conflicts of interest.

References

1. Prasolov D.N. Commemorative practices in modern Kabardino-Balkaria. *Neprikosnovennyi Zapas*, 2017, no. 2, pp. 67–82. (In Russian)
2. Krasil’nikova E.I., Naumov S.S. Celebration of the 300th anniversaries of Siberian cities as a reflection of the state and regional policy of commemoration (1904–2016). *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Istoriya*, 2023, no. 82, pp. 81–88. (In Russian)
3. Alisov D.A. Urban cultural landscape and historical memory: Problems of development and destruction. *Kul’turnye landshafty gorodov Sibiri (aksiologiya, istoriya, praktiki): materialy X Vserossiiskogo nauchnogo simpoziuma “Problemy kul’turny gorodov Rossii” (Omsk, 30 sentyabrya 2020 g.)* [Cultural Landscapes of Siberian Cities (Axiology, History, and Practices): Proc. 10th All-Russ. Symp. “Problems of Urban Culture in Russia” (Omsk, Sept. 30, 2020)]. Alisov D.A., Petrenko O.V. (Eds.) Moscow, Omsk, Sib. Fil. Inst. Naslediya, 2020, pp. 347–356. URL: <https://heritage-institute.ru/wp-content/uploads/2020/12/kulturnye-landshafty-gorodov-sibiri.pdf>. <https://doi.org/10.34685/HI.2020.32.21.014>. (In Russian)
4. Dmitrieva O.O., Ivanova T.N., Mineeva E.K. Historical anniversaries as ceremonial commemorative practices (comparative analysis of the celebrations of the 1000th anniversary of the Russian statehood, the 100th anniversary of the Patriotic War of 1812, and the 300th anniversary of the reign of the House of Romanovs in the Russian Empire). *Dialog so Vremenem*, 2020, no. 72, pp. 280–291. URL: <https://roii.ru/t/1/72.20>. (In Russian)
5. Malysheva S.Yu., Salnikova A.A. “Lenin’s myth” in the historical memory and corporate culture of Kazan University. *Dialog so Vremenem*, 2021, no. 74, pp. 101–115. URL: <https://roii.ru/t/1/74.8>. (In Russian)

6. Sokolova O.M. *Kommemoratsiya v gorodskom prostranstve: gorod kak mesto kul'turno-istoricheskoi pamyati* [Commemoration in Urban Space: Cities as Places of Cultural and Historical Memory]. Minsk, BGUKI, 2022. 489 p. (In Russian)
7. Krasil'nikova E.I. *Pomnit' nel'zya zabyt'... Pamyatnye mesta i kommemorativnye praktiki v gorodakh Zapadnoi Sibiri (konets 1919 – seredina 1941 g.)* [Remember Not to Forget... Noteworthy Locations and Commemorative Practices in the Cities of Western Siberia (Late 1919–Mid-1941)]. Novosibirsk, Izd. Tsentr NGAU "Zolotoi Kolos", 2015. 404 p. (In Russian)
8. Pierre N. *Frantsiya–pamyat'* [France–Memory]. St. Petersburg, Izd. S.-Peterb. Univ., 1999. 325 p. (In Russian)
9. Abashev V.V., Pechishchev I.M. Online city media as urbanization catalysts. *Znak: Problemnoe Pole Mediaobrazovaniya*, 2018, no. 4 (30), pp. 201–214. (In Russian)
10. Abashev V.V., Vlasova E.G., Pechishchev I.M., Pustovalov A.V., Kurbanova R.F. *Urbanizm i urbanisty v rossiiskikh setevykh izdaniyakh 2010-kh gg.: monografiya* [Urbanism and Urbanists in Russian Online Media throughout the 2010s: A Monograph]. Perm, PGNIU, 2020. 172 p. URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/urbanizm-i-urbanisty-v-ros-setevykh-izdaniyax-2010-g.pdf>. (In Russian)
11. Khazbulat Shamsutdinov: "The media is a link between the government and society". *TATCENTER.ru*. Nov. 17, 2005. URL: <https://tatcenter.ru/rubrics/lyudi-nashej-respubliki/hazbulat-shamsutdinov-quot-smi-eto-bufer-mezhdu-vlastyu-i-obshhestvom-quot/>. (In Russian)
12. Bakhturin V.V. Using periodicals to study the history and culture of Siberian cities through anniversary commemorations (based on the 100th anniversary of the Decembrist Revolt). *Kul'turnye landshafty gorodov Sibiri (aksiologiya, istoriya, praktiki): materialy X Vserossiiskogo nauchnogo simpoziuma "Problemy kul'tury gorodov Rossii" (Omsk, 30 sentyabrya 2020 g.)* [Cultural Landscapes of Siberian Cities (Axiology, History, and Practices): Proc. 10th All-Russ. Symp. "Problems of Urban Culture in Russia" (Omsk, Sept. 30, 2020)]. Alisov D.A., Petrenko O.V. (Eds.) Moscow, Omsk, Sib. Fil. Inst. Naslediya, 2020, pp. 101–113. URL: <https://heritage-institute.ru/wp-content/uploads/2020/12/kulturnye-landshafty-gorodov-sibiri.pdf>. <https://doi.org/10.34685/HI.2020.32.21.014>. (In Russian)
13. Andrei Gavrilov. *On byl redaktorom ot Boga* [Andrey Gavrilov. A Born Editor]. Art Ya. (Ed.). Kazan, Inform-Klub ES, 2002. 130 p. (In Russian)
14. Ageeva L. We truly believed that the era of free speech had begun. *Kazanskie Istorii*, 2021, no. 6, pp. 2–24. (In Russian)
15. Vlasova E.G. Historical past through urban-focused media: New approaches to commemoration. *Vestnik Permskogo Universiteta. Rossiiskaya i Zarubezhnaya Filologiya*, 2021, vol. 13, no. 4, pp. 129–137. <https://doi.org/10.17072/2073-6681-2021-4-129-137>. (In Russian)
16. Etkind A. *Krivoie gore: Pamyat' o nepogrebennykh* [Warped Mourning. Stories of the Undead in the Land of Unburied]. Moscow, NLO, 2016. 328 p. (In Russian)

⟨ **Для цитирования:** Сальникова А.А., Афанасьева Т.В. Юбилейный образ 1000-летнего города на страницах газеты «Вечерняя Казань» (конец 90-х годов XX века – первая половина 2000-х годов) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 2. С. 147–161. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.2.147-161>. ⟩

⟨ **For citation:** Salnikova A.A., Afanasieva T.V. Celebratory image of the 1000-year-old city in the newspaper "Vechernyaya Kazan'" (from the late 1990s to the first half of the 2000s). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 2, pp. 147–161. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.2.147-161>. (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 39+316

doi: 10.26907/2541-7738.2024.2.162-172

КУЛЬТУРНЫЙ ИНСТИТУТ В XXI ВЕКЕ: ПОТРЕБНОСТЬ, ТРАДИЦИЯ, КОНСТРУКТ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

В.Е. Козлов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

В статье концептуализированы особенности институциональных форм этносоциальной повседневности современного русского населения Республики Татарстан. В соответствии с авторской типологией охарактеризованы базовые институты культуры: этничность, религиозная идентичность, семья, этнокультурные практики. Проанализированы их роль и значение в различных социальных группах русских. Теоретическая рамка исследования основана на полипарадигмальном подходе и опирается на ряд известных социогуманитарных теорий (функциональную, феноменологическую и социальный конструктивизм). В качестве источника данных для проведенного анализа выступили материалы комплексного исследования «Социальное самочувствие и этнокультурные потребности русского населения Республики Татарстан», осуществленного осенью 2022 г. Сделан вывод о том, что традиционные институты культуры в настоящее время имеют различную степень востребованности у представителей русского населения Татарстана и могут быть маркированы как «потребность», «традиция» или «конструкт» в зависимости от их роли и ценности в среде изучаемой группы. Отмечается возрастающая роль городского пространства в конструировании этнической «традиции», особенно среди молодежи.

Ключевые слова: институт культуры, социальный институт, потребность, этничность, религиозная идентичность, традиция, инкультурация, конструкт

Понятие «институт» (культурный или социальный) вошло в методологический аппарат антропологии в первые десятилетия XX в. благодаря Б. Малиновскому [1] и до сих пор не потеряло своей эвристической ценности, несмотря на многочисленную критическую литературу, посвященную его теоретическому наследию [2]. По нашему мнению, данный факт обусловлен сохранением фундаментальных структур, необходимых для существования социальных общностей, несмотря на все более очевидные попытки заменить или *трансформировать* подобные структуры до потери ими исходной сущности [3]. Поэтому такие институты культуры, как семья и брак, религия, язык, находясь в течение последних десятилетий под серьезным давлением глобализации и урбанизации, сохраняют свою практическую и символическую ценность для большинства народов. Важным методологическим преимуществом понятия «институт» является его мультимодальность, то есть способность передавать обобщенный смысл как при

использовании нескольких теоретических концептов в рамках одного исследования, так и в случае описания различных элементов одного объекта, например этнической группы. В анализе, представленном в настоящей статье, был использован полипарадигмальный принцип, предполагающий сочетание ряда теоретических подходов, в частности функционального [4], феноменологического [5] и социоконструктивистского [6].

В качестве объекта исследования выступает этническая группа русских, проживающих на территории Республики Татарстан. Предметом анализа стали социокультурные практики современного русского населения, рассмотренные с позиции их сущностных оснований. Для типологизации мотивирующих факторов автор использовал общепринятые в антропологии понятия: потребность, традицию, конструкт. Прежде чем приступить к описанию полученных результатов, необходимо определить содержание и контекст, в которых использовались указанные выше понятия. Под «потребностью» основоположник функционального направления в антропологии Б. Малиновский понимал фундирующие основания человеческой жизнедеятельности, которые находят свою реализацию в виде культуры в общем смысле, то есть как совокупность результатов деятельности и социальных отношений в любом сообществе. Таким образом, потребность выступает в качестве основания для индивидуального и группового существования, обладая при этом как рациональной (то есть когнитивной), так и иррациональной формой. В настоящем исследовании под «потребностью» автор понимает осознанное, то есть декларируемое, или неосознанное, но выраженное в эмоционально-окрашенной форме стремление человека поддерживать социальные практики, которые идентифицируются им как этнокультурные. К таковым мы относим языковые, религиозные, брачно-семейные и собственно культурные. «Традиция» в нашем исследовании рассматривается как фреймирующая структура, в отличие от потребности не обладающая эксплицитной формой, но при этом институализирующая рутинную индивидуальную и групповую деятельность. Наконец, понятие «конструкт» используется нами для обозначения таких явлений, которые не имеют институализирующей функции для большинства представителей этнической группы, но наделены соответствующими маркирующими атрибутами (стереотипность, массовость). В ходе анализа использовались данные массового опроса, глубинных интервью и фокус-групп, проведенных с представителями русского населения республики в октябре–декабре 2022 г.

Предваряя анализ значимости отдельных институтов культуры в жизни русских Татарстана, согласно описанной выше типологии, стоит отметить следующее: менее половины всех респондентов согласились с тем, что в наше время человеку важно ощущать себя частью своей национальности, в то время как 20 % выразили несогласие с приведенным тезисом, а около трети затруднились с ответом. В возрастной группе «18–30 лет» несогласившихся было почти 26 %, а затруднившихся с выбором ответа – более 37 %. Тенденция к снижению выраженности этнической идентификации в общей структуре социальных идентичностей подтвердилась результатами ответов на вопрос, кем в большей мере ощущают себя респонденты. Так, вариант «русским» набрал около 26 % от общего количества полученных ответов, ненамного «опередив» вариант «мужчиной/женщиной» – почти 24 %, далее следовали вариан-

ты «гражданином России (россиянином)» – 16.2 % и «жителем Татарстана (татарстанцем)» – 11.5 %. В возрастной группе молодежи «18–30 лет» половая атрибуция даже незначительно превысила этническую, составив около 24 %. Согласно материалам глубинных интервью, респонденты в большинстве случаев испытывают гордость от ощущения своей русской этничности. Из интервью: *«Респондент: У меня есть только чувство гордости, никогда никакого сожаления нет. Я ощущаю себя русской. Когда училась в консерватории в Санкт-Петербурге, я дала себе такой профессиональный завет, хотя была возможность остаться там, что я приеду сюда и запишу песню и вообще материал по своей родине, и это я осуществила»* (женщина, 51 год, г. Казань). Кроме того, этническая принадлежность по-прежнему выступает достаточно четким индикатором для жителей сельской местности. Из интервью: *«Интервьюер: По вашему мнению, русские Татарстана задумываются о том, что они русские? Насколько быть русскими для них важно? Респондент: Вообще, нужно сказать в целом о каждом народе и о русском в том числе, что если говорить об этнической составляющей (что мы понимаем – как действительная идентичность), то она ярче выражается, на мой взгляд, в сельской местности»* (женщина, 64 года, г. Казань).

Таким образом, можно предположить, что этническая идентичность по-прежнему обладает легитимностью традиции, но все меньше выступает как потребность, особенно в среде молодежи. Для обозначенной возрастной группы, как показали материалы фокус-групп, характерным является в большей степени акцент на гражданской идентичности, а не этнической.

Одним из основополагающих культурных институтов традиционно является язык. В ходе исследования участникам был предложен ряд вопросов, отражающих общие этноязыковые приоритеты. Так, русский язык в качестве родного указали более 84 % респондентов, русский и татарский – 13.1 %, еще 2.2 % считают родными русский и какой-либо иной язык. При абсолютном преобладании монолингвистической идентификации заметна и доля респондентов, обладающих двойной идентификацией. Очевидно, что билингвистической идентичностью обладают в первую очередь те респонденты, которые, отвечая на вопрос, кем они в большей степени себя ощущают, отметили и более сложные варианты этнической идентификации, такие как: «больше русским и кем-то еще» (17.5 %), а также «русским и кем-то еще» (10.7 %). Из фокус-группы: *«Мне 47 лет, вузовский преподаватель. Я на 80 % русский, на 20 % татарин. Мама татарка, отец русский. Мама из Мензелинского района, сельская интеллигенция. Дед сотрудником Смерша был, бабушка сельской учительницей. Дедушки, бабушки по линии отца – это Муслимовский район, с. Михайловка. Отец – инженер, мама – врач. У меня получилась двойная идентичность. Превазирует русская, но и татарская имеет место быть, потому что институт татарских бабушек очень серьезный, большое влияние на меня оказали»* (мужчина, 47 лет, г. Казань). Оценить характер лингвистических приоритетов позволяет проективный вопрос: «Каким языком, по вашему мнению, должны владеть ваши дети (внуки) в первую очередь?». Исходя из полученных ответов (более 94 % от общего числа принявших участие в исследовании указали русский), очевидно, что русский язык остается в безоговорочном приоритете для респондентов с точки зрения межпоколен-

ных связей, продолжая выступать как потребность на групповом уровне. Для участников глубинных интервью и фокус-групп важным является ощущение своего родного языка как ключевого связующего элемента межпоколенных и родственных связей.

Из интервью: *«Респондент: Я говорю, что это формировалось еще до того, как я могла ответить, что такое родной язык, объяснить. Для меня родной язык – это был язык мамы и папы, бабушки и дедушки, на котором говорит семья»* (женщина, 37 лет, г. Казань).

Вместе с тем вторым по популярности в качестве языка, которым должны владеть дети и внуки респондентов, со значительным перевесом стал английский язык (62.6 % от общего количества участников), в то время как татарский язык указали лишь 17 % респондентов. В разрезе по возрастным группам наибольшая доля респондентов, ориентированных на обучение своих детей английскому языку, отмечается в категории «18–30 лет» (70.6 %), немногим меньшая – в категории «31–50 лет» (67.9 %) и наименьшая – в категории «51 и старше» (48 %). Относительно ориентации на обучение своих детей татарскому языку во всех трех возрастных группах отмечены близкие показатели: 15.5 % – в группе «18–30 лет», по 17.6 % – в двух других. С точки зрения места проживания (город/село) и пола респондентов лингвистические приоритеты демонстрируют следующую зависимость: более ориентированы на обучение английскому языку своих детей жители сельской местности (71.7 %) в сравнении с горожанами (59 %), а также больше женщины в сравнении с мужчинами – 66.4 % против 58.5 %. В случае с татарским языком более высокий интерес демонстрируют горожане (18.9 %), в то время как у сельчан доля планирующих обучать своих детей татарскому языку составляет 12.2 %. Половая принадлежность в обозначенном случае не является определяющим фактором: 16.8 % мужчин и 17.2 % женщин ориентированы на изучение их детьми татарского языка. При этом около 35 % участников опроса отметили, что сами владеют татарским языком в той или иной мере. Сопоставив приведенные выше данные о лингвистических приоритетах респондентов с их ответами на вопрос о сфере занятости (почти 73 % респондентов в группе «18–30 лет» заняты деятельностью, ориентированной на республиканскую экономику: жилищно-коммунальное хозяйство, сельское хозяйство, органы правопорядка и армия, торговля, строительство), а также с отсутствием у подавляющего большинства планов по переезду за пределы Татарстана и России (лишь 6 % молодежи указали, что хотят переехать за пределы страны), можно предположить, что в повседневной коммуникации английский язык абсолютным большинством респондентов, даже самой молодой возрастной группы, не используется и перспективы расширения сферы его применения не очевидны, в отличие от татарского языка, который имеет в Татарстане статус государственного. Некоторые участники фокус-групп отмечали языковой фактор, а именно владение или невладение татарским языком, в качестве критерия при трудоустройстве в некоторых сферах профессиональной деятельности внутри республики.

Таким образом, этнолингвистические приоритеты русского населения, распространяющиеся помимо родного и на другие языки, можно рассматривать как определенный социальный конструкт, получивший в последние десятилетия характер социального стереотипа. При этом степень стереотипизации несколько

различается в различных социальных группах: в частности, подобная стереотипизация имеет более выраженный характер у молодежи, жителей сельской местности и женщин.

Наличие религиозной идентичности подтвердили более 61 % респондентов, в то же время около 37 % отметили, что в целом не считают себя верующими. 93.5 % из тех, кто отнес себя к верующим, считают себя православными. В возрастной группе «18–30 лет» доля тех, кто отметил себя как верующих, составила около 35 %, а как неверующих – более 61 %, в возрастных группах «31–50 лет» и «51 год и старше» доля отнесших себя к верующим была в два и более раз выше. Интересные тенденции были выявлены в ходе бесед с молодыми респондентами в рамках глубинных интервью и фокус-групп: в частности, рассуждая о своем отношении к религии в целом и к православию как религии своих родственников, они не раз озвучивали сюжеты о том, что их религиозная идентичность и связанные с этим практики проходили через фазы личностного скептического переосмысления и даже отрицания, которое приходилось на позднеподростковый период или первые годы обучения вне родительского дома. Из фокус-группы: «Модератор: *Считаете ли вы себя верующим? Почему?* Респондент: *Я крещеная, но не верующая. Раньше я считала себя атеистом. На данный момент думаю, что что-то, возможно, есть. Я не могу этого отрицать, но сама не верю. Родители верующие. Во время праздников в церковь ходят, мы отмечаем и Рождество, и Пасху, и Троицу. Иногда посты держат. Я к этому сейчас отношусь проще, в юношестве был негатив какой-то»* (женщина, 20 лет, г. Казань).

В группах «горожане/сельчане» и «мужчины/женщины» различия также имелись, но не носили значимого характера. С целью пояснить свое отношение к религии респондентам было предложено выбрать наиболее соответствующий их мировосприятию тезис относительно сущности и роли религии в современном мире. Наиболее популярным вариантом ответа стал следующий: «человек сам, полностью осознанно подходит к вопросам веры, выбора религии», набравший 48.9 % голосов респондентов, следующим по популярности стали варианты «человека на путь приобщения к вере наставляют его отец и мать (семья), поскольку религию не выбирают, она передается от поколения к поколению» (его отметили 30.5 % респондентов) и «человек будет неустанно повышать свой уровень образования и культуры и не будет нуждаться в авторитете религии» (12.2 %), остальные варианты, в том числе предложенные самими респондентами, набрали в сумме немногим более 8 %. Исходя из полученных результатов, можно считать, что лишь для трети современных русских жителей Татарстана религия является традицией, передаваемой посредством инкультурации, то есть через семью. Причем в возрастной группе «18–30 лет» обозначенный вариант выбрали всего около 17 % респондентов, в то время как на «личный выбор» религии указали более 57 %, а на вариант, предполагающий отказ от религии по мере повышения образовательного и культурного уровня, – более 18 %. Еще одним фактором амбивалентной религиозной идентичности или отказа от религиозной идентичности в целом является традиционно высокая в республике доля межэтнических браков, дети в которых либо имеют двойную религиозность, имеющую, скорее, этнокультурный окрас, либо сознательно при одобрении родителей выбирают внерелигиозную идентичность.

Из фокус-группы: «Модератор: *Вы соотносите себя с какой-то религиозной традицией? Считаете себя православным или это для молодежи сейчас не актуально?* Респондент: *У нас семья смешанная, дедушка в мечеть ходит. Я не крещеный. Праздники все отмечаем*» (мужчина, 19 лет, г. Елабуга).

В возрастной группе «51 год и старше», напротив, доли тех, кто отдал предпочтение вариантам личного выбора и вовлечения в религию через семью, оказались почти равными – 42 % и 40 % соответственно. Из фокус-группы: «*Я православной себя ощущаю. У меня в голове по-другому быть не может. Я с детства находилась в православии, даже когда все было запрещено. Но для меня осталось, видимо, это наследие рода, что есть старший по роду, тогда был дедушка, говорил – церковь, иконы, важно читать молитвы, просить Бога. Я хожу в церковь. Сейчас раз в месяц*» (женщина, 56 лет, г. Казань). Очевидна корреляция между отношением к сущности и роли религии и возрастом респондента. Таким образом, доля респондентов, рассматривающих религию как часть культурной традиции, составляет менее трети от числа всех принявших участие в исследовании и менее пятой части в группе молодежи. Что касается религиозных практик, то посещающих церковь только по религиозным праздниками насчитывается 31.2 % в общей группе респондентов и 18 % – среди молодежи. Согласно приведенным выше данным, религия чаще рассматривается русскими Татарстана как личностный выбор, который опосредован индивидуальными, а не групповыми потребностями. При этом эксплицитную форму потребности, сопряженную с традицией, реализуют лишь 7 % респондентов: к ним мы отнесли тех, кто посещает церковь (религиозное заведение) не реже одного раза в неделю. Эксперты, вовлеченные в этнокультурную деятельность русского населения республики, отмечают, что в целом можно говорить о постепенном затухании православной религиозности, сопряженной с ритуальными практиками, причем подобные тенденции имеют место не только в среде городской молодежи, но и в сельской местности. В последнем случае это связано с угасанием русского села, начавшемся еще в середине XX в. как следствие усиленной урбанизации, и усилением депопуляционных процессов в постсоветский период, когда они приобрели необратимый характер. Из интервью: «Интервьюер: *Как Вы считаете, у русского населения есть потребность в религиозности, в православной религиозности? Не кажется ли Вам, что она затухает, особенно в городе у молодежи?* Респондент: *Затухает, уходит и не только в городе и не только у молодежи, но и на селе многие уже не ходят в церковь*» (женщина, 37 лет, г. Казань).

Семья и брак в качестве ключевого социального института сохраняют безусловную ценность для половины респондентов, еще 34.4 % скорее согласны с этим. Не считают, что в современном мире семья и брак остаются важной целью для любого человека, 12.5 % респондентов, в том числе 22.9 % в возрастной группе «18–30 лет». То, в какой мере институт семьи и брака имеет этнокультурное наполнение для участников исследования, можно отчасти оценить, сопоставив приведенные выше данные с результатами анализа ответов на вопрос о том, какие формы фиксации брачного союза являются для них предпочтительными. Так, исключительно светскую форму регистрации брака выбрали 61.2 % респондентов, смешанную (включающую как регистрацию в органах ЗАГС, так и религиозный обряд) – 24.9 %, вариант оформления брачных отношений только

по религиозному обряду без регистрации в органах ЗАГС отметили 2.5 %, а еще 8.8 % хотели бы просто просто жить вместе, без какой-либо регистрации отношений. В возрастной группе «18–30 лет» смешанную форму регистрации брака выбрали 15.8 %, только религиозную – 2.5 %, а просто жить вместе без регистрации отношений предпочли бы 16.9 %.

Иными словами, брак как социокультурный институт рассматривает около трети респондентов, а в возрастной группе «18–30 лет» – лишь пятая часть. Эти данные коррелируют с описанными выше ответами респондентов о роли семьи в приобщении к религии. Для большинства современного русского населения Татарстана брак остается потребностью, но имеющей в большей степени общесоциальное значение. Подобное предположение косвенно подтверждается и тем фактом, что почти 70 % респондентов в целом положительно относятся к этнически смешанным бракам, а среди молодежи доля таких ответов составила более 75 %. Из фокус-группы: «Модератор: *Готовы ли вы стать партнером в межэтническом браке?* Респондент: *У меня молодой человек казах. И он мусульманин.* Модератор: *С его родителями знакомились уже?* Респондент: *Да. Я ездила в Казахстан. Для меня это очень сложно. Мне было сложно – другая национальность, другие традиции. Я готова к тому, чтобы это принять, но для меня это сложно»* (женщина, 28 лет, г. Казань).

Роль этнической культуры в качестве социокультурного института для современного русского населения республики позволяют оценить ответы респондентов на вопросы о степени их вовлеченности в событийную повестку, связанную с русской культурой. В целом немногим менее 60 % респондентов отметили, что посещают мероприятия, посвященные русской культуре (народные праздники, представления, театральные и музыкальные постановки), из них 7.2 % регулярно и 50.2 % иногда. В то же время треть участников исследования не посещает подобные мероприятия, потому что им это не интересно. В возрастной группе «18–30 лет» доля подобных ответов составила около 42 %. Материалы глубинных интервью и фокус-групп подтверждают результаты массового опроса. Так, у большей части респондентов в отношении условно-обобщенной традиционной культуры сложилось устойчивое убеждение в ее несоответствии запросам широкой массы молодых русских республики. Противоположное мнение, высказанное в ходе бесед, встречалось реже, но у тех, кто придерживался позиции актуальности народной традиции в современной жизни, аргументация была более предметной. Из фокус-группы: «*Например, есть праздник 14 февраля. Но у нас же есть собственный праздник День семьи, Петра и Февроньи. Но мы его не популяризируем. Он же имеет свою историческую ценность, это наш исконно русский праздник. И мне кажется, что, если бы это было немножко по-другому представлено, с уклоном для молодежи, это было бы здорово. Наши праздники формируют правильные ценности. Ценность семьи, хороших отношений»* (женщина, 20 лет, г. Казань).

При этом чуть менее 27 % респондентов по-прежнему хранят в семье какие-либо атрибуты народной культуры. В сумме было указано 367 наименований предметов, которые респонденты рассматривают в качестве элементов народной культуры. Среди наиболее часто называемых: утварь (*посуда, ложки, рушники, ухват* и др.) – 137 упоминаний, одежда (*платье, головные уборы,*

обувь) – 38, иконы – 37, игрушки – 23, самовар – 9. Исходя из приведенных данных, можно предположить, что собственно этническая культура выступает как осознаваемая потребность для не очень большой части русских Татарстана, но при этом в качестве традиции охватывает преобладающую часть представителей территориальной группы. С этим выводом не согласны представители официальной организации русских Татарстана, которые полагают, что в республике не только выстроена эффективная система поддержания этнокультурной традиции местного русского населения, но и происходит пополнение рядов активистов и участников мероприятий за счет молодежи. Поэтому общую этнокультурную ситуацию в республике, по их мнению, можно оценить как достаточно стабильную, без негативного тренда. Из интервью: «Интервьюер: *Есть ли запрос на восстановление, возврат аутентичной культуры, традиций каких-то, праздников? Спрос идет на повышение или на понижение?* Респондент: *Я могу сказать здесь абсолютно искренне, что в Татарстане выстроена система в этом направлении.* Интервьюер: *А людям-то надо это? Самим людям?* Респондент: *Они, может быть, не задумываются о том, есть ли у них запрос. Но как только они туда попадают [на этнокультурные мероприятия], они чувствуют себя счастливыми»* (женщина, 64 года, г. Казань). Подобные процессы отмечены российскими этнографами и в других регионах [7, с. 78]. Ключевую роль в репрезентации примеров традиционной культуры представителям русского населения республики играют профессиональные и полупрофессиональные коллективы, работающие в различных (но чаще – в фольклорном) жанрах. Организационную функцию при этом, как правило, осуществляют некоммерческие организации с помощью субсидий или грантов от государственных учреждений. Таким образом, с учетом активной институализации русской культурной традиции края, проводимой государственными и муниципальными органами, привлечение населения к участию в этнокультурных мероприятиях можно рассматривать как механизм рехабитуализации, имеющий конструктивистские черты.

Итак, можно заключить, что такие социальные институты, как язык, религия, семья и брак, а также этническая культура сохраняют свою значимость для большинства представителей русского населения Татарстана. При этом в качестве этнокультурной традиции их рассматривает в целом порядка 60 % опрошенных, а выраженную потребность в их сохранении декларирует около половины этой группы, то есть 30 % от общего числа респондентов. В то же время молодежь все менее склонна оценивать указанные социальные институты в их этническом измерении. Дополнительным фактором, влияющим на процесс этнокультурной трансмиссии, оказывается высокая доля лиц, обладающих амбивалентной этнической идентичностью, предполагающей отождествление себя более чем с одной этнической общностью. Согласно данным исследования, среди опрошенных таковых оказалось около 30 %. Из интервью: «Респондент: *Да, я никогда не скрываю. Если меня спрашивают, то я говорю, что я из Татарстана. Если меня спрашивают, являюсь ли я татаркой, то я говорю, что нет, я русская, но у меня есть татарские корни и мне интересно... Я изучаю русскую культуру, но от татарской я тоже не отворачиваюсь. В принципе, любая народная культура интересна, для того чтобы просто элементарно хотя бы с ней познакомиться,*

узнать какие-то основные позиции в этой культуре. Почему бы и нет?» (женщина, 28 лет, г. Казань).

Подводя общий итог представленного выше анализа роли и места различных форм традиционной культуры в жизни современного русского населения Республики Татарстан, можно отметить различную степень их актуализации в социальных группах, а также констатировать, что отмеченные тенденции повышают роль механизмов социального конструирования по мере ослабления институтов инкультурации, особенно в современном городском пространстве.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- Перепись 2002. – Национальный состав населения Республики Татарстан: Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года, Т. 4 / Федер. служба гос. статистики, Комгосстат РТ. Казань, 2004. 131 с.
- Страт. – Указ Президента РФ от 6 дек. 2018 г. «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 г.» (Раздел 1, п. 4.2). Законодательство России: [Сайт]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102161949>, свободный.

Литература

1. *Малиновский Б.* Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана. М.: РОССПЭН, 2004 (ГУП ИПК Ульян. Дом печати). 549 с.
2. *Richards A.I.* The concept of culture in Malinowski's work // *Man and Culture: An Evaluation of the Work of Bronislaw Malinowski* / Ed. by R. Firth. London: Routledge & Kegan Paul, 1957. P. 15–32. <https://doi.org/10.4324/9781315014470>.
3. *Шваб К.* Капитализм всеобщего блага. Новая модель мировой экономики. М.: Эксмо, Бомбора, 2022. 348 с.
4. *Малиновский Б.* Избранное: Динамика культуры. СПб.: Центр гуманист. инициатив, 2015. 464 с.
5. *Гофман И.* Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / Пер. с англ. Р.Е. Бумагина и др. М.: Ин-т социологии РАН, 2004. 750 с.
6. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Моск. филос. фонд, 1995. 322 с.
7. *Кириченко О.В.* Общие вопросы этнографии русского народа. Традиция. Этнос. Религия. СПб.: Алетейя, 2020. 958 с.

Поступила в редакцию 10.02.2024

Принята к публикации 12.04.2024

Козлов Вадим Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник научно-экспертной лаборатории экспертиз социокультурного профиля

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: vadim.kozlov@list.ru

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.2.162-172

**Cultural Institution in the 21st Century: The Need, Tradition, and Construct
(A Study on the Russian Population in the Republic of Tatarstan)**

V.E. Kozlov

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: vadim.kozlov@list.ru

Received February 10, 2024; Accepted April 12, 2024

Abstract

This article examines the conceptualization of the institutional forms of ethno-social daily routines among the modern Russian population of the Republic of Tatarstan. The basic cultural institutions, such as ethnicity, religious identity, family, and ethno-cultural practices, are described. Their role across different groups of the Russian population in Tatarstan is revealed. The analysis is based on a multi-paradigm approach and well-known socio-humanitarian theories (functionalism, phenomenology, and social constructivism). The study “Social well-being and ethno-cultural needs of the Russian population in the Republic of Tatarstan” carried out in autumn 2022 is used as an analytical source of data. The obtained results show that the demand for traditional cultural institutions, which can be categorized as “need,” “tradition,” and “construct,” varies depending on their roles within the study groups. A growing influence of urban spaces in shaping the ethnic “tradition,” particularly among young people, is shown.

Keywords: cultural institution, social institution, need, ethnicity, religious identity, tradition, enculturation, construct

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Malinowski B. *Izbrannoe: Agronavy zapadnoi chasti Tikhogo okeana* [Selected Writings: Argonauts of the Western Pacific]. Moscow, ROSSPEN, 2004. GUP IPK Ul'yanovsk. Dom Pechati. 549 p. (In Russian)
2. Richards A.I. The concept of cculture in Malinowski's work. In: Firth R. (Ed.) *Man and Culture: An Evaluation of the Work of Bronislaw Malinowski*. London, Routledge & Kegan Paul, 1957, pp. 15–32. <https://doi.org/10.4324/9781315014470>.
3. Schwab K. *Kapitalizm vseobshchego blaga. Novaya model' mirovoi ekonomiki* [Stakeholder Capitalism. A Global Economy that Works for Progress, People and Planet]. Moscow, Eksmo, Bombora, 2022. 348 p. (In Russian)
4. Malinowski B. *Izbrannoe: Dinamika kul'tury* [Selected Writings: The Dynamics of Culture Change]. St. Petersburg, Tsentr Gumanit. Initsiativ, 2015. 464 p. (In Russian)
5. Goffman E. *Analiz freimov: esse ob organizatsii povsednevnogo opyta* [Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience]. Bumagin R.E. et al. (Trans.). Moscow, Inst. Sotsiol. Ross. Akad. Nauk, 2004. 750 p. (In Russian)
6. Berger P.L., Luckmann T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge]. Moscow, Mosk. Filos. Fond, 1995. 322 p. (In Russian)

7. Kirichenko O.V. *Obshchie voprosy etnografii russkogo naroda. Traditsiya. Etnos. Religiya*. [General Problems of Russian People's Ethnography. Tradition Ethnos. Religion]. St. Petersburg, Aleteiya, 2020. 958 p. (In Russian)
-

⟨ **Для цитирования:** Козлов В.Е. Культурный институт в XXI веке: потребность, традиция, конструкт (по материалам исследования русского населения Республики Татарстан) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 2. С. 162–172. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.2.162-172>. ⟩

⟨ **For citation:** Kozlov V.E. Cultural institution in the 21st century: The need, tradition, and construct (a study on the Russian population in the Republic of Tatarstan). *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 2, pp. 162–172. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.2.162-172>. (In Russian) ⟩

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 372.893

doi: 10.26907/2541-7738.2024.2.173-183

ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Л.Ш. Мачукаева

*Грозненский государственный нефтяной технический университет
им. акад. М.Д. Миллионщикова, г. Грозный, 364051, Россия*

Аннотация

В статье рассмотрена проблема формирования гражданской идентичности студентов в ходе изучения истории народов Северного Кавказа. Историческое сознание – один из инструментов формирования общероссийской гражданской идентичности у молодого поколения. Память о событиях прошлого может не только способствовать единению людей вокруг общих национальных ценностей, но и стать поводом для исторических обид, претензий, конфликтов в настоящем. Данная проблема показана на примере противоречивых оценок исторических событий в Северо-Кавказском регионе XIX – начала XX в. (Кавказская война, деятельность и методы ведения войны российских военачальников и горских предводителей, мухаджирское движение, действия имперских властных структур). Автором ставятся вопросы о том, как преподавать историю Северного Кавказа молодому поколению, какие подходы к объяснению особо сложных, противоречивых, трагичных исторических событий в регионе использовать, чтобы история не становилась инструментом конфронтации и разъединения его народов, способствовала формированию общероссийской гражданской идентичности. Обозначены некоторые подходы (рекомендации) к преподаванию истории Северного Кавказа, которые позволят выявить интеграционные тенденции в историческом прошлом края; продемонстрировать факторы, сближавшие его народы, культуры, мировидения и определявшие общие перспективы исторического развития.

Ключевые слова: гражданская идентичность, историческое сознание, интеграция, история Северного Кавказа, студенты, методы преподавания

В отечественной обществоведческой науке особое место сегодня занимает определение понятия «общероссийская гражданская идентичность», его содержание и значение, пути и инструменты его формирования в сознании молодого поколения.

Несмотря на то что обозначенная проблема относительно недавно оказалась в фокусе внимания российских гуманитариев, в нормативно-правовых документах и научной литературе уже можно выявить более трех десятков определений понятия «общероссийская гражданская идентичность». Основу большинства современных представлений о гражданской идентичности россиян составляет законодательное определение общероссийской гражданской идентичности, закрепленное в российском законодательстве дополнениями от 6 декабря 2018 г., внесенными в Стратегию государственной национальной политики Российской

Федерации на период до 2025 г. (утв. Указом Президента РФ от 19 дек. 2012 г. № 1666). Оно звучит следующим образом: «Общероссийская гражданская идентичность (гражданское самосознание) – осознание гражданами Российской Федерации их принадлежности к своему государству, народу, обществу, ответственности за судьбу страны, необходимости соблюдения гражданских прав и обязанностей, а также приверженность базовым ценностям российского общества» (СГН).

Важность формирования гражданской идентичности в современной России рассматривается в контексте национальной безопасности. Она видится как основа для защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти в целях укрепления единства народов Российской Федерации, в противовес насаждению чуждых идеалов и ценностей, которые расцениваются как угрозы национальной безопасности (СНБ).

Если в общественно-научном дискурсе необходимость формирования гражданской идентичности в нашей стране для обеспечения ее государственного суверенитета, сохранения общественного согласия и межнационального единства не вызывает сомнений и, более того, рассматривается как естественно-исторический процесс [1], то вопрос о путях и средствах ее формирования, в первую очередь у молодого поколения, остается открытым. На данном этапе некоторые из предлагаемых средств достижения поставленной задачи только проходят апробацию и судить об их эффективности пока сложно.

Одним из важнейших средств формирования общероссийской гражданской идентичности у молодежи является знакомство с историей Российского государства, историей собственного региона, края.

Очевидно, что история – это та отрасль знания, которая имеет огромное воспитательное значение. Изучая историю, молодой человек знакомится с примерами гражданственности и патриотизма, перенимает духовный, политический, социальный, культурный опыт предшествующих поколений, становится звеном в передаче и приумножении духовно-нравственных ценностей, о которых речь шла выше. Изучение истории ведет к формированию исторического сознания у отдельного человека и общества в целом. Становление исторического сознания у молодого поколения происходит в процессе изучения истории Российского государства и истории его отдельных регионов.

Историческое сознание можно рассматривать как один из важнейших инструментов формирования гражданской идентичности. В связи с этим у современных исследователей даже появилось понятие «родство по истории». Историк и философ С.В. Перевезенцев таким образом раскрывает роль исторического сознания в формировании национальной идентичности: «Единое историческое сознание народа или народов в рамках одного государства или цивилизации можно образно назвать “родством по истории”, ведь нередко общая историческая судьба связывает отдельных людей и даже целые народы крепче кровного родства. В основе “родства по истории” лежит общая историческая память. Общая историческая память – это осознанное или неосознанное чувство единства исторической судьбы и потому самая распространенная форма исторического сознания» [2, с. 46].

С данным выводом о значении исторического сознания сложно не согласиться. Проблема в другом, и она, в общем-то, очевидна – память о событиях

прошлого далеко не всегда способствует появлению ощущения «родства по истории». Эта память может быть питательной средой для сохранения и культивирования исторических обид и претензий, серьезных противоречий и даже конфликтов, глубоких общественно-политических кризисов. С.В. Перевезенцев указывает на эту проблему в российском обществе и подобных ему, не преодолевших внутренние расколы. Он пишет, что «различные локальные сообщества формируют свою собственную историческую политику, общеобязательную для их участников, иными словами, приходится говорить не о компромиссной исторической политике, сформированной в ходе дискуссий и обмена мнениями, а о сосуществовании множества исторических политик, завязанных на мировоззренческую и национальную основы» [2, с. 55]. В этом случае, конечно, никакого родства по истории как одной из основ единой гражданской идентичности сложиться не может.

Обозначенная проблема становится особенно актуальной при преподавании региональной истории как самостоятельной дисциплины или в качестве так называемого регионального компонента в рамках курса истории Российского государства в системе среднего и высшего образования. С такой проблемой сталкиваются преподаватели региональной истории в национальных республиках Северного Кавказа. В настоящем исследовании использовался опыт преподавания курса «История Северного Кавказа» студентам Грозненского государственного нефтяного технического университета имени академика М.Д. Миллионщикова.

История указанного региона всегда отличалась, если так можно выразиться, особой пассионарностью. Виной тому целый комплекс объективных и субъективных факторов. Географическое положение Кавказа и Предкавказья веками, если не тысячелетиями, делало его, говоря сегодняшним языком, геополитическим перекрестком, сферой притяжения и интересов значительного числа внутренних и внешних акторов, их жесткого противостояния и противоборства. Этническая пестрота дополнялась конфессиональными, культурными, языковыми различиями, разностью в организации и уровне социальной и хозяйственной жизни. Все это, сосредоточенное на относительно небольшом пространстве, порождало острейшую проблему межэтнических границ и, как следствие, междоусобиц и кровавых столкновений за землю. Проблема границ на Северном Кавказе и сегодня нередко «врывается» в новостную повестку, вносит напряженность и тревогу во взаимоотношения коренных народов края, грозит перерасти в серьезный социально-политический кризис, требуя серьезного вмешательства государственных структур. Войны, завоевательные походы, междоусобицы, восстания, миграции и переселения – это те события, которые веками регулярно происходили в истории региона; более того, они становились трагической обыденностью для его населения.

Особое место в истории Северного Кавказа занимают военно-политическое продвижение Российской империи в регион, включение его в состав России; история взаимоотношений русских властей с коренным населением. Для всех, кто изучал историю региона или просто ей интересовался, очевидно, что данная проблематика чрезвычайно сложна, неоднозначна, полна противоречивых оценок. Достаточно сказать, что без малого столетие (с конца XVIII до второй половины XIX в.) история региона была чередой перманентных военных конфликтов

разной степени интенсивности между регулярной армией Российской империи и горцами Северного Кавказа, восстаний и волнений местного населения против царских властей после завершения Кавказской войны. Сложнейшая тема в истории Северного Кавказа дореволюционного периода – движение мухаджирства, вынужденного переселения сотен тысяч горцев в Османскую империю в конце Кавказской войны и после ее завершения.

Вышесказанное объясняет, почему перед преподавателем региональной истории в школьном классе или в студенческой аудитории сегодня так остро стоит вопрос о том, как донести историю Северного Кавказа до молодого поколения, какие подходы к объяснению особо сложных, противоречивых, нередко трагичных событий прошлого использовать, чтобы история не стала инструментом конфронтации между народами региона, а чтобы, напротив, можно было максимально задействовать ее интегрирующую функцию. Конечно, обозначенная проблема чрезвычайно актуальна и сложна для всего исторического знания, а не только для отдельной его составляющей – истории Северного Кавказа.

Современные российские исследования не предлагают однозначных ответов на поставленные вопросы, хотя первые подходы к их решению наметились, и некоторые из них мы попробуем ниже продемонстрировать.

В настоящей работе мы намеренно не касались проблемы изучения истории Северного Кавказа советского и постсоветского периодов в контексте задачи формирования общероссийской гражданской идентичности через историческое сознание. Этот чрезвычайно важный вопрос требует отдельного исследования.

Одна из ключевых и наиболее сложных тем в истории Северного Кавказа с древнейших времен до начала XX в. – это тема Кавказской войны. В связи с этим в современных исследованиях встречается даже призыв соблюдать в кавказоведении «разумный баланс, в последнее время резко нарушенный неоправданно гипертрофированным интересом к теме Кавказской войны» [3, с. 118]. Подобная позиция основана на справедливом доводе: военные действия – это далеко не все, что происходило на Северном Кавказе в период с 1817 по 1864 г.

Разумный баланс в освещении исторических событий на Северном Кавказе, действительно, необходим. Но, на наш взгляд, даже при его соблюдении проблемы Кавказской войны (в связи с особой значимостью и важностью итогов этого события для последующей истории региона и России в целом) все равно будут вызывать повышенный интерес молодого поколения и, следовательно, требовать особых подходов к ее освещению.

Проблема усугубляется тем, что, хотя Кавказская война привлекала и продолжает привлекать внимание историков уже почти два столетия, до сих пор не выработана позиция, позволяющая иметь единое, целостное видение событий того периода. В свете вышеизложенных соображений очевидно, с какой серьезной трудностью сталкивается преподаватель, пытающийся за очень небольшое количество отведенного учебной программой времени показать всю многомерность и полноту этого исторического феномена.

В.Х. Акаев в своей работе «Феномен Кавказской войны: анализ старых и новых концепций» считает, что задача современных исследователей Кавказской войны – «дать целостное видение проблемы, выявление всех аспектов сложного, противоречивого, нередко трагического бытия народов, государств, вовлечен-

ных в Кавказскую войну» [4, с. 57]. Этот посыл, адресованный ученым, вполне может быть применим и в качестве методической основы при освещении проблем, связанных с Кавказской войной, в студенческой аудитории.

Важнейший аспект Кавказской войны, вокруг которого всегда разворачивались жаркие научные и политико-идеологические баталии, – это причины ее возникновения. Примечательно, что, по мнению В.Х. Акаева, объективные причины начала Кавказской войны еще только предстоит выявить [4, с. 58]. Думается, что при обсуждении данного вопроса в студенческой аудитории вполне оправданно привести самые различные версии причин изучаемого феномена, которые чаще всего встречаются в кавказоведческой литературе и при рассмотрении которых необходимо провести их всесторонний анализ. По нашему мнению, в студенческой аудитории должна быть рассмотрена с разных позиций и такая возможная причина войны, как «набеговая система горцев», вызвавшая жесткую критику со стороны значительной части кавказоведов. Другой сложный вопрос: в какой иерархии эти причины выстраивать? В.В. Дегоев, например, предлагает отказаться от такой интерпретации причин Кавказской войны, при которой они располагаются в вертикальном, иерархическом, а не в горизонтальном, синергическом порядке [3, с. 88]. Вполне очевидно, что сделать это крайне сложно.

Чрезвычайно непростая и болезненная проблема – персоналистские оценки ключевых исторических деятелей, связанных с российско-горским военным противостоянием, таких как русские военачальники А.П. Ермолов, М.С. Воронцов, А.И. Барятинский, лидеры горцев имам Шамиль, Хаджи Мурад, Бейбулат Таймиев. Наиболее яркий пример – генерал А.П. Ермолов, оценка личности и деяний которого на Кавказе колеблется в широком диапазоне – от безудержного восхищения и идеализации до гневного осуждения. Многогранная и противоречивая фигура имама Шамиля, принятые им решения, особенно на последнем этапе Кавказской войны и после ее завершения, нередко тоже становятся предметом жарких споров в научных кругах и публичном поле [5, 6].

В связи с этим необходимо особо подчеркнуть, что любые попытки избегать каких-либо острых тем, связанных с Кавказской войной или любым другим военным, силовым противостоянием между Российской империей и горским населением при изучении истории Северного Кавказа, недопустимы. Ничего, кроме недоверия со стороны молодой, пытливающей аудитории, имеющей сегодня доступ к практически безграничному массиву информации, в том числе исторической, это не вызовет.

Задача грамотного, ответственного преподавателя – рассматривать обозначенные выше проблемы максимально объективно и всесторонне; стараться убедительно показать, что взаимоотношения между русскими и горцами отнюдь не ограничивались враждой, войной и взаимным непониманием, что эти отношения не были одномерными, однотипными, застывшими и неизменными. Касаясь проблемы методов «приручения» непокорного края Российским государством, необходимо указывать на то, что обозначенный процесс никогда не исчерпывался исключительно военными, силовыми средствами даже в периоды наиболее острого противостояния.

В этом плане большое внимание в изучении дореволюционной истории Северного Кавказа следовало бы уделить периоду после завершения Кавказской

войны, когда, собственно, и происходила фактическая интеграция горцев в общероссийское социально-экономическое, политическое и культурное пространство, их переориентация с противостояния имперским властям на взаимодействие и сотрудничество, тем более что на сегодняшний день имеется немало исследований, касающихся разнообразных методов и подходов, которые использовались российскими властями для стабилизации политической ситуации в регионе после окончания активных военных действий и превращения его в органичную часть Российского государства.

Освещая обозначенный вопрос, на наш взгляд, необходимо ознакомить учащихся с тремя основными подходами к характеру и возможным методам управления и выстраивания взаимоотношений с национальными окраинами, которые существовали в российских правящих кругах в XIX в.: колониалистский, централистский, регионалистский [9]. Каждому из подходов при изучении данного периода нужно дать краткую характеристику. Особо следует остановиться на регионалистском подходе в теории и практике российских властей на Кавказе. «Регионалисты» выступали за политическую и экономическую интеграцию России и ее национальных периферий в отличие от «колониалистов», которые считали, что окраины с инородческим населением не следует превращать в часть России и, как писал Н. Я. Данилевский, «уподоблять себе включенные в ее государственные границы инородческие поселения» [7, с. 485]. «Централисты» были приверженцами политики русификации и максимальной унификации национальных окраин с остальной империей ускоренными темпами. Имперский опыт, однако, показал, что управлять территориями, населенными многочисленными народами, на основе унифицированной модели было невозможно. «Регионалисты» считали, что в силу национально-культурной самобытности каждой окраины на нее невозможно в полной мере распространить российскую администрацию, законодательство и суд; придерживались принципа постепенности в проводимых на вновь присоединенных окраинах политико-административных преобразованиях.

Важно продемонстрировать, что на Кавказе во второй половине XIX в., как правило, одерживали верх регионалистские тенденции в управлении [8, с. 35]. Подобные методы заложили в регионе основы политической стабилизации после Кавказской войны и были наиболее результативны в решении проблемы интеграции населения в российское политическое и социокультурное пространство. В процессе преподавания региональной истории необходимо показать практическое воплощение этих методов в политике русских властей в регионе. Регионализм на Кавказе, в частности, проявлялся в существовании института наместничества; введении особой системы управления – «военно-народного» управления – у ряда местных кавказских народностей (в его рамках власть, помимо военной составляющей, опиралась на местные элиты – аристократию, родоплеменную верхушку, в ряде случаев – на духовенство); отступлении от общеимперских образцов законодательства применительно к горскому населению; допущении различных «особенностей» в управлении на местах.

В качестве яркого примера гибкой и продуманной политики в отношении коренного мусульманского населения Кавказа можно привести решение российских властей отказаться от применения к мусульманам закона Александра II о всеобщей воинской повинности и заменить его специальным налогом.

Власти, решившись на подобный шаг, приняли во внимание резко отрицательное отношение мусульман к «солдатчине». Несмотря на то что население Северного Кавказа освобождалось от воинской повинности, это с лихвой компенсировалось наличием всегда достаточного числа добровольцев для поступления на военную службу в национальных иррегулярных формированиях и регулярных войсках Российской империи. К началу Первой мировой войны, например, среди горцев Терской области имелось уже значительное число профессиональных военных, кадровых офицеров Российской армии. Можно привести конкретные имена дослужившихся до высших военных чинов представителей горских народов: среди чеченцев это Орца Чермоев, Ирисхан Алиев. Русская военная служба для многих горцев становилась потомственным семейным занятием. Естественно, что в подобных семьях младшие поколения были изначально ориентированы на верноподданническую службу Российскому государству [9, с. 140].

Во имя стабильности и безопасности в государстве царская администрация старалась не вмешиваться в сферу, регулируемую на Кавказе обычаями и традиционными установками (религия, культура, семья, быт). Например, в этих целях в Терской области, созданной сразу после Кавказской войны, допускалось сосуществование параллельных систем судебных органов для различных категорий населения: казачества, гражданского населения, горцев. В горских судах допускалось применение норм адата и шарията [9, с. 203].

Важнейшим инструментом интеграции Северного Кавказа с остальной империей стала проводимая Россией политика социально-экономического и культурного развития Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX в. Возникали новые селения, росли города, строилась железная дорога, зарождалось и развивалось промышленное, горнодобывающее, нефтяное производство, появлялись банки и первые кредитные учреждения. Новые возможности для экономической и культурной самореализации, предоставленные Российской империей, быстро нашли отклик у наиболее активной и предприимчивой части горцев. В пореформенный период начинает формироваться прослойка местной торговой и даже промышленной буржуазии.

Важную роль в интеграционных процессах с Российской империей играла и нарождавшаяся горская интеллигенция, которая одной из первых поняла значение русского языка в качестве коммуникативного средства, открывавшего доступ к лучшим достижениям российской и мировой цивилизации.

Подобные примеры позволяют преподавателю объяснить, почему после многолетнего кровавого противостояния между горцами и царской Россией неизбежно происходила их постепенная переориентация с вражды и недоверия на сотрудничество с имперской властью, вовлечение в жизнь многонационального и многоконфессионального российского социума, осознание ими немалых преимуществ существования в рамках территориально огромного государства. Даже среди населения Чечни, наиболее «беспокойной» для царских властей территории Северного Кавказа, спустя несколько десятилетий после Кавказской войны уже было немало людей, вполне приспособившихся к новым условиям жизни и не видевших смысла в попытках их изменить. Этим во многом объясняется тот факт, почему после окончания Кавказской войны массовых политических выступлений горцев против царских властей не было.

Таким образом, несмотря на чрезвычайно сложный и драматичный исторический контекст вхождения северокавказских народов в состав Российской империи, в нем можно найти и те основания, которые в дальнейшем давали горским народам импульс для единения вокруг общих ценностей и интересов в рамках огромного многонационального Российского государства. Подобное выявление в историческом знании социально-интегрирующих начал является сегодня одной из ключевых задач преподавания региональной истории как одного из инструментов формирования модели российской гражданской идентичности.

Разрешению поставленной в исследовании проблемы – изучение способов формирования общероссийской гражданской идентичности посредством развития исторического сознания через изучение региональной истории (в нашем случае – истории Северного Кавказа) – могут способствовать нижеследующие рекомендации.

Научному академическому сообществу кавказоведов необходимо выработать систему информационно-методической поддержки преподавателей истории Северного Кавказа (или его отдельных национальных субъектов) в рамках реализации задачи формирования общероссийской гражданской идентичности через историческое сознание. Эта поддержка в первую очередь необходима начинающим преподавателям для построения открытого и доверительного диалога с юной аудиторией при рассмотрении наиболее болезненных и неоднозначных проблем кавказоведения.

При освещении событий истории Северного Кавказа важно стремиться соблюдать «сюжетный баланс» в изучении истории военно-силовых конфликтов и мирного сосуществования как коренных народов с имперским центром, так и внутри самого разноплеменного северокавказского социума; уделять должное внимание рассмотрению периодов совместной созидательной деятельности народов региона в составе Российского государства; демонстрировать результаты этой деятельности и для коренного населения в сфере экономического освоения Северо-Кавказского региона, развития здесь образования, медицины, культуры, и для укрепления российской государственности.

В ходе изучения истории края необходимо обратить внимание студенческой аудитории на регионалистский вектор во внутривнутриполитической деятельности имперского центра в отношении национальных окраин России, указать на его особое значение на Северном Кавказе для переориентации горцев после завершения Кавказской войны с противостояния на сотрудничество с имперскими государственными структурами, для сглаживания межцивилизационных разломов, смягчения противоречий и поиска компромиссов в регионе, сохранения этнической идентичности и традиций населявших его народов.

В качестве последней рекомендации следует отметить, что при преподавании истории Северного Кавказа знаменитый принцип врачебной практики «Не навреди!» должен стать неким императивом для вдумчивого, ответственного преподавателя, имеющего дело с очень юными людьми, чья картина мира и система ценностей только формируются, чей возрастной максимализм неизбежно порождает гиперкритицизм в отношении окружающего мира и собственной страны, толкает на скоропалительные выводы и оценки многих исторических событий и персонажей, нередко становится основанием для необдуманных поступков.

В рамках решения задачи формирования единого исторического сознания через изучение региональной истории подход к изучению событий Кавказской войны, предложенный кавказоведом В.Х. Акаевым, выглядит актуальным и оправданным для всего курса истории Северо-Кавказского региона: «Здесь нужен взвешенный подход, преодолевающий рецидивы жестокой эпохи, опирающийся на принципы гуманизма, выявляющий факторы, работающие на достижение мира, согласия, стабильности на Северном Кавказе, а в целом и на всей территории России» [4, с. 4]. По сути, к этому же призывает ученый другой кавказоведческой школы В.В. Дегоев: «...представляется важным, чтобы в ходе изучения предмета студент овладел не только каким-то минимумом исторических знаний, но и умением встраивать их в определенную мировоззренческую ориентацию, основанную на гуманизме, духовности, веротерпимости, уважении к своей стране, истории и культуре ее народов» [3, с. 98]. Эти подходы, на наш взгляд, необходимо взять за методологическую основу преподавания истории Северного Кавказа в средней и высшей школе на современном этапе.

Благодарности. Настоящая работа написана в рамках государственного задания на тему: «Выработка и закрепление в сознании гражданских ценностей у молодежи, в контексте федеральных и региональных аспектов» (FZNU-2023-0002).

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- СГН – Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 г. (утв. Указом Президента РФ от 19.12.2012 № 1666) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201212190001>, свободный.
- СНБ – Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001>, свободный.

Литература

1. Акаев В.Х., Дадуев М.А., Газиев В.З. Формирования гражданской нации в России как естественно-исторический процесс // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7, № 5. С. 95–104. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2018.5.8>.
2. Основы российской государственности: учебное пособие для студентов, изучающих социогуманитарные науки / Т.В. Евгеньева, И.И. Кузнецов, С.В. Перевезенцев, А.В. Селезнева, О.Е. Сорокопудова, А.Б. Страхов, А.Р. Боронин; под ред. С.В. Перевезенцева. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2023. 550 с.
3. Дегоев В.В. Введение в политическую историю Северного Кавказа (XVI век – 1917 год). М.: Навона, 2009. 126 с.
4. Акаев В.Х. Феномен Кавказской войны: анализ старых и новых концепций. Ростов-на-Дону: Социально-гуманит. знания, 2016. 80 с.
5. Рамазанов Х.Х., Рамазанов А.Х. Шамиль: исторический портрет. Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1990. 94 с.

6. *Дегоев В.В.* Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. М.: Рус. панорама, 2001. 371 с.
7. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа / Сост., послесл., коммент. С.А. Вайгачева. М.: Книга, 1991. 573 с.
8. *Киняпина Н. С.* Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX веке // Вопросы истории. 1983. № 4. С. 35–47.
9. *Мачукаева Л.Ш.* Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (на материалах Терской области): дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 226 с.

Поступила в редакцию 12.01.2024

Принята к публикации 12.03.2024

Мачукаева Лиза Ширваниевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины»

Грозненский государственный нефтяной технический университет
пр. Х. Исаева, д 100, г. Грозный, 364051, Россия
E-mail: liza_m2005@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 2, pp. 173–183

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.2.173-183

Fostering the All-Russian Civic Identity among Students While Teaching the History of the North Caucasus

L.Sh. Machukayeva

Grozny State Oil Technical University, Grozny, 364051 Russia

E-mail: liza_m2005@mail.ru

Received January 12, 2024; Accepted March 12, 2024

Abstract

This article focuses on the problems associated with shaping the civic identity among students in Russia as they study the history of the North Caucasian peoples. One of the powerful tools to overcome them is to develop a sense of historical consciousness in the younger generation of Russians. However, while the collective memory of the past can serve as a unifying force through shared national values, it can also ignite historical grievances, claims, and conflicts in the present. Here, the debates revolving around the conflicting interpretations of the events that took place in the North Caucasus during the 19th and early 20th centuries (the Caucasian War, the tactics and warfare methods of the Russian military commanders and mountain leaders, the Muhajir movement, and the actions of the imperial power structures) are considered. The questions are raised about how to effectively convey the history of the North Caucasus to the youth, as well as what approaches should be employed to explain the complex, contradictory, and sometimes tragic events of the region's past so that it would contribute to the development of an all-Russian civic identity instead of fueling confrontations and divisions. Several approaches (recommendations) for teaching the history of the North Caucasus are outlined. They highlight the integrative tendencies in the history of the region, emphasizing the factors that unite its diverse peoples, cultures, and worldviews and define their common pathways for historical development.

Keywords: civic identity, historical consciousness, integration, history of the North Caucasus, students, teaching methods

Acknowledgements. This study was performed as part of the state assignment “Development and reinforcement of civic values in the minds of young people, in the context of federal and regional aspects” (FZNU-2023-0002).

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Akaev V.Kh., Daduev M.A., Gaziev V.Z. The formation of the civilian nation in Russia as natural and historical process. *Gumanitarii Yuga Rossii*, 2018, vol. 7, no. 5, pp. 95–104. <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2018.5.8>. (In Russian)
2. Evgen'eva T.V., Kuznetsov I.I., Perevezentsev S.V., Selezneva A.V., Sorokopudova O.E., Strakhov A.B., Boronin A.R. *Osnovy rossiiskoi gosudarstvennosti: uchebnoe posobie dlya studentov, izuchayushchikh sotsiologičeskie nauki* [Fundamentals of Russian Statehood: A Textbook for Students Studying Social Sciences and Humanities]. Perevezentsev S.V. (Ed.). Moscow, Izd. Dom “Delo” RANKhiGS, 2023. 550 p. (In Russian)
3. Degoev V.V. *Vvedenie v političeskuyu istoriyu Severnogo Kavkaza (XVI vek – 1917 god)* [An Introduction to the Political History of the North Caucasus (From the 16th Century to 1917)]. Moscow, Navona, 2009. 126 p. (In Russian)
4. Akaev V.Kh. *Fenomen Kavkazskoi voiny: analiz starykh i novykh kontseptsii* [The Phenomenon of the Caucasian War: Exploring Old and New Concepts]. Rostov-on-Don, Sots.-Gumanit. Znaniya, 2016. 80 p. (In Russian)
5. Ramazanov Kh.Kh., Ramazanov A.Kh. *Shamil': istoričeskii portret* [Shamil: A Historical Portrait]. Makhachkala, Dagest. Kn. Izd., 1990. 94 p. (In Russian)
6. Degoev V.V. *Imam Shamil': prorok, vlastitel', vojn* [Imam Shamil: Prophet, Ruler, and Warrior]. Moscow, Russ. Panorama, 2001. 371 p. (In Russian)
7. Danilevskiy N.Ya. *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow, Kniga, 1991. 573 p. (In Russian)
8. Kinyapina N.S. The administrative policy of tsarism in the Caucasus and Central Asia during the 19th century. *Voprosy Istorii*, 1983, no. 4, pp. 35–47. (In Russian)
9. Machukayeva L.Sh. The system of government in the North Caucasus between the late 19th and early 20th centuries (insights from the Terek region). *Cand. Hist. Diss.* Moscow, 2004. 226 p. (In Russian)

Для цитирования: Мачукаева Л.Ш. Формирование общероссийской гражданской идентичности студентов в процессе преподавания истории Северного Кавказа // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 2. С. 173–183. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.2.173-183>.

For citation: Machukayeva L.Sh. Fostering the all-Russian civic identity among students while teaching the history of the North Caucasus. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 2, pp. 173–183. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.2.173-183>. (In Russian)

ИСТОРИОГРАФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 93/94

doi: 10.26907/2541-7738.2024.2.184-197

АНГЛИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ XVII ВЕКА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ДВУХ ПОКОЛЕНИЙ «РУССКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ»

А.А. Кутузова

*Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина,
г. Сыктывкар, 167001, Россия*

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению специфики интерпретации предпосылок, особенностей, хода и последствий Английской революции XVII в. в трудах представителей «русской исторической школы», старшее и младшее поколения которой широко известны благодаря уникальным исследовательским работам, посвященным истории Франции и Великой французской революции. Отмечается, что яркую плеяду этих историков интересовала не только революционная Франция: Н.И. Кареев (1850–1931), М.М. Ковалевский (1851–1916), П.П. Щеголев (1903–1936), И.Л. Попов-Ленский (1893–1931) касались в своих научных штудиях и вопросов революционной Англии XVII в., создав комплексные по сути труды, охватившие практически все стороны революционного процесса изучаемой эпохи. Теории революции в Англии и ее интерпретации учеными «*école russe*» в значительной степени повлияли на дальнейшее развитие англоведения как в советской, так и в постсоветской исторической науке.

Ключевые слова: «русская историческая школа», Английская революция XVII в., Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, С.И. Архангельский, И.Л. Попов-Ленский, П.П. Щеголев

В своей статье, опубликованной в 1941 г., выдающийся ученый, академик Е.А. Косминский отмечает, что сама традиция изучения английской истории имеет глубокие корни в российской исторической науке. Уже с середины 70-х годов XIX в. появляется ряд крупных исследований по истории Англии, охвативших широкий круг вопросов. Здесь необходимо прежде всего назвать работы И.И. Янжула и М.М. Ковалевского. Е.А. Косминский также указал в данной связи на заслуги Н.И. Кареева и И.Л. Попова-Ленского, отмечая, что советские историки стали уделять все больше и больше внимания изучению Английской революции XVII в. [1, с. 89–93]. Аналогичные выводы Евгений Алексеевич сделал и в очерках 1954 г. в рамках коллективной двухтомной монографии, всецело посвященной революции в Англии. Первые шаги в указанном направлении в советской исторической науке были осуществлены А.Е. Кудрявцевым, И.Л. Поповым-Ленским, В.Ф. Семеновым, П.П. Щеголевым [2, с. 233].

Опираясь на замечания Е.А. Косминского, можно отметить, что особое внимание в обозначенном вопросе уделяется научным изысканиям М.М. Ковалевского, Н.И. Кареева, И.Л. Попова-Ленского и П.П. Щеголева – то есть представителей «русской исторической школы». Именно научному осмыслению Английской революции XVII в. в трудах указанных ученых и посвящена данная статья.

Прежде чем приступить к рассмотрению вопросов конкретно-исторических, необходимо обратить внимание на некоторые общеисторические аспекты, в частности на восприятие феномена революции метрами «*école russe*». В труде «Историка. Теория исторического знания» Николай Иванович Кареев определил общие корни понятий «революция» и «эволюция» следующим образом: «Это нечто скрытое разворачивается, раскрывается, как бы себя обнаруживает». Оба понятия он связывает с категорией прогресса [3, с. 157]. Можно сделать вывод, что революция выступает как определенное следствие существующих, но не проявившихся в полную меру факторов. Для Максима Максимовича Ковалевского революция была допустимым вариантом общественного развития, однако только в том случае, если иного выхода не было. Причинами подобного развития событий могли стать такие факторы, как ошибочные действия правительства, намеренный отказ от реализации народных потребностей, значительные революционные силы. Здесь мы можем говорить о неприятии ученым чрезмерно быстрой смены строя, морали, религии. О.В. Бодров в своих работах выделяет три основные идеи М.М. Ковалевского, связанные с общественным развитием и прогрессом: 1) хозяйственная революция в качестве своей главной причины имеет народонаселение; 2) эволюция политических и экономических теорий определяется развитием экономической системы; 3) в основе каждой политической доктрины находится конкретная политическая практика. Рассуждая о прогрессе, М.М. Ковалевский пишет о различных проявлениях упомянутого феномена в тех или иных сферах общественной жизни. В общественно-политической сфере прогресс зависит от таких понятий, как общественное единство и солидарность. Прогресс как таковой проявляется не в смене одних форм государственного устройства и политического режима другими, а в развитии сферы политических прав человека как гражданина государства [4, с. 56–60]. Революция выступает неким инструментом (хоть и радикальным), обеспечивающим движение по пути развития системы прав и свобод личности.

Таким образом, и для Н.И. Кареева, и для М.М. Ковалевского революция была одним из возможных вариантов развития исторического процесса, пусть и не предпочтительным. Мнения учителей нашли явный отклик в сознании их учеников, младшего поколения «русской исторической школы», хотя, как отмечают современные исследователи, советские историки, воспитанные «*école russe*», не отказывались от экономического материализма. Кроме того, они подчеркивали особое значение сил экономической эволюции для понимания самого хода и исхода революционных событий [5, с. 110]. В своей докторской диссертации В.П. Золотарев обращает внимание на то, что Н.И. Кареев был одним из первых ученых в отечественной исторической науке, отстаивавших необходимость применения «междисциплинарного подхода в изучении сложных общественных явлений» [6, с. 16]. Позиция Н.И. Кареева связана здесь с раскрытием характеристики концилиационного метода, применяемого в рам-

ках изучения общественного развития и кардинальных трансформаций общественных систем; а также с использованием комплексного подхода, связанного с научным синтезом, критическим осмыслением исторического феномена [7, с. 17]. Историческое исследование не может обходиться без учета личностных и общественных факторов, изучения роли личности и народных масс, поступков выдающихся личностей, способных вести за собой, народных выступлений и т. п. [7, с. 13–14]. Подобное представление о революции как феномене исторического процесса предполагает необходимость всестороннего рассмотрения революционных событий, их предпосылок и причин, хода, наиболее значимых фигур, роли в них народных масс и т. д.

В каждом из исследований, посвященных революции, перед читателем предстает одна из ее новых черт, ранее не изучавшийся фактологический материал, новый подход к восприятию тех событий. Обращение к фигурам М.М. Ковалевского, Н.И. Кареева, И.Л. Попова-Ленского, П.П. Щеголева – это не просто рассмотрение отдельных трудов и исследовательских позиций. По сути, перед читателями предстают два поколения «*école russe*» – старшее и младшее, которые, с одной стороны, связаны определенной тематической и методологической преемственностью, с другой – в сравнении которых можно увидеть определенную эволюцию взглядов и позиций. «Русская историческая школа» не представлена единичными учеными. Это единый, «спаянный» коллектив, в работе которого существует научная преемственность, наблюдается передача методологических и методических принципов от основателя научного сообщества к его ученикам. О включении в «русскую историческую школу» двух поколений ученых – старшего и младшего – упоминает в своей монографии Г.П. Мягков. Лидерство, безусловно, принадлежит Н.И. Карееву и М.М. Ковалевскому. Ко второму поколению школы он относит такие имена, как Е.Н. Петров, Я.М. Захер, П.П. Щеголев, И.Л. Попов-Ленский и др. [8, с. 217–218].

В первую очередь, стоит начать с того значительного исследовательского массива, который позволяет многим отечественным историкам и историографам называть М.М. Ковалевского одним из основателей направления, посвященного изучению революции в Англии XVII в. Особая значимость работ М.М. Ковалевского заключается в системности и комплексности исследования, вовлечении в анализ разных факторов – социально-экономического, общественно-политического. Его современники же уделяли внимание лишь одному или двум аспектам революционной эпохи в Англии: так, Т. Роджерс рассматривал исключительно экономический аспект. В свою очередь, историк С. Гардинер избегал в своих научных штудиях социального и аграрного вопросов [4].

Советский исследователь жизни и научного наследия М.М. Ковалевского Б.Г. Сафронов, объясняя его интерес к европейской, в частности к английской, истории, отмечает, что для ученого западноевропейский общественный и политический строй мог выступать в качестве образца и цели для России [9, с. 60]. М.М. Ковалевский и сегодня воспринимается как один из первых исследователей, повысивших научный интерес к событиям Английской революции XVII в. [10, с. 85]. О.В. Бодров в своей диссертации пишет о том, что труды российского историка охватили самый широкий спектр проблем и вопросов общественного развития Англии, в них представлено осмысление как общественно-политиче-

ских, так социально-экономических и религиозных проблем Английской революции XVII в. [11, с. 5].

Необходимо обратить внимание на тот факт, что М.М. Ковалевский обращается к английской проблематике уже в своем раннем научном творчестве. Как отмечается в посвященных ему работах, «обстоятельное исследование проблем Английской революции XVII в.» российский историк предпринимает в 90-е годы XIX в., тогда же сложилась и его концепция Английской революции [12, с. 73]. Среди основных моментов, которые довольно подробно рассматривал М.М. Ковалевский, были причины и предпосылки революции, общественно-политическая борьба, движения левеллеров и диггеров, поземельные отношения. Для исследователя революция носила неоднозначный характер, включая такие аспекты, как социальный, религиозный, политический [13, с. 62–65]. Это был самый решительный разрыв с прежним феодально-средневековым строем. И как раз с трансформациями в аграрном секторе М.М. Ковалевский связывает основные предпосылки революции. Аграрный вопрос выступает центральным, так как именно изучение «внутреннего быта» в конкретную эпоху способно дать наиболее полное представление о состоянии общественной системы. Посредством указанных трансформаций осуществляется так называемая «отмена феодализма» – в данном случае историк имеет в виду акт 1656 г. Все вышесказанное дает М.М. Ковалевскому возможность определить характер Английской революции как буржуазный [14, с. 509].

Однако не только экономические отношения вызывали интерес ученого. Как и многие представители «русской исторической школы», М.М. Ковалевский в ряде работ сосредоточивается на особенностях общественно-политических движений, в частности движений левеллеров и диггеров. В статье «Родоначальники английского радикализма» (1892 г.) проводится крайне значимая мысль: современники революционных событий смешивали два до крайности различных движения – радикалов (левеллеров), которые в качестве основной цели видели изменение политической системы, и коммунистов (диггеров), стремившихся к внедрению категорий уравнительности. Особо последовательно ученый отстаивал точку зрения о том, что английский радикализм имеет свои корни именно в событиях Английской революции XVII в., основываясь на многочисленных памфлетах и мемуарах в качестве источников. Уникальность движения левеллеров состояла в том, что оно было вызвано чрезмерными общественными ожиданиями. С данным движением М.М. Ковалевский связывал создание первого конституционного проекта, который отвечал требованию разделения властей, содержал целостное представление о государственном устройстве в новых условиях развития английского государства, раскрывал вопросы о формировании ополчения, функционировании налоговой системы и т. д. [15, с. 49]. Диггеры же не отличались оригинальностью – М.М. Ковалевский высказывал предположение, что в политической программе движения можно найти заимствования идей немецких анабаптистов, хоть и приспособленные к условиям Англии.

Два очень важных момента в истории английской революции XVII в. исследователь затрагивает крайне бегло – протекторат Кромвеля и «Славную революцию», отмечая лишь некоторые положительные, с его точки зрения, аспекты – религиозную веротерпимость военного диктатора и связанный с ней в дальнейшем уход Стюартов.

Таким образом, концепция М.М. Ковалевского стала неким фундаментом для дальнейших изысканий в рассматриваемой области. Его наработки стали отправной точкой для многих как дореволюционных, так советских историков, о которых речь пойдет далее.

Обратимся же к следующему, не менее значимому, исследователю.

Николай Иванович Кареев известен своими фундаментальными трудами по новой истории, истории Франции и Великой французской революции (1789–1799), работами по общетеоретическим и методологическим вопросам исторической науки. Английская революция XVII в. также привлекала его внимание [16, с. 79]. История Англии, в том числе и в революционный XVII в., представлена в ряде работ Н.И. Кареева, как посвященных истории Западной Европы в общем, так и специально нацеленных на формирование картины жизни английского государства в отдельную историческую эпоху. Как пишет сам Н.И. Кареев, «историю двух революций в Англии XVII века мне пришлось рассказать печатно три раза, но каждый раз в составе книг более широкого содержания. Подробнее, чем в других моих книгах, эта история была изложена во II томе “Истории Западной Европы в новое время”, потом очень коротко об английских революциях говорится в “Учебной книге новой истории” и, кроме того, есть о них еще в книге “Происхождение современного народно-правового государства”. Все три книги писались с учебными целями» [17, с. 3].

В силу ограниченности объема основное внимание в настоящей статье будет уделено работе Н.И. Кареева «Две английские революции XVII века» (1924 г.). Для ученого было важно системно представить образ жизни революционного английского общества XVII в., и структура рассматриваемой книги в полной мере отвечает всем поставленным задачам. Уже во вступительной части Н.И. Кареев представляет сравнительную характеристику двух английских революций, отмечая их сложность и неоднозначность. Первую революцию историк связывал с длительной гражданской войной, процессом религиозного противостояния. Вторая революция была менее продолжительной, ориентированной на политическую трансформацию [17, с. 7]. Общей чертой для обеих революций, по мнению ученого, было противостояние королевской власти и национального представительства в лице парламента.

Для Н.И. Кареева первая Английская революция (1640–1660) была явлением более сложным, сочетавшим политическую, религиозную и классовую борьбу: «Королевская партия защищала и государственную церковь страны, так называемую англиканскую или епископальную, а защитники парламента были пуританами, желавшими замены англикализма другим религиозным режимом. Сам пуританизм раскололся на пресвитерианизм, который только желал установить другую, более демократическую государственную церковь, и на индипендентство, требовавшее совершенной религиозной свободы, чему соответствовало и политическое разъединение в парламентам лагере» [17, с. 7].

Как отмечает Т.Л. Лабутина, для современных исследователей особый интерес представляет интерпретация Н.И. Кареевым «Славной революции» [16, с. 87]. По мнению историка, вторая революция окончательно ограничила королевскую власть и правительство рамками закона, но все остальное продолжало существовать по-старому. Право избрания в парламента оставалось в своем прежнем состоянии, очень далеко от демократизма. Революция 1689 г.

стала делом лишь верхнего правящего слоя населения Англии (землевладельцев и состоятельных людей). Переворот не сопровождался никакими народными восстаниями с социальными лозунгами – ничем, что напоминало бы индипендентов, левеллеров, квакеров, диггеров, людей пятой монархии. Демократическое движение в Англии возобновилось лишь в последней трети XVIII в. [17, с. 247–248].

Однако вклад Н.И. Кареева в дело изучения событий английской истории XVII в. заключается не только в пополнении теоретического и фактологического материала, но и в оказании поддержки в деле подготовки новых специалистов в данном направлении. Николай Иванович не только сам писал и формулировал концепции исторического процесса, но и принимал самое активное участие в формировании и развитии следующего поколения историков. Широко известны спецсеминары Н.И. Кареева по Новой истории и истории Франции, его тесное взаимодействие с учениками, которое отмечалось и на nive англоведения.

Н.И. Кареев принял самое непосредственное участие в научных студиях и судьбе С.И. Архангельского, одного из самых известных исследователей английской истории. Несмотря на его не очень юный возраст (Сергей Иванович пришел в историческую науку достаточно поздно, как свидетельствует А.А. Кузнецов) и прежний разноплановый перечень научных публикаций, лидер русской исторической школы смог разглядеть в ученом явные задатки начинающего англоведа [18, с. 145].

Письма Н.И. Кареева к С.И. Архангельскому, глубоко проработанные в трудах А.А. Кузнецова, ярко демонстрируют неподдельный интерес к проблематике Английской революции XVII в. выдающегося франковеда, новиста и методиста. Невзирая на утвердившееся восприятие Н.И. Кареева как специалиста по истории Франции, он являлся и «глубоким специалистом по истории именно аграрного вопроса Английской революции». Несмотря на некоторый скепсис в отношении возможности осуществления С.И. Архангельским глубокого научного исследования вдали от первоисточников, Николай Иванович вступил с ним в переписку [18, с. 145–146]. В своих письмах С.И. Архангельскому Н.И. Кареев ставит несколько важнейших вопросов, на которые необходимо найти ответы в рамках научных изысканий. В первую очередь он указывает на тот факт, что аграрная история Англии в период революций XVII в. практически не была разработана. Николай Иванович отмечает вклад А.Н. Савина в изучение английских революционных событий, однако констатирует при этом лишь поверхностное рассмотрение упомянутым историком аграрного вопроса обозначенной эпохи. Далее, по мнению Н.И. Кареева, целесообразно было бы раскрыть «суть кромвелевского закона 1656 г., который Савин даже не упомянул». В последующей переписке Николай Иванович делает отсылку к своему ученику – И.Л. Попову-Ленскому как к историку, принявшему от своего учителя эстафету в изучении аграрного вопроса, но уже в период Английской революции [19, с. 90–93].

Многие утверждения и выводы Н.И. Кареева касательно Английской революции XVII в. обнаруживаются именно в переписке с С.И. Архангельским. Рассуждения о расстановке сил в Англии демонстрируют определенное восприятие Николаем Ивановичем общественно-политической борьбы той эпохи, смешение социальных и политических групп.

Именно Н.И. Кареев в дальнейшем был первым читателем новых работ С.И. Архангельского [20, с. 147–149]. Он выступал не просто рецензентом-профессионалом самого высокого уровня, но и консультантом, наставником и редактором для начинающего историка – в письме от 22 сентября 1929 г. он прилагает «частные свои замечания и поправки, большую часть второстепенного и даже еще менее того значения» [18, с. 150].

В то же время в рассуждениях Н.И. Кареева и С.И. Архангельского могут быть отмечены значительные расхождения в интерпретациях событий XVII в. Если первый писал о пассивности народных масс в революционной Англии, то последний на весьма значительном материале доказал и продемонстрировал противоположное: «Народные низы во время революции играли самую активную роль» [19, с. 101]. Вторым камнем преткновения стал так называемый локальный метод, отстаиваемый С.И. Архангельским в рамках изучения социальной и аграрной английской истории XVII в., но не принимаемый Н.И. Кареевым [19, с. 101–104].

Современные исследователи жизненного пути и научного наследия С.И. Архангельского пишут о влиянии на становление революционного англоведения «русской исторической школы». Научно-исследовательские работы Н.И. Кареева, И.В. Лучицкого и Е.В. Тарле обозначили перечень вопросов, которые С.И. Архангельский рассматривал на основе архивных материалов. В своих неопубликованных очерках, подготовленных еще в 1941 г., историк демонстрирует очевидную преемственность в развитии англоведения в целом и изучении Английской революции XVII в. в частности. По мнению ученого, можно говорить как о «русской школе» применительно к изучению революционной Франции, так и о «русской школе» в изучении истории Англии [21, с. 172].

В рамках плодотворного сотрудничества с С.И. Архангельским Н.И. Кареев неоднократно упоминал своего ученика, чье имя прочно связано с исследованиями общественно-политических движений и аграрного вопроса в период Английской революции – Иннокентия Лаврентьевича Попова-Ленского. Как и большинство представителей младшего поколения «русской исторической школы», И.Л. Попов-Ленский начал с вопросов, касавшихся революционной Франции 1789–1799 гг.

Интерес И.Л. Попова-Ленского к английской революционной истории отмечается уже в начале 20-х годов XX в. С 1920 г. он начинает работать над английской историей: изучает труды М.М. Ковалевского, лекции по истории Английской революции А.Н. Савина и т. д. Знакомство с отчетами историка за 1921/1922 и 1922/1923 гг. позволяет сделать вывод о проведенном серьезном исследовании по истории революции в Англии 40–60-х годов XVII в.

В отчете за 1921/1922 академический год Иннокентий Лаврентьевич пишет о своем интересе к первой Английской революции. Молодой ученый упоминает знакомство с комплексом архивных документов “The Clarks Papers”. Анализ источников подводит его к разработке вопроса о Совете армии, причем основное внимание исследователь уделяет не военачальникам, а солдатам и офицерам (I, л. 13–14).

В отчете за 1922/1923 г. И.Л. Попов-Ленский представляет довольно глубокий историографический анализ, давая характеристику зарубежных исследований по проблемам Английской революции XVII в. В отношении собственной

исследовательской практики историк определил для себя следующие приоритетные задачи: 1) расширить применение документов комплекса "The Clarks Papers" в рамках освещения деятельности Совета армии О. Кромвеля, состоявшего из официальных депутатов солдат и офицеров, проводивших социально-политическую программу левеллеров; 2) «выявить религиозно-политический радикализм солдат, но не их вождей»; 3) расширить историографическую базу за счет новейших зарубежных научных трудов (II, л. 8).

Кроме того, И.Л. Попов-Ленский упоминает подготовленные им к публикации очерки на основе изученных материалов:

1) «Армейские Советы времен Великой Английской революции (борьба армии с парламентом весной, летом и осенью 1647 г.)»;

2) «Борьба за парламентскую реформу в XVII веке»;

3) «Естественно-правовые теории радикального солдатства (на основании примеров на армейских митингах, общих собраниях Совета Армии)».

В качестве важнейшего направления своей научно-исследовательской работы И.Л. Попов-Ленский рассматривает перевод документов времен революции, речей и политических программ, которые не просто станут доступны советским ученым, но и позволят им осуществить более глубокий анализ революционного периода в Англии XVII в. (II, л. 8–8 об.).

В рамках своих научных изысканий («Лильберн и левеллеры», «К вопросу об огораживании общинных полей в Англии в первой половине XVII века») И.Л. Попов-Ленский обращается к таким вопросам, как экономические аспекты Английской революции, которые он связывает с социальными и материальными интересами английского крестьянства XVII в. В работах молодого историка раскрывались проблемы общественно-политических движений времен революции, борьбы за парламентскую реформу. В статье «К вопросу об огораживании общинных полей в Англии в первой половине XVII века» И.Л. Попов-Ленский обращается к аспектам аграрного развития Англии накануне и в период революции 40-х годов XVII в., представляя рассматриваемые проблемы сквозь призму борьбы социально-политических групп из-за земли.

В 1928 г. выходит объемный труд «Лильберн и левеллеры (Социальные движения и классовая борьба в эпоху Английской революции XVII века)», уже в самом начале которого автор обозначил свою исследовательскую позицию. Ему представляется целесообразным изложить разные точки зрения на Английскую революцию, инициировать дискуссии, подвергнуть сомнению традиционные концепции и теории [22, с. 10]. Здесь можно увидеть влияние исторической и исследовательской позиции его учителя, Н.И. Кареева. Обращаясь к истории революции 40–60-х годов XVII в. И.Л. Попов-Ленский как анализирует причины и ход событий XVII в. в Англии, так и делает попытку выделить черты, которые отличали Английскую революцию от других подобных явлений европейской истории. Следуя за своим учителем, И.Л. Попов-Ленский отказывается от восприятия революции в Англии того периода как социальной революции, выдвигая на первый план политический и религиозный характер происшедших событий [22, с. 85–86].

Историк делает вывод, что именно огораживание общинных земель выступило в качестве одной из основных экономических причин революционного кризиса середины XVII в. Сосредоточение внимания на социально-экономиче-

ской проблематике обуславливает переход к изучению социальных движений и классовой борьбы эпохи Английской революции. Рассматривая личность Джона Лильберна, И.Л. Попов-Ленский прибегает к сравнению его с деятелями Великой французской революции XVIII в. (имеется в виду Антуан Барнав). Историк проводит параллели между выдающимися личностями двух революций, их целями, деятельностью и окончанием жизни.

Здесь стоит упомянуть, что в «русской исторической школе» существовала тесная связь между учителями и учениками, старшим и младшим поколением. Н.И. Кареев не мог обойти вниманием труды своего ученика и подготовил ряд рецензий. В личном деле И.Л. Попова-Ленского есть отзыв учителя на уже отмеченные ранее отчеты молодого историка. Уже там Николай Иванович характеризует И.Л. Попова-Ленского как исследователя, который «занимается еще и английским XVII столетием, обнаруживая высочайшие способности» (Ш, л. 9). В.А. Филимонов и О.И. Зезегова в очерке, посвященном жизненному пути и наследию И.Л. Попова-Ленского, приводят рецензию Н.И. Кареева на работу «Лильберн и левеллеры», в которой отмечается излишняя увлеченность автора экономической проблематикой. Сильной же стороной книги о Лильберне выступает осуществление комплексного анализа движения левеллеров, выделенные его характерных черт и влияния на различные слои английского общества того периода [23, с. 30–32].

В свою очередь, интерес к труду И.Л. Попова-Ленского проявил и С.И. Архангельский, который, помимо признания научной значимости труда Иннокентия Лаврентьевича, также отметил чрезмерный упор на создание красочного образа Джона Лильберна, в результате чего революционный процесс представляется лишь своего рода обрамлением для портрета выдающегося деятеля Английской революции XVII в. По мнению С.И. Архангельского, излишнее сосредоточение внимания исследователя на движении и его лидере (Джоне Лильберне) создает впечатление, что экономическая история Англии и рассмотрение положения крестьянства в XVII в. представляют собой «лишь рамку для политической биографии и очерка литературной деятельности Джона Лильберна...» [24, с. 14].

В дискуссию с И.Л. Поповым-Ленским вступает еще один ученик Н.И. Кареева, представитель младшего поколения «русской исторической школы» – П.П. Щеголев. С одной стороны, Павла Павловича Щеголева причисляют к школе Н.И. Кареева, с другой стороны, он находится под значительным влиянием методологических позиций школы М.Н. Покровского и постепенно становится приверженцем и представителем так называемой «марксистской исторической школы». Оба этих факта самым непосредственным образом обуславливают специфику его восприятия революционного процесса как в общем, так и в отношении Англии XVII в. в частности. Интерес историка к революциям подчеркивается во введении к «Очеркам из истории Западной Европы XVI–XVII вв.», изданным уже после скорострительной смерти ученого в 1936 г. Также отмечалось, что история Англии и Франции, в том числе и революционная история, изложена достаточно исчерпывающе, в то время как история Германии и Испании не получила столь же подробного описания. Сам П.П. Щеголев указывает на следующую особенность революционного процесса в Англии: «В ходе английской революции не было такого момента, когда у власти стояла буржуазия в точном смысле этого слова» [25, с. 389].

Постепенная трансформация историко-методологических воззрений П.П. Щеголева наглядно продемонстрирована в рецензиях и выступлениях, связанных с оценкой трудов Н.И. Кареева и И.Л. Попова-Ленского. На печально известном заседании сотрудников Коммунистической академии и Общества историков-марксистов, проходившем с 29 января по 16 февраля 1931 г., П.П. Щеголев представил весьма критический доклад в отношении «русской исторической школы» и ее отдельных представителей, в том числе и И.Л. Попова-Ленского (такая же критика звучала и в выступлении Г.С. Зайделя). В качестве объекта критики выступила книга «Лильберн и левеллеры». При этом П.П. Щеголев признавал весомость труда автора монографии, отмечая уже и некоторые положительные черты. В качестве главного недостатка он выделил отрицание народного (социального) характера Английской революции, отказ от признания значимости и важности народных выступлений [20, с. 154–155; 23, с. 40–46]. Таким образом, среди представителей младшего поколения «русской исторической школы» очевидны стремление к расколу и попытки отдельных ученых дистанцироваться от своих учителей.

Английская революция XVII в. не являлась основным предметом научных изысканий для «русской исторической школы». Однако уникальность подхода, стремление охватить самые разнообразные аспекты проявления революционного процесса и трансформаций всех сфер общественной жизни, желание учесть как личностный фактор, так и роль народных масс делают исследования ученых «*école russe*» крайне значимыми и для современной исторической науки. Интерпретации представителей «русской исторической школы» демонстрируют разнообразие возможных подходов к рассмотрению и анализу столь значимых феноменов исторического процесса, как революции.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Источники

- I – Отчет о научных работах научного сотрудника Исторического Исследовательского Института при Петроградском Университете Иннокентия Лаврентьевича Попова за 1921–1922 академический год. По секции Всеобщей истории // ОА СПбГУ Ф. 1. Оп. о/к 1917–1941. Св. 70. Д. 2429. Л. 10–16.
- II – Отчет о научных работах Иннокентия Лаврентьевича Попова, состоящего штатным научным сотрудником при Исследовательском Институте по кафедре Всеобщей истории (секция новой истории 1922–1923 учебный год). Личное дело Попова И.Л. // ОА СПбГУ Ф. 1. Оп. о/к 1917–1941. Св. 70. Д. 2429. Л. 5–9.
- III – Отзыв Н.И. Кареева на отчет о научных работах И.Л. Попова за 1922–1923 гг. // ОА СПбГУ Ф. 1. Оп. о/к 1917–1941. Св. 70. Д. 2429. Л. 9.

Литература

1. *Косминский Е.А.* Роль русских историков в разработке истории Англии // Исторический журнал. 1941. № 10–11. Ноябрь. С. 89–99.
2. *Косминский Е.А.* Основные направления историографии Английской буржуазной революции // Английская буржуазная революция XVII века: в 2 т. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1954. Т. 2. С. 217–238.

3. *Кареев Н.И.* Историка. Теория исторического знания. Пг.: тип. М.М. Стасюлевича, 1916. VI, 281 с.
4. *Бодров О.В.* М.М. Ковалевский о социальной сущности и политических идеалах Английской революции XVII века // Отечественное англоведение XIX – первой четверти XX в.: сб. статей / Отв. ред. М.П. Айзенштат. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 56–69.
5. *Таньшина Н.П.* Юбилей юбилея: итоги 200-летия Французской революции для российской и французской историографии // Новая и новейшая история. 2019. № 2. С. 100–119. <https://doi.org/10.31857/S013038640004252-5>.
6. *Золотарев В.П.* Историческая концепция Н.И. Кареева: содержание и эволюция: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1992. 32 с.
7. *Кареев Н.И.* Сущность исторического процесса и роль личности в истории. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1914. XII, 574 с.
8. *Мяжков Г.П.* Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000. 295 с.
9. *Сафронов Б.Г.* Ковалевский как социолог. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1960. 263 с.
10. *Бодров О.В.* Новистика в Казанском университете, 1943–2003. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. 141 с.
11. *Бодров О.В.* М.М. Ковалевский – историк английской общественной и политической мысли нового времени: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2002. 26 с.
12. *Афоношкина А.В.* Английская революция середины XVII века в освещении М.М. Ковалевского // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2012. Т. 12. Вып. 2. С. 73–82.
13. *Бодров О.В.* М.М. Ковалевский как историк Английской буржуазной революции XVII века // *Clio Moderna*. Зарубежная история и историография: Сборник научных статей. Вып. 4. Казань: Мастер-Лайн, 2003. С. 62–87.
14. *Ковалевский М.М.* Общественный строй Англии в эпоху республики. I: Аграрный вопрос // Юридический Вестник. М., 1891. Т. IX, кн. 4 (Декабрь), № 12. С. 479–513.
15. *Ковалевский М.М.* Родоначальники английского радикализма // Русская мысль. 1892. № 1. С. 1–17.
16. *Лабутина Т.Л.* Английские революции XVII века в творчестве российского ученого Н.И. Кареева. Отечественное англоведение XIX – первой четверти XX в. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 79–87.
17. *Кареев Н.И.* Две английские революции XVII века. Пг.: «Сеятель» Е.В. Высоцкого, 1924. 270 с.
18. *Кузнецов А.А.* «Я отнесся к Вашей рукописи так, как будто это – диссертация»: Н.И. Кареев как эксперт штудий С.И. Архангельского по истории Английской революции // *Magistra Vitae*: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2023. № 2. С. 144–151. URL: https://www.magistravitaejournal.ru/images/2_2023/MV_2023_2_144-151_Kuznetsov.pdf, свободный. <https://doi.org/10.47475/2542-0275-2023-0-2-144-151>.
19. *Кузнецов А.А.* Письма Н.И. Кареева С.И. Архангельскому // Диалог со временем. 2017. Вып. 58. С. 88–104.
20. *Кузнецов А.А.* Изобретая одну и скрывая другую научную «генеалогию»: член-корреспондент АН СССР С.И. Архангельский между профессором А.Н. Савиным и академиком Н.И. Кареевым // Архивный поиск: сборник научных статей и публикаций. Вып. 6 / Гл. ред. С.А. Лиманова. М.: Архив РАН, 2023. С. 141–158.
21. *Кузнецов А.А., Селиванова О.В.* Актуализация отечественной историографии Англии в начале Великой Отечественной войны (к публикации текста С.И. Архангельского «Роль русских историков в разработке истории Англии» (август 1941 г.)) // Запад – Восток. 2020. № 13. С. 153–204. <https://doi.org/10.30914/2227-6874-2020-13-153-204>.

22. Попов-Ленский И.Л. Лильберн и левеллеры (Социальные движения и классовая борьба в эпоху Английской революции XVII века). М.; Л.: Московский рабочий, 1928. 229 с.
23. Филимонов В.А., Зезегова О.И. Европейская история в научном наследии И.Л. Попова-Ленского // Великий Октябрь и судьбы историков научной школы Н.И. Кареева [Электронный ресурс]: монография: текстовое научное электронное издание на компакт-диске / Рук. проекта, отв. ред. В.П. Золотарев. Сыктывкар: Изд-во СГУ имени Питирима Сорокина, 2024. С. 26–46.
24. Архангельский С.И. Крестьянское движение в Англии в 40–50-х годах XVII века. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 356 с.
25. Щеголев П.П. Очерки из истории Западной Европы XVI–XVII вв. Л.: Соцэкгиз, 1938. 492 с.

Поступила в редакцию 20.02.2024

Принята к публикации 20.04.2024

Кутузова Анастасия Александровна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и методики обучения общественно-правовым дисциплинам

Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина

Октябрьский пр-кт, д. 55, г. Сыктывкар, 167001, Россия

E-mail: azzazell-x@mail.ru

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 2, pp. 184–197

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.2.184-197

The English Revolution of the 17th Century as Interpreted by the Representatives of Two Generations of the “Russian Historical School”

A.A. Kutuzova

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, 167001 Russia

E-mail: azzazell-x@mail.ru

Received February 20, 2024; Accepted April 20, 2024

Abstract

This article examines the interpretations of the causes, features, development, and outcomes of the English Revolution of the 17th century by scholars from the “Russian historical school” (école russe). Its older and younger generations were primarily focused on the history of France and the French Revolution. While renowned for their studies on revolutionary France, they also covered other topics. N.I. Kareev (1850–1931), M.M. Kovalevsky (1851–116), P.P. Shchegolev (1903–1936), and I.L. Popov-Lensky (1893–1931) addressed the problems of revolutionary England during the 17th century. Their complex works analyzed the revolutionary process of that period from all angles. Therefore, the theories of the English Revolution and their interpretations by the “Russian historical school” determined the subsequent development of English studies in both Soviet and post-Soviet space.

Keywords: “Russian historical school,” English Revolution of the 17th century, N.I. Kareev, M.M. Kovalevsky, S.I. Arkhangelsky, I.L. Popov-Lensky, P.P. Shchegolev

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Kosminsky E.A. The role of Russian historians in the development of the history of England. *Istoricheskii Zhurnal*, 1941, nos. 10–11, pp. 89–99. (In Russian)
2. Kosminsky E.A. Trends in the historiography of the English Bourgeois Revolution. In: *Angliiskaya burzhuaznaya revolyutsiya XVII veka* [The English Bourgeois Revolution of the 17th Century]. Vol. 2. Moscow, Akad. Nauk SSSR, 1954, pp. 217–238. (In Russian)
3. Kareev N.I. *Istorika. Teoriya istoricheskogo znaniya* [Historical Study. Theory of Historical Knowledge]. Petrograd, Tip. M.M. Stasyulevicha, 1916. vi, 281 p. (In Russian)
4. Bodrov O.V. M.M. Kovalevsky's views on the social essence and political aims of the English Revolution of the 17th century. In: *Otechestvennoe anglovedenie XIX – pervoi chetverti XX v.: sb. statei* [English Studies in Russia between the 19th and the First Quarter of the 20th Century: A Collection Articles]. Eisenstadt M.P. (Ed.). Moscow, IVI Ross. Akad. Nauk, 2012, pp. 56–69. (In Russian)
5. Tanshina N.P. Jubilee anniversary: Results of the 200th anniversary of the French Revolution for Russian and French historiography. *Novaya i Noveishaya Istoriya*, 2019, no. 2, pp. 100–119. <https://doi.org/10.31857/S013038640004252-5>. (In Russian)
6. Zolotarev V.P. N.I. Kareev's historical concept: Essence and evolution. *Extended Abstract of Doct. Hist. Diss.* St. Petersburg, 1992. 32 p. (In Russian)
7. Kareev N.I. *Sushchnost' istoricheskogo protsessa i rol' lichnosti v istorii* [The Essence of Historical Process and the Role of Personality in History]. St. Petersburg, Tip. M.M. Stasyulevicha, 1914. xii, 574 p. (In Russian)
8. Myagkov G.P. *Nauchnoe soobshchestvo v istoricheskoi nauke: opyt "russkoi istoricheskoi shkoly"* [The Academic Community of Historians: The Background of the "Russian Historical School"]. Kazan, Izd. Kazan. Univ., 2000. 295 p. (In Russian)
9. Safronov B.G. *Kovalevskii kak sotsiolog* [Kovalevsky as a Sociologist]. Moscow, Izd. Mosk. Univ., 1960. 263 p. (In Russian)
10. Bodrov O.V. *Novistika v Kazanskom universitete, 1943–2003* [Novistics at Kazan University, 1943–2003]. Kazan, Kazan. Gos. Univ., 2004. 141 p. (In Russian)
11. Bodrov O.V. M.M. Kovalevsky as a historian of the English social and political thought in modern times. *Extended Abstract of Cand. Hist. Diss.* Kazan, 2002. 26 p. (In Russian)
12. Afonyushkina A.V. The English Revolution of the mid-17th century as told by M.M. Kovalevsky. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta. Novaya Seriya. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnye Otnosheniya*, 2012, vol. 12, no. 2, pp. 73–82. (In Russian)
13. Bodrov O.V. M.M. Kovalevsky as a historian of the English Bourgeois Revolution of the 17th century. In: *Clio Moderna. Zarubezhnaya istoriya i istoriografiya: Sbornik nauchnykh statei* [Clio Moderna. Foreign History and Historiography: A Collection of Articles]. Vol. 4. Kazan, Master-Line, 2003, pp. 62–87. (In Russian)
14. Kovalevsky M.M. The social system of England during the era of the Commonwealth of England. I: Agrarian problem. *Yuridicheskii Vestnik*, Moscow, 1891, vol. IX, book 4 (Dec.), no. 12, pp. 479–513. (In Russian)
15. Kovalevsky M.M. Pioneers of English radicalism. *Russkaya Mysl'*, 1892, no. 1, pp. 1–17. (In Russian)
16. Labutina T.L. English revolutions of the 17th century in the works of the Russian scholar N.I. Kareev. In: *Otechestvennoe anglovedenie XIX – pervoi chetverti XX v.* [English Studies in Russia between the 19th and the First Quarter of the 20th Century]. Moscow, IVI Ross. Akad. Nauk, 2012. pp. 79–87. (In Russian)
17. Kareev N.I. *Dve angliiskie revolyutsii XVII veka* [Two English Revolutions of the 17th Century]. Petrograd, "Sevatel'" E.V. Vysotskogo, 1924. 270 p. (In Russian)
18. Kuznetsov A.A. "I treated your manuscript as if it were a dissertation": N.I. Kareev as an expert in S.I. Arkhangel'sky's studies on the history of the English Revolution. *Magistra Vitae*, 2023, no. 2, pp. 144–151. URL: https://www.magistravitaejournal.ru/images/2_2023/MV_2023_2_144-151_Kuznetsov.pdf. <https://doi.org/10.47475/2542-0275-2023-0-2-144-151>. (In Russian)

19. Kuznetsov A.A. N.I. Kareev's letters to S.I. Arkhangelsky. *Dialog so Vremenem*, 2017, no. 58, pp. 88–104. (In Russian)
20. Kuznetsov A.A. Inventing one academic “genealogy” and concealing another: Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences S.I. Arkhangelsky between Professor A.N. Savin and Academician N.I. Kareev. In: *Arkhivnyi poisk: sbornik nauchnykh statei i publikatsii* [Archive Search: A Collection of Research Articles and Publications]. Limanova S.A. (Ed.). Moscow, Arkh. Ross. Akad. Nauk, 2023, no. 6, pp. 141–158. (In Russian)
21. Kuznetsov A.A., Selivanova O.V. Refining the Russian historiography of England with the beginning of the Great Patriotic War (on the publication S.I. Arkhangelsky's work “The Role of Russian Historians in the Development of the History of England” (August 1941)). *Zapad–Vostok*, 2020, no. 13, pp. 153–204. <https://doi.org/10.30914/2227-6874-2020-13-153-204>. (In Russian)
22. Popov-Lensky I.L. *Lil'bern i levellery (Sotsyal'nye dvizheniya i klassovaya bor'ba v epokhu Angliiskoi revolyutsii XVII veka)* [Lilburne and the Levellers (Social Movements and Class Struggle in the Era of the English Revolution of the 17th Century)]. Moscow, Leningrad, Mosk. Rab., 1928. 229 p. (In Russian)
23. Filimonov V.A., Zezegova O.I. European history in I.L. Popov-Lensky's scientific heritage. In: *Velikii Oktyabr' i sud'by istorikov nauchnoi shkoly N.I. Kareeva: monografiya* [The October Revolution and the Fate of Historians from N.I. Kareev's School: A Monograph]. Zolotarev V.P. (Ed.). Syktyvkar, Izd. SGU im. Pitirima Sorokina, 2024, pp. 26–46. (In Russian)
24. Arkhangelsky S.I. *Krest'yanskoe dvizhenie v Anglii v 40–50-kh godakh XVII veka* [The Peasant Movement in England between the 1640s and 1650s]. Moscow, Izd. Akad. Nauk SSSR, 1960. 365 p. (In Russian)
25. Shchegolev P.P. *Ocherki iz istorii Zapadnoi Evropy XVI–XVII vv.* [Essays on the History of Western Europe from the 16th to 17th Centuries]. Leningrad, Sotsekgiz, 1939. 492 p. (In Russian)

Для цитирования: Кутузова А.А. Английская революция XVII века в интерпретации представителей двух поколений «русской исторической школы» // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 2. С. 184–197. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.2.184-197>.

Для цитирования: Кутузова А.А. Английская революция XVII века в интерпретации представителей двух поколений «русской исторической школы» // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 2. С. 184–197. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.2.184-197>.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 327

doi: 10.26907/2541-7738.2024.2.198-207

ТРИ ЭТАПА В ЭВОЛЮЦИИ КОНЦЕПЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБЩЕСТВА: ИСТОРИЯ АНГЛИЙСКОЙ ШКОЛЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ИЛИ ИСТОРИЯ НАУЧНЫХ СООБЩЕСТВ?

В.В. Миронов

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
г. Омск, 644077, Россия*

Аннотация

Статья посвящена эволюции Английской школы международных отношений. Концепция международного общества остается методологической основой для трех поколений входящих в нее исследователей. В работе выделено три этапа в эволюции концепции. На первом этапе центральную роль играл Британский комитет по изучению международной политики, в недрах которого происходили выдвижение гипотезы и формирование Английской школы международных отношений. Контуры концепции были сформулированы Х. Буллом. Второй этап был связан с попыткой приобщения к проблематике школы новых исследователей. Это расширило рамки концепции, привело к появлению новых тем, но трансформировало школу из узкой группы специалистов в сообщество международников. На третьем этапе оно раскололось по отношению к оценке современного международного общества, что не только спровоцировало кризис внутри школы, но и позволило модернизировать концепцию международного общества за счет использования в полемике теоретических наработок современной науки о международных отношениях. Сделан вывод о том, что история Английской школы отражает деятельность различных научных групп, объединенных широкими методологическими рамками концепции международного общества.

Ключевые слова: Английская школа, теория международных отношений, международное общество, Х. Булл

Определенным показателем развития науки – и международные отношения здесь не исключение – принято считать наличие научных школ. Их формирование выступает индикатором определенной зрелости и критерием развития соответствующей области знания. Кроме того, принято полагать, что школы высвечивают проблемы и перспективы дальнейшего развития науки. Как следствие, о научных школах часто говорят как о своеобразном достижении. Политика в области науки и образования во второй половине XX в. строится на создании условий для формирования, сохранения и развития научных школ. Такой взгляд был в значительной мере обусловлен научно-технической и информационно-технологическими революциями XX в., когда различные формы кооперации ученых обеспечивали прорывы в развитии новых отраслей знания,

способствовали технологическому обновлению, созданию и внедрению прикладных разработок.

Однако история изучения научных школ, представленная схолярными исследованиями, как и эмпирический анализ отдельных научных сообществ, осуществляемый по преимуществу историками, высвечивает не только несомненные достижения в изучении научных школ, но и более широкий круг проблем и аспектов, которые ставят вопросы о том, как анализировать и с каких позиций оценивать научные коллективы. В частности, возникновение научных школ по-прежнему носит вероятностный характер и не всегда зависит от субъективных желаний или целенаправленной политики в области науки и образования. Научные школы, как и другие формы кооперации ученых, не возникают только в силу объективных причин или простого увеличения расходов на НИОКР. Более того, научные коллективы могут выступать препятствием для развития концепций одаренных ученых, вступать в противоречие с индивидуальными новаторскими подходами, не укладывающимися в проблематику научного сообщества. Школа направляет исследования в определенное русло, или создает, как сейчас принято говорить, «эффект колееи», из которой довольно сложно выбраться.

Наличие сложившихся традиций изучения может и тормозить процессы обновления в науке. В этом проявляется консервативный характер процедуры добывания и передачи знаний. Школа с указанной точки зрения представляет собой не только коллектив единомышленников, но реальную социальную группу, которая демонстрирует разные особенности коллективной работы. Научные сообщества здесь не исключение. Т. Кун не случайно считал наличие школ показателем кризиса науки и отсутствия признанного знания [1, с. 11]. Школа с этих позиций зарубежного науковедения выполняет роль помощника в борьбе за признание собственных разработок. С учетом вышеизложенного правомерным остается мнение, высказанное в свое время Э.М. Мирским, о том, что «научная школа, впрочем, как и другие виды объединения ученых, в процессе их деятельности принадлежат к группе явлений, представление о важности которых значительно превышает уровень понимания их сущности» [2, с. 161]. Английская школа международных отношений в обозначенном контексте остается недостаточно изученным явлением.

В самом общем смысле под Английской школой международных отношений будем понимать сообщество исследователей-международников, по преимуществу работающих в Великобритании и разделяющих подход к международным отношениям с позиции концепции международного общества. Целью настоящей статьи выступает изучение феномена долгожительств Английской школы международных отношений. Ее идеи начали формироваться в 60-е годы XX в., приобрели концептуальное оформление в 70-х годах XX в. и с определенными изменениями разделяются адептами школы в современных условиях.

Вопрос о том, какова продолжительность «жизни» научных объединений и чем заканчивается судьба научных школ, является непростым и довольно печальным. Известно, что классическая дисциплинарная школа построена на передаче знания от поколения к поколению. Если удастся сформировать новую генерацию исследователей, то, безусловно, уже можно говорить о том, что школа

состоялась. Но понятие «научное поколение» обладает некоторой спецификой и гибкостью в сравнении с трактовкой поколения в обществе. Активный срок жизни поколения в социуме составляет 25–30 лет. Кроме того, современные научные коллективы, как правило, строятся на модели междисциплинарных объединений, а не на «чистой» дисциплинарной основе. Данное обстоятельство сокращает срок взаимодействия коллективов в среднем до 7–10 лет. Уже в 70-е годы XX в. была предложена модель экспоненциальной кривой, которая объясняла продолжительность обозначенного временного лага [2, с. 119–152]. Маловероятно, что подобная схема может быть универсальной, но она иллюстрирует проблему продолжительности существования научных концепций. Сегодня распространенной формой кооперации ученых стали различного рода краткосрочные научные проекты.

Английская школа международных отношений в этой связи интересна тем, что, возникнув на рубеже 50–60-х годов XX в. внутри очень узкого экспертного сообщества специалистов-международников в Великобритании, она показала определенную «живучесть» и в науке международных отношений остается востребованным долгожителем. Объединяющей для школы концептуальной основой выступила гипотеза международного общества – подход к межгосударственным отношениям как к специфическому виду социального пространства с присущими ему нормами, регуляторами и институтами. В качестве научной гипотезы эта идея была высказана внутри Британского комитета по изучению международной политики – научного семинара, ставшего площадкой для обсуждения ключевых аспектов международных отношений в период с 1960 г. до первой половины 80-х годов XX в. В состав проекта вошли известный историк нового времени Герберт Баттерфилд, его ученик и одно время секретарь А. Тойнби в Чатем-Хаусе Мартин Уайт, директор департамента по контролю над вооружениями Форин Офис Хедли Булл, дипломат Адам Уотсон, военный историк Майкл Ховард, теолог Десмонд Вильямс и философ Дональд Маккиннон [3].

Само название проекта говорит о том, что его участники в качестве научной школы себя не идентифицировали и, разумеется, не могли позиционировать свою деятельность в общенациональном масштабе. Более того, внутри проекта в 60–70-х годах XX в. была определенная ротация. Трудно пришлось даже такому маститому исследователю, как Г. Баттерфилд. Формат работы Британского комитета представлял сессионно действующий научный семинар, который собирался дважды в год для обсуждения научных текстов, подготовленных участниками. Финансовую поддержку работе оказал Фонд Рокфеллеров. Однако гранты не были постоянными, и, когда финансирование прекращалось, участники собирались на свои средства.

Идея международного общества в комитете появилась не сразу, а на третий-четвертый год работы семинара – ориентировочно в 1961–1962 г. Программой по рассмотрению этой гипотезы можно считать монографию 1966 г. «Дипломатические исследования», где впервые был поставлен ряд системных проблем по изучению международной политики [4]. В самом общем виде работа Британского комитета по изучению международной политики в 1959–1985 гг. обусловила реализацию предметно-логических предпосылок для появления научной школы.

Здесь необходимо пояснить, что для развития и формирования научной школы необходимы как минимум три группы предпосылок, создающих определенную социально-научную ситуацию: конкретно-исторические, предметно-логические и личностно-психологические. Считается, что конкретно-исторические предпосылки формирования науки о международных отношениях были связаны с мировыми войнами XX в. Как минимум неслучайным представляется тот факт, что первые научные центры и кафедры по изучению международных отношений в Великобритании возникли после Первой мировой войны. Личностно-психологические предпосылки обычно объясняют индивидуальное своеобразие и особенности формирования конкретных научных сообществ. В частности, для формирования научных школ имеет существенное значение преемственность между учителем (лидером) школы и его учениками (сторонниками идей лидера). Эта связь формирует коллектив единомышленников. В силу формата периодичности и долгосрочности проекта лидерство как признак научной школы было в данном случае редуцированным. Г. Баттерфилд совершенно осознанно отказался от поста Председателя Британского комитета в 1967 г. после выхода первой общей монографии, а ряд исследователей не мог вписаться в семинар по другим причинам.

Предметно-логические предпосылки обусловили иную проблему в трактовке становления сообщества. Сегодня международные отношения считаются наукой междисциплинарной. Но на рассматриваемом этапе семинар не только не поддерживал междисциплинарную основу, но и долгое время оставался «вещью в себе». Не были установлены контакты с другими формирующимися научными центрами, занимавшимися изучением международных отношений в стране. Не стремились участники проекта и к активной популяризации идей в сфере преподавания. Иначе говоря, школа формировалась в условиях отсутствия в Великобритании отдельной специальности «Международные отношения», а науке о международных отношениях еще предстояло сформироваться. Таким образом, новое научное сообщество оформлялось по канонам, свойственным для периода дисциплинарной науки XIX в. Отсюда и специфический состав участников, и формат работы, и формулирование предельно общей научной гипотезы, где могли найти точки соприкосновения представители разных научных взглядов, так или иначе связанных с анализом международной политики. Предметно-логические предпосылки не дают оснований говорить о междисциплинарном характере концепции школы. Отнюдь не случайным видится и то обстоятельство, что общие контуры гипотезы международного общества на данном этапе были обрисованы философом – Х. Буллоу [5].

Анализ личностно-психологических факторов обнаруживает на стадии формирования и иные особенности сообщества. Участников комитета объединяли личные связи, работа в «старых» британских университетах, обозначаемых термином «оксбридж», осознание не только общности научных интересов, но и элитарного характера обсуждаемых тем. Как следствие, первое поколение школы включало в предмет изучения международных отношений серьезный исторический компонент, что отличает Английскую школу от американской науки. Не случайно львиную долю участников Британского комитета составляли именно историки. Однако по мере оформления концепции международного общества

вставал вопрос о «верификации» означенной гипотезы на неевропейских кейсах развития международной системы и анализе современных проблем.

Второе поколение Английской школы формировалось путем сознательного приобщения к изучению концепции международного общества новой генерации исследователей. Как правило, они также получали образование в «старых» британских университетах, но неплохо ориентировались в проблематике неевропейских стран или были выходцами из них. Существенную роль на этом этапе сыграли Й. Зенг, Х. Суганами, Г. Гонг [6]. В предметном отношении концепция трансформировалась от изучения узкой сети европейских международных институтов, выделенных в 70-е годы XX в. Х. Буллоу, к проблеме исторической экспансии международного общества, что и составило автономный предмет анализа в 80–90-е годы XX в.

Определенным связующим звеном между двумя поколениями выступили работы А. Уотсона начала 80–90-х годов XX в., которые укоренили историческую социологию и анализ дипломатии в повестке Английской школы [7]. Работы ученого должны были обеспечить определенную преемственность идей между поколениями и расширение рамок концепции, но они не определяли дальнейшее развитие самого сообщества [8]. На этом этапе появляются новые идеи и направления анализа, что в дальнейшем приведет к изменению формата работы школы. Безусловным лидером второго поколения становится Рэймонд Джон Винсент, монография которого о растущем воздействии прав человека заставила пересмотреть взгляды на международное общество самого Х. Булла [9]. Будучи учеником создателя концепции, Р.Дж. Винсент пытался уйти от его «мрачного реализма» 70-х годов XX в. в понимании структуры международного общества. Он не просто написал новый знаковый текст для развития концепции, но и мог создать собственную сеть учеников [10]. Ранняя смерть ученого прервала этот процесс.

Кроме того, Р.Дж. Винсент спровоцировал определенный раскол в концептуальном понимании исторического развития международного общества внутри второй коллективной монографии школы. Этому в немалой степени поспособствовало его провокационное эссе о расовом равенстве как растущем требовании справедливости для неевропейских народов, участвующих в международном обществе XX в. [11]. Следовательно, работы новой генерации исследователей внутри книги стали восприниматься как проблема по отношению к классическому нарративу о европейской экспансии, которая представляла собой сглаженную версию истории колониальной политики. «Классический» для школы вариант был представлен статьями А. Уотсона, М. Ховарда и Д. Гилларда [6, р. 13–32, 32–42, 87–97]. Таким образом, передача знания от учителей к ученикам при редуцированном лидерстве внутри группы исследователей обозначила и некоторый внутренний раскол по одному из ключевых вопросов в трактовке исторического развития международного общества. Этот раскол не ставил под сомнение общую концепцию школы, но выявил разность в понимании исторического процесса между сторонниками классической (европейской) модели экспансии международного общества и теми представителями школы, которые настаивали на обратном воздействии неевропейских держав на нормы и институты некогда европейского международного общества в области истории.

При этом на рассматриваемом этапе дифференциация тем и развитие разных линий концепции ослабили механизм личного взаимодействия ученых. В известном смысле подключение новых членов школы создавало предпосылки для трансформации ее в сообщество, что окончательно произошло на третьем этапе, когда концепция выполняет роль некой методологической основы для анализа. Примечательно в этом отношении, что идеи Р.Дж. Винсента 80-х годов XX в. в конечном итоге породили феномен «позднего» Х. Булла. Речь идет о так называемых «Гаагских лекциях» ученого, где он говорил о необходимости смещения акцентов в анализе концепции от межгосударственного к международному обществу [12]. Сам Х. Булл в последние годы жизни активно анализировал формы протеста и требование справедливости в международных отношениях в XX в. [13]. Таким образом он признавал тезис о том, что необходимо принимать требования справедливости в международных делах, чтобы международное общество и дальше оставалось валидной основой анализа международной политики. Подобная трансформация взглядов говорит об обратном воздействии идей ученика на учителя.

Тем не менее на втором этапе удалось передать идеи концепции от одного научного поколения к другому. При этом школа перестает быть только контактной группой единомышленников, а совместная деятельность в 80–90-х годах XX в. была реализована не столько через научный семинар, сколько через серию монографий, публикаций и научную полемику в условиях, когда удалось раздвинуть изначальные рамки концепции. Показательно, что именно на этом этапе идеи сообщества получили признание как внутри страны, так и за ее пределами. В 1982 г. появляется и сам термин «Английская школа международных отношений» [14]. Все вышеперечисленное говорит о том, что вторая монография школы была и завершающим итогом работы Британского комитета, и маркером поиска нового формата взаимодействия сторонников концепции международного общества. Новые грани в предмете изучения – историческая социология, дипломатия, права человека в функционировании международного общества, стандарты цивилизаций, расширение международной нормативной повестки и другие – свидетельствовали о сохраняющемся высоком эвристическом потенциале центральной концепции школы.

Ключевым для формирования нового – современного – поколения сторонников концепции школы оказался вопрос о дальнейшей трансформации международного общества в условиях после окончания холодной войны. Третье поколение сложилось как результат некоего внутреннего кризиса при оценке перспектив развития современного международного общества. Поводом для раскола послужили уже упоминавшиеся поздние работы Х. Булла и исследования Р.Дж. Винсента. По отношению к ним сообщество раскололось на так называемых плюралистов – сторонников дальнейшего развития классического варианта концепции международного общества – и солидаристов – сторонников усиления внутри него «гуманитарных начал».

Представители первых настаивали на сохранении ключевых институтов международного общества в XXI в. и полагали, что особенность современного этапа развития международного общества состоит в его глобальном масштабе [15, р. 16–42]. Оно перестало быть европейским или западным. Как следствие,

происходит определенная трансформация международных институтов в сравнении с теми, о которых писал Х. Булл. Но данное обстоятельство в целом не меняет природу международного общества, а лишь подчеркивает его уникальность и эволюцию. Солидаристы, напротив, выступили сторонниками переосмысления нормативной повестки и писали о перспективах качественной трансформации международного общества в общество мировое (транснациональное) [16]. При внешней схожести этой полемики на спор с транснационалистами в американской науке необходимо признать, что все же эта дискуссия шла внутри общей научной концепции и не характеризует борьбу разных теоретических направлений.

Выход из описанной ситуации сторонникам школы сегодня видится в том, что концепция международного общества должна быть открытой к тем изменениям, которые произошли в современной науке. Наука о международных отношениях на современном этапе носит междисциплинарный характер. Следовательно, Английская школа должна перестать быть только площадкой по изучению обобщенных тем международной политики, основанной на предельно широкой теоретико-методологической гипотезе 60–70-х годов XX в. Школа может кооптировать достижения английской политэкономии (работы С. Стрэндж), обновить методы изучения международной реальности, что сегодня делают Д. Грин и К. Навари, уделять внимание институциональному подходу, критической теории, проблемам гендерной деконструкции международных отношений, конкретизировать предмет изучения проблем мирового общества [17, р. 205–220]. Об обновлении и разработке теории школы в начале XXI в. много писал Б. Бузан [18, р. 11–13]. Во всех подобных новациях можно увидеть признаки зарождающегося нового поколения исследователей, генетически стоящих на позициях концепции международного общества.

Таким образом, история Английской школы международных отношений – это не единая история идей и людей, в нее входящих. По существу, долгожителство ее центральной концепции – это три истории эволюции разных научных сообществ в развитии науки о международных отношениях в Великобритании, пропущенные сквозь призму довольно общей научной теории. Эволюция концепции – не просто процесс передачи готового знания от одного научного поколения к другому, но адаптация широкой гипотезы к разноплановой логике процессов развития научного знания XX–XXI вв. Не случаен тот факт, что предмет изучения международного общества выглядит автономным на разных этапах существования школы. При таком понимании история Английской школы – это отражение процесса научной рефлексии в отношении предельно широкой гипотезы, осмысление которой представляет квинтэссенцию взглядов на международную политику у части британских исследователей за последние 60 лет. Название «Английская школа» не должно вводить в заблуждение. Она никогда не была ни общенациональной, ни единственной теоретической площадкой по изучению международных отношений в стране. За центральной концепцией школы скрывается полемика и история разных научных сообществ.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Литература

1. Кун Т. Структура научных революций / Перевод с англ. И.З. Налетова; общ. ред. и послесл. С.Р. Микулинского и Л.А. Марковой. М.: Прогресс, 1977. 300 с.
2. Школы в науке / Под ред. С.Р. Микулинского [и др.]. М.: Наука, 1977. 523 с.
3. The British Committee for the Theory of International Politics: Some historical notes by Adam Watson (November 1998). URL: <https://web.archive.org/web/20130721205511/http://www.polis.leeds.ac.uk/assets/files/research/english-school/watson98.pdf>, свободный.
4. Diplomatic Investigations. Essays in the Theory of International Politics / Ed. by H. Butterfield, M. Wight. London: Allen & Unwin, 1966. 227 p.
5. Alderson K., Hurrell A. Society and anarchy in international relations (1966) // Hedley Bull on International Society / Ed. by K. Alderson, A. Hurrell. London: Palgrave Macmillan, 2000. P. 77–94. https://doi.org/10.1007/978-1-349-62666-3_4.
6. The Expansion of International Society / Ed. by H. Bull, A. Watson. Oxford: Clarendon Press, 1984. 479 p.
7. Watson A. The Evolution of International Society: A Comparative Historical Analysis. London; New York, NY: Routledge, 1992. 337 p.
8. Watson A. Diplomacy: The Dialogue between States: London: Eyre Methuen, 1982. 239 p.
9. Vincent J.R. Human Rights and International Relations. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1986. viii, 186 p.
10. Foreign Policy and Human Rights. Issues and Responses / Ed. by R.J. Vincent. New York, NY: Cambridge Univ. Press, 1986. 283 p.
11. Vincent R.J. Racial equality // The Expansion of International Society / Ed. by H. Bull, A. Watson. Oxford: Clarendon Press, 1984. P. 239–254.
12. Anderson K., Hurrell A. Justice in international relations: The 1983 Hagey Lectures (1984) // Hedley Bull on International Society / Ed. by K. Alderson, A. Hurrell. London: Palgrave Macmillan, 2000. P. 206–245. https://doi.org/10.1007/978-1-349-62666-3_11.
13. Bull H. The Revolt against the West // The Expansion of International Society / Ed. by H. Bull, A. Watson. Oxford: Clarendon Press, 1984. P. 217–228.
14. Jones R. The English school of international relations: A case for closure // Rev. Int. Stud. 1981. V. 7, No 1. P. 1–13. <https://doi.org/10.1017/S0260210500115086>.
15. Jackson R.H. The Global Covenant: Human Conduct in a World of States. Oxford: Oxford Univ. Press, 2000. xvi, 464 p.
16. Human Rights in Global Politics / Ed. by T. Dunne, N. Wheeler. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1999. 337 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139171298>.
17. Guide to the English School in International Studies / Ed. by C. Navari, D. Green. Oxford: Wiley Blackwell, 2014. 246 p. <https://doi.org/10.1002/9781118624722>.
18. Buzan B. From International to World Society. English School Theory and Social Structure of Globalization. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2004. 294 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511616617>.

Поступила в редакцию 16.02.2024

Принята к публикации 18.04.2024

Мионов Виктор Владимирович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и теории международных отношений

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
пр. Мира, д. 55-а, г. Омск, 644077, Россия
E-mail: vvm_512@rambler.ru

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.2.198-207

**Three Stages in the Evolution of the Concept of International Society:
The History of the English School of International Relations
or the History of Academic Communities?**

V.V. Mironov

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, 644077 Russia

E-mail: vvm_512@rambler.ru

Received February 16, 2024; Accepted April 18, 2024

Abstract

This article considers the development of the English school of international relations. The enduring influence of its central concept pursued by international society on three generations of scholars is examined. Three stages are identified in the evolution of the above concept. In the first stage, the British Committee for the Study of International Politics laid the groundwork for the subsequent genesis of the school's concept. In 1970, H. Bull formulated its basic tenets. The second stage is associated with the efforts to attract more researchers to the school in order to expand the scope of the concept and introduce new problems to the field. As a result, the school transformed from a rather closed group of researchers into a diverse community of specialists in international relations. During the third stage, this community divided over the assessment of modern international society, which not only caused a rift within the school but also prompted a modernization of its concept in line with the most recent theoretical insights into the nature of international relations. Therefore, the history of the English school of international relations was underpinned by the collective work of various research groups united under the broad methodological frameworks of the concept supported by international society.

Keywords: English school, theory of international relations, international society, H. Bull

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Kuhn T. *Struktura nauchnykh revolyutsii* [The Structure of Scientific Revolutions]. Naletov I.Z. (Trans.). Mikulinskii S.R., Markova L.A. (Eds.). Moscow, Progress, 1977. 300 p. (In Russian)
2. *Shkoly v nauke* [Schools in Science]. Mikulinskii S.R. et al. (Eds.). Moscow, Nauka, 1977. 523 p. (In Russian)
3. The British Committee for the Theory of International Politics: Some historical notes by Adam Watson (November 1998). URL: <https://web.archive.org/web/20130721205511/http://www.polis.leeds.ac.uk/assets/files/research/english-school/watson98.pdf>.
4. Butterfield H., Wight H. (Eds.) *Diplomatic Investigations. Essays in the Theory of International Politics*. London, Allen & Unwin, 1966. 227 p.
5. Alderson K., Hurrell A. Society and anarchy in international relations (1966). In: Alderson K., Hurrell A. (Eds.) *Hedley Bull on International Society*. London, Palgrave Macmillan, 2000, pp. 77–94. https://doi.org/10.1007/978-1-349-62666-3_4.
6. Bull H., Watson A. (Eds.) *The Expansion of International Society*. Oxford, Clarendon Press, 1984. 479 p.
7. Watson A. *The Evolution of International Society: A Comparative Historical Analysis*. London, New York, NY, Routledge, 1992. 337 p.

8. Watson A. *Diplomacy: The Dialogue between States*. London, Eyre Methuen, 1982. 239 p.
9. Vincent J.R. *Human Rights and International Relations*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1986. viii, 186 p.
10. Vincent R.J. (Ed.) *Foreign Policy and Human Rights. Issues and Responses*. New York, NY, Cambridge Univ. Press, 1986. 283 p.
11. Vincent R.J. Racial equality. In: Bull H., Watson A. (Eds.). *The Expansion of International Society*. Oxford, Clarendon Press, 1984, pp. 239–254.
12. Anderson K., Hurrell A. Justice in international relations: The 1983 Hagey Lectures (1984). In: Anderson K., Hurrell A. (Eds.) *Hedley Bull on International Society*. London, Palgrave Macmillan, 2000, pp. 206–245. https://doi.org/10.1007/978-1-349-62666-3_11.
13. Bull H. The revolt against the West. In: Bull H., Watson A. (Eds.) *The Expansion of International Society*. Oxford, Clarendon Press, 1984, pp. 217–228.
14. Jones R. The English school of international relations: A case for closure. *Review of International Studies*, 1981, vol. 7, no. 1, pp. 1–13. <https://doi.org/10.1017/S0260210500115086>.
15. Jackson R.H. *The Global Covenant: Human Conduct in a World of States*. Oxford, Oxford Univ. Press, 2000. xvi, 464 p.
16. Dunne T., Wheeler N. (Eds.) *Human Rights in Global Politics*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1999. 337 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139171298>.
17. Navari C., Green D. (Eds.) *Guide to the English School in International Studies*. Oxford, Wiley Blackwell, 2014. 246 p. <https://doi.org/10.1002/9781118624722>.
18. Buzan B. *From International to World Society? English School Theory and Social Structure of Globalization*. Ser.: Cambridge Studies in International Relations. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 2004. 294 p. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511616617>.

Для цитирования: Миронов В.В. Три этапа в эволюции концепции международного общества: история Английской школы международных отношений или история научных сообществ? // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 2. С. 198–207. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.2.198-207>.

For citation: Mironov V.V. Three stages in the evolution of the concept of international society: The history of the English school of international relations or the history of academic communities? *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 2, pp. 198–207. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.2.198-207>. (In Russian)

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 930

doi: 10.26907/2541-7738.2024.2.208-222

«КУЛЬТУРНЫЙ ПОВОРОТ» В АМЕРИКАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ИСТОРИИ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ В 80-Е ГОДЫ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

А.О. Кисленко

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

Аннотация

Начиная с 70-х годов XX в. «культурный поворот» затронул многие направления исторических исследований. Исключением не стала и возникшая в этот период в США история окружающей среды. Будучи под сильным влиянием интеллектуальной истории, указанное направление также в 90-е годы XX в. постепенно обратилось к изучению проблем в рамках «новой культурной истории». В зарубежной историографии упомянутый сдвиг отмечался неоднократно, однако о причинах, побудивших историков заняться обозначенными вопросами, написано очень мало. Настоящая статья призвана восполнить этот пробел в историографии бесспорно актуального направления исторических исследований. Проанализированы ключевые работы американских историков с 70-х годов XX в. по 10-е годы XXI в., и сделан вывод о постепенном характере «культурного поворота» в американской историографии *environmental history*, в котором можно выделить два этапа: в течение первого (с 80-х до середины 90-х годов XX столетия) проблемы истории окружающей среды рассматривались с позиции постколониального и гендерного дискурсов, а второй (с середины 90-х годов XX в. по настоящее время) характеризовался переосмыслением концепта о «дикой природе» и обращением к целому спектру ранее не рассмотренных проблем истории окружающей среды.

Ключевые слова: история окружающей среды, интеллектуальная история, культурная история, культурный поворот, дикая природа, культурный ландшафт, гибридный ландшафт, экологическая справедливость

Введение

Начиная со знаменитой работы Родерика Нэша “Wilderness and the American Mind” и вплоть до 90-х годов XX в. в историографии истории окружающей среды в США наблюдался сильный историко-интеллектуальный уклон, проявлявшийся прежде всего в анализе идей и действий «глубинных экологов» XIX–XX вв. Однако в 90-х годах XX – начале XXI в. на страницах ведущего американского научного журнала по экологической истории *Environmental History* отмечалось снижение количества статей, посвященных биографиям экологов, и рост числа работ по вопросам истории окружающей среды в рамках «культурного поворота». Эта тенденция не осталась без внимания зарубежных исто-

риков окружающей среды, но оценивалась ими по-разному. Так, например, Ричард Д. Деверелл и Джон МакНилл полагали, что «новая культурная история» 90-х годов XX в. откроет новые горизонты и придаст истории окружающей среды новый импульс [1; 2, p. 17], а Пол Саттер, в противовес своим коллегам, считал, что обозначенная тенденция негативно отразится на направлении, поскольку историки постепенно «отворачиваются» от интеллектуальной истории [3, p. 596–597]. Но никто из американских исследователей не пишет о причинах, приведших к столь резкой смене ориентиров в среде экологических историков в начале 90-х годов XX в. Французский ученый Фабиан Лошер полагает, что «путь для культурного поворота в истории окружающей среды» [4, p. 7] открыли дебаты в американской историографии после выхода в 1996 г. статьи Уильяма Кронона о необходимости пересмотра основополагающего для историко-интеллектуального направления экологической истории концепта «дикой природы». Однако остается неясным, что послужило предпосылками этого «культурного поворота» и как подходы «новой культурной истории» повлияли на исследовательское направление в целом. Поиску ответов на эти вопросы и посвящена данная статья.

Хронологическими рамками исследования является период с 80-х годов XX столетия до начала XXI в. Под американской историографией в статье прежде всего подразумеваются исследования, посвященные проблемам истории окружающей среды США. Основными источниками работы стали научные статьи, монографии американских историков окружающей среды и исторических географов. Особый интерес представляют публикации журнала *Environmental History*, издаваемого американским обществом экологической истории. Тематика статей, менявшаяся от десятилетия к десятилетию, позволяет выявить проблемы научных исследований, актуальные для ученых как в 80-х, так и в 90-х годах XX в. и в начале XXI столетия. Для достижения поставленной цели применялись историко-генетический и историко-сравнительный методы историографического исследования. Суть первого заключается в последовательном изучении влияния «культурного поворота» в американской историографии экологической истории от момента его возникновения до повсеместного распространения в исследовательской практике. Второй состоит в сравнении проблематики исследований в разные хронологические периоды.

Говоря об «интеллектуальной истории», «культур(аль)ной истории» и «культурном повороте», необходимо уточнить значение этих терминов в настоящей работе.

Под «интеллектуальной историей» мы подразумеваем традиционное для американской историографии направление исторических исследований, рассматривающее развитие и распространение идей и концепций как в трудах отдельных ученых, так и в обществе в целом. Подходы этого направления стали основой для зарождавшейся в конце 60-х годов XX в. истории окружающей среды.

Однако впоследствии методология истории окружающей среды, подобно другим направлениям исторических исследований, претерпела существенное изменение под влиянием «культурного поворота», проявившегося в *environmental history* в постепенном смещении исследовательских интересов к историко-культурным аспектам – от биографий «глубинных экологов» в сторону рассмотрения вопросов, связанных с восприятием «дикой природы» различными социальными

ми группами, ролью общества в преобразовании природных ландшафтов, влиянием повседневных практик на окружающую среду, вопросами экологической справедливости и этики.

Как исследовательское направление культур(аль)ная история акцентирует внимание на повседневной жизни людей во всех ее проявлениях, от элементарных потребностей до ценностных смыслов тех или иных культурных объектов или обрядов. Поэтому в ее рамках на первое место выходит изучение не только политических и социально-экономических процессов, но и мира повседневной жизни людей, ментальных трансформаций [5, с. 301].

В рамках вышеупомянутых направлений исторической науки закономерен вопрос о том, где проходит параллель между подходами интеллектуальной и культурной истории. Одной из распространенных точек зрения считается позиция, согласно которой интеллектуальная история стала «частью» культурной истории. Однако, думается, для истории окружающей среды весьма справедлива точка зрения Л.П. Репиной о формировании новой культурно-интеллектуальной истории, представляющей собой сочетание истории интеллектуальной жизни, истории ментальностей и истории ценностных ориентаций. «Эта триада идей, стереотипов и ценностей позволяет охватить динамику исторического развития духовной сферы как на макросоциальном уровне, так и на уровне индивида (включая исторический анализ творческого наследия того или иного мыслителя, ученого, писателя, историка) или микрогруппы», – отмечает Л.П. Репина [6, с. 5].

Предпосылки «культурного поворота» в экологической истории

В некотором смысле «Культурный поворот» в американской историографии истории окружающей среды начался не в 1996 г. после публикации статьи У. Кронона о проблемах «дикой природы», как утверждал Ф. Лошер, а еще в 80-е годы XX в. Его истоки необходимо искать в исследованиях, посвященных изучению взаимодействия с природной средой индейских племен Северной Америки, а также особенностям женского взгляда на природу. Постколониализм и феминизм оказали на культуральную историю серьезное влияние и зачастую включались в ее исследовательские рамки [7, с. 77–78]. Как известно, автор «Ориентализма» Э. Саид призвал относиться к странам Востока «без зашоренности, враждебности или снисходительности» [7, с. 78], а к историческим процессам – с позиции стран третьего мира. Феминизм же предложил историкам смотреть на исторические процессы женским взглядом. Упомянутые направления стали первым этапом «культурного поворота» в американской историографии окружающей среды, который сохранял свою актуальность с начала 80-х до середины 90-х годов XX столетия.

Однако обращение к постколониальному дискурсу в рамках *environmental history* было вызвано и другим фактором – развитием американской исторической географии, также испытавшей сильное влияние «культурного поворота» в рамках культурной географии. Мнение Джона МакНилла, полагавшего, что слабое развитие исторической географии в США повлияло на появление истории окружающей среды [2, р. 9], представляется неверным. Ведь как минимум одна из научных школ американской культурной географии оказала колоссальное влияние на развитие *environmental history* – это школа Калифорнийского университета в Беркли. Так, представителя этой школы – Клоурэнса Глэнена –

современные историки называют «пионером истории окружающей среды» за монументальное исследование «Следы родосской тропы», в котором ученый рассмотрел интеллектуальную историю взаимоотношений между человеком, культурой и природой вплоть до XVIII столетия [8, p. 245]. На *environmental history* повлиял также другой представитель «школы Беркли» – это Карл Ортвин Зауэр, являвшийся основоположником культурной географии. Свою концепцию он представил в ключевой статье «Морфология ландшафта» (“The Morphology of Landscapes”). Он первым ввел в научный оборот понятие «культурный ландшафт», под которым подразумевал совокупность проекций различных культур на природный ландшафт определенной местности. Как отмечал ученый, «культура – это агент, природная территория – среда, культурный ландшафт – результат»¹ [9, p. 343]. К.О. Зауэр был убежден в том, что «широкий спектр физических свойств местности открывает множество возможностей для деятельности человека» [9, p. 343].

Помимо изучения культурных ландшафтов, исследователь обращался и к изучению истории колонизации Северной и Южной Америки европейцами, исследованию культуры их коренных жителей и, в особенности, влияния колонистов на жизнь индейцев. В работах «Ранняя испанская империя» и «Северная Америка XVI века: земля и люди в представлении европейцев» К.О. Зауэр одним из первых акцентирует внимание на катастрофическом воздействии болезней, завезенных европейцами, на население континентов. Он считал, что «Новая Испания поддерживала империю, и это приносило много горя местному населению» [10, p. 245]. Описывая произраставшие в Карибском бассейне растения, обитавших там животных, географические условия, в которых проживали туземцы, К.О. Зауэр, думается, использовал, по сути, методы исторической географии.

В дальнейшем идеи К.О. Зауэра нашли отражение в работах одного из отцов истории окружающей среды (по выражению Дональда Ворстера) – Альфреда Ворчестера Кросби. В «Колумбийском обмене», опубликованном в 1972 г., ученый, с одной стороны, отмечал позитивное воздействие обмена культивируемыми растениями на демографию Старого и Нового Света, но, с другой стороны, соглашался с мнением К.О. Зауэра о негативном влиянии возбудителей инфекций, завезенных из Европы, на коренное население Северной и Южной Америки (см. [11]). Несмотря на то, что работа А.В. Кросби была опубликована в один год со статьей Родерика Нэша, в которой тот ввел в научный оборот понятие “environmental history” (см. [12]), до середины 80-х годов XX в. американская историография истории окружающей среды не проявляла особого интереса к проблемам взаимоотношений между индейцами Америки, колонистами и природой. Лишь в 1985 г. вышел летний специальный выпуск журнала *Environmental History Review* (одно из старых названий нынешнего *Environmental History*), посвященный американским индейцам. Во вступительной статье к нему Ричард Уайт отметил важность исследования взаимоотношений между индейцами, властями США и природой. Особое внимание ученый уделил распространенному в то время мнению о том, что жизнь индейцев представляла собой пример идеальных

¹ Здесь и далее перевод с английского наш. – А. К.

сбалансированных отношений между человеком и дикой природой с минимальным антропогенным воздействием на нее. Ричард Уайт заметил, что отчасти цель выпуска заключалась в опровержении этого идеалистичного образа индейцев, поскольку последние тоже вносили свою лепту в изменение окружающей среды [13, p. 101]. Очевидно, проблема поиска идеальных отношений с природой волновала и исследователей, занимавшихся гендерной историей, поскольку годом ранее был опубликован специальный выпуск того же журнала «Женщины и история окружающей среды» (“Special Issue: Women and Environmental History”), посвященный восприятию женщинами дикой природы. В статье Веры Норвуд рассказывалось о четырех «женщинах-героинях» природы и их рефлексиях по поводу американского пейзажа (см. [14]). Думается, эта статья была написана в духе ранних работ по истории окружающей среды, рассматривавших жизнь и деятельность «глубинных» экологов Джона Мьюира, Джорджа Перкинса Маршалла и т. д.

Таким образом, первый этап «культурного поворота» в американской историографии истории окружающей среды, безусловно, характеризовался отходом от изучения биографий и взглядов отдельных личностей в сторону исследования сообществ, которые ранее официальной историографией не рассматривались. Но в то же время на этом этапе все еще прослеживалась тесная связь со ставшим традиционным для американской истории окружающей среды концептом сохранения «дикой природы», не тронутой человеком; продолжался поиск способов идеального сосуществования человека и природы, что выражалось в изучении отношения к природе индейских сообществ или восприятия ее женщинами.

Статья У. Кронона и дебаты о концепте «дикой природы»

Описанное выше положение дел в американской историографии сохранялось до середины 90-х годов XX в. Однако уже на первом этапе «культурного поворота», как было отмечено ранее, учеными высказываются сомнения в существовании идеальных взаимоотношений индейцев или женщин с дикой природой. Постепенно среди американских исследователей истории окружающей среды нарастало разочарование, поскольку прежние представления о дикой, не тронутой человеком природе оказывались иллюзией: подобно европейским колонистам, коренные жители Северной и Южной Америки также участвовали в преобразовании природного ландшафта. Выразителем этих настроений стал Уильям Кронон, автор одной из самых известных работ по городской истории окружающей среды «Метрополис природы: Чикаго и дикий Запад». В январском номере журнала *Environmental History* за 1996 г. он опубликовал статью, ставшую отправной точкой в этом исследовательском направлении, – «Проблема с дикой природой, или возвращение к неправильной природе» (“The Trouble with Wilderness: Or, Getting Back to the Wrong Nature”). В ней наиболее явно представлено влияние идей Карла Ортвина Зауэра и научной «школы Беркли» на взгляды ученого, с одной стороны, и работ Альфреда Кросби в духе постколониального дискурса – с другой. Эта статья У. Кронона знаменовала собой начало второго этапа «культурного поворота» в истории окружающей среды.

В статье Уильям Кронон поднимает провокационный вопрос: действительно ли дикая природа – это «первозданный храм, в котором можно еще хотя бы ка-

кое-то время созерцать то, что осталось от нетронутой, вымирающей, но трансцендентной природы, не загрязненной цивилизацией»? [15, р. 7]. Исследователь отмечает, что в XIX столетии как у Джона Мьюира, так и у многих американцев, разделявших его взгляды, кардинально изменилось отношение к дикой природе: если раньше она ассоциировалась с «домом Сатаны», то теперь она внезапно стала «Божьим храмом». В качестве причин этой метаморфозы У. Кронон выделяет два культурных концепта, которые он определил как «возвышенную дикую природу» и «фронтир».

Первый, с точки зрения автора, является «более древней и распространенной культурной конструкцией» и «проявлением романтизма» [15, р. 9–10]. Сакрализация «возвышенной дикой природы» берет свое начало в те времена, когда дикая местность являлась средоточием опасности и хаоса. «Если в этом месте пребывал Сатана, то там был и Христос, который во время искушений в пустыне встречал как ангелов, так и диких зверей», – отмечает У. Кронон, приводя пример романтического отношения к дикой природе [15, р. 9–10]. Подобное отношение к ней наблюдается как у философов XVIII в., так и у американских «глубинных экологов» XIX столетия.

«Фронтирная» концепция историка Фредерика Джексона Тернера, по мнению У. Кронона, является не менее важной конструкцией, сформировавшей идею о дикой природе. Изложив суть теории, последний отмечает, что, когда расширение на восток завершилось, «охрана дикой природы в прямом смысле слова означала защиту самого священного мифа о происхождении нации», поскольку именно территории, не тронутые человеческим влиянием, являлись местом, где люди, подобно переселенцам из концепции Ф. Тернера, могли преобразиться. [15, р. 13]. «Фронтир мог исчезнуть, но опыт фронта все еще можно было получить, сохранив дикую природу», – отмечается в статье [15, р. 15]. Рост популярности туристических путешествий по горам и рекам среди американской элиты после Гражданской войны, по мнению У. Кронона, приводит к тому, что дикая природа стала для многих «весьма привлекательной естественной альтернативой уродливой искусственности цивилизации» [15, р. 15].

Подводя итог исследованиям американских историков окружающей среды 60–90-х годов XX в., У. Кронон утверждает, что все совокупное знание об истории окружающей среды свидетельствует о том, что «люди манипулировали миром природы в различных масштабах во все времена, о которых у нас есть письменные свидетельства их деятельности» [15, р. 12]. У. Кронон, не без влияния, думается, А.В. Кросби и К.О. Зауэра, акцентирует внимание и на последствиях движения по созданию национальных парков и зон дикой природы для судьбы индейского населения. «Миф о дикой природе как о “девственной”, необитаемой земле всегда был особенно жестоким по отношению к индейцам, которые когда-то называли эти земли своим домом», – отмечает ученый [15, р. 15]. Это еще один довод историка в пользу утверждения о том, что «дикая природа» является культурным конструктом.

Весьма интересен взгляд У. Кронона и на другую сторону проблем исследования окружающей среды, осуществляемого американскими историками. Ученый сетует, что центральным вопросом этого исследовательского направления зачастую является сохранение дикой природы, в то время как экологические проблемы, от которых страдают сами люди, остаются вне поля зрения ученых.

«Это, по-видимому, исключает из повестки дня радикальных экологических активистов проблемы гигиены и безопасности труда на промышленных предприятиях, а также воздействия токсичных отходов на “неестественных” городских и сельскохозяйственных территориях ... – короче говоря, проблемы экологической справедливости», – пишет У. Кронон [15, р. 20].

В заключении статьи автор призывает перестать разделять мир на «человеческое и нечеловеческое, неестественное и естественное, падшее и непадшее», взамен предлагая «охватить весь континуум природного ландшафта, также являющегося культурным, в котором город, пригород, сельская местность и дикая природа занимают свои ниши» [15, р. 24].

Бесспорно, влияние упомянутой работы У. Кронона на последующее развитие научного направления *environmental history* было колоссальным. Достаточно сказать, что в том же номере журнала статья подверглась критике со стороны апологетов истории окружающей среды. За всю историю *Environmental History* не было случая, когда вышедшая статья была бы сразу же раскритикована другими исследователями в том же номере. Это исключительное явление говорит о том, что статья действительно вызвала серьезный резонанс в научном сообществе и стала началом «культурного поворота» в истории окружающей среды.

Почему же статья У. Кронона «Проблема с дикой природой, или возвращение к неправильной природе» привлекла столь пристальное внимание американских исследователей истории окружающей среды? Ответ на этот вопрос дают отчасти как сами критики, так и У. Кронон в своем ответе на их замечания.

Майкл Коуэн, солидарный с У. Крононом в некоторых вопросах (в критической заметке он выделяет их восемь), тем не менее не согласился с некоторыми выводами последнего. М. Коуэн указывает на то, что «дикая местность» – многозначный термин, который одновременно является «существительным или прилагательным», «образом, или иконой», «идеологией» «репрезентацией» в литературной или политической риторике, «законом» (если речь идет о нормативно-правовых актах, таких как, например, закон о дикой природе 1964 г.). Рассматривая функционирование концепта «дикой природы» в науке и практике, критик отмечает, что историки и сторонники дикой природы, соотнося безрезультатные попытки защиты ее правового обозначения на судебных слушаниях и разрушение традиционных представлений о дикой природе на академических собраниях, «уверены, что эти две ситуации взаимосвязаны, и испытывают искушение заявить, что именно вторая из них вызвала первую». Исследователь констатирует, что в случае отказа от дихотомии «природа/культура» им придется «оставить в прошлом сложившуюся традицию дискурса и перестраиваться с нуля» [16, р. 35]. Ученый убежден, что «когда кто-то говорит, что что-то нужно переосмыслить, ...он еще не приступил к работе», и, таким образом, не соглашается с У. Крононом, считающим, что нужно провести переоценку концепта «дикой природы» [16, р. 38].

Т.Р. Данлэп, соглашаясь со многими аргументами У. Кронона относительно того, что многие ученые и активисты «продолжают разделять людей и природу непреодолимой преградой, на что жалуется Кронон», изучая природу «отдельно от человеческой жизни и опыта», пренебрегая «вопросами созданной среды», указывает, что, действительно, «экологическое движение долгое время не обра-

щало внимание на людей, которые больше всего пострадали от индустриальной экономики» [17, р. 45]. Но в то же время ученый считает, что У. Кронон «слишком похож на крайнего антиэколога». «Признать его правоту в той или иной степени – значит открыть ворота врагу», – пишет Т.Р. Данлэп. [17, р. 43].

Сильной критике статья У. Кронона подверглась со стороны С. Хэйса – одного из известных американских исследователей истории окружающей среды, который (как М. Коуэн и Т.Р. Данлэп) не соглашается с тезисом У. Кронона об «элитном» происхождении защитников окружающей среды, отмечая, что «на самом деле сохранением дикой природы занимается преимущественно средний класс» [18, р. 30]. С. Хэйс считает, что историк «борется с тем представлением о дикой природе, которое продвигают в своих работах лишь несколько человек, а не те, кто на самом деле занимается проблемами дикой природы». В качестве аргумента С. Хэйс приводит личный опыт участия в экологическом движении в 70-х годах XX в. и представления планов по защите диких территорий в Конгресс, при этом не упоминая ни Родерика Нэша, ни «глубинных» экологов XIX столетия. Отсюда С. Хэйс делает вывод о том, что У. Кронон «не следил за теми, кто активно участвовал в движении» [18, р. 29]. С. Хэйс указывает на то, что целью защитников дикой природы является не сохранение ее «первозданного» состояния, а спасение от застройки (это девиз почти всех экологических программ) [18, р. 30]. Ученый акцентирует внимание на том, что, вопреки тезису У. Кронона об отсутствии действий по решению реальных экологических проблем, существуют группы ученых, которые занимаются разными аспектами защиты окружающей среды, в том числе и проблемами загрязнения городской среды, и что все они «действуют так, как будто они являются частью одного целого» [18, р. 31].

В ответном эссе У. Кронон объясняет, почему его статья могла стать объектом столь серьезной критики. Эта работа, как он отмечает, была написана «летом 1994 г., до того как в ноябре этого же года прошли выборы, в результате которых у власти оказался Конгресс с самими антиэкологическими взглядами за всю историю США» [19, р. 47]. Думается, именно политический фактор стал причиной резкой критики статьи исследователями истории окружающей среды, поскольку весьма важной составляющей электората республиканцев, победивших на этих выборах, являлись сторонники экологической справедливости, нового урбанизма, решения первостепенных экологических проблем загрязнения городов, а также пересмотра правовой базы охраны дикой природы. В статье У. Кронона были подняты вопросы экологической справедливости, пересмотра отношения к термину «дикая природа» – это заставило критиков предположить, что его работа следует актуальной на тот момент в США политической конъюнктуре. Понимая это, автор отмечает, что целью его статьи не является помощь «враждебным силам»: наоборот, он испытал бы «глубокое сожаление», если бы его слова были «использованы в таких целях» [19, р. 47]. Но также он не считает, что «очевидный триумф тех, кто выступает против защиты окружающей среды, освобождает экологов от необходимости самокритики» [19, р. 47–48].

Особое внимание исследователь уделяет ответу на замечания С. Хэйса. Во-первых, У. Кронон не соглашается с тезисом историка о том, что он не учитывал экологические движения, отмечая, что помимо занятия профессио-

нальной деятельностью он является членом Национального совета Общества дикой природы и многие его аргументы в эссе проистекают из переоценки ценностей и убеждений, разделяемых многими участниками различных экологических движений [19, р. 48]. Во-вторых, отвечая на обвинение С. Хэйса в том, что он борется с идеей дикой природы, существовавшей только в умах отдельных писателей, У. Кронон указывает, что главной причиной жесткой критики его статьи С. Хэйсом являются разные представления о том, что «считается настоящей историей», отмечая нетерпимость последнего к «культурной и интеллектуальной истории» [19, р. 48–49]. По мнению У. Кронона, нельзя недооценивать влияние идей Д. Торо, А. Леопольда, Д. Мьюира на формирование экологических движений. «Не увидеть связи между политической практикой экологического активизма и более поздними, сложными культурными течениями романтизма – значит пропустить больше половины истории и оставить без внимания некоторые из ключевых двигателей этого исторического процесса», – отмечает ученый [19, р. 49]. Завершая разбор замечаний С. Хэйса, У. Кронон одним из главных посылов своей работы называет необходимость для историков обращать внимание на то, «как их работа связана с миром, в котором они живут», а также тот факт, что хотя бы иногда им надо спускаться «со своей башни из слоновой кости к обычным людям и их насущным проблемам» [19, р. 50].

Распространение культурных подходов в экологической истории

Следствием упомянутой выше статьи У. Кронона, а также ряда других статей, опубликованных в книге “Uncommon Ground: Toward Reinventing Nature”² под его редакцией (ее он тоже отметил в эссе, посвященном ответу на критику его статьи) стало постепенное распространение, а затем и доминирование культурного подхода в истории окружающей среды, хотя работы, выполненные в традиции прежнего историко-интеллектуального направления, продолжают публиковаться и сейчас (например, это книга Д. Ворстера, посвященная жизни Д. Мьюира (см. [20])). А синтез подходов, отмеченный Л.П. Репиной в качестве особенности новой культурно-интеллектуальной истории, наиболее характерен для ситуации, сложившейся в американской историографии истории окружающей среды после 90-х годов XX столетия.

Как же применяются историко-культурные подходы в истории окружающей среды? Их использование, с одной стороны, направлено на изучение процессов постоянного преобразования человеком природы – ее приспособления под нужды человека, создания различных рекреационных зон (таких как, например, национальные парки), гибридных ландшафтов; рассмотрение в рамках городской истории окружающей среды повседневных практик обращения с бытовыми и естественными отходами. С другой стороны, обозначенные подходы подразумевают применение инструментов дискурсивного анализа (гендерный и постколониальный дискурс) при изучении различий культурных практик и менталитета в сфере отношения к природе у мужчин

² В последующих переизданиях название книги изменено на “Uncommon Ground: Rethinking the Human Place in Nature”.

и женщин, европейских колонистов и коренных жителей Америки. Следовательно, можно выделить следующий круг проблем истории окружающей среды, которые рассматриваются в рамках культурного подхода: история окружающей среды и постколониальный дискурс, история окружающей среды и гендерный дискурс, исследование гибридных ландшафтов, история окружающей среды в контексте микроистории, повседневные культурные практики и *environmental history*.

В журнале *Environmental History* с начала 90-х годов XX в. все большее внимание уделяется вопросам, связанным с развитием и изменением культурных, экологических и гибридных ландшафтов. Суть исследования последних объясняет Ричард Уайт: изучаются вопросы, связанные с более глубоким и разнообразным влиянием человеческой деятельности на местность, ранее относимой учеными к дикой природе. За примерами Ричард Уайт обращается к многочисленным работам историков окружающей среды. Так, он ссылается на исследование Джозефа Тейлора, посвященное установке инкубаторов лосося на р. Колорадо, изменению ландшафта в ее водосборном бассейне и их влиянию на динамику популяции считавшегося слабо затронутым человеком дикого лосося. Другой пример Р. Уайт находит в книге Уильямса Дебуи «Соленые мечты», посвященной истории искусственного (вследствие действий ирригационной компании и непредвиденных паводков на р. Колорадо) водоема Солтон в Калифорнийской пустыне, являющегося крупнейшим озером штата Калифорния. Будучи искусственным, оно тем не менее «было по своим характеристикам таким же, как естественные внутренние моря, существовавшие в этом районе в доисторический период», и привлекло «несколько сотен видов птиц – больше, чем где-либо в Северной Америке», сформировав тем самым уникальную экосистему [21, р. 563].

Примеры, отмеченные Р. Уайтом, далеко не уникальны в американской историографии истории окружающей среды. Так, опубликованная в 1994 г. в журнале *Environmental History* статья Крэйга Колтена посвящена изучению практики утилизации химических отходов, формировавших «токсичный ландшафт» (см. [22]). Для подобных работ может быть характерно рассмотрение изменений ландшафтов с точки зрения различных дискурсов. Так, например, сравнению манипуляций с окружающей средой, проводившихся индейцами и испанцами в долине р. Санта-Крус, посвящена статья Майкла Логана, в которой автор рассматривает проблему гибридного ландшафта в рамках постколониального дискурса (см. [23]).

Если же обратиться к анализу ценностных ориентаций в рамках истории окружающей среды, то обозначенный аспект особенно отчетливо проявляется в работах, посвященных вопросам экологической справедливости, экологической этики, взглядов различных категорий общества на дикую местность. Р. Уайт, описывая исследование Линды Нэш, посвященное р. Скагит, справедливо отмечает, что в работе представлено изучение «клубка дискурсов» [21, р. 558]. Анализ поднятых в рамках «культурного поворота» проблем с позиции различных дискурсов – это, пожалуй, одна из особенностей изменений, произошедших в американской историографии *environmental history* в 90-х годах XX в. «Культурный поворот» оказал значительное влияние на развитие

и городской истории окружающей среды, что подчеркнул один из апологетов этого направления М.В. Милоси. Он отмечал, что произошедшие изменения следует называть «поворотом», а не «перенаправлением» [24, p. 148]. «В различных исследованиях рассматриваются не только предоставление услуг городским жителям, но и распределение политической власти, осуществление ритуальных и религиозных практик в общественном пространстве», – отмечает ученый [24, p. 148]. Также М.В. Милоси акцентирует внимание на следующем: исследования в рамках «культурного поворота» направлены на изучение культурных изменений, «включая вопросы о том, как социальная и экологическая справедливость может влиять на развитие и контроль инфраструктуры» [24, p. 148]. Думается, ярким примером подобного исследования является апрельский выпуск журнала *Environmental History* за 2000 г., магистральной темой которого становится изучение проблемы экологической справедливости в американских городах. В статьях выпуска подняты вопросы влияния загрязнения городской среды на различные слои общества. В рамках этих исследований историки обращались к традиционным для культурной истории категориям – гендер, класс, раса. Так, например, работа А. Гульотты посвящена вопросам экологической несправедливости в Питтсбурге в 1868–1914 гг. (см. [25]). Гарольд Л. Платт акцентирует внимание на взаимодействии между различными социальными группами и властью для решения проблем общественного здравоохранения в Чикаго с 90-х годов XIX в. по 30-е годы XX в. (см. [26]). В работах исследователей городской истории окружающей среды отражается еще одно новшество, привнесенное «культурным поворотом» в это направление, – рассмотрение взглядов различных социальных групп на проблемы, связанные с загрязнением городской и промышленной среды. Если раньше в рамках *environmental history* рассматривалась история идей отдельных личностей, то сейчас ученые обратили внимание на вопросы, связанные с формированием взглядов различных групп и категорий населения на решение насущных экологических проблем.

Выводы

Подводя итог исследованию, следует отметить, что «культурный поворот» в исследованиях по истории окружающей среды готовился постепенно с 80-х годов и начал осуществляться с середины 90-х годов XX в. Однако переосмотр основополагающих идей в американской историографии истории окружающей среды, произошедший в это время, был вызван далеко не только поэтапной сменой методологии этого направления под влиянием исследований по культурной географии К.О. Зауэра, А.В. Кросби, работ историков, вышедших в 80-е годы XX в., в рамках постколониального и гендерного дискурсов и, наконец, исследований и провокационной статьи У. Кронона 1996 г. Как и в случае зарождения *environmental history* как направления в целом, немаловажную роль в «культурном повороте» сыграл и социально-политический фактор, в частности акцентирование внимания общественности в США на вопросах нового урбанизма, экологической справедливости, что обеспечило победу на выборах 1994 г. республиканцев, сформировавших, как отметил У. Кронон, «самый антиэкологичный Конгресс в истории США».

Влияние «культурного поворота» на исследования по истории окружающей среды учеными до сих пор оценивается двояко. Некоторые, как, например П. Саттер, в качестве негативной стороны этого явления отмечают необоснованный уход от традиционных для обозначенного направления подходов интеллектуальной истории. Однако Р. Уайт, Д. МакНилл, Р.Д. Дэвэрелл в целом считают, что применение подходов новой культурной истории обогатило *environmental history*. Учитывая, что изучение биографий отдельных личностей, внесших вклад в сохранении дикой природы, продолжается (пусть и не так активно, как, например, в 70-х годах XX в.), можно заключить, что направление развивается в духе синтеза подходов интеллектуальной и культурной истории. Это особенно очевидно на примере такого исследовательского направления, как городская история окружающей среды, ставшего после 90-х годов XX в. актуальным как в Америке, так и в Европе и России. «Культурный поворот» показал американским историкам, что представления различных акторов о дикой природе, влиянии загрязнений на изменения окружающей среды не являются едиными для всех американцев, а могут кардинально различаться у разных групп населения вследствие различных факторов, что, в свою очередь, значительно обогащает методологию и расширяет проблематику исследований истории окружающей среды.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Литература

1. *Deverell R.D.* An historiography of environmental history [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/3640656/An_Historiography_of_Environmental_History, свободный.
2. *McNeill J.R.* Observations on the nature and culture of environmental history // *Hist. Theory*. 2003. V. 42, No 4. P. 5–43. <https://doi.org/10.1046/j.1468-2303.2003.00255.x>.
3. *Sutter P.S.* Putting the intellectual back in environmental history // *Mod. Intellect. Hist.* 2021. V. 18, No 2. P. 596–605. <https://doi.org/10.1017/S1479244320000050>.
4. *Locher F., Quenet G.* L'histoire environnementale: origines, enjeux et perspectives d'un nouveau chantier // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*. 2009, T. 56, No 4, P. 7–38. <https://doi.org/10.3917/rhmc.564.0007>.
5. *Безбородов А.Б., Корчинский А.В., Павленко О.В., Шкаренков П.П.* Культурная история как основа исторического образования гуманитариев // *Вестн. РГГУ. Сер.: Политология. История. Международные отношения*. 2017. №4/2. С. 300–305.
6. *Репина Л.П.* Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М.: ГУ ВШЭ, 2003. 44 с.
7. *Берк П.* Что такое культуральная история? М.: Изд. дом ВШЭ, 2015. 228 с.
8. *Rajan S.R.* Clarence Glacken: Pioneer environmental historian // *Environ. Hist.* 2019. V. 25, No 2. P. 245–267. <https://doi.org/10.3197/096734018X15217309861577>.
9. *Sauer C.O.* The morphology of landscape (1925) // *Land and Life: A Selection from the Writings of Carl Ortwin Sauer* / Ed. by J. Leighly. Berkeley, CA, Los Angeles, CA: Univ. of California Press, 1969. P. 315–350. <https://doi.org/10.1525/9780520309135>.
10. *Sauer C.O.* Seventeenth Century North America. Berkeley, SF: Turtle Isl., 1980. 295 p.
11. *Crosby A.W.* The Columbian Exchange: Biological and Cultural Consequences of 1492. Ser.: Contributions in American Studies. Vol. 2. Westport, CT, London: Praeger, 2003. 284 p.

12. *Nash R.* American environmental history: A new teaching frontier // *Pac. Hist. Rev.* 1972. V. 41, No 3. P. 362–372. <https://doi.org/10.2307/3637864>.
13. *White R.* Introduction: American Indians and the environment // *Environ. Rev.* 1985. V. 9, No 2. P. 101–103. <https://doi.org/10.2307/envrev9.2.101>.
14. *Norwood V.L.* Heroines of nature: Four women respond to the American landscape // *Environ. Hist. Rev.* 1984. V. 8, No 1. P. 34–56. <https://doi.org/10.2307/3984520>.
15. *Cronon W.* The Trouble with wilderness: Or, getting back to the wrong nature // *Environ. Hist.* 1996. V. 1, No 1. P. 7–28. <https://doi.org/10.2307/3985059>.
16. *Cohen M.P.* Comment: Resistance to wilderness // *Environ. Hist.* 1996. V. 1, No 1. P. 33–42. <https://doi.org/10.2307/3985061>.
17. *Dunlap T.R.* Comment: But what did you go out into the wilderness to see? // *Environ. Hist.* 1996. V. 1, No 1. P. 43–46. <https://doi.org/10.2307/3985062>.
18. *Hays S.P.* Comment: The trouble with Bill Cronon’s wilderness // *Environ. Hist.* 1996. V. 1, No 1. P. 29–32. <https://doi.org/10.2307/3985060>.
19. *Cronon W.* The trouble with wilderness: A response // *Environ. Hist.* 1996. V. 1, No 1. P. 47–55. <https://doi.org/10.2307/3985063>.
20. *Worster D.* A Passion for Nature: The Life of John Muir. New York, NY: Oxford Univ. Press, 2008. 535 p.
21. *White R.* From wilderness to hybrid landscapes: The cultural turn in environmental history // *The Historian.* 2004. V. 66, No 3. P. 557–564. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6563.2004.00089.x>.
22. *Colten C.E.* Creating a toxic landscape: Chemical waste disposal policy and practice, 1900–1960 // *Environ. Hist. Rev.* 1994. V. 18, No 1. P. 85–116. <https://doi.org/10.2307/3984746>.
23. *Logan M.F.* Head-cuts and check-dams: Changing patterns of environmental manipulation by the Hohokam and Spanish in the Santa Cruz River valley, 200–1820 // *Environ. Hist.* 1999. V. 4, No 3. P. 405–430. <https://doi.org/10.2307/3985134>.
24. *Melosi M.V.* Urban infrastructure and the cultural turn // *Concepts of Urban-Environmental History* / Ed. by S. Haumann, M. Knoll, D. Mares. Bielefeld: transcript Verlag, 2020. P. 145–154. <https://doi.org/10.14361/9783839443750-010>.
25. *Gugliotta A.* Class, gender, and coal smoke: Gender ideology and environmental injustice in Pittsburgh, 1868–1914 // *Environ. Hist.* 2000. V. 5, No 2. P. 165–193. <https://doi.org/10.2307/3985634>.
26. *Platt H.L.* Jane Addams and the ward boss revisited: Class, politics, and public health in Chicago, 1890–1930 // *Environ. Hist.* 2000. V. 5, No 2. P. 194–222. <https://doi.org/10.2307/3985635>.

Поступила в редакцию 22.01.2024

Принята к публикации 20.03.2024

Кисленко Андрей Олегович, ассистент кафедры отечественной истории и архивоведения

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: kisl.95@yandex.ru

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.2.208-222

**The “Cultural Turn” in American Historiography of Environmental History
from the 1980s to the Early 2000s: Causes and Consequences**

A.O. Kislenco

Kazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

E-mail: kisl.95@yandex.ru

Received January 22, 2024; Accepted March 20, 2024

Abstract

The period since the 1970s has seen a “cultural turn” that affected many areas of historical research. Environmental history is no exception. It emerged in the United States five decades ago and was strongly influenced by intellectual history. However, in the 1990s, the focus of environmental historians gradually shifted towards “new cultural history.” Although foreign historiography has repeatedly acknowledged this shift, the underlying reasons that prompted historians to pursue the new research path remain overlooked. This article seeks to bridge the “gap” in the historiography of human interactions with the natural world over time, an important branch of history. The results of a thorough analysis of the major works written by American historians between the 1970s and 2010s show that the “cultural turn” in the American historiography of environmental history was gradual and included two distinct stages. During the first stage, from the 1980s to the mid-1990s, historians explored the problems of environmental history from the perspectives of postcolonial and gender discourses. The second stage, from the mid-1990s to the present day, was marked by a rethinking of the concept of “wilderness”, as well as an emphasis on a variety of previously unaddressed problems of environmental history.

Keywords: environmental history, intellectual history, cultural history, cultural turn, wilderness, cultural landscape, hybrid landscape, environmental justice

Conflicts of Interest. The author declares no conflicts of interest.

References

1. Deverell R.D. An historiography of environmental history. URL: https://www.academia.edu/3640656/An_Historiography_of_Environmental_History.
2. McNeill J.R. Observations on the nature and culture of environmental history. *History and Theory*, 2003, vol. 42, no. 4, pp. 5–43. <https://doi.org/10.1046/j.1468-2303.2003.00255.x>.
3. Sutter P.S. Putting the intellectual back in environmental history. *Modern Intellectual History*, 2021, vol. 18, no. 2, pp. 596–605. <https://doi.org/10.1017/S1479244320000050>.
4. Locher F., Quenet G. L'histoire environnementale: origines, enjeux et perspectives d'un nouveau chantier. *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, 2009, t. 56, no. 4, pp. 7–38. <https://doi.org/10.3917/rhmc.564.0007>. (In French)
5. Bezborodov A.B., Korhinskii A.V., Pavlenko O.V., Shkarenkov P.P. Cultural history as a basis for history education in the humanities. *Vestnik RGGU. Seriya: Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye Otnosheniya*, 2017, no. 4/2, pp. 300–305. (In Russian)
6. Repnina L.P. *Kul'turnaya pamyat' i problemy istoriopisaniya (istoriograficheskie zametki)* [Cultural Memory and Problems of Historical Writing (Notes on Historiography)]. Moscow, GU VShE, 2003. 44 p. (In Russian)
7. Burke P. *Chto takoe kul'turnaya istoriya?* [What is Cultural History?]. Moscow, Izd. Dom VShE, 2015. 228 p. (In Russian)

8. Rajan S.R. Clarence Glacken: Pioneer environmental historian. *Environment and History*, 2019, vol. 25, no. 2, pp. 245–267. <https://doi.org/10.3197/096734018X15217309861577>.
9. Sauer C.O. The morphology of landscape (1925). In: Leighly J. (Ed.) *Land and Life: A Selection from the Writings of Carl Ortwin Sauer*. Berkeley, CA, Los Angeles, CA, Univ. of California Press, 1969, pp. 315–350. <https://doi.org/10.1525/9780520309135>.
10. Sauer C.O. *Seventeenth Century North America*. Berkeley, SF, Turtle Isl., 1980. 295 p.
11. Crosby A.W. *The Columbian Exchange: Biological and Cultural Consequences of 1492*. Ser.: Contributions in American Studies. Vol. 2. Westport, CT, London, Praeger, 2003. 284 p.
12. Nash R. American environmental history: A new teaching frontier. *Pacific Historical Review*, 1972, vol. 41, no. 3, pp. 362–372. <https://doi.org/10.2307/3637864>.
13. White R. Introduction: American Indians and the environment. *Environmental Review*, 1985, vol. 9, no. 2, pp. 101–103. <https://doi.org/10.2307/envrev/9.2.101>.
14. Norwood V.L. Heroines of nature: Four women respond to the American landscape. *Environmental History Review*, 1984, vol. 8, no. 1, pp. 34–56. <https://doi.org/10.2307/3984520>.
15. Cronon W. The trouble with wilderness: Or, getting back to the wrong nature. *Environmental History*, 1996, vol. 1, no. 1, pp. 7–28. <https://doi.org/10.2307/3985059>.
16. Cohen M.P. Comment: Resistance to wilderness. *Environmental History*, 1996, vol. 1, no. 1, pp. 33–42. <https://doi.org/10.2307/3985061>.
17. Dunlap T.R. Comment: But what did you go out into the wilderness to see? *Environmental History*, 1996, vol. 1, no. 1, pp. 43–46. <https://doi.org/10.2307/3985062>.
18. Hays S.P. Comment: The trouble with Bill Cronon’s wilderness. *Environmental History*, 1996, vol. 1, no. 1, pp. 29–32. <https://doi.org/10.2307/3985060>.
19. Cronon W. The trouble with wilderness: A response. *Environmental History*, 1996, vol. 1, no. 1, pp. 47–55. <https://doi.org/10.2307/3985063>.
20. Worster D. *A Passion for Nature: The Life of John Muir*. New York, NY, Oxford Univ. Press, 2008. 535 p.
21. White R. From wilderness to hybrid landscapes: The cultural turn in environmental history. *The Historian*, 2004, vol. 66, no. 3, pp. 557–564. <https://doi.org/10.1111/j.1540-6563.2004.00089.x>.
22. Colten C.E. Creating a toxic landscape: Chemical waste disposal policy and practice, 1900–1960. *Environmental History Review*, 1994, vol. 18, no. 1, pp. 85–116. <https://doi.org/10.2307/3984746>.
23. Logan M.F. Head-cuts and check-dams: Changing patterns of environmental manipulation by the Hohokam and Spanish in the Santa Cruz River valley, 200–1820. *Environmental History*, 1999, vol. 4, no. 3, pp. 405–430. <https://doi.org/10.2307/3985134>.
24. Melosi M.V. Urban infrastructure and the cultural turn. In: Haumann S., Knoll M., Mares D. (Eds.) *Concepts of Urban-Environmental History*. Bielefeld, transcript Verlag, 2020, pp. 145–154. <https://doi.org/10.14361/9783839443750-010>.
25. Gugliotta A. Class, gender, and coal smoke: Gender ideology and environmental injustice in Pittsburgh, 1868–1914. *Environmental History*, 2000, vol. 5, no. 2, pp. 165–193. <https://doi.org/10.2307/3985634>.
26. Platt H.L. Jane Addams and the ward boss revisited: Class, politics, and public health in Chicago, 1890–1930. *Environmental History*, 2000, vol. 5, no. 2, pp. 194–222. <https://doi.org/10.2307/3985635>.

Для цитирования: Кисленко А.О. «Культурный поворот» в американской историографии истории окружающей среды в 80-е годы XX – начале XXI века: причины и последствия // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 2. С. 208–222. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.2.208-222>.

For citation: Kislenco A.O. The “cultural turn” in American historiography of environmental history from the 1980s to the early 2000s: Causes and consequences. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 2, pp. 208–222. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.2.208-222>. (In Russian)

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

УДК 530.192

doi: 10.26907/2541-7738.2024.2.223-233

МИРОВОЗЗРЕНИЕ И ИДЕОЛОГИЯ В ПРИЦЕЛЕ «КОМАНДАНТЕ АКОПО»

А.А. Хохлов¹, А.А. Пинкин²

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, 420008, Россия

²Независимый исследователь, г. Севастополь, 299057, Россия

Аннотация

В статье представлен обзор научного творчества известного российского ученого Акопа Погосовича Назаретяна (1947–2019), основной акцент сделан на наиболее актуальных в наши дни проблемах идеологизации социумов и смыслообразования. Раскрыта суть концепции сингулярности истории – явления, значимость которого определяется планетарными масштабами и прорисовывающимися сценариями развития текущей мировой ситуации. Отмечается, что в ближайшей перспективе для международного сообщества в целом и для россиян в частности все более актуальным будет становиться вопрос сохранения баланса технологической и гуманитарной составляющих общечеловеческой культуры – осевого механизма преодоления вызревающего глобального кризиса. В статье на основе обзора научного наследия А.П. Назаретяна проанализирована роль, которую играет в этом процессе идеология, а именно ее продуктивная антиэнтропийная функция (в прошлом) и контрпродуктивность (в настоящем и будущем).

Ключевые слова: кризис, идеология, конфронтация, аттрактор, сценарий, перспектива, мировоззрение, смыслообразование

Введение

15 февраля 2024 г. исполнилось пять лет со дня безвременной кончины известного советского и российского ученого и мыслителя А.П. Назаретяна¹. Являясь сторонником системно-синергетической модели Универсальной истории (*Big History*) и автором ее первой отечественной концепции, Акоп Погосович концентрировал свой научный поиск в фарватере универсальной эволюции, ставя перед собой цель выявить ее векторы и механизмы. Взгляд исследователя был направлен на такие проблемы, как стихийное массовое поведение, социальное насилие и глобальные конфликты в прошлом и настоящем; а также на конструирование прогностических моделей будущего на основе междисциплинарного

¹ Назаретян Акоп Погосович (1947–2019) – кандидат психологических, доктор философских наук, профессор Государственного университета «Дубна», редактор журнала «Историческая психология и социология истории», руководитель Центра мегаистории и системного прогнозирования Института востоковедения РАН. Трудовую и научную деятельность начинал в качестве специалиста Института общественных наук при ЦК КПСС, готовившего кадры для мирового коммунистического движения. Неоднократно бывал в командировках в странах Латинской Америки и Африки с целью консультаций партизанских движений. Среди слушателей ИОН получил прозвище «команданте Акопо». Автор закона техно-гуманитарного баланса.

подхода. С учетом того, что А.П. Назаретян изучал религиозные и квазирелигиозные идеологии, а также разнообразие неидеологических мировоззренческих моделей и вопросы смыслообразования, его научное наследие сегодня приобретает особое звучание и актуальность и настоятельно требует переосмысления.

Парадигма

Общеизвестно, что состоятельность научного исследования зависит от качества его теоретико-методологической основы, выступающей отражением актуальной парадигмы, в рамках которой реализуется творческая активность ученого. В этом смысле А.П. Назаретян опирался на опыт Мегаистории и новейшие концепции астро- и микрофизики, синергетики, культурной антропологии, психологии и эвристики. Свое видение векторов истории человечества, его современности и недалекого будущего он изложил в цикле взаимосвязанных последовательных публикаций, квинтэссенцией которых стала монография «Нелинейное будущее. Мегаистория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании», опубликованная незадолго до смерти [1]. Раскроем вкратце суть теоретических подходов исследователя.

Ключевым понятием в контексте рассматриваемого вопроса А.П. Назаретян считал эволюционную сингулярность как результат ускорения эволюционных процессов. Если в первой половине XX в. данному факту еще только предстояло стать очевидным, а для его геометризации вполне подходила бесконечно растущая экспонента, то во второй половине столетия под влиянием новых данных в научных кругах стало крепнуть убеждение, что кривая роста сложности с некоторого момента устремляется круто вверх – эволюция входит в режим с обострением. При этом важно отметить, что феномен сжатия исторического времени был описан отечественным историком и лингвистом И.М. Дьяконовым [2], который, в частности, установил, что сжатие конечно – в некоей точке оно оборачивается «схлопыванием». Данное явление ученым было названо сингулярностью истории.

Ажиотажа в обсуждение вскрытой закономерности добавил более или менее поддающийся математической фиксации вывод о грядущем завершении планетарного цикла эволюции чуть ли не при жизни нынешних поколений. Это, как часто бывает в науке, стало результатом случайности – нескоординированных и независимых расчетов, проведенных учеными трех стран почти одновременно. В конце 90-х годов XX в. – начале 2000-х годов исследователи Р. Курцвейл (инженер, США), Г.Д. Снукс (специалист по сложным системам, Австралия) и А.Д. Панов (астрофизик, Россия) установили: периоды между фазовыми переходами образовывали убывающую геометрическую прогрессию [1]. Искушение экстраполировать гиперболическую кривую в будущее, в свою очередь, обернулось тем, что авторы оказались перед нетривиальным выводом: приблизительно в середине XXI в. она обращалась в вертикаль – это означало, что скорость эволюционных изменений устремляется к бесконечности, а интервалы между фазовыми переходами – к нулю.

Не вдаваясь в подробности жарких дискуссий, охвативших научный мир, отметим, что даже оппоненты в целом сходились в основных моментах: а) перспектива предстоящего фазового перехода очевидна и ее невозможно игнорировать; б) переход есть некая комплексная универсальная тенденция со своими законо-

мерностями². А.П. Назаретян сделал из сформулированных выше положений следующий вывод: «Вероятно, в ближайшие десятилетия антропосферу Земли ожидает полифуркация, сопоставимая по значимости с образованием живого вещества. <...> Сопряженный с ней фазовый переход легче всего представить как развитие дальнейших событий в сторону простого аттрактора – саморазрушение цивилизации, начало “нисходящей ветви” истории с перспективой более или менее болезненной деградации антропо- и биосферы к состоянию термодинамического равновесия (тепловая смерть). Горизонтальный странный аттрактор предполагает включение каких-то механизмов стабилизации (“зависания”? “замораживания”?) на достаточно высоком синергетическом уровне и на длительную перспективу. В некотором смысле это тоже “конец истории”, так как, перестав прогрессивно развиваться, носитель интеллекта ограничивает способность управления масштабными процессами и становится заложником естественных тенденций старения биоты, Земли, Солнца и т. д. Наконец, вертикальный странный аттрактор означал бы беспрецедентно ускорившееся “удаление от естества” с возможным переходом от планетарной к космической фазе эволюции» [1, с. 19]. Иными словами, наиболее вероятными оказывались три ключевых сценария развития ситуации в будущем: а) катастрофический/деградационный, б) «застойный», реализующийся в рамках достигнутого уровня с наиболее вероятной перспективой деградации и в) прорывной эволюционный скачок. Ведущая роль в переключении человечества на тот или иной аттрактор отводилась А.П. Назаретяном структурирующему человеческому сознанию, его диапазону, направленности и активности [1]. Таким образом, теоретические подходы и прогностические схемы настоящего и будущего человечества реализовывались ученым в рамках обозначенных моделей, подвергаясь при этом детализации и авторской проработке.

Историческая динамика и вызовы современности

Как было отмечено, А.П. Назаретян являлся автором первой отечественной концепции системно-синергетической модели Универсальной истории. Одним из ее осевых положений выступает тезис о планомерном и последовательном снижении уровня социального насилия во всех известных обществах и культурах начиная с эпохи древности и до современности – эффект эволюционного развития человеческого сознания при переходе от простых форм к более сложным. Данная тенденция характеризуется ученым как универсальный и устойчивый тренд, реализация которого стала возможной благодаря беспрецедентному

² В статье заведующего Лабораторией мониторинга рисков социально-политической дестабилизации НИУ ВШЭ доктора исторических наук А.В. Коротгаева «О взаимосвязи между формулой увеличения планетарной сложности и уравнением гиперболического роста численности населения Земли» проведены расчеты, позволяющие предполагать следующее: то обстоятельство, что темпы увеличения глобальной сложности в ряде Панова (dn/dt) и численность населения Земли (N) вплоть до начала 70-х годов XX в. росли по одному и тому же закону ($xt = C/2027-t$), является отнюдь не случайностью, а проявлением достаточно глубокой закономерности. Сделан вывод о том, что на социальной фазе Универсальной и глобальной истории гиперболический рост темпов увеличения глобальной сложности и гиперболический рост численности населения Земли оказываются двумя теснейшим образом связанными сторонами единого процесса. Это заставляет ожидать, что глобальный демографический переход и прекращение гиперболического роста численности населения Земли будут сопровождаться радикальным изменением паттернов роста глобальной сложности и технологического развития, которые закономерным образом все более отходят от гиперболической к принципиально иной модели, которая еще ждет своего исследования [3].

усложнению социальной системы путем совершенствования гуманитарных регуляторов в условиях стремительного расширения технологической базы.

Стоит заметить, что на технологический фактор как ключевой в человеческой истории еще в середине XX в. одним из первых обратил внимание американский антрополог, этнолог и культуролог, один из основателей неозволюционизма Л. Уайт [4]. А.П. Назаретян же писал: «Расчеты показали, что в долгосрочной исторической ретроспективе, с ростом убойной силы оружия и демографической плотности, коэффициент кровопролитности не возрастал (как кажется интуитивно очевидным), а сокращался. Поскольку тенденция носила сильно нелинейный характер – всплески кровопролитности соответствуют фазам обострения кризисов, – она отчетливо обнаруживается только при достаточно широком временном диапазоне, причем более всего снижение кровопролитности обеспечивалось ограничением бытового насилия. Мы объясняем это не тем, что люди становились “все менее агрессивными” (напротив, территориальная концентрация обычно повышает естественный уровень агрессивности как у животных, так и у людей), а тем, что культура, проходя через горнило антропогенных кризисов, умножала и совершенствовала процедуры сублимации агрессии в социально полезную деятельность, не связанную с физическим насилием» [5, с. 7].

Тем не менее усложнение системы – в некотором роде лишь «догоняющая» реакция, которая сама по себе не снимает проблему количественного и качественного роста старых и появления новых вызовов. К ключевым глобальным угрозам на современном этапе А.П. Назаретян относил группы медико-генетических и геополитических вызовов. Не останавливаясь на первых, сконцентрируем внимание на более актуальной для нас геополитической группе.

В XX в. развитие ядерных технологий, способных мгновенно обрушить планетарную цивилизацию, ограничивалось биполярной мировой системой и активным развитием международного права, ставшего общеобязательным в международных отношениях. Являясь результатом длительного пути проб и ошибок, далеко еще не совершенная модель мировых отношений тем не менее создавала устойчивый баланс сил и интересов, производя качественные механизмы их поддержания³. Правда, как отмечал А.П. Назаретян, за эти достижения пришлось заплатить 25 млн жертв локальных конфликтов, в русло которых были переведены имеющиеся противоречия [1]. При этом неизбежность взаимного уничтожения до определенного момента была надежным средством от потенциального авантюризма военно-политических элит.

Однако обрушение одного из полюсов в 1991 г. запустило беспрецедентный виток геополитических амбиций в лагере «победителей», обернувшийся в конечном счете массовым комплексом катастрофофилии⁴. Распад СССР привел к столкновению двух вскрывшихся разнонаправленных тенденций: архаизации сознания победивших по наиболее примитивным биологическим сценариям и

³ Вероятно, это был образец достижения техно-гуманитарного баланса (ТГБ). Согласно закону ТГБ, мощность технологии должна уравниваться качественными средствами сдерживания, необходимыми для сохранения социальной системы. Антиподом ТГБ выступает техно-гуманитарный дисбаланс.

⁴ Понятие введено в оборот голландским политологом П. Слоттердрейком. Означает эйфорическое ощущение вседозволенности и безнаказанности, иррациональное стремление к «маленьким победоносным войнам» против природы или соседних социумов. Является частью так называемого синдрома предкризисного человека. Ярким примером проявления комплекса катастрофофилии можно считать попытки легализации темы неизбежности и даже необходимости ядерной войны, «сотрясающей» мировое информационное пространство и находящей множество сторонников как за рубежом, так и в России.

продолжающейся по инерции гуманизации общественного сознания на международном уровне. По замечанию А.П. Назаретяна, итогом такой дихотомии фактически стало то, что биология напористо надломила культуру, а «демократия» в американской редакции приняла облик идеологического фетиша, посредством которого рационализировались импульсивные и явно иррациональные военно-политические решения. Гроссмейстеры из мировой политической элиты, разыгрывавшие в 60–80-х годах XX в. многоходовые комбинации – образцы тонко просчитанной интриги, с легкостью уступили место игрокам последних разрядов, лишенных адекватности и минимальной способности мышления и элементарного прогнозирования [1, с. 326].

Не стоит лишний раз говорить о том, что взрывная хаотизация международных отношений, погружение регионов одного за другим в состояние дестабилизации при разрушении зарекомендовавшей себя системы сдержек и противовесов стали чреватые поворотом мирового сообщества к сценарию простого (деградационного) аттрактора. «Приходится констатировать, – писал А.П. Назаретян, – что исторический пик ненасилия, достигнутый в первом десятилетии XXI в., остался позади: с 2011 г. вооруженные конфликты интенсифицировались, а международное право и стабильная геополитика образца 1970-80-х годов превратились в ностальгическое воспоминание. Если в ближайшие годы полюс, противостоящий хмелеющим от эйфории властям США, не будет заполнен вменяемой и предсказуемой силой, то складывающаяся ситуация грозит крахом глобальной геополитической системы» [1, с. 327].

Действительно, по мере развития технологий устойчивость социальной системы становится все более зависимой от индивидуальных действий, включая корыстный умысел лиц, наделенных полномочиями принимать судьбоносные решения, их недалёковидность или даже банальную глупость. Однако обозначенная проблема, по мнению А.П. Назаретяна, усугубляется тем, что информационная революция раскрутила маховик персонификации, повернув ситуацию таким образом, что «“знания массового поражения” делают бессчетное множество индивидуальных носителей информации причастными к судьбе мировой цивилизации...» [1, с. 329].

Впрочем, стремительное снижение интеллектуального уровня американской политической элиты произошло не беспричинно. В некотором смысле оно закономерно. Конкуренция, изначально являвшаяся двигателем человеческой истории, в XX в. предопределяла необходимость идейного и технологического состязания с СССР в широком спектре направлений деятельности. США были заинтересованы в пропаганде и развитии научных знаний как среди собственного населения, так и среди населения стран-сателлитов. Но после «обрушения» конкурентов надобность в этом отпала, и в среде американских аналитиков все чаще стали раздаваться тревожные голоса о развороте общественного сознания в странах Запада к периоду чуть ли не 20-х годов XX в. с характерным для него уровнем «обезьяньего процесса» [6, 7]. Иными словами, отрицательный отбор занял позицию стержневого элемента социальной действительности⁵, а снижение «дуракоустойчивости», по мнению А.П. Назаретяна, мировой политической

⁵ Принцип отбора кандидатов в управленческие структуры на основе критерия некомпетентности в целях сохранения существующей иерархической системы.

системы стало лишь вопросом времени⁶. В подобной ситуации и при столь высоком уровне развития информационных и военных технологий для обрушения планетарной цивилизации ядерная война может уже и не понадобиться [1]. В подкрепление своей позиции А.П. Назаретян апеллировал к мнению Э. Юдковски, оригинально интерпретировавшего закон Мура⁷: «...через каждые семнадцать месяцев минимальный уровень IQ, достаточный для того, чтобы разрушить мир, снижается на один пункт» [8, с. 28] (см. [9, р. 211]). Э. Юдковски, впрочем, в своих апокалиптических выводах был далеко не одинок. Так, ему вторил известный программист Б. Джой: знание стремительно превращается в самодостаточное разрушительное оружие [10].

Однако и Европа недалеко ушла от США. В результате плохо поддающейся контролю миграции и провала политики мультикультурализма, ставших закономерным итогом все того же интеллектуального кризиса, ее страны захлестнул острый конфликт исторических эпох в виде противоборства индивидуальных носителей разной степени развития сознания, пронизывающий все уровни европейской социальной организации и грозящий разорвать единое культурное и правовое пространство не только ЕС, но и отдельных государств. Локальные признаки этого уже отчетливо просматриваются. Принятая без должной критики модель «столкновения цивилизаций» политолога С. Хантингтона не столько прояснила ситуацию в системе геополитического анализа, сколько «спутала карты» и внесла изрядную неразбериху. Между тем культурно-антропологический срез дает основание говорить не о имеющем место конфликте цивилизаций, который наблюдается в США, европейских странах и на Ближнем Востоке, а о конфликте исторических эпох, детерминированном асинхронным развитием социокультурных локалитетов в различных частях света. Такими путями в условиях ускоряющейся эволюции и ограниченности времени для конструктивного разрешения ситуации, выражаясь словами А.П. Назаретяна, уже в обозримой перспективе «прошлое имеет все шансы взять над будущим реванш» [5, с. 18].

А что же цементирующая сила идеологии?

А.П. Назаретян не мог не понимать, что в основе сохранения мировой цивилизации от попадания в сценарий простого аттрактора должна лежать некая мировоззренческая парадигма. Исходя из этого, анализ данной проблемы и авторские модели ее решения на современном этапе выступали одними из ключевых направлений в его исследовательской деятельности. Здесь во главу угла ученый ставил духовную культуру и ее качество. «От палеолита до наших дней, – писал А.П. Назаретян, – антиэнтропийная задача духовной культуры состояла преимущественно в том, чтобы упорядочивать социальное насилие, по мере возможности предотвращать его хаотические формы, а самое древнее, примитивное и распространенное средство решения задачи – перенацеливание агрессии на внешний (по отношению к данному социуму) мир» [1, с. 345]. Результатом этого

⁶ Дуракоустойчивость системы, или защита от дурака, – защита предметов пользования, программного обеспечения и т. д. от неверных действий человека как при эксплуатации, так и при техническом обслуживании. Концепция была формализована в 60-х годах XX в. японским инженером Сигэо Синго, создателем производственной системы «Тойота». Впоследствии концепция была экстраполирована на политические процессы.

⁷ Эмпирическая закономерность, отражающая удвоение производительности процессоров каждые 18 месяцев.

стал своеобразный «побочный эффект» – изобретение идеологий, претендовавших на роль консолидирующей основы социумов, но при этом надежно обеспечивших размежевание людей на «своих» и «чужих».

Опираясь на исторический анализ, данные исторической психологии, этнографии, социокультурной антропологии и синергетики, исследователь сформулировал, пожалуй, одно из наиболее оригинальных и емких определений обозначенного понятия. Идеология – это негэнтропийный механизм объединения людей в большие группы путем противопоставления другим людям по признаку приверженности определенному набору сакральных символов [1]. Историческая практика показала, что при достаточной заинтересованности сакрализации легко поддаются любые символы, понятия и явления, если они культивируются в пределах иррационального⁸. Благодаря тому, что иррациональная составляющая человеческой психики во все исторические периоды едва ли не доминировала над рациональной, религиозные, квазирелигиозные, этноцентрические и прочие идеологии неизменно сопровождают человеческую историю.

Ввиду того, что даже камуфлируемое противопоставление априорно предопределяет латентную или эксплицитную конкуренцию, конфликты различной степени интенсивности, вплоть до войн на идеологической почве (или при их посредстве), стали постоянными явлениями в жизни людей и народов. «Ментальная матрица “они – мы” исторически эволюционировала вместе со всей духовной культурой... На переломных этапах истории совершенствование культурных регуляторов, обеспечивавшее восстановление техно-гуманитарного баланса, расширяло групповую идентификацию. Типичная для палеолита племенная вражда сменилась межплеменными объединениями (вождествами) неолита, в бронзовом веке некоторые вождества дальнейшими захватами образовали города и полиэтничные, но враждебные друг другу государства, “мировые религии” распространили солидарность и конфронтации между людьми до профессионального масштаба и т. д. Иерархический порядок социального насилия временно разрушался и восстанавливался, обеспечивая устойчивость региональных систем» [1, с. 348].

Итак, на определенных исторических этапах идеологии служили инструментом выживания групп и обществ, удовлетворяя функциональную потребность человеческой психики в групповой аффилиации и приобретении индивидуального чувства защищенности. На этом основании путем символизации кристаллизовалось и цементировалось важное психологическое качество – групповой фаворитизм, в свою очередь эффективно способствовавший воспроизводству идеологии на последующих ступенях социокультурной эволюции. По словам А.П. Назаретяна, максимального эффекта этот механизм достигал в условиях вооруженных конфликтов. «Бессознательное стремление к острым амбивалентным переживаниям, возбуждаемым в атмосфере вооруженного конфликта, настолько глубоко вплетено в эмоциональную ткань, что все формы замещающей активности, созданные культурой (искусство, ритуалы, спорт), до сих пор могли лишь временно тормозить его актуализацию. Рано или поздно усиливается тяга к страстям “не понарошку”, и люди ищут пути их “рационализации”» [1, с. 355].

⁸ Хрестоматийным в этом плане считается карго-культ (иначе – религия самолетопоклонников) – комплекс верований среди островитян Меланезии, зародившийся на основе обожествления аборигенами самолетов и парашютов, доставлявших провиант для американских солдат в период Второй мировой войны.

Однако такой подход, основанный на создании идеологии, на современном этапе развития техногенной цивилизации, все более погружающейся в глобальный кризис, оказывается не только контрпродуктивен, но и чреват экзистенциальными угрозами. Так, в условиях поликонфессиональных и полиэтничных обществ актуализация религиозных и этнических идеологий при определенных обстоятельствах или целенаправленном задействовании инструментов управления может обернуться не просто ростом внутренней напряженности, но и открытыми конфликтами по сценарию «все против всех»⁹. История и современность человечества в целом и нашей страны в частности имеет внушительный анамнез подобных трагических примеров. По словам А.П. Назаретяна, ситуация усугубляется еще и тем, что, согласно закону отсроченной дисфункции¹⁰, прежнее средство психической и социальной адаптации на новом этапе исторического развития неизбежно оборачивается дисфункциональными эффектами, которые уже сегодня можно воочию наблюдать на мировой арене [1]. Неустойчивость идеологического подхода подкрепляется и расшатывающим воздействием «знания массового поражения», когда под влиянием потоков информации индивидуальное линейное мышление сменяется мышлением мозаичным. Мозаичность имеет массу имплицитных и эксплицитных эффектов. Но никто не станет отрицать тот факт, что оно заметно повышает уровень критичности сознания – не научно ориентированного, однако, а скорее мифологического. В этих условиях удержание массового сознания в рамках избранной идеологической модели становится недостижимой целью, тогда как фрагментация мировоззренческого пространства социума – явлением неизбежным.

Выводы

Таким образом, сегодня перед человечеством стоит задача выработки неидеологической и неконфронтационной по своей сути мировоззренческой парадигмы, избавленной от тяжелого наследия прошлого. Потребность в этом диктуется не только и не столько субъективным осознанием глобальности происходящих перемен, но и возрастающей вероятностью наступления их последствий. А.П. Назаретян обозначил такую вероятность как острую «проблему стратегического смыслообразования» [1, с. 360].

Примечательно, что решение этой задачи ученый связывал именно с Россией. В своих работах, в том числе и в последние годы, А.П. Назаретян не единожды отмечал, что, несмотря на разрушение биполярной системы и постепенную переориентацию ряда стран на концепцию «многополярности», согласно имеющимся данным, коллективный менталитет продолжает оставаться двухполюсным. Очевидно, что и на этом уровне в основе закономерности лежат глубинные психические механизмы, на которые обратил внимание еще французский антро-

⁹ Примечательно, что на этот факт традиционно пристальное внимание обращают и специалисты-этнологи, в чьи задачи входит изучение обозначенного явления и разработка противодействующих мер. См., напр., [11].

¹⁰ В синергетической модели считается, что монотонное наращивание антиэнтропийной активности накапливает разрушительные эффекты в среде, и рано или поздно прежние механизмы жизнеобеспечения становятся контрпродуктивными. Исходя из этого, закон отсроченной дисфункции гласит, что такая критическая фаза обязательно наступает и дальнейшая судьба неравновесной системы зависит от того, насколько она готова к изменениям. Если при обострении эндоэкогенного кризиса система не имеет возможности сменить среду обитания, то она либо разрушается, либо вырабатывает антиэнтропийные механизмы с более высокой удельной продуктивностью (величиной полезного эффекта на единицу разрушений). Последнее всегда требует радикального роста организационной сложности и «интеллектуальности» [12].

полог К. Леви-Стросс, обозначивший их как «бинарные оппозиции». Природа, как известно, не терпит пустоты.

Вместе с тем ориентация России в текущих условиях на ретроспективные мировоззренческие модели хотя и может иметь некоторый эффект, но ситуативный, временный и разве что оборонительного характера. Такой подход принципиально не годится для экспорта за пределы исторической территории страны и уж тем более не может претендовать на статус наступательного¹¹.

Отметим, что А.П. Назаретян в содружестве с видными учеными работал над указанной проблемой, оставив потомкам значительный задел в этом направлении. Обозначенному вопросу, без сомнения, должна быть посвящена специальная статья. Ключевым же инструментом принципиально нового смыслообразующего подхода ученый видел научное мировоззрение и выход значительного числа наиболее активной и «пассионарной» части социума на плато рационального мировосприятия путем последовательной научно-ориентированной воспитательной и образовательной политики государства. Таким образом, по мнению А.П. Назаретяна, должен быть осуществлен перелом наметившейся тенденции архаизации массового сознания и отката в историческое прошлое [1].

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Литература

1. Назаретян А.П. Нелинейное будущее. Меганстория, синергетика, культурная антропология и психология в глобальном прогнозировании. М.: Аргамак-Медиа, 2015. 508 с.
2. Дьяконов И.М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М.: Восточ. литература, 1994. 382 с.
3. Эволюция: Эволюционные грани сингулярности / Отв. ред. Л.Е. Гринин, А.В. Коротаев. Волгоград: Учитель, 2020. 416 с.
4. Уайт Л.А. Энергия и эволюция культуры // Вопросы социальной теории. 2017. Т. 9. С. 39–63.
5. Назаретян А.П. Смыслообразование как глобальная проблема современности: синергетический взгляд // Вопросы философии. 2009. № 5. С. 3–19.
6. Харрис С. Конец веры: религия, террор и будущее разума: пер. с англ. М.И. Завалова. М.: Эксмо, 2011. 483 с.
7. Mirkovic A. The real end of history // From Big Bang to Galactic Civilizations: A Big History Anthology / Rodrigue B., Grinin L., Korotayev A. (Eds.). Pt. III: Big history as an active life position. V. 1: Our place in the Universe. Delhi: Primus Books, 2015. P. 188–208.
8. Назаретян А.П. Блеск и нищета биоцентрической экологии: к 50-летию Римского клуба // Историческая психология и социология истории. 2018. Т. 11, № 1. С. 5–38.
9. Singularity Hypotheses. A Scientific and Philosophical Assessment / A.H. Eden, J.H. Moor, J.H. Søraker and E. Steinhart (Eds.). Ser.: The Frontiers Collection. Berlin, Heidelberg, Springer, 2012. 441 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-642-32560-1>.
10. Joy B. Why the future doesn't need us // Wired. Apr. 1, 2000. URL: <https://www.csun.edu/~vcspsc00g/454/joyfuture.html>, свободный.

¹¹ Вспомним, что тот же СССР достиг вершины своего международного авторитета и влияния, оперируя принципами интернационализма.

11. Тишков В.А., Шабает Ю.П. Этнополитология: Политические функции этничности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2019. 416 с.
12. Человек как субъект и объект медиапсихологии / А.Г. Асмолов и др.; отв. ред.: Е.Л. Варганова и др. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2011. 823 с.

Поступила в редакцию 15.01.2024

Принята к публикации 20.03.2024

Хохлов Александр Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры антропологии и этнографии

Казанский (Приволжский) федеральный университет
ул. Кремлёвская, д. 18, г. Казань, 420008, Россия
E-mail: *Kazan_molodezh@mail.ru*

Пинкин Александр Анатольевич, независимый исследователь

г. Севастополь, 299057, Россия
E-mail: *alek-s@list.ru*

ISSN 2541-7738 (Print)

ISSN 2500-2171 (Online)

UCHENYE ZAPISKI KAZANSKOGO UNIVERSITETA. SERIYA GUMANITARNYE NAUKI
(Proceedings of Kazan University. Humanities Series)

2024, vol. 166, no. 2, pp. 223–233

ORIGINAL ARTICLE

doi: 10.26907/2541-7738.2024.2.223-233

Worldview and Ideology through the Eyes of “Comandante Akopo”

A.A. Khokhlov^{a}, A.A. Pinkin^{b**}*

^aKazan Federal University, Kazan, 420008 Russia

^bIndependent Researcher, Sevastopol, 299057 Russia

E-mail: **Kazan_molodezh@mail.ru, **alek-s@list.ru*

Received January 15, 2024; Accepted March 20, 2024

Abstract

This article reviews the legacy of Hakob Pogosovich Nazaretyan (1947–2019), a distinguished Russian scholar, with a focus on the ideologization of societies and meaning formation as the major challenges of our time. The concept of historical singularity, a phenomenon of planetary significance that shapes the emerging scenarios of today’s world landscape, is defined. The growing importance, both for the international community and Russians, of maintaining a balance between the technological and humanistic aspects of universal culture to effectively address the escalating global crisis is highlighted. Based on the analysis of H.P. Nazaretyan’s key works, the role of ideology in this process, its productive anti-entropic function in the past and counterproductivity in the present and future, is examined.

Keywords: crisis, ideology, confrontation, attractor, scenario, prospect, worldview, meaning formation

Conflicts of Interest. The authors declare no conflicts of interest.

References

1. Nazaretyan H.P. *Nelineinoe budushchee. Megaistoriya, sinergetika, kul’turnaya antropologiya i psikhologiya v global’nom prognozirovanii* [Nonlinear Future. Megahistory, Synergetics, Cultural Anthropology, and Psychology in Global Forecasting]. Moscow, Argamak-Media, 2015. 508 p. (In Russian)

2. D'yakonov I.M. *Puti istorii. Ot drevneishego cheloveka do nashikh dnei* [Historical Paths. From Archaic Humans until Now]. Moscow, Vost. Lit., 1994, 382 (In Russian)
3. Grinin L.E., Korotaev A.V. (Eds.) *Evolutsiya: Evolyutsionnye grani singulyarnosti* [Evolution: Evolutionary Constraints of Singularity]. Volgograd, Uchitel', 2020. 416 p. (In Russian)
4. White L.A. Energy and the evolution of culture. *Voprosy Sotsial'noi Teorii*, 2017, vol. 9, pp. 39–63. (In Russian)
5. Nazaretyan H.P. Meaning formation as a global problem of our time: A synergetic perspective. *Voprosy Filosofii*, 2009, no. 5, pp. 3–19. (In Russian)
6. Harris S. *Konets very: religiya, terror i budushchee razuma* [The End of Faith: Religion, Terror, and the Future of Reason]. Zavalova M.I. (Trans.). Moscow, Eksmo, 2011. 483 p. (In Russian)
7. Mirkovic A. The real end of history. In: Rodrigue B., Grinin L., Korotayev A. (Eds.) *From Big Bang to Galactic Civilizations: A Big History Anthology*. Pt. III: Big history as an active life position. Vol. 1: Our place in the Universe. An Introduction to big history. Delhi, Primus Books, 2015, pp. 188–208.
8. Nazaretyan A.P. The splendor and misery of biocentric ecology: On the 50th Anniversary of the Club of Rome. *Istoricheskaya Psikhologiya i Sotsiologiya Istorii*, 2018, vol. 11, pp. 5–38. (In Russian)
9. Eden A.H., Moor J.H., Søraaker J.H., Steinhart E. (Eds.). *Singularity Hypotheses. A Scientific and Philosophical Assessment*. Ser.: The Frontiers Collection. Berlin, Heidelberg, Springer, 2012. 441 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-642-32560-1>.
10. Joy B. Why the future doesn't need us. *Wired*, Apr. 1, 2000. URL: <https://www.csun.edu/~vcspc00g/454/joyfuture.html>.
11. Tishkov V.A., Shabaev Yu.P. *Etnopolitologiya: Politicheskie funktsii etnichnosti* [Ethnopolitology: Political Functions of Ethnicity]. Moscow, Izd. Mosk. Univ., 2019. 375 p. (In Russian)
12. Asmolov et al. *Chelovek kak sub"ekt i ob"ekt mediapsikhologii* [A Human as a Subject and Object of Media Psychology]. Vartanova E.L. et al. (Eds.). Moscow, MGU im. M.V. Lomonosova, 2011. 823 p. (In Russian)

Для цитирования: Хохлов А.А., Пинкин А.А. Мироззрение и идеология в прицеле «команданте Аकोпо» // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2024. Т. 166, кн. 2. С. 223–233. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.2.223-233>.

For citation: Khokhlov A.A., Pinkin A.A. Worldview and ideology through the eyes of “Comandante Akopo”. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2024, vol. 166, no. 2, pp. 223–233. <https://doi.org/10.26907/2541-7738.2024.2.223-233>. (In Russian)

